

КУЛЬТУРА МИРА

Том 13. Выпуск 1.

(№ 44)

Совет рецензентов издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений.
Зарегистрирован в 2013

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут не совпадать с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Культура мира» обязательна.
Рукописи рецензируются.

E-mail: izdanie-k@list.ru

ISSN 2949-2521

8 номеров в год

Сайт: <http://kultura-mira.ru>

Язык: русский, английский, испанский, китайский.

Адрес: 119034, Москва, Кропоткинский пер., д. 10, стр. 6а

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60x90/16. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 17,25

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор. Эксперт международных ассоциаций. Член Экспертной группы Совета при Президенте Российской Федерации.

Члены редколлегии

Зорин В.Ю. - доктор политических наук, профессор, член Совета по международным отношениям при Президенте Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти ИЭА имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Михайлова Н.В. - профессор кафедры политического анализа и управления, Российский университет дружбы народов, доктор политических наук.

Бирюков С.В. - доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Гюльзар Ибрагимова - доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Айлана Калиновна Кужугает - доктор культурологии, заведующая сектором культурологии Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, профессор кафедры философии Тувинского государственного университета, заслуженный работник образования Республики Тыва.

Ултургашева Н.Д. - доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заслуженный работник культуры Республики Тыва, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Санжеева Л.В. - доктор культурологии, доцент, профессор кафедры этнокультурологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена».

Савельев В.В. - заслуженный работник культуры Российской Федерации. Доктор философских наук.

Болотских Е.Г. - почетный член Российской Академии Художеств, Заслуженный художник Российской Федерации, Член Российского Союза Художников, Московского Союза Художников, Творческого Союза Художников России, Международного Художественного Фонда, Профессор Кафедры дизайна РГСАИ. Российская государственная специализированная академия искусств.

Кузнецова Т.Ф. - доктор философских наук. Профессор МГУ. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Грэм Стоуэрс - политолог, эксперт. Великобритания.

Омар Годинес Лансо - Академик. Академия художеств Российской Федерации.

Себастьян Хоппе - научный сотрудник, Институт восточноевропейских исследований, факультет политики, международных отношений. Свободный университет Берлина.

Долгенко А.Н. - доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, доцент. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Ивакин Г.А. - доктор исторических наук, профессор.

Ли Эрюн - кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Мануйлов Николай - вице-президент Межрегиональной общественной организации «Общество дружбы с Кубой».

Мурашко С.Ф. - Профессор, доцент. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Профессор кафедры русского и иностранных языков, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Наумова Г.Р. - доктор исторических наук. Профессор МГУ, член Академии «Философия хозяйства». Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Никашина Н.В. - кандидат филологических наук. Доцент кафедры теории и практики перевода Российского университета дружбы народов, эксперт, руководитель международной редакции журнала «Миссия Конфессий».

Пейчева А.А. - эксперт по международным отношениям и политической коммуникации (Болгария).

Терновая Л.О. - доктор исторических наук. Профессор МАДИ. Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет.

Хонали Курбонзода - доктор исторических наук. Профессор, ректор Государственного учреждения «Республиканский Институт Повышения Квалификации и Преподготовки Работников Сферы Образования», Таджикистан. Республиканский Институт Повышения Квалификации и Преподготовки Работников Сферы Образования.

Чапкин С.В. - заместитель главного редактора, почетный профессор Академии экологии и права.

Чжан Вэй - политолог, эксперт КНР.

Чжан Сяолин - доктор гуманитарных наук, доцент кафедры русского языка Института языков и культуры, Шанхайский политико-юридический университет.

Щупленков Н.О. - it-специалист-программист. Эксперт фонда поддержки межнациональной культуры и общественных международных отношений.

CULTURAL WORLD

Volume 13. Issue 1.

(№ 44)

Council of publications reviewers and the faculty members of leading universities.

Founded in 2013

The Council of Reviewers of the publishing house together with the teaching staff of leading universities:

The main criteria of our choosing materials for publishing is their high scientific level. The main principle of the publishing house is to accept pluralism of views if authors present their points of view in a well-argued manner. The author's view point does not have to coincide with the editors' view points.

The authors of submitted materials are responsible for the accuracy of facts, quotations, dates, events, geographical and proper names.

If you use any materials from the journal, you are to give a relevant reference to it.

All the submitted materials are reviewed.

E-mail: izdanie-k@list.ru

ISSN 2949-2521

8 issues per year

Website: <http://kultura-mira.ru>

Languages: Russian, English, Spanish, Chinese.

Address: 119034, Moscow, Kropotkinsky per., 10, building 6a

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x90

Copies: 500

Moscow 2025

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Professor. Member of the Expert Group of the Cossacks Council under the President of the Russian Federation.

Editorial Board

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, Member of the Council for Interethnic Relations under the President of the Russian Federation, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations, Mass Media and Government Authorities of the IEA named after N.N. Miklukho-Maclay RAS.

Mikhailova N.V., Professor of the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Political Science.

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Gülzar İbrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Türkiye Cumhuriyeti.

Aylana Kalinovna Kuzhuget, Doctor of Cultural Studies, Head of the Cultural Studies Sector of the Tuva Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research, Professor of the Philosophy Department of Tuva State University, Honored Educator of the Republic of Tuva.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture (Kemerovo State Institute of Culture), Honored Scientist of the Republic of Tuva, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

Sanzheeva L.V., Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Ethnology of the Russian State Pedagogical Herzen University.

Saveliev V.V., Honored Worker of Culture of the Russian Federation. Doctor of philosophical science.

Bolotskih E.G., Honored Member of the Russian Academy of Arts, Honored Artist of the Russian Federation, Member of the Russian Union of Artists, the Moscow Union of Artists, the Creative Union of Artists of Russia, the International Art Foundation, Professor of the Design Department of the Russian State University of Art and Design.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences. Professor of Lomonosov Moscow State University.

Graeme Stowers, Political expert (United Kingdom).

Omar Godinez Lanso, Academician. Russian Federation Academy of Arts.

Sebastian Hoppe, Research Associate, Institute for East European Studies, Department of Politics, International Relations. Freie Universität Berlin.

Chapkin S.V., Deputy Chief Editor, Honorary Professor of the Academy of Ecology and Law.

Chjan Vei, Political scientist, expert of China.

Dolgenko A.N., Doctor of philological sciences. Head of the Department of Russian and Foreign Languages, Associate Professor. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences. Professor, Rector of the “National Institute of professional development and training of educators”, Tajikistan.

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Professor.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi University of Finance and Economics(Nanchang, Jiangxi), China.

Manuylov Nikolay, Vice President of the Interregional Public Organization “Friendship Society with Cuba”.

Murashko S.F., Professor. Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Naumova G.R., Doctor of historical sciences. Professor of the Lomonosov Moscow State University, Member of the Academy «Philosophy of Economy».

Nikashina N.V., Associate Professor, the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, the Institute of Foreign Languages, The Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN).

Peichiva A.A., Expert on international relations and political communication (Bulgaria).

Schuplenkov N.O., it-specialist-programmer. Expert of the Foundation for the Support of Interethnic Culture and Public International Relations.

Ternovaya L.O., Doctor of historical Sciences. Professor of the Moscow Automobile and Road Construction University.

Zhang Xiaoling, Doctor of Humanities, Associate Professor of the Russian Language Department, Institute of Languages and Cultures, Shanghai University of Political Science and Law.

Содержание

Культурология

<i>Акулич Е.М., Филимонцева Е.В.</i> Специфика и возможности творческих (креативных) индустрий в культуре повседневности студенческой молодежи Тюменского региона.....	14
<i>Лукина А.Г.</i> Этнический код якутов в современном сценическом искусстве (на примере хореографического спектакля «Ситим» национального театра танца РС (я) имени С.А. Зверева).....	23
<i>Петрова С.И.</i> Кризис репрезентации в культуре: анализ проблемы.....	36
<i>Асигули Ахемула</i> Культурная коммуникация в Центральной Азии: сравнительный анализ уйгурских и узбекских пословиц.....	46
<i>Калинин В.В.</i> Военная символика как инструмент политического влияния.....	57
<i>Качковский С.С.</i> Вода, рептильные божества, первая жертва и коды мироздания: космогония догонов в контексте общемирового культурного наследия.....	63
<i>Лин Тун</i> К вопросу о распространении и влиянии идей конструктивизма на пластическое искусство Китая.....	76
<i>Сафонова Е.А.</i> Апробация действенности командообразования средствами квест-технологий.....	87

Савостьянова Л.В. Концепция «место памяти» Пьера Нора в деятельности современного российского музея.....	97
Лянь Лю Применение методов психологического анализа рисунков в просвещении студентов колледжей по вопросам психологического здоровья.....	110
Саратовский С.В. Мифологические аспекты дороги в русских народных сказках.....	121
Лян Чжэнминь Исследование орнамента Южного Вьетнама, как элемента художественной культуры государства Наньюэ.....	127

Политология

Гаврилюк Н.П., Деду Е.И. Механизмы правового регулирования положения меньшинств: от парижской конференции до Лиги Наций.....	144
Напсо М.Д., Агирбов Т.А. Русофобский дискурс нелиберальной идеологии.....	160
Филюшкина Д.В., Калабекова С.В. Влияние ксенофобии на межкультурные отношения: стратегии преодоления и интеграции.....	167
Саляхутдинов В.Ф. Структура и функции цифрового государства в современной России.....	175

Дорохова Н.А. Особенности международной торговли услугами Российской Федерации и США..... 180

Актуальные вопросы науки и инновации

Напсо М.Б., Агирбов Т.Р. К вопросу о современных стратегиях эскапизма..... 194

Даянова Д.П. О природе таланта. Через век – в современность..... 207

Гаврилюк Н.П., Сорочан В.В. Трансформация методологии полевых исследований в условиях цифровой среды..... 212

Констан Прива Яколи Европейский Союз сталкивается с проблемой новых требований интеграции со стороны стран-кандидатов..... 224

Фэн Шилинь Как визуальная коммуникация в новостях играет ведущую роль в межкультурной коммуникации..... 232

Чжан Кай, Невраева Н.Ю., Кабанов А.М., Пыркова Т.А., Яценко О.Ю. Влияние культурных различий между русским и китайским языками на машинный перевод..... 241

Констан Прива Яколи Субрегиональные организации, стоящие перед вызовами глобализации..... 247

Аннотации 256

Авторы 273

Contents

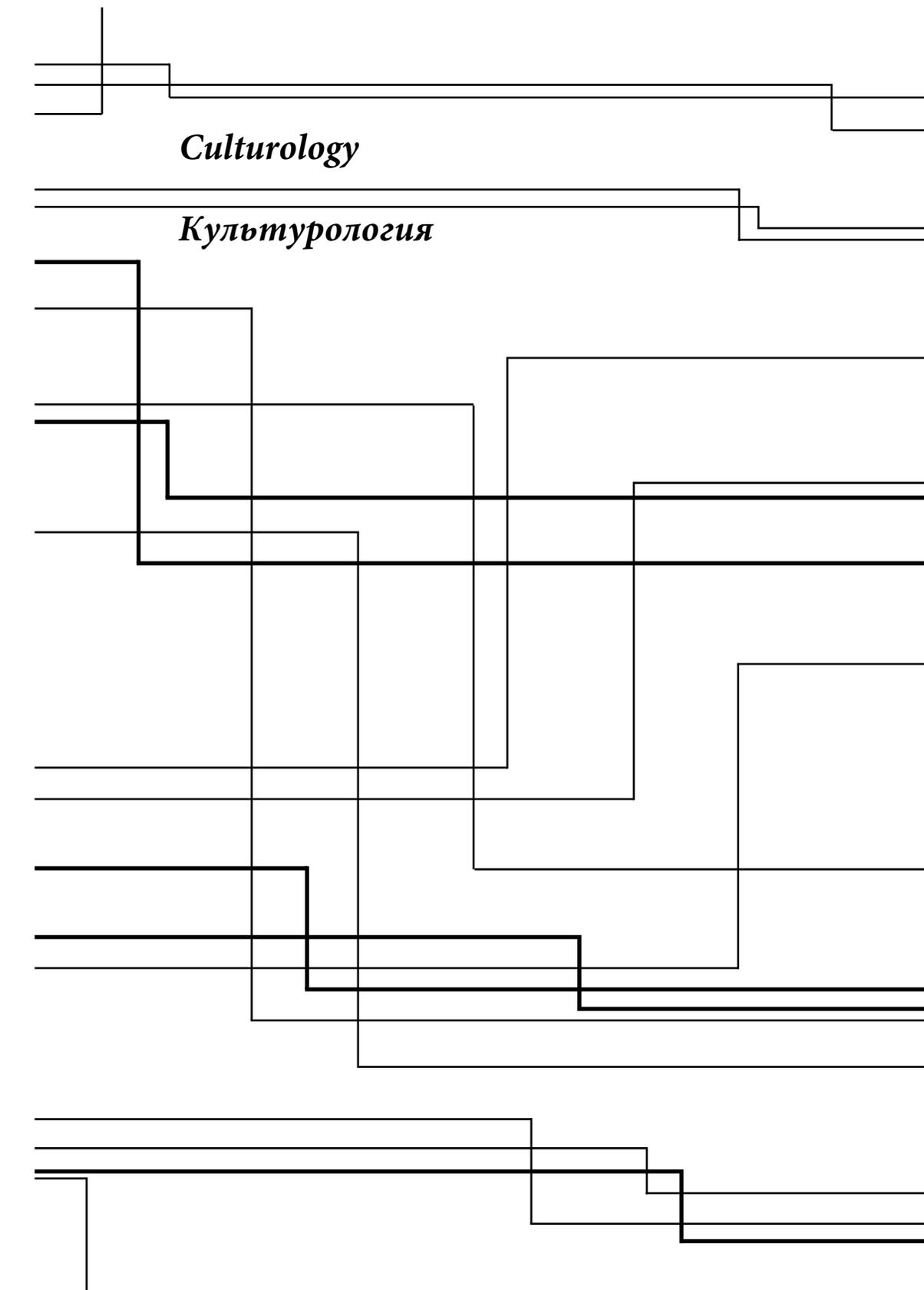
Culturology

Akulich E.M., Filimontseva E.V. Features of creation and development of creative (artistic) industries in education and culture of the Tyumen region.....	14
Lukina A.G. The ethnic code of Yakuts in modern stage art (on the example of the choreographic performance “Sitim” by the national dance theater of the republic of Sakha (Yakutia) named after S.A. Zverev).....	23
Petrova S.I. The crisis of representation in culture: an analysis of the problem.....	36
Asiguli Ahemula Central Asian cultural communication: a comparative study of Uyghur and uzbek proverbs.....	46
Kalinin V.V. Military symbols as a tool of political influence...	57
Kachkovskiy S.S. Water, reptilian deities, the first sacrifice and the codes of the universe: Dogon cosmogony in the context of global cultural heritage.....	63
Ling Tong On the issue of distribution and influence of constructivism on Chinese art.....	76
Safonova E.A. Testing the effectiveness of team building using quest technologies.....	87

Savostyanova L.V. The concept of Pierre Nora's «place of memory» in the activities of the modern Russian museums.....	97
Lian Liu The application of painting psychological analysis techniques in psychological health education for college students...	110
Saratovskii S.V. Mythological aspects of the road in Russian folk tales.....	121
Liang Zhenying A study of the ornament of South Vietnam as an element of the artistic culture of the state of Nanyue.....	127
<i>Political science</i>	
Gavrilyuk N.P., Dediu E.I. Mechanisms of legal regulation of the situation of minorities: from the Paris conference to the League of Nations.....	144
Napso M.D., Agirbov T.A. Russophobic discourse of neoliberal ideology.....	160
Filyushkina D.V., Kalabekova S.V. The impact of xenophobia on intercultural relations: coping and integration strategies.....	167
Salyakhutdinov V.F. The structure and functions of the digital state in modern Russia.....	175
Dorokhova N.A. The characteristics of export and import of services in the Russian Federation and the USA.....	180

Current issues of science and innovation

<i>Napso M.B., Agirbov T.R.</i> On the issue of modern escapism strategies.....	194
<i>Dayanova D.P.</i> About the nature of talent through the century to the present.....	207
<i>Gavrilyuk N.P., Sorochan V.V.</i> Transformation of field research methodology in the digital environment.....	212
<i>Konstan P.K.</i> The European Union faces new integration demands from candidate countries.....	224
<i>Feng Shilin</i> How visual communication in the news plays a leading role in intercultural communication.....	232
<i>Zhang Kai, Nevraeva N.Y., Kabanov A.M., Pyrkova T.A., Yatsenko O.Y.</i> The impact of cultural differences between Russian and Chinese on machine translation.....	241
<i>Konstan P.K.</i> Subregional organizations facing the challenges of globalization.....	247
Abstracts	265
Authors	275

Culturology

Культурология

Акулич Е.М.

Доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности, культурологии и социологии, декан факультета социально-культурных технологий. Тюменский государственный институт культуры, г. Тюмень.

Филимонцева Е.В.

Преподаватель. Тюменский государственный институт культуры, г. Тюмень.

Специфика и возможности творческих (креативных) индустрий в культуре повседневности студенческой молодежи Тюменского региона*

Аннотация. Творческие (креативные) индустрии все больше становятся своевременным потенциалом развития гуманитарного сектора экономики. Однако в Российской Федерации, несмотря на высокий уровень образованности, развития науки и богатое историческое, культурное наследие, доля творческих (креативных) индустрий в экономике страны составляет лишь 2,23 процента.

Возможности творческих (креативных) индустрий в культуре повседневности, образовании студенческой молодежи все больше привлекают будущих специалистов проектным обучением, разнообразными культурно-творческими практиками, социальными проектами и современными технологиями, образовательными траекториями профессионального развития.

Ключевые слова: концепция развития творческих (креативных) индустрий, тенденции развития, задачи и принципы развития творческих (креативных) индустрий, творческие индустрии для городского развития, образовательного и профессионально-творческого развития, креативные индустрии образования, проектное обучение, культура повседневности студенческой молодежи, культурные продукты, социальные проекты.

Akulich E.M.

Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Social and Cultural Activities, Cultural Studies and Sociology, Dean of the Faculty of Social and Cultural Technologies. Tyumen State Institute of Culture, Tyumen.

Filimontseva E.V.

Teacher. Tyumen State Institute of Culture, Tyumen.

* © Акулич Е.М., Филимонцева Е.В., 2025.

Специфика и возможности творческих (креативных) индустрий в культуре повседневности студенческой молодежи Тюменского региона

Features of creation and development of creative (artistic) industries in education and culture of the Tyumen region

Abstract. Creative industries are increasingly becoming a timely potential for the development of the humanitarian sector of the economy. However, in the Russian Federation, despite the high level of education, scientific development and rich historical and cultural heritage, the share of creative industries in the country's economy is only 2.23 percent.

The opportunities of creative industries in the culture of everyday life, the education of students is increasingly attracting future specialists with project training, a variety of cultural and creative practices, social projects and modern technologies, educational trajectories of professional development.

Key words: concept of the development of creative (creative) industries, development trends, tasks and principles of the development of creative (creative) industries; creative industries for urban development, educational and professional and creative development, creative industries of education, project training, culture of everyday life of students, cultural products, social projects.

Как известно, Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2021 года № 2613-р утверждена Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года [2]. Концепция, как отмечается в ее содержании, разработана в соответствии с учетом положений Основ государственной культурной политики, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [3] и других важнейших документов по научно-техническому и пространственному развитию Российской Федерации, утвержденных Указами Президента РФ и распоряжениями Правительства Российской Федерации.

Важно отметить возможности развития инвестиционных творческих (креативных) индустрий, в которых деятельность предприятий и учреждений направлена на создание и использование результатов творческой деятельности, преимущественно не связанных с конкретным способом производства. Локальные творческие (креативные) индустрии на территории региона способны деятельностью учреждений и предприятий создавать рабочие места, обустраивать и продвигать привлекательность конкретных территорий, в том числе туристской. Еще оно направление деятельности-творческое (креативное) предпринимательство заключается в экономической деятельности, направленной на получение прибыли за счет создания или использования результатов интеллектуальной деятельности и являющаяся платформой и ресурсом для формирования и развития творческих (креативных) индустрий.

Данный документ имеет прямое отношение и к отрасли культуры и сферы образования в отрасли культуры, являющимися субъектами творческих (креативных) индустрий.

«Реализация Концепции будет способствовать достижению следующих национальных целей развития Российской Федерации, определенных Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»: возможность для самореализации и развития талантов; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация» [2].

А 8 августа 2024 года Президент РФ В.В. Путин подписал Федеральный закон «О развитии креативных(творческих) индустрий в Российской Федерации» [4]. Среди целей настоящего Федерального закона значатся:

- «создание условий для самореализации граждан на основе использования творческого и интеллектуального потенциала, повышение уровня занятости граждан в сфере креативных(творческих) индустрий;
- поддержка образовательной деятельности и развития компетенций в сфере креативных (творческих) индустрий» и другие.

В статье 6 настоящего Федерального закона выделены такие креативных индустрий, как:» индустрии, основанные на историко-культурном наследии...», «индустрии, основанные на произведениях литературы и искусства...», результатах исполнительской деятельности...», «индустрии, основанные на прикладном творчестве...», которые самым прямым образом касаются образовательной и культурной сфер.

Понятие творческих (креативных) индустрий напрямую связано с особенностями конкретного региона, его национальной спецификой. Важно, чтобы в каждом регионе, в каждой территории были разработаны и реализовывались программы поддержки объектов творческих (креативных) индустрий, расширялась инфраструктура для творческого (креативного) предпринимательства и формирования устойчивых творческих (креативных) индустрий в каждой территории региона.

Тюменская область и город Тюмень, обладающий значительными возможностями для превращения в инновационный город мирового уровня в областях знаний, разработки инновационных продуктов, инновационных технологических производств, рынках, развития городской среды, способен системно развивать и поддерживать креативные индустрии в гуманитарном секторе экономики.

В Тюмени активно развивается отрасль культуры, в которой творческие (креативные) индустрии вносят существенный вклад в городское развитие, расширение культурной инфраструктуры города. Среди приоритетных направлений деятельности отрасли культуры Тюмени- эффективная организация деятельности и совершенствование учреждений культуры и

дополнительного образования, доступность и качество услуг в сфере творческих индустрий и реализации социально-культурных проектов, формирование кадровой политики, развитие государственно-частного партнерства. Перспективными в отрасли культуры Тюмени стали процессы, связанные с активным включением учреждений культуры в деятельность по развитию творческих (креативных) индустрий через переосмысление функциональности общественных пространств и создание новой культурной повестки города, повышение эстетического и содержательного качества культурных продуктов. Особое внимание уделяется разработке просветительских программ и проектов, способствующих единению жителей Тюмени на основе традиционных ценностей, сохранения исторического и культурного наследия города.

Специфика и возможности творческих (креативных) индустрий все больше затрагивает культуру повседневности студенческой молодежи, вовлекая будущих специалистов культуры в самые разнообразные формы и виды деятельности. По мнению студентов Тюменского государственного института культуры, культура повседневности, прежде всего, это «образ жизни и мышления людей, нравов, обычаев, верований, традиций, привычек, сознания (21,1%), «сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах» (19,86%). То, что творческие(креативные) индустрии должны предлагать в культуре повседневности молодежи виды деятельности, основанные на традиционных российских духовно-нравственных ценностях, отмечают 24% респондентов. А 35,04% опрошенных приветствуют такие разнообразные практики и виды деятельности, осуществляемые творческими (креативными) индустриями в культуре повседневности, как театральные спектакли, литературные произведения, оригинальные фестивали архитектурных проектов, авторских выставок, другие многообразные культурные продукты, а также изменения в инфраструктуре городской культурной среды и возможности образования через разработку социальных проектов и программ, внедрение современных технологий и индивидуальных траекторий образовательного и профессионально-творческого развития [5].

Образование в креативных индустриях – это особый пласт развития творческой личности, которой должны быть присущи такие качества, как умение принимать нестандартные решения и адаптироваться к современным ситуациям, компетентность, коммуникабельность, инициативность, творчество. Подготовка высокопрофессиональных специалистов для творческих(креативных) индустрий-важная задача Тюменского государственного института культуры.

Как определяет Е.П. Ильин, интегральной творческой способностью выступает креативность, которая являет собой умение индивида генери-

ровать незаурядные мысли, выбирать нетипичные ответы, отступать от общепринятых методов познания [1]. Специалист культуры, как профессионал, имеет четкие параметры признаков профессионального мастерства. Среди них: профессиональные знания, творческие способности, индивидуальные личностные качества специалиста. Достижения, умения и навыки специалиста сферы культуры всегда по-творчески индивидуальны. Синтез всех этих качеств и способностей является багажом профессионального мастерства работника культуры, необходимым для успешного решения задач государственно культурной политики. Именно современный работник отрасли культуры нуждается в приобретении уделяется разработке собственных духовных, морально-нравственных качеств для личности, в развитии потенциала в области интеллекта, эстетики, культурно-творческих способностей, межличностной коммуникации. Такие профессиональные навыки дает будущему специалисту культуры обучение в вузе.

На кафедре социально-культурной деятельности, культурологии и социологии факультета социально-культурных технологий ТГИК сложилась система практико-ориентированного обучения студентов на основе проектного подхода. Разработанная Минобрнауки РФ в 2017 году модель реализации практико-ориентированных программ, предполагающих командное выполнение проектов полного жизненного цикла, нацеливает образовательные программы вузов всех профилей на необходимость включения практико-ориентированных компонентов обучения студентов. Проект, в частности, поможет в трудоустройстве выпускников вуза по избранной специальности.

Под проектной нами понимается деятельность, в ходе которой разрабатывается и реализуется образовательная программа, целью которой является освоение единых для всех обучающихся определенных знаний, умений, навыков, компетенций в условиях разработки и реализации авторского социокультурного проекта с заданной целью, определением основных показателей и его эффективностью. Среди отличительных черт проектного подхода в практико-ориентированном образовании мы выделяем такие: конкретную цель, уникальность которой учитывается наработанной кафедрой опытом подготовки специалистов культуры; состав участников проекта, каждый из которых имеет четко определенные обязанности, направленные на выполнение цели проекта; конкретные сроки от идеи до реализации (внедрения) социокультурного проекта; средства, формы и методы (технологии) реализации проекта, а также различные ресурсы для его реализации, в том числе бизнес-план; систему динамического управления проектом, позволяющего гибко учитывать полученные в ходе подготовки и реализации результаты и оперативно реагировать на изменяющиеся условия внешней среды. Внедрение практико-ориентиро-

ванного проектного подхода в учебный процесс обусловлено необходимостью поиска в условиях меняющегося образовательного вектора инновационных, адекватных запросу общества образовательных технологий. Этот процесс требует включения особого, «социально-культурного» компонента в процесс обучения, среди них и развитие новых методик образования, инновационных педагогических технологий, ориентированных на индивидуальное развитие личности студента, формирование универсального умения решать профессиональные задачи.

Перед высшим образовательным заведением современного типа стоит еще одна важная задача- обеспечение полноценного развития личности будущего специалиста, раскрытие профессионально-творческого потенциала студента. В вузе культуры эта задача имеет особое значение. В процессе профессиональной подготовки студент должен научиться самостоятельно реализовывать свои идеи, безграничные возможности которых открывает творчество. Творческая деятельность способствует появлению у будущего специалиста чувства самореализации, воплощению в реальность его собственных идей, направленных на создание чего-то нового, актуального. Таким образом, в процессе учебной (профессиональной) деятельности формируется навык учения, в процессе творческой деятельности формируется способность искать и находить новые, нестандартные решения для достижения требуемого результата.

Анализ содержания проектного подхода в управлении учебным процессом в вузе культуры, полученные результаты на протяжении последних 10 лет, позволяют сделать вывод о том, что студент в ходе учебы овладевает технологией проектного обучения от момента включенности в проектный процесс (с 1 курса) до момента получения конечного результата, достижения конечной цели- внедрения проекта жизнь.

Мы рассматриваем проектную деятельность в вузе, как универсальный научно-технический, социально-культурный тип деятельности. Для проектирования свойственна ориентация на реализацию проекта в определенных материальных, технологических и организационных условиях. Проектная деятельность, реализуемая на кафедре, транслирует профессиональные знания, навыки и умения в реальные процессы. Освоение технологий проектирования как части образовательной программы студента вуза культуры является и методом формирования профессиональных компетенций специалиста. Проектный метод учит студента уметь принимать верное управленческое решение, позволяет управлять командой, учиться делегированию полномочий, учит основам самоджменента, самореализации. Суть его в том, что студенты направления социально-культурная деятельность, всех уровней подготовки: как среднего профессионального, так и высшего образования, с первого года обучения участвуют в разработке и внедрении социально-культурных про-

ектов институтского, всероссийского, международного уровней, сочетая при этом теоретическую и практическую подготовку в ходе производственных практик. На основе проектного подхода деятельность творческого коллектива будет всегда иметь успех, так как коллективная работа имеет четкие границы, способствует распределению обязанностей между членами группы, установке общих целей, критериев их достижения, выявлению и устранению рисков, все это повышает эффективность деятельности проекта.

В составе творческих проектных групп студенты ТГИК выполняют все функции участников и организаторов проектов, по принципу: от идеи до реализации, являясь как рядовыми участниками, так и руководителями проектов. Студенты старших курсов, зарекомендовавшие себя на разных уровнях подготовки и проведения проектов на младших курсах, получают право самостоятельно создать творческую команду, и в качестве продюсера организовать проект всероссийского или международного уровней. Так проходят в последние годы наши авторские проекты: Всероссийский конкурс профессиональной презентации студентов «Я-менеджер культуры!» и Международный конкурс искусства, культуры и творчества «Пассионарии культуры» и другие. В 2020 году стартовали новые и уже опробованные проекты в новом формате: Всероссийский Тюменский форум творческой молодежи и студентов «Пассионарии культуры» включил в себя 2 действующих проекта: художественно-творческий в форме «Международного конкурса искусств, культуры и творчества» и проектно-творческий - в форме Всероссийского фестиваля-конкурса профессиональной презентации студентов и молодых специалистов культуры «Я-менеджер культуры!», в рамках которого проводятся стратегические сессии, студенческий стартап проектов, разнообразные профессионально-творческие программы и конкурсы.

Новые культурные практики в творческих (креативных) индустриях Тюменского региона по-прежнему в центре проектно-творческой деятельности студентов и преподавателей кафедры и факультета. В октябре 2021 года кафедрой и факультетом начат совместно с Общественной палатой Тюменской области культурно-познавательный проект «Культурные годы Тюменской земли», в рамках которого ежемесячно проходят встречи и презентации трудов известных деятелей культуры искусства региона. Гражданско-патриотический проект кафедры и всего института - концерт-плакат «Путь к Победе», разработанный и проведенный дважды (в декабре 2023 года и ноябре 2024 года) по многочисленным просьбам образовательных и ветеранских организаций, и посвященный уроженцу тюменской земли, воспитаннику тюменского комсомола, генерал-лейтенанту, руководителю внешней разведки Советского Союза в 1939-1946 гг.-Павлу Михайловичу Фитину, стал креативной формой

художественно-творческого воплощения жизни и подвига знаменитого разведчика, чье имя стало широко известным только в 2010 года, настолько он был засекречен. Выпускники вуза, прошедшие проектную подготовку, как правило, успешнее трудоустраиваются, участвуют в дальнейшей самопрезентации, используя навыки самоменеджмента, стремятся продолжать обучение в магистратуре, получают возможность карьерного роста в различных структурах социально-культурной сферы.

Накопленный на кафедре и на факультете опыт подготовки специалистов культуры через практико-ориентированное обучение на основе проектного подхода, участие в разработке и реализации проектов творческих(креативных) индустрий, разносторонняя воспитательная работа с обучающимися по формированию традиционных российских духовно-нравственных ценностей, позволяет исследовать и прогнозировать дальнейшую востребованность выпускников вуза в условиях реализации мер государственной культурной политики по созданию качественно новой модели формирования нравственной, ответственной, самостоятельно мыслящей, творческой личности.

Это привело в 2023 году к необходимости организации при кафедре научно-творческой лаборатории патриотической культуры, сотрудники которой изучают и организуют системную работу по изучению культуры повседневности студентов, их культурных и гражданско-патриотических запросов и интересов, в том числе в условиях творческих (креативных) индустрий, проводят научные форумы, социологические исследования.

Среди задач научно-творческой лаборатории патриотической культуры- изучение возможностей по созданию доступной и территориально равномерной инфраструктуры для творческих(креативных) индустрий в культуре повседневности студенческой молодежи, обеспечивающую творческую самореализацию и трудоустройство в секторе творческих(креативных) индустрий выпускников вузов.

Тюменский регион имеет большие возможности для реализации этих планов.

Библиографический список

1. Ильин Е.П. Психология креатива / Е.П. Ильин. – Санкт-Петербург: Питер, 2012. 448 с.
2. Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года, утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.09.2021 № 2613-р. // URL: <http://government.ru/docs/all/136723/> (Дата обращения: 29.09.2021).
3. Основы государственной культурной политики, утв. Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808. // URL: <http://www.folkcentr.ru/wp-content/uploads/2017/03/%D0%9E%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B-%D0%93%D0%9A%D0%9F.pdf> (Дата обращения: 29.09.2021).
4. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих)

индустрий в Российской Федерации». Принят Государственной Думой 30 июля 2024 года. Одобрен Советом Федерации 2 августа 2024 года.

5. Культурные и духовно-нравственные потребности и приоритеты населения Тюменской области в культуре повседневности: место и роль традиций и исторической памяти: материалы социологического исследования Тюменского государственного института и Общественной палаты Тюменской области под руководством проф. Акулича Е.М. – Тюмень, научно-творческая лаборатория патриотической культуры ФСКТ ТГИК. Март, 2024. 102 с.

References

1. Ilyin E.P. Psychology of creativity / E.P. Ilyin. – St. Petersburg: Piter, 2012. 448 p.
2. The concept of development of creative industries and mechanisms for implementing their state support in large and largest urban agglomerations until 2030, approved. by Order of the Government of the Russian Federation of 20.09.2021 No. 2613-r. // URL: <http://government.ru/docs/all/136723/> (29.09.2021).
3. Fundamentals of state cultural policy, approved. By Decree of the President of the Russian Federation of 24.12.2014 № 808. // URL: <http://www.folkcentr.ru/wp-content/uploads/2017/03/%D0%9E%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B-%D0%93%D0%9A%D0%9F.pdf> (29.09.2021).
4. Federal Law of August 8, 2024 No. 330-FZ “On the Development of Creative Industries in the Russian Federation”. Adopted by the State Duma on July 30, 2024. Approved by the Federation Council on August 2, 2024.
5. Cultural and spiritual-moral needs and priorities of the population of the Tyumen region in the culture of everyday life: the place and role of traditions and historical memory: materials of a sociological study of the Tyumen State Institute and the Public Chamber of the Tyumen Region under the guidance of prof. Akulich E.M. – Tyumen, scientific and creative laboratory of patriotic culture of the Federal State Budgetary Institution of Culture of the Tyumen State Institute of Culture. March, 2024. 102 p.

Лукина А.Г.

Доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств Российской Федерации. Арктический государственный институт культуры и искусств, Якутск.

Этнический код якутов в современном сценическом искусстве (на примере хореографического спектакля «Ситим» национального театра танца РС (Я) имени С.А. Зверева)*

Аннотация. Актуальность темы обусловлена тем, что в ходе интенсификации глобализационных процессов культурное наследие, в том числе и танцевальная культура многих народов, стоят перед угрозой исчезновения. Особенно уязвимы традиционное культурное наследие коренных малочисленных народов Севера. В данное время прослеживается утрата традиционных черт этнической культуры, нивелируются этнические коды, трансформируются существенные элементы традиционной культуры.

Актуальность данной темы сопряжена и с тем, что до сих пор недостаточно полно разработаны концептуальные подходы к изучению проблем взаимодействия и взаимовлияния традиционной культуры и современного сценического искусства.

В статье речь идет об инновациях, внедренных в хореографическом спектакле «Ситим» Национального театра танца Республики Саха (Якутии) имени С.А. Зверева–Кыыл Уола.

В искусствоведении недостаточно изучены и разработаны вопросы инновации в языке этнического танца. Не разработаны механизмы внедрения культурных кодов, смыслов, идей в сценические формы современного театра. Включение этнических кодов в современное сценическое искусство обогатит его новыми смыслами. Проводится анализ сегментирования в структуру спектакля этнического кода, разработка концептуальных подходов к сценической интерпретации.

Ключевые слова: традиции, культура, сохранение, новации, спектакль, хореография, фольклор, танец, образ, идея, смыслы, танцевальная лексика, код, интерпретация.

Lukina A.G.

Doctor of Art History, Professor of Choreography Chair, Honored man of art, Arctic State Institute of Arts and Culture, Yakutsk.

* © Лукина А.Г., 2025.

Этнический код якутов в современном сценическом искусстве (на примере хореографического спектакля «Ситим» национального театра танца РС (Я) имени С.А. Зверева)*

The ethnic code of Yakuts in modern stage art (on the example of the choreographic performance “Sitim” by the national dance theater of the republic of Sakha (Yakutia) named after S.A. Zverev)

Abstract. The topic is relevant because cultural heritage, including the dance culture of many peoples, is facing the threat of extinction as globalization processes become more intense. Especially vulnerable is the traditional cultural heritage of small indigenous peoples of the North. Currently, the loss of traditional features of ethnic culture can be traced, ethnic codes are leveled, essential elements of traditional culture are transformed.

The relevance of this topic is also associated with the fact that conceptual approaches to the study of the problems of interaction and mutual influence of traditional culture and modern stage art are still not fully developed.

The article deals with the innovations introduced in the choreographic performance “Sitim” of the National Dance Theater of the Republic of Sakha (Yakutia) named after S.A. Zverev-Kyyl Uola.

The issues of innovation in the language of ethnic dance are insufficiently studied and developed in art history. The mechanisms of introducing cultural codes, meanings, ideas into the stage forms of modern theater have not been developed. The inclusion of ethnic codes in modern stage art will enrich it with new meanings. We analyze the segmentation of ethnic codes into the structure of the performance and develop conceptual approaches to stage interpretation.

Key words: traditions, culture, preservation, innovations, spectacle, choreography, folklore, dance, image, idea, notions, dance lexicon, code, interpretation.

Введение

Национальный театр танца Республики Саха (Якутии) имени С.А. Зверева–Кыыл Уола особое внимание уделяет созданию современных сценических интерпретаций, основанных на традиционных сюжетах, темах, мотивах. В статье проводится анализ сегментирования этнического кода в структуру современного сценического спектакля.

Фольклорное наследие коренных народов Севера является основным источником идей и смыслов. Время диктует концептуальный и конструктивный подход к культурному наследию. В традиционных формах фольклора концентрируются культурные коды этноса. Активное включение культурных кодов традиционного наследия в современное искусство является одним из самых действенных способов восстановления и обновления традиционных культурных смыслов и идей. Задействование традиционных ценностей в структуре современного сценического искусства обогатит и углубит его новыми идеями. Интеграция традиционного и современного, использование традиционных сюжетов, мотивов в сценическом искусстве придаст им новые смыслы, новые образы, созвучные современности. При достаточной устойчивости стержня традиционной культуры в целом ей присущи подвижность, динамика, что позволяет ав-

торам создать новые смыслы и вносить новые идеи. Традиционные виды народного творчества являются основой для создания новых сценических произведений, созвучных духовным потребностям современного зрителя. Таким образом актуализируются и традиционные ценности.

В данной статье рассматриваются механизмы внедрения, встраивания традиционных идей, тем в структуру современного хореографического спектакля. «Ситим» Национального театра танца РС (Я) имени С.А. Зверева Республики Саха (Якутия) в постановке хореографа Олега Маркова. Премьера спектакля состоялась шестого июня 2023 года.

Методологическая основа исследования

Методологической основой исследования являются труды отечественных и зарубежных исследователей хореографического искусства, этнографии, фольклора, искусствоведения, культурологии, народной художественной культуры.

Принципы теоретического анализа эпоса, народной художественной культуры, знаковой символики этнокультурного наследия содержатся в трудах Э.В. Тейлора, Леви-Брюля, А.Д. К. Леви-Стросса, М.Ю. Лотмана, М. Элиаде, А.Ф. Лосева, А.К. Байбурина, К. Закса, Э. Канетти, С.Е. Малова, В.Я. Проппа, Л.С. Выготского, Б.Н. Путилова, В.М. Жирмунского и других.

Методологической основой являются труды исследователей этнографии, фольклора, теории и истории культуры, народной художественной культуры, археологии, искусствоведения таких как Я.И. Линденау, Р.К. Маак, В.Л. Серошевский, И.А. Худяков, Г.В. Ксенофонтов, В.И. Пухов, Н.В. Емельянов, А.С. Каргин, М. Каган, Л.М. Мосолова, Е.С. Новик, А.П. Окладников, Н.А. Бакланова, Г.П. Соколова, Э.Е. Алексеев, Н.А. Алексеев, А.И. Гоголев, Ю.И. Шейкин, Р.И. Бравина, Е.Н. Романова, О.Э. Добжанская и другие.

Методологической основой в изучении природы хореографического искусства стали научные труды Ж.Ж. Новера, Х. Эллиса, К. Закса, А. Волинского, С.Н. Худякова, М.М. Фокина, К.Я. Голейзовского, Р.В. Захарова, В.М. Красовской, С.С. Лисициан, Л.Д. Блок, Ю.А. Бахрушина, Ю.И. Слонимского, Т.А. Устиновой, Т.С. Ткаченко, Ю.М. Чурко, В.И. Уральской, М.Я. Жорницкой, Е.А. Королевой, А.Г. Лукиной, В.Н. Нилова, Г.Ф. Богданова, В.В. Ромм, С.Ф. Карабановой, О.Б. Буксиковой, Л.Е. Тимашевой, Н.А. Стручковой и других.

Обсуждение

В наше время современному театру необходимо осмысление традиционных идей, тем, сюжетов, поиск новых подходов, актуализация этнических кодов в сценическом искусстве. Время требует не только возродить и восстановить танцевальное наследие в его традиционных формах, но и

создать на его основе новые сценические произведения, сценические образы, концентрирующие новые культурные смыслы и идеи на основе кодов традиционной этнической культуры [1]. Обновление, возрождение и обогащение форм сценического хореографического искусства происходит с помощью внедрения в его структуру традиционных тем, сюжетов. Интеграция традиционного и современного необходима с учетом новых реалий, позиций современного общества.

Необходимо обновить идеи, структурировать их в современную реальность, осмыслить, сделать их максимально доступными для современного зрителя. Поиски новых механизмов гармоничного сочетания традиционного и современного в сценическом искусстве не должны прерываться во времени. Творческий процесс активизирует соприкосновение традиционного и современного, инициирует новые идеи, смыслы уже на уровне профессионального театра с его бесконечными возможностями интерпретаций. Время требует осмысления, осознания культурного наследия народов в новых формах и в новых образцах сценического искусства. Противопоставление традиционного и современного сродни сопротивлению мощному процессу национальной самоидентификации и самосознанию этноса. Традиционные ценности должны быть адаптированы на новом уровне с учетом перемен и изменений, происходящих в современном обществе. Время диктует пересмотр стереотипов по отношению к традиционным формам и жанрам традиционной культуры. Все ценное, важное, глубинное, содержательное, философское, что направлено на будущее и имеет меру полезности для всех народов, социума, страны, все это должно быть осмыслено на новом, высоком художественном уровне профессионального искусства. Это не говорит о том, что традиционные ценности, идеи уйдут или трансформируются до неузнаваемости. Речь идет об укреплении и возрождении традиционных идей и ценностей в новом качестве, в новых формах, об их максимальном «приближении» к современному человеку. По сути, речь о возрождении традиционных смыслов, тем на новом уровне и в новых формах. При этом беречь незабываемые ценности, сохранить самостоятельный статус традиционного народного художественного творчества в его неизменных, традиционных формах. Стабильность, устойчивость традиционных форм культурного наследия служит незабываемой опорой творческих поисков современных творцов, формирующих новые идеи, новые смыслы, новые образы. В искусстве традиционные ценности выступают в обновленном качестве и в новых формах. В этом проявляются непреходящие свойства искусства такие как цикличность, повторяемость его развития.

Но виды профессионального искусства не могут занять место народного художественного творчества, подменять их цели, задачи, функции, художественные особенности, ее роль и значимость в жизнедеятельности

народов. Подмены понятий изначально не должно быть. Замены традиционного только современным тоже не представляется возможным. Речь идет о гармоничной взаимосвязи, взаимовлиянии, взаимообусловленности традиционного и современного, расширении диапазона поисков и обогащения современного сценического искусства богатым наследием народного творчества. Сегодня недостаточно изучены механизмы сохранения, адаптации традиционных тем в современном сценическом искусстве. Между тем сценические формы хореографического искусства дают возможность сохранить традиционные идеи, сюжеты. Традиционные идеи не только могут стать источником создания новых произведений, но и стать толчком, стимулом возникновения новых идей, смыслов, символов. В этом плане невозможно переоценить потенциал традиций. Контент фольклорного наследия приобретает невообразимую свободу выражения в новых сценических интерпретациях через призму авторского прочтения и видения. Это один из путей трансляции культурного наследия народов через современное сценическое искусство. Активизируется поиск смыслов, созвучных новому времени. Идеи и смыслы приобретают второе дыхание. А это важно во времена духовного кризиса, в котором мы все пребываем под давлением глобализации и других факторов действительности. Другими словами, надо открыть традиционным идеям, смыслам, сюжетам, ключевым духовным ценностям зеленую дорогу в мир большого искусства. Проблема взаимовлияния традиционного и современного остается дискуссионной в силу недостаточной разработанности, глубокого изучения и анализа данной проблемы. Автор статьи не претендует на выявление всех сторон данной проблемы, но на конкретном примере анализирует существующие проблемы в соотношении традиционного и современного. Театр танца формирует новый взгляд на национальную музыку и этнический танец. Идет интенсивный поиск новых возможностей и в музыке, в хореографии.

Национальный театр танца РС (Я) имени С.А. Зверева прилагает большие усилия для того, чтобы бережно адаптировать и интерпретировать фольклорные мотивы в современных образцах музыкального и хореографического искусства [2].

В спектакли вводятся новации, активизируются поиски новых возможностей выразительного языка якутского народного танца. В музыке также идут поиски оригинальной интерпретации национальной музыки [3].

Авторы произведений ищут новые механизмы творческого внедрения традиционных сюжетов, фольклорных мотивов в современные хореографические спектакли [4]. Одним из успешных внедрений в структуру якутского эпоса стала хореографическая легенда «Ситим» (Связующая нить...) в постановке хореографа Олега Маркова (Санкт-Петербург).

Режиссер и постановщик Олег Марков максимально усилил идею преемственности, традиций в сочетании с элементами современной хо-

реографии. Автор удачно соединил архаичные идеи, мотивы сакрального места Ленских столбов с сюжетом якутского героического эпоса, с выразительными средствами современного танца. Балетмейстер применил не стандартные режиссерские ходы и балетмейстерские приемы, что позволило актуализировать идеи якутского эпоса. Спектакль вызвал у зрителей глубинные ассоциации с прибытием якутов на северные земли. Древние Ленские столбы воспринимались как хранитель истории предков. На этом фоне разворачивается ожившая легенда о сохранении рода, силе любви, торжестве добра над злом во имя процветания народа.

Иновации

Современный спектакль, в той или иной степени, концентрирует иновации. Каждый автор вносит в произведение что-то принципиально новое, обозначает заметный абрис нового. Новации могут быть ярко выраженными, ошеломляющими зрителей своей смелостью, дерзостью в противовес стереотипам. По силе воздействия, художественным особенностям, масштабам звучания идей новации могут быть разными. Но это всегда отход от стереотипов, стандарта, привычных способов понимания и восприятия явления. Иновации являются мощным толчком для развития, открытия нового в искусстве. Иновации в сценическом произведении почти всегда связаны с обновлением идей, тем, выразительных средств. Обновление может коснуться всех элементов или некоторых частей спектакля. Новации генерируют новые идеи, новые символы, что воспринимается как динамическое действие в результате чего возникают новые смыслы, новые сюжеты на основе консервативных традиционных ценностей. В искусстве и творчестве всегда прослеживается тяга к новому. Иновации являются мощным посылом для углубления смысла, идей.

Хореографический спектакль «Ситим» базируется на идеях якутского эпоса. Сохраняется основная идея якутского эпоса- торжество добра над злом. Новации внесены в хореографической лексике, образной трактовке, композиционном рисунке. Прослеживаются новая трактовка, акценты, новые подходы к архаичному эпосу. В этом проявляется авторское видение.

Можно выделить основные параметры авторского видения, которые говорят о новациях в хореографическом спектакле «Ситим»:

1. Сакральный код. Впервые на якутской сцене в сюжет хореографического спектакля внедрена тема сакрального для якутов культового места Ленских столбов, где многие тысячелетия совершались священнодействия, архаичные обряды, ритуалы. Здесь хранятся Ленские наскальные писаницы, на которых запечатлены знаменитые в мире науки «танцующие человечки», запечатленные во время отправления религиозных культов

бронзового века датированные II–I тысячелетием до н.э. Действо спектакля происходит на подножии Ленских писаниц. Это придает спектаклю особый смысл. Сакральная местность древних Ленских столбов позволило зрителю уловить связь прошлого с будущим. Ленские столбы Якутии, признаны ЮНЕСКО шедевром нематериального культурного наследия человечества. Священные места, уникальный природный ландшафт, сыгравшие важную роль в возникновении древнего искусства стали местом действия спектакля.

2. Этнический код. В структуре эпоса сохранены этнические коды и традиционные каноны, присущие народному творчеству якутов. Этническим кодом якутских традиционных танцев является их включенность в трехчастную концепцию мира. Концепция трех миров связана с верой в возможность непосредственной связи с Небом, божествами – айыы. Якутский эпосе сохранены ключевые идеи, концентрирующие принципы миропонимания, мироустройства якутов. В устойчивых эпических формулах сохраняется историческая, культурная память народа. Основным смыслом ключевых идей заключается в торжестве жизни, благополучии человечества, процветании жизни. Идея нерасторжимой связи трех миров актуализируется в формуле Природа – Человек – Космос [5]. В эпосе детально разработаны такие жизненно важные категории как добро, мир, счастье. Философско-мировоззренческие взгляды глубоко проникли в народное творчество, в том числе и в традиционную танцевальную культуру. Мифологическое сознание стало почвой для формирования трехчастной концепции мира [6]. Спектакль построен на представлениях трехчастного мира, стыке жизненных реалий и фантастики. Сюжет балета разворачивается в трех мирах – Верхнем светлом, чистом мире небес, обители божеств-айыы, Среднем мире, именуемом в эпосе миром распрей, противоречий, конфликтов, раздираемом между добром и злом, где обитают люди, и Нижнем мире, преисподней, обители абаасы — чудовищ, являющихся представителями хтонического зла, мрака, гибели. Три мира взаимосвязаны между собой, что позволяет злым силам свободно курсировать по ним [7]. Нижний мир представляет экзистенциальную опасность, угрозу жизни жителям Среднего мира. Опасность эта существует всегда. Противостояние добра и зла вечно.

О. Марков вносит новое понимание данной концепции, интерпретируя ее в хореографических образах, созданных на стыке традиционной и современной хореографии. Концепция борьбы добра и зла так ярко представлена в эпосе – олонхо является стержнем спектакля. Автор акцентирует квинтэссенцию добра, силу любви, победившей смерть и сохранившей человеческий род. Автор сумел найти оригинальные и неповторимые элементы танца и язык пластики. Язык танца в спектакле обогащен элементами современной хореографии, в новом ключе представлены элемен-

ты якутского традиционного танца.

3. Национальная музыка. Музыка композитора Яна Круля основана на интонациях, мелодике национальной музыки. Музыка отражает эпический характер сюжета. В самом спектакле стиль, характер музыки близка к лирико-психологическому жанру. Композитор ввел в музыку элементы минимализма. Музыкальная ткань прозрачна сродни зарождающейся любви героев. В ней прослеживаются элементы минимализма, что находит отражение и в хореографическом тексте. Интонационный рисунок музыки хрупкий, утонченный и задает тон героям балета. Особенно тонко в музыке отражены чувства и эмоции Комюс и Оксоку. Звуки академических, классических инструментов органично сливаются со звуками якутских национальных инструментов таких как кырыымпа, тансыр, хомус. Психологическая музыка второго действия воплощает агрессивную суть персонажей Нижнего мира. Интересным является включение в ней естественных, природных звуков. В музыке акцентированы тонкие нюансы, акценты на детали, что постоянно держит внимание зрителей. Музыка Яна Круля и хореография Олега Маркова создают утонченность, изящество, изысканность в образах и танцевальной лексике.

4. Креативность. Креативность в творчестве связана со способностью генерировать идеи, умением избегать стереотипов, стандартов, отойти от привычных шаблонов. О. Марков успешно реализовал сегментирование якутских традиционных танцев с современным танцем. С 40-х поставлен ряд якутских балетов с использованием элементов якутского традиционного танца в сочетании с элементами классического танца. [8] Креативность в искусстве связана с уникальностью видения автора. Это его индивидуальный угол зрения автора, его приоритетные подходы в произведении.

Спектакль «Ситим» стал одним из самых креативных спектаклей последних лет, поставленных на профессиональной сцене Якутии. Хореографический спектакль имеет свою неповторимую ауру. Спектакль О. Маркова во многом является инновационным, экспериментальным по своим художественным параметрам, эстетическим принципам.

«Ситим» представляет новую танцевальную музыку, новое хореографическое, режиссерское видение, новое прочтение традиционного, фольклорного материала. Автор выдвигает новую авторскую трактовку традиционной якутской танцевальной лексике, новый сюжет по мотивам эпоса, новые визуальные образы. Трактовка не противопоставляется традиционному смысловому контенту. Хореографическая легенда «Ситим», основанная на архаичную тему якутского эпоса стала современной версией и оригинальной интерпретацией традиционных этнических кодов. Особенно это касается выразительных средств, хореографического текста. Спектакль акцентирует современность во всех

параметрах художественного обобщения. Это новое прочтение традиционных эпических мотивов.

5. Хореографическая режиссура. Режиссура в балете занимает одно из главных мест. Название спектакля «Ситим» тоже является ключом для понимания содержания, смысла, кода спектакля. Это многосложное, многозначное, многомерное понятие. Ситим философское, глубинное понимание связей человека с жизнью, окружающим миром, природой, космосом частью которых является человек.

Олег Марков представил зрителю современное прочтение идей добра и зла так детально разработанного в якутском героическом эпосе – олонхо. Якутский эпос в 2005 году стал шедевром нематериальной культуры человечества под эгидой ЮНЕСКО. Сюжет спектакля построен на идее трехчастной концепции мира. Обитатели Нижнего мира разрушают жизнь людей Срединного мира. Главные герои парень Оксоку и девушка Кемюс стараются сохранить любовь. Обитатели Нижнего мира похищают девушку Кемюс с целью превратить ее в алмаз, тем самым уничтожить род людской. Оксоку отправляется с своими друзьями в Нижний мир, чтобы спасти свой род возлюбленную. Начинается борьба добра со злом. Оксоку вступает в неравный бой во имя спасения символа рода – Кемюс. Вся Природа, духи, шаманы, священные белые стерхи помогают Оксоку и его друзьям. Оксоку и его друзья – ботуры в Средний мир доставляют бездыханное тело Кемюс. Все обитатели Срединного мира танцуют якутский сакральный танец «Узор», оживляя и воскрешая Кемюс. Девушка оживает и торжествует жизнь в Срединном мире. Автор спектакля внес в спектакль новые элементы современной хореографии в органичном сочетании с элементами якутского традиционного танца. Языком танца передается экспрессия противостояния добра и зла. Образ девушки Кемюс трактуется как продолжательница рода. Ее смерть означала бы уничтожение человеческого рода. Впервые в якутской хореографии автор ввел в спектакль одно из самых сложных, архаичных понятий верования якутов – воскрешение человека. Это философское, религиозное воззрение древних якутов. Хореограф отошел от стандартных, тиражированных режиссерских приемов в постановке спектакля на основе эпоса. Ему удалось найти оптимальный баланс между традиционным якутским танцем и современным танцем. Спектакль представляет сложную, многовекторную архитектуру, состоящую из многих элементов театрального действия, развернутого вокруг единой, целостной драматургии, единого стержня идей и сюжетных линий. Это взгляд автора на проблему, его понимание конкретной ситуации, его философия, его восприятие образов, его мировоззренческие представления и многое другое.

6. Танцевальный язык и образы. Выразительные средства танца могут претерпевать значительные изменения в спектакле. В спекта-

кле «Ситим» традиционные элементы якутского танца не подвергались существенным изменениям благодаря бережному и тонкому подходу балетмейстера к проблемам слияния якутского танца с элементами современной хореографии. Казалось бы, такое слияние приведет к утрате национальных черт, художественных особенностей якутского танца. Автор бережно отнесся к традиционным представлениям якутов, их ментальности, психологии.

В хореографической легенде «Ситим» хореографу О. Маркову удалось внести инновации в сюжет, танцевальный язык, драматургию. Инновации не нарушили образный язык якутского танца. Постановщик опирался на традиционные идеи, сюжетные линии эпических образов. Прослеживается кропотливый отбор фольклорного материала. Основой постановочной работы должна быть идея, красной нитью, пронизывающая через весь спектакль, формирующая сюжета и танцевальную лексику. Автор либретто Вероника Кулагина и балетмейстер-постановщик Олег Марков к разработке замысла подошли серьезно и вдумчиво, вникая во все детали и нюансы фольклорного материала, создавая матрицу своего спектакля. В спектакле сохранились дух якутского танца, национальный колорит, традиционные ценности якутов. В сценическом произведении создание художественного образа — главная цель. В спектакле созданы яркие, интересные хореографические образы. Сложился красивый дуэт главных героев спектакля, возлюбленных Кемюс и Оксоку, отражающий всю глубину их чувств и переживаний. Олег Марков сочинил удивительно красивую оригинальную, изобилующую необычными движениями, элементами, воздушными поддержками, партерным танцем дуэт с использованием техники современного танца. Абсолютно органичный, гармоничный танец воспринимается как квинтэссенция торжества любви. Танцевальная лексика отличается утонченностью, изысканностью. Можно отметить лаконичность хореографического текста, что подчеркивает чистоту танца.

В спектакль введен мистический образ Духа реки Куох Боллох, который возвращает Оксоку его возлюбленную. Но то лишь призрак, молящий о спасении. Белые журавли, стерхи, защищают и покровительствуют юноше Оксоку. От соприкосновения с чудовищами кончики крыльев у стерхов чернеют. Стерхи указывают Оксоку и его друзьям путь к спасению. Сцена со стерхами одна из самых развернутых и красивых сцен в спектакле. Стерхи в эпосе являются символом чистоты и благородства. Это сакральный образ. Образы чудовищ Нижнего мира обрисованы в спектакле агрессивными, размашистыми, конвульсивными движениями. Танцевально-пластическая характеристика чудовищ соответствует их сущности — агрессивной, непредсказуемой, необузданной, несущей смерть беспощадной энергетикой. Пластика воинов-ботуров во главе

Оксоку, защищающей свой род и племя отличаются решительностью, экспрессией и динамикой. Битва Оксоку и его друзей с чудовищами Нижнего мира является одним из самых впечатляющих моментов столкновения двух диаметрально противоположных сил – добра и зла, в котором побеждает добро. Оксоку с друзьями возвращается в Средний мир с бездыханным телом своей возлюбленной. Народ встречает его, исполняет ритуальный танец «Узор», воскрешающий Кемюс. Якутский ритуальный танец «Узор» один из самых архаичных, философских и загадочных традиционных танцев якутов, воспевающий радость бытия. «Узор» в народе считается как танец, поправший смерть. Так он воспринимался народом в течение многих веков. В спектакле «Ситим» в трактовке О. Маркова танец стал одной из самых интересных трактовок якутского традиционного танца. В его постановке «Узор» передает всю глубину и драму воскрешения Кемюс, похищенной чудовищами. О. Марков сочинил удивительно красивые орнаментальные движения танца. Это танец о красоте, ценности жизни, любви и человеческого счастья на этой земле. В финале «Узор» переходит в живительный круговой танец осуохай — символ вечного круговорота жизни. Зрителю был представлена новая трактовка традиционного танца «Узор». Марковский «Узор» воспринимался как «танцующий» орнамент, символизирующий радость бытия. То же самое можно сказать и о танцах стерхов, кузнецов, всадников, шаманов. Минимализм, лаконичность, чистота танца, красота линий, поз, отсутствие лишних деталей, графичность являются ярким проявлением хореографии О. Маркова. Такой язык танца соответствует запросам современной молодежи.

Новизной является применение метода коллаборации различных хореографических жанров таких как народный, классический, современные направления танца. Такой прием вдохнула жизнь в утрачивающийся язык традиционного танца. В спектакле изобилует утонченные, изысканные элементы в органичном сочетании с элементами современного танца. Необычный хореографический текст завораживает своей утонченной эстетикой. Создает впечатление нескончаемого потока движений, кружевных, нежных композиций, напоминающих и хрупкости и зыбкости человеческой жизни, но настойчиво плетущих красивый узор жизни, навевающий надежду на счастье, любовь и благополучие.

Заключение

В современном мире большую актуальность обретает интеграция традиционных ценностей, тем и идей с различными формами сценического искусства. Сегментирование этнокультурных кодов в современное сценическое искусство углубляет смысловой контент сценических произведений, раскрывает творческие возможности авторов, максимально

приближает традиционные ценности современному зрителю, актуализирует духовные ценности созвучные современному времени. Фольклор, культурное наследие являющиеся квинтэссенцией этнического самосознания должны быть интегрированы в современное искусство, что может стимулировать развитие современного сценического искусства. При этом самостоятельность и значение форм традиционной культуры никак не утрачивается. Традиционные ценности должны быть задействованы в современном сценическом искусстве как ключевой элемент, обогащающий и актуализирующий традиционные ценности как общечеловеческого, так и локально этнического характера. Новации необходимы в любой сфере человеческой деятельности, в той числе и в сценическом искусстве. Новации генерируют новые идеи столь важные для развивающегося социума. Инновации являются двигателем развития. Каждое поколение формирует свои взгляды, интегрирует свои модели видения и понимания этого мира.

Это естественный процесс, стимулирующий развитие сценической хореографии. Новации не призваны нарушать структуру традиционных танцев и традиционные ценности. На основе традиционных тем и сюжетов создаются новые произведения созвучные времени. Главная идея хореографического спектакля «Ситим» торжество добра над злом. Героический эпос якутов стал основой генерирования новых идей в хореографическом спектакле «Ситим» в постановке Олега Маркова. Эпические коды отражаются языком танца, органично сочетающего традиционное и современное. Большой потенциал эпоса дает возможность раскрыть глубинные идеи языком танца в современном сценическом искусстве. В целом, хореографический спектакль «Ситим» стал одним из самых романтических и лирических версий якутского эпоса языком танца. Хореографический спектакль «Ситим» открыл новые грани якутского эпоса. Спектакль «Ситим» ознаменует новый этап творческих поисков адаптации и структурирования традиционного танца в структуру современного сценического искусства.

Фольклор, культурное наследие являющиеся квинтэссенцией этнического самосознания должны быть интегрированы в современное искусство, чтобы стать толчком для прорывного развития и формирования новых креативных идей, новых культурных смыслов в современном сценическом искусстве. С этими задачами успешно справились автор либретто В. Кулагина и балетмейстер О. Марков, сохраняя традиционные идеи, выдвигая новые культурные смыслы.

Библиографический список

1. Лукина А.Г. Традиционные танцы саха. Идеи, образы, лексика. – Новосибирск, Сибирская издательская фирма «Наука» РАН. 2004. С. 5, 7.

2. Национальный театр танца Республики Саха (Якутия) им. С.А. Зверева-Кыыл Уола / Автор идеи А.И. Алексеев. Авторы составители: Бессонова С.П., Томская А.И., В.Н. Черноградская. Редактор-составитель доктор искусствоведения И.С. Воробьев. – СПб.: Композитор, 2015. С. 705, 84.
3. Оркестр национальных инструментов Национального театра танца РС(Я) имени С.А. Зверева-Кыыл Уола. / Якутск, Изд. Алаас, 2023. С. 18-28
4. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. С. 402.
5. Элиаде М. Шаманизм. Архаическая техника экстаза. – Киев, 2000. С. 251-253.
6. Гоголев А.И. Мифологический мир якутов. Божества и духи – покровители. – Якутск, 1997. С. 3.
7. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. – М.: 1974. С. 108.
8. Жорницкая М.Я. Народные танцы Якутии. – М.: Изд-во «Наука», 1966. С. 168.

References

1. Lukina A.G. Traditional Sakha dances. Ideas, images, vocabulary. – Novosibirsk, Siberian publishing company “Nauka” RAS. 2004. P. 5, 7.
2. National Dance Theater of the Republic of Sakha (Yakutia) named after. S.A. Zvereva-Kyyl Wala / Author of the idea A.I. Alekseev. Authors and compilers: Bessonova S.P., Tomskaya A.I., V.N. Chernogradskaya. Editor-compiler: Doctor of Art History I.S. Vorobiev. – St. Petersburg: Composer, 2015. P. 705, 84.
3. Orchestra of National Instruments of the National Dance Theater of the Republic of Sakha (Yakutia) named after S.A. Zvereva-Kyyl Wala. / Yakutsk, Publishing house. Alaas, 2023. P. 18-28
4. Ergis G.U. Essays on Yakut folklore. – М.: Nauka, 1974. P. 402.
5. Eliade M. Shamanism. Archaic technique of ecstasy. – Kyiv, 2000. P. 251-253.
6. Gogolev A.I. Mythological world of the Yakuts. Deities and spirits are patrons. – Yakutsk, 1997. P. 3.
7. Ergis G.U. Essays on Yakut folklore. – М.: 1974. P. 108.
8. Zhornitskaya M.Ya. Folk dances of Yakutia. – М.: Publishing house “Nauka”, 1966. P. 168.

Петрова С.И.

Кандидат культурологии, доцент кафедры педагогики и межкультурных коммуникаций НАН ЧОУ ВО «Академия ИМСИТ» (Академия маркетинга и социально-информационных технологий).

Кризис репрезентации в культуре: анализ проблемы*

Аннотация. Кризис репрезентации в культуре - это ситуация, когда традиционные способы представления и интерпретации культурных явлений становятся недостаточными или неадекватными. Это влияет на развитие культуры в целом, ограничивая разнообразие творческих голосов и перспектив, что приводит к обеднению культурного ландшафта и снижению потенциала для инноваций и развития новых форм культурного самовыражения. В статье показывается, что кризис репрезентации в культуре является симптомом глубоких трансформаций, затрагивающих основы культурного самопознания и самовыражения социума. Это свидетельствует о том, что для преодоления кризиса репрезентации нужны системные изменения на всех уровнях учитывающий как технологические, так и социокультурные аспекты современного общества. Это долгосрочный процесс, требующий постоянного переосмысления и адаптации стратегий в соответствии с меняющимися условиями культурной среды.

Ключевые слова: культура, кризис, кризис репрезентации, среда, общество, процесс, СМИ.

Petrova S.I.

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor. Academy of Marketing and Social and Information Technologies.

The crisis of representation in culture: an analysis of the problem

Abstract. A crisis of representation in culture is a situation where traditional ways of representing and interpreting cultural phenomena become insufficient or inadequate. This affects the development of culture as a whole, limiting the diversity of creative voices and perspectives, which leads to an impoverishment of the cultural landscape and a decrease in the potential for innovation and the development of new forms of cultural expression. The article shows that the crisis of representation in culture is a symptom of profound transformations affecting the foundations of cultural self-knowledge and self-expression of society. This indicates that in order to overcome the crisis of representation, systemic changes are needed at all levels, taking into account both technological and socio-cultural aspects of modern society. This is a long-term process that requires constant rethinking and adaptation of strategies in accordance with the changing conditions of the cultural environment.

Key words: culture, crisis, crisis of representation, environment, society, process, mass media.

* © Петрова С.И., 2025.

Определить временные рамки кризиса репрезентации в культуре сложно, так как это комплексный и многоаспектный процесс, который развивался постепенно и по-разному проявляется в различных областях. Можно говорить о том, что предпосылки этого кризиса наметились ещё в XX веке, с развитием массовой культуры, усилением процессов глобализации и появлением новых медиа. Однако наиболее остро проблема репрезентации встала в последние десятилетия в контексте усиления социальных движений, борющихся за права меньшинств, равноправие и расширение представленности различных групп в культурном пространстве. Цифровизация и распространение социальных сетей сделали дискуссии о репрезентации более публичными и острыми, что позволяет говорить о начале XXI века как о периоде, когда кризис репрезентации в культуре проявился с наибольшей силой.

Важным фактором, обострившим кризис репрезентации, стало осознание ограниченности и предвзятости традиционных нарративов, доминировавших в культуре на протяжении долгого времени. Европоцентризм, колониализм, патриархат - эти и другие системы формировали искаженную картину мира, исключая из фокуса внимания опыт и голоса множества социальных групп, что порождало серьезные социальные последствия, которые затрагивают различные аспекты общественной жизни и влияют на формирование идентичности отдельных слоев населения. Недостаточное или неточное представление определенных социальных групп в медиа, искусстве и популярной культуре приводит к закреплению существующих стереотипов и предрассудков, что в свою очередь усиливает социальное неравенство и дискриминацию. Люди, не находящие отражения своего опыта и идентичности в культурном пространстве, часто испытывают чувство отчуждения, изоляции и неполноценности. Это может привести к снижению самооценки, психологическим проблемам и трудностям в социальной адаптации. Особенно остро эта проблема затрагивает молодое поколение, которое находится в процессе формирования собственной идентичности и мировоззрения. Отсутствие позитивных ролевых моделей и релевантных культурных референций может ограничивать их представления о собственных возможностях и потенциале. Кроме того, кризис репрезентации способствует поддержанию существующих властных иерархий и социальных барьеров, затрудняя социальную мобильность и препятствуя развитию инклюзивного общества. В экономическом плане это может приводить к недооценке потребностей и интересов определенных групп потребителей, что влияет на развитие рынков и бизнес-возможностей. В политической сфере недостаточная репрезентация может приводить к игнорированию интересов отдельных социальных групп при принятии важных решений и формировании государственной политики. Это создает замкнутый круг, где отсутствие представленности в культур-

ном пространстве ведет к уменьшению социального и политического влияния, что в свою очередь еще больше закрепляет маргинализацию.

На уровне межгрупповых отношений кризис репрезентации может способствовать усилению социальной напряженности, недопониманию между различными группами населения и затруднению межкультурного диалога. Отсутствие разнообразных и аутентичных репрезентаций различных социальных групп ограничивает возможности для развития эмпатии и взаимопонимания между людьми с разным социальным опытом. В долгосрочной перспективе это может привести к фрагментации общества и усилению социальных конфликтов. Кроме того, кризис репрезентации влияет на развитие культуры в целом, ограничивая разнообразие творческих голосов и перспектив, что приводит к обеднению культурного ландшафта и снижению потенциала для инноваций и развития новых форм культурного самовыражения.

Важно отметить, что кризис репрезентации не ограничивается только количественным присутствием разных групп в медиа. Не менее важна «качественная репрезентация», которая предполагает отказ от стереотипов и искаженных образов в пользу многогранных, реалистичных и аутентичных историй.

Кризис репрезентации в культуре - это ситуация, когда традиционные способы представления и интерпретации культурных явлений становятся недостаточными или неадекватными. Приведем несколько примеров такого кризиса. Так, происходит переосмысление классических художественных канонов. В постмодернистском искусстве художники часто подвергают сомнению и переосмысливают традиционные эстетические нормы, правила композиции, жанровые границы. Это создает ощущение кризиса привычных способов репрезентации. Последнее время феминистские и ЛГБТ движения бросают вызов традиционным представлениям о гендерных ролях и сексуальности, что ставит под вопрос устоявшиеся способы их культурного отображения. Происходящее столкновение различных культурных традиций и быстрая трансформация культурных ландшафтов затрудняют применение единых, универсальных моделей культурной репрезентации. Стоит упомянуть и о кризисе доверия к СМИ и распространение альтернативных медиа: возникновение новых медиаплатформ и подходов к предоставлению информации подрывает доверие к традиционным СМИ как источникам достоверных культурных репрезентаций. Развитие цифровых технологий и распространение виртуальной реальности создают новые формы культурной репрезентации, которые подвергают ревизии границы между реальным и воображаемым. Постколониальные теории игнорируют традиционные способы представления и интерпретации культуры, которые основывались на европоцентричных взглядах и игнорировали или искажали опыт немодернизированных об-

ществ. Возрастающее культурное разнообразие и голоса маргинализированных групп (этнических, религиозных, сексуальных меньшинств и т.д.) бросают вызов монокультурным репрезентациям, требуя большей инклюзивности и справедливого отображения.

Переосмысление места человека в природе и осознание экологических проблем ставят под сомнение традиционные антропоцентричные модели культурной репрезентации, требуя более экологических подходов. Распространение новых медиа, алгоритмических систем, искусственного интеллекта, трансформируют способы производства, распространения и восприятия культурных артефактов, создавая новые вызовы для репрезентации.

Растущая политизация культурных вопросов, связанных с идентичностью, памятью, репрезентацией, провоцируют конфликты по поводу легитимности тех или иных способов культурной репрезентации. Распространение цифровых медиа, социальных сетей, виртуальной и дополненной реальности создают новые платформы и форматы для культурного самовыражения, бросая вызов традиционным медиа и институтам. Интенсификация культурного обмена и взаимодействия на глобальном уровне порождают гибридные формы и стирают четкие границы национальных культур, усложняя процессы их репрезентации.

Таким образом, изменяющаяся роль социальных, экологических, феминистских и других движений в культурной сфере выдвигает новые требования к репрезентации, подрывая устоявшиеся иерархии и модели. Индивидуализация культурного потребления и распад единых массовых культур ведут к плюрализации перспектив и противоречивости культурных репрезентаций. Возрастает внимание к этической стороне культурной репрезентации, как в отношении уязвимых групп, так и в плане ответственности за производство и распространение культурных продуктов.

Приведенные примеры демонстрируют, что кризис репрезентации в культуре является симптомом более глубоких трансформаций, затрагивающих основы культурного самопознания и самовыражения. Это свидетельствует о том, что для преодоления кризиса репрезентации нужны системные изменения на всех уровнях. Необходимо создавать условия для того, чтобы люди из разных социальных групп имели равные возможности для обучения, профессионального роста и продвижения в сфере искусства и медиа. Это может включать в себя программы грантовой поддержки, менторства, а также борьбу с дискриминацией при приеме на работу и распределении ролей. Важно обучать людей критическому осмыслению медиаконтента, умению распознавать стереотипы и предвзятость. Целесообразно использовать язык, который уважает достоинство и многообразие всех социальных групп, избегая дискриминационных и стигматизирующих выражений.

Таким образом, кризис репрезентации в культуре имеет глубокие социальные последствия. Во-первых, недостаточная представленность различных социальных групп в искусстве и медиа ведет к искаженному восприятию реальности. Люди, чьи истории, опыт и идентичность не находят отражения в культуре, становятся невидимыми для общества, их проблемы и потребности игнорируются. Это может приводить к маргинализации и дискриминации, поскольку доминирующие группы, видя себя в качестве «нормы», не осознают сложность и многообразие социального опыта. Во-вторых, отсутствие репрезентации ограничивает возможности для самоидентификации и формирования позитивного образа себя у представителей маргинализированных групп. Видя только стереотипные или негативные образы в медиа, молодые люди могут сталкиваться с трудностями в принятии своей идентичности, что ведет к снижению самооценки и психологическому дискомфорту. В-третьих, кризис репрезентации препятствует развитию эмпатии и социальной сплоченности. Когда люди не видят себя или свой опыт в культуре, им сложнее понять и сопереживать другим, особенно тем, кто отличается от них. Это может приводить к росту нетерпимости, ксенофобии и усилению социального расслоения. Таким образом, борьба с кризисом репрезентации является не просто вопросом справедливости и равенства, но и необходимым условием для формирования более гармоничного и инклюзивного общества.

Кризис репрезентации тесно связан с развитием цифровых технологий и виртуальной реальности [4]. В цифровую эпоху граница между «реальным» и «репрезентируемым» становится все более размытой. Социальные сети и цифровые платформы создают новые формы репрезентации идентичности и социального взаимодействия, где *authenticity* (подлинность) становится все более проблематичным понятием. Кризис репрезентации проявляется в самых разных сферах культуры: от кино и литературы до музеев, памятников, образования.

В философском плане кризис репрезентации поднимает фундаментальные вопросы о природе знания и возможности объективного познания мира. Постструктуралистская критика показала, что любая форма репрезентации неизбежно включает элементы власти и идеологии, что ставит под сомнение возможность «нейтрального» или «объективного» представления реальности.

В академической среде кризис репрезентации привел к переосмыслению методологических подходов в гуманитарных и социальных науках. Исследователи все больше внимания уделяют рефлексии над собственными методами производства знания и способами его представления. Это привело к развитию новых междисциплинарных подходов и методологий, которые учитывают проблематичность традиционных форм репрезентации.

В образовательной сфере кризис репрезентации ставит важные вопросы о методах передачи знаний и компетенций. Традиционные модели образования, основанные на передаче устоявшихся представлений о реальности, сталкиваются с необходимостью адаптации к новым условиям, где сама возможность объективного представления знания ставится под сомнение.

В политической сфере вопросы репрезентации тесно связаны с проблемами власти и доминирования в обществе. Критика традиционных форм репрезентации часто становится частью более широкой критики существующих социальных и политических структур.

В медиасфере кризис репрезентации проявляется в феномене «постправды» и растущем недоверии к традиционным источникам информации. Множественность интерпретаций и версий реальности, распространяемых через различные медиаканалы, создает ситуацию, в которой становится все сложнее определить, что является «истинным» представлением действительности.

Одним из следствий кризиса репрезентации является возрастающая роль перформативности в современной культуре. Вместо того чтобы стремиться к «правдивому» изображению реальности, многие культурные практики фокусируются на создании событий и опыта, которые существуют здесь и сейчас, избегая проблем репрезентации через непосредственное действие. Художники все чаще обращаются к метарефлексивным стратегиям, исследуя границы и возможности различных форм репрезентации, что приводит к появлению новых художественных практик и жанров. В литературе это выражается в экспериментах с нарративными структурами, в визуальном искусстве - в отказе от традиционных форм изображения в пользу концептуальных подходов.

Все эти аспекты кризиса репрезентации создают сложную и многогранную картину современной культурной ситуации, требующую новых подходов к пониманию и интерпретации процессов производства и передачи смыслов в обществе. О кризисе репрезентации в культуре в разное время писали: Р. Барт, В. Беньямин, Ж. Бодрийяр, **П. Вирильо**, Г. Дебор, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ю. Кристева, Ж.-Ф. Лиотар, Ф. Джеймсон, Ж.-Л. Нанси, Х. Фостер, М. Фуко, Ю. Хабермас, С. Холл и др. Общий контекст исследований этих ученых заключается в осмыслении культурных, социальных и технологических изменений, которые приводят к кризису репрезентации в современном обществе. Каждое из направлений освещает различные аспекты этого явления, позволяя глубже понять сущность изменений в культуре и их последствия для нашего восприятия реальности.

Юлия Кристева, исследовала кризис репрезентации в культуре через призму психоанализа и семиотики, показывая, как язык и субъективность взаимосвязаны в этом процессе [3]. Так, в искусстве, например,

он проявляется следящим образом: происходит отказ от миметического принципа; проводятся эксперименты с формой и содержанием; развивается концептуальное искусство; размываются границы между различными видами искусства; появляются новые медиа и формы художественного выражения. В литературе: разрушаются традиционные нарративы структур; проводятся эксперименты с языком и стилем; используют смерть автора как концепцию и т.д.

Юрген Хабермас в своих работах затрагивал вопросы кризиса репрезентации в культуре, особенно в контексте современного общества и его культурных институтов [7]. Кризис репрезентации, по сути, отражает проблему того, как различные социальные группы и индивиды могут быть представлены в общественной дискуссии и как эти представления воздействуют на формирование общественного мнения и демократии. Одним из ключевых аспектов его анализа является идея о том, что традиционные формы представительства, такие как государственные институты и политические партии, становятся все менее способными эффективно представлять интересы граждан. Это связано с возрастающей сложностью современного общества, где разнообразие интересов и мнений усложняет создание единой платформы для представительства.

Жан Бодрийяр стал известен своими исследованиями в области симуляции, знаков и медиа. Его работы касаются кризиса репрезентации в культуре, который можно рассматривать как глубоко философскую и социальную проблему [1]. Одним из ключевых аспектов его теории является идея о том, что в современном обществе репрезентация (то есть способ, которым мы представляем, интерпретируем и воспринимаем реальность) утрачивает свою связь с «оригиналом». В его понимании, современная культура не просто изображает реальность, а создает симуляции, которые затмевают саму реальность. Это приводит к тому, что мы начинаем воспринимать симуляцию как нечто более реальное, чем само реальное. Ж. Бодрийяр называл это состояние «гиперреальностью».

Хэл Фостер, искусствовед и культуролог, высказывал множество мыслей о кризисе репрезентации в культуре, особенно в контексте постмодернизма. В своих работах он обсуждал, как современное искусство и массовая культура справляются с вопросом представления реальности, идентичностей и социальных структур [5]. Х. Фостер акцентировал внимание на том, что репрезентация не является простым отображением реальности, но включает в себя сложные процессы, связанные с властью, идентичностью и механизмами восприятия. Он указывает на то, что в условиях постмодернистского общества понятие «репрезентация» становится кризисным, поскольку разные культурные и социальные контексты обостряют вопросы о том, кто и как представляется, а также, чьи нарративы доминируют.

Мишель Фуко не так непосредственно рассматривал кризис репрезентации в культуре, как это делали некоторые другие мыслители, например, постструктуралисты или деконструкторы. Тем не менее, его идеи о власти, знании и субъективности имеют большое значение для понимания этой проблемы [6]. М. Фуко полагал, что знание и власть неразрывно связаны, и именно в этом контексте он анализировал, как различные системы репрезентации формируют наши представления о реальности. Он подчеркивал, что репрезентация — это не просто отражение действительности, а конструкция, которая активно формирует наше понимание мира.

Поль Вирильо известен своими исследованиями в области восприятия пространства, времени и технологий. Он рассматривал кризис репрезентации в культуре как следствие изменений, вызванных новыми медиа и технологическими инновациями [2]. П. Вирильо подчеркивал, что традиционные методы репрезентации, такие как живопись или литература, перестают быть актуальными в условиях, когда информация передается мгновенно и в больших объемах. Одним из ключевых аспектов его анализа является то, что всякая репрезентация становится проблематичной в мире, насыщенном изображениями и знаками, чья значимость часто оказывается размытыми. П. Вирильо акцентировал внимание на том, как новые технологии изменяют наше восприятие реальности. Он утверждал, что с появлением виртуальных сред и цифровых медиа границы между реальным и представленным миром стираются. В этом контексте кризис репрезентации проявляется в утрате подлинности и глубины опыта, когда изображения становятся самодостаточными и независимыми от референции на реальность.

Как видим, исследователи кризиса репрезентации в культуре, несмотря на разные сферы профессиональных интересов, обращали внимание на то, как символические формы и знаковые системы формируют наше восприятие реальности и как они взаимодействуют с социальными, политическими и экономическими структурами. Эти исследователи ставят под сомнение традиционные представления о репрезентации, указывая на их способность не только отражать реальность, но и конструировать её, создавая определённые нарративы и значения. Все их работы подчеркивают сложность и многообразие отношений между репрезентацией, реальностью и властью в контексте современной культуры. Они показывают, как изменения в обществе и технологиях могут влиять на то, как мы осмысливаем и представляем окружающий мир, и какой эффект это оказывает на наше понимание идентичности, культурной памяти и социокультурных практик.

В контексте преодоления кризиса репрезентации особое значение приобретает междисциплинарный подход. Необходимо объединение усилий специалистов из различных областей - культурологов, философов, соци-

ологов, специалистов по медиа и коммуникациям, технологов - для разработки комплексных решений и стратегий. Важным аспектом является развитие новых форм институционального взаимодействия в сфере культуры. Традиционные культурные институты (музеи, галереи, библиотеки) должны адаптироваться к новым условиям, осваивая цифровые инструменты и развивая новые форматы работы с аудиторией.

На наш взгляд, перспективными направлениями исследований в области преодоления кризиса репрезентации являются:

1. Изучение влияния новых технологий на формы культурного производства и потребления.
2. Анализ трансформации субъектно-объектных отношений в цифровой культуре.
3. Исследование новых форм коллективного творчества и соучастия в культурном производстве.
4. Разработка методологий анализа цифровых культурных феноменов.
5. Изучение механизмов формирования культурной идентичности в условиях множественных репрезентаций.

При этом необходимо сохранять баланс между инновациями и культурной преемственностью, переосмыслить роль субъекта в культурном производстве и потреблении. В условиях цифровой эпохи традиционное понимание авторства и оригинальности требует существенной корректировки. Появляются новые формы коллективного творчества, размываются границы между производителями и потребителями культурного контента, что создает предпосылки для формирования новых моделей культурной коммуникации.

Важным направлением в преодолении кризиса репрезентации является развитие медиаграмотности и критического мышления. В условиях информационного перенасыщения способность анализировать и оценивать различные формы репрезентации становится необходимым навыком. Это включает в себя понимание механизмов создания и распространения информации, своевременно выявлять манипулятивные техники и критически оценивать источники информации. Также следует отметить роль новых технологий в трансформации способов репрезентации. Виртуальная и дополненная реальность, искусственный интеллект и другие инновационные технологии создают новые возможности для культурного производства и восприятия. Однако их использование должно сопровождаться рефлексией над их влиянием на человеческое сознание и культуру в целом.

В рамках глобализации кризис репрезентации приобретает дополнительное измерение, связанное с взаимодействием различных культурных традиций и способов репрезентации. И здесь необходимо развивать межкультурный диалог и искать новые формы культурного взаимопонимания, учитывающие специфику различных культурных контекстов.

В педагогическом плане важны новые образовательные подходы, направленные на формирование компетенций в области критического анализа и создания медиаконтента. Это включает развитие навыков визуальной грамотности, понимания семиотических систем, способности к творческому самовыражению в различных медиаформатах.

Таким образом, преодоление кризиса репрезентации предполагает комплексный подход, учитывающий как технологические, так и социокультурные аспекты современного общества. Это долгосрочный процесс, требующий постоянного переосмысления и адаптации стратегий в соответствии с меняющимися условиями культурной среды.

Библиографический список

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – Москва: Добросвет, 2000. 389 с.
2. Вирильо П. Машина зрения. – СПб.: Наука, 2004. 140 с.
3. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 656 с
4. Петров И.Ф. О «виртуальной реальности» // Вестник ИМСИТ, 2023. № 4 (96). С. 6-9.
5. Фостер Х., Краусс Р. Искусство с 1900 Года. Модернизм, Антимодернизм, Постмодернизм. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2015. 816 с.
6. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: А-сэд, 1994. 406 с.
7. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – Москва: Весь мир, 2003. 414 с.

References

1. Baudrillard J. Symbolic exchange and death. – Moscow: Dobrosvet Publ., 2000. 389 p.
2. Virilio P. The vision machine. – St. Petersburg: Nauka Publ., 2004. 140 p.
3. Kristeva Yu. Selected works: The Destruction of Poetics. – Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2004. 656 p.
4. Petrov I.F. About "virtual reality" // Bulletin of IMSIT, 2023. № 4 (96). P. 6-9.
5. Foster H., Krauss R. Art since 1900. Modernism, Anti-modernism, Postmodernism. – Moscow: Ad Marginem Press, 2015. 816 p.
6. Foucault M. Words and things. Archaeology of the Humanities. – St. Petersburg: A-cad, 1994. 406 p.
7. Habermas Yu. Philosophical discourse on modernity. – Moscow: The Whole World, 2003. 414 p.

Асигули Ахемула

Колледж языков и литературы этнических меньшинств Китая, Университет Миньцзу, г. Пекин, Китай.

Культурная коммуникация в Центральной Азии: сравнительный анализ уйгурских и узбекских пословиц*

Аннотация. Центральная Азия как ядро древнего Шелкового пути была и остается плодотворным котлом мультиэтнической и мультикультурной интеграции. Путем сравнительного анализа автор статьи выявляет сходства и различия пословиц в уйгурском и узбекском языках. Несмотря на то, что уйгурский и узбекский языки принадлежат к одной языковой семье – алтайской, их пословицы различаются, что обусловлено культурным фоном, образом жизни, географическим положением, природной средой и образом мышления их носителей. Уйгурские пословицы известны своей устойчивостью, полнотой, глубиной мысли, и музыкальностью, в то время как узбекские характеризуются особым разговорным языком, простой и лаконичной структурой предложений и ритмическими особенностями. Пословицы обоих языков широко используют риторические приемы с целью усиления выразительности, такие как метафора, гиперболы и метонимия. С точки зрения конкретного выражения, выбора лексики и подчеркнутых ценностей, каждый из этих языков отражает уникальные культурные характеристики и языковые привычки. В заключении статьи автор отмечает важное место пословиц в народной литературе Центральной Азии, их значимую роль в поддержании и развитии культурного разнообразия региона и содействии культурному обмену и взаимопониманию внутри и за его пределами.

Ключевые слова: уйгурские пословицы, Центрально-Азиатский регион, узбекские пословицы, риторические приемы, народная литература.

Asiguli Ahemula

College of Chinese Minority Languages and Literature, Minzu University of China, Beijing, China.

Central Asian cultural communication: a comparative study of Uyghur and Uzbek proverbs

Abstract. Central Asia, as the core area of the ancient Silk Road, has always been a melting pot of multi-ethnic and multicultural integration. Through comparative analysis, this study reveals the similarities and differences between two proverbs. Research has found that although both Uyghur

* © Асигули Ахемула, 2025.

Культурная коммуникация в Центральной Азии: сравнительный анализ уйгурских и узбекских пословиц

and Uzbek belong to the Altaic language family, the expression of proverbs varies due to cultural backgrounds, lifestyle habits, geographical locations, natural environments, and ways of thinking. Uyghur proverbs are known for their stability, completeness, thoughtfulness, and musicality, while Uzbek proverbs are characterized by their distinct colloquialism, simple and concise sentence structures, and rhythmic features. Proverbs of both languages extensively use rhetorical devices such as metaphor, exaggeration, and metonymy to enhance their expressive effect, but in terms of specific expression, vocabulary selection, and emphasized values, they each demonstrate unique cultural characteristics and language habits. The conclusion of this study emphasizes the important position of proverbs in Central Asian folk literature, as well as their irreplaceable role in maintaining and developing cultural diversity in Central Asia, promoting cultural exchange and understanding within and outside the region.

Key words: Uyghur proverbs, Central Asia region, Uzbek proverbs, Rhetorical devices, Folk literature.

1. Introduction

Asia, as the core area of the ancient Silk Road, has always been a melting pot of multi-ethnic and multicultural integration. The cultural diversity in this region is not only reflected in language, religion, and customs, but also deeply influences the local folk literature. Folk literature, as an important carrier of cultural inheritance, records the history of a nation, showcases its wisdom, and plays an indispensable role in social education and shaping values. Central Asian folk literature has a rich history and has been influenced by various ethnic cultures and traditions [1]. Proverbs, as a unique form of folk literature, have become an important window for studying cultural diversity in Central Asia due to their simplicity, imagery, and profound symbolism. As important ethnic groups in Central Asia, Uyghur and Uzbek proverbs are not only the crystallization of language and art, but also important tools for ethnic cultural identity and exchange. In this study, the author comprehensively utilized various research methods to ensure the comprehensiveness and accuracy of the research results. Firstly, through literature analysis methods, the author extensively collected and thoroughly analyzed various literature resources related to Uyghur and Uzbek proverbs, including historical documents, academic works, and journal articles. These materials have laid a solid theoretical foundation for people and provided necessary prerequisites for subsequent comparative analysis work. Secondly, the author adopted a comparative research method to conduct a detailed comparison between Uyghur and Uzbek proverbs in terms of thematic content, rhetorical techniques, and expression methods. This process aims to reveal the similarities and differences between two proverbs, in order to gain a deeper understanding of their respective uniqueness and cultural connotations. Through the diversified application of this methodology, it is aimed to conduct a more in-depth exploration and interpretation of these two traditional proverbs in folk literature in Central Asia.

2. Overview of Uyghur Proverbs

The Uyghur ethnic group mainly resides in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China and is a part of the Chinese nation. Uyghur proverbs are a unique form of discourse inherited from the nation's long production and life practice. They condense the essence of Uyghur culture, show distinctive national characteristics, and are well known for their simple, clear and easy to recite language characteristics. These proverbs have diverse origins and are widely used in various aspects of daily life. After in-depth research and innovation by numerous scholars, they have developed into a unique cultural system of proverbs [2]. In Uyghur language, the concept of "proverb" is composed of the compound word "maqal-temsil", which can be divided into two types based on different expressions. The first type is "maqal", which originally means "discourse" and refers to philosophical rhymes that directly convey social knowledge, summarize social experience, and have a persuasive and warning effect. These proverbs usually use direct narrative techniques to impart experiential knowledge, explain interpersonal relationships and the principles of things. The second type is "temsil", which originally means "metaphor" and refers to philosophical statements that indirectly convey knowledge of social life by describing various things in nature. These proverbs usually use rhetorical techniques such as metaphor, personification, contrast, exaggeration, etc., to metaphorize a certain deep meaning or truth [3].

Uyghur proverbs have a long history, and their roots can be traced back to tribal societies in ancient times. Initially, proverbs appeared in the oral language of tribal chiefs, and due to their depth and inspiration, they received praise from members of the group and were widely spread, passing down from generation to generation. Uyghur proverbs are one of the ancient oral literature works of the Uyghur people. With strong local flavor and distinctive national characteristics, they are widely spread among the Uyghur people. They not only convey the production knowledge and life experience accumulated and summarized by the Uyghur working people through their own lives and labor in different periods, but also record the development process of Uyghur society, history, and culture.

The history of Uyghur proverbs can be traced back thousands of years with written records. Although proverbs have not been detached from the life of the Uyghur ethnic group as a whole, changes in Uyghur values, lifestyles, and production methods have also been reflected in their proverbs in different historical periods, forming the timeliness of proverbs. Uyghur proverbs are rich in content and embody Uyghur culture and history. Nomadic life, agricultural life, horticultural life, commercial life, religious beliefs, and other aspects are all imprinted in their proverbs.

2.1 The Thematic Content and Characteristics of Uyghur Proverbs

Uyghur proverbs are shining pearls in Uyghur folk literature. In terms of

thematic content, Uyghur proverbs extensively involve multiple aspects such as patriotism, social relations, life wisdom, and moral education. For example, the proverbs, such as “ana jurtuñ aman bolsa, rəngirojuñ saman bolmas (My hometown is safe and my face is free from worries)”, “el iñi altun bəjkyk (The bosom of the people is the cradle of gold)”, and “bulbul baharni səjer, adəm jurtini (səjer) (Everything loves spring, people love the motherland)”, directly express deep emotions towards the motherland and the importance of national stability for personal happiness. In terms of social relationships, there are proverbs such as “ε lg ε kirs εñ eli ηñε, su v a kirs εñ beli ηñε (Entering the villiage, follow the customs of the village; enter the water up to the waist.)”, “bir kərgen tonuñ, ikki kərgen tuvqan (Meeting mature people for the first time, becoming relatives for the second time.)”, and “ñoñ izzet qilsa, kiñiki hərmət qilar (Elders have love, while juniors have filial piety.)”. These proverbs convey respect and adaptation to different customs, reflecting the humility and wisdom of the Uyghur people in interpersonal communication. In terms of life wisdom, there are proverbs such as “aqilka iřaret, nadanka dzuwalduruz (A wise man will understand with a simple hint, but a fool will never understand even pricking him with awl.)”, “altun jatidu sajda, tonumisa nem ε pajda (The land is full of gold, but there is a lack of people with heart to find the gold.)”, and “εqilliq kərginini ejtar, εñmeq añliwinini (ejtar) (Wise men say what they see, fools say what they hear.)”. In terms of moral education, there are proverbs such as “atanñiñ barida dost izde, etiñniñ baridajol (izde) (Make friends when father’s here, travel when having the horse.)”, “əzyñni bir mañtisan, dostuñni ikki mañta (To boast once, praise a friend twice.)”, and “jette əlñep bir kes (Seven measurements, one cut.)”.

Uyghur proverbs are known for their high degree of stability and persistence. They are the result of screening and solidification in the long river of history, and as a form of expression of social consensus, individuals are not allowed to change them arbitrarily. In the 11th century, the Uyghur literary figure Mahmud Kashgar compiled the “Great Dictionary of Turkic Language”, which included more than 200 widely circulated folk proverbs at that time. Some of these proverbs are still preserved in the spoken language of the Uyghur people, and their wording and meanings have not changed much. [4] For example, there is the proverb like “sabuzkanda ew bolmas, torukanda av bolmas (There are no houses at the grave and no hunting on the ruins.)”. Proverbs demonstrate completeness in both structure and meaning. They always appear in complete sentence form, and even when certain parts are omitted, their basic structure remains stable. This completeness is to ensure that proverbs can fully convey their ideas and intentions. For example, there is the proverb like “bulbul baharni səjer, ad ε m jurtini (səjer) (Everything loves spring, people love the motherland.)”. Uyghur proverbs are known for their pleasant and melodious characteristics, which are usually smooth, harmonious, with a strong sense of rhythm, and easy to recite. This musicality endows proverbs with a unique beauty of sound and melody,

making them comparable to folk songs. For example, there is the proverb like “arslandek kyfjyη bolsun, tajbandek hofjyη bolsun (It requires the strength of a lion and the alertness of a hunting dog.)”. Uyghur proverbs often follow certain rhythmic rules, making the sentences read smoothly, harmoniously, and rhythmically. The arrangement of syllables and steps in proverbs often creates a lively rhythm, making them catchy and easy to sing orally.

2.2 Rhetorical Features of Uyghur Proverbs

Rhetoric is an important technique for improving the effectiveness of language expression. It enhances the imagery and vividness of language by comprehensively utilizing knowledge of phonetics, vocabulary, grammar, and selecting words and expressions based on different conditions. In Uyghur proverbs, rhetorical devices not only add literary charm and infectiousness, but also produce unexpected effects, making proverbs more memorable and accurately expressing the essence of things, revealing profound truths and connotations. The rhetoric in Uyghur proverbs contains rich and unique ethnic cultural colors, reflecting Uyghur customs, values, etc [5].

Metaphor: Metaphor is one of the most common rhetorical devices in Uyghur proverbs, which makes proverbs more vivid and vivid by comparing abstract concepts with concrete things. For example, “jaxji xotun naqjiga oxjar, jaman xotun baqjiga. (Good women are like songs, bad women are like witches.)”.

Exaggeration: Exaggeration techniques are also widely used in Uyghur proverbs, emphasizing certain thoughts or emotions by magnifying the characteristics of things. “jaxji soz tafni jarar, jaman soz baqni jarar. (A good word cuts a stone, but a bad word hurts a brain.)”. In this proverb, exaggeration not only emphasizes the actual effect of language, but also highlights the impact of language on the emotions of the listener. “Cutting a stone” symbolizes the lasting and profound influence of language, while “hurting a brain” implies the pain and harm that language may bring.

Metonymy: Metonymy is a rhetorical device that uses things associated with the main thing to replace the main thing. In Uyghur proverbs, metonymy is used to express complex social relationships or emotions. For example, “pulnig bir ufji bilekte, bir ufji jyrekte. (Money depends on arms on the one hand, and on the scheming on the other hand.)” In this proverb, the use of metonymy triggers associations among listeners, enabling them to associate various practical abilities and wise strategies required in the process of making money from the specific words “arms” and “scheming”, thereby deepening their understanding of the meaning of the proverb.

3. Overview of Uzbek Proverbs

Uzbek is the official language of Uzbekistan. The Uzbek proverb (xalq maqollari), as a concise expression of folk wisdom, not only contains rich metaphors, rhymes or rhymes, but also has been passed down in a fixed form full of

wisdom and traditional ideas to this day [11]. These proverbs are not only the essence of people's life experience, covering morality, customs, wisdom and art of life, but also an important embodiment of Uzbek national spirit, history and values. In addition, Uzbek proverbs also play a crucial role in educating the new generation, inheriting culture and language. Uzbek proverbs contain valuable information about the history, origin, and other aspects of the Uzbek nation, and they are a reflection of the national spirit and style [6]. Uzbek proverbs also reflect a profound sense of patriotism and peace, advocating the patriotic spirit of loving the motherland, hometown, and people, and emphasizing the importance of national peace and stability for the people. Uzbek proverbs fully display the essence of Uzbek language with vivid words and short, concise and rhythmic sentences, and reflect the world outlook and values of Uzbek people [7]. Uzbek proverbs use a variety of rhetorical devices, including metaphors, analogies, exaggeration, metonymy, antithesis, parallelism, etc. These rhetorical devices make proverbs more vivid and enhance their expressive effect. As one of the carriers of traditional ethnic culture, Uzbek proverbs come from the mouths of the general public and are the crystallization of their experience and wisdom. They have a certain guiding role in understanding the thoughts, thinking patterns, social history, production and lifestyle of the people who use this language. Uzbek proverbs, as living fossils of Uzbek culture, carry rich historical origins and cultural connotations. These proverbs not only record the social history and production lifestyle of the Uzbek people, but also reflect their worldview and values, becoming an important window for understanding the wisdom of the Uzbek nation. The long-standing Uzbek proverbs are widely circulated among the people and have a profound influence. They cover various aspects of politics, economy, culture, and social life, showcasing the cultural life and value orientation of the Uzbek nation.

3.1 The Thematic Content and Characteristics of Uzbek Proverbs

Uzbek proverbs are not just simple units of language, they are prepared sentences that are given meaning through metaphorical language rich in wisdom or traditional ideas of the people or nation. They reflect people's observations of life, constitute popular life philosophy, and provide insights into human behavior and character. The thematic content of Uzbek proverbs is very rich, covering various aspects of social life, mainly including patriotism and peace, culture and society, family and neighbors, personal morality, nature and environment, and philosophy of life. In terms of patriotism and peace, Uzbek proverbs emphasize the patriotic spirit of loving the motherland, hometown, and people, while also highlighting the importance of national peace and stability for the people. For example, "æjrilmægin elindæn, quvvæt ketær belindæn (Away from its own people, the body loses its strength.)". "Bulbul æmænni sevær, ödæm vætænni. (Nightingales love flowers, people love the motherland.)". These proverbs vividly express attachment and importance to the motherland, emphasizing the

close connection between individuals and the motherland. In terms of cultural, social, and societal aspects, there are proverbs like, “Ayrilganni ayiq yer, bo’linganni bo’ri yer (Outliers are eaten by bears, while those who are divided are eaten by wolves.)”, “Elga kirgil elingcha, suvga kirgil belingcha (Do in Rome as Rome does; enter the water up to the waist.)”. The cultural values of collectivism and adaptation to the environment emphasized in proverbs emphasize the importance of unity in combating external threats and adapting to new environments. In family and neighborhood proverbs, such as, “Uying tor bo’lsa, dunyoning kengligi bilinmas (A small family doesn’t know how big the world is.)” and “Yaxshi qo’shni uzoq qarindoshdan yaxshi (A close neighbor is better than a distant relative.)”, they emphasize the close connection and mutual dependence between family and neighbors. In terms of personal morality, there are proverbs such as “oziqni er bilsa, ozgani fer bil (Instead of treating yourself like a man, treat others like lions.)”, and “baxil topsa bosib jer, saxij topsa bartaq jer (Stingy people have food to hide, generous people have food to eat.)”. These proverbs emphasize the importance of maintaining caution and respect in interpersonal communication, and not underestimating the power and danger of others. They also reveal society’s attitudes towards generosity and stinginess, two completely different personal virtues, encouraging people to exhibit generous qualities while criticizing stingy behavior. Proverbs reflect the social and economic development process of the Uzbek ethnic group in different regions and natural conditions, demonstrating profound insights into politics and economy. For example, “bars jili bojlik, qujon jili qahattifilik (The year of the tiger is rich, the year of the rabbit is poor.)”. This proverb implies that people have different expectations and psychological expectations for economic development in different years. “kuzni bir kuni qishni bir ojini boqar (One day in autumn can feed a month in winter.)”. It reveals that autumn is a critical period for harvesting and storage, and the richness of its harvest directly affects the livelihood and economic security in winter. This reflects the dependence and adaptation of agricultural society to seasonal changes.

Uzbek proverbs originate from the folk and are the language of the people, thus possessing distinct colloquial qualities. The obvious rhythm and cadence make proverbs easy to recite and spread orally. For example, “oziqni er bilsa, ozgani fer bil (Instead of treating yourself like a man, treat others like lions.)”. The sentence structure of Uzbek proverbs is simple and concise, with relatively fixed sentence structures, and also reflects its own characteristics in semantic rhetoric. There are also proverbs like “kaemtargae egil, maenmaengae keril (Be humble to the humble and arrogant to the proud.)” and “ujga pels jaraefar, xotinga libs (Room looks good in a rug, a woman looks good in a dress.)”. These proverbs demonstrate the characteristics of Uzbek proverbs: they are usually short, powerful, and use rhetorical devices such as metaphors and contrasts to convey profound wisdom and social values. Through these sentence structures

and rhetorical devices, Uzbek proverbs are able to convey complex thoughts and emotions in a concise manner. Uzbek proverbs have obvious characteristics in terms of rhythm, they are usually smooth, harmonious, have a strong sense of rhythm, and are easy to recite. For example, “qizim b̄or deb kerilm̄æ, zeb-zijn̄ætɡæ berilm̄æ (Don't be proud of being a girl, don't be lost in jewelry.)”, “jo jeriŋ ser̄ob bolsin, ȳo ot̄æŋ mir̄æb bolsin (Either owns a lot of land or has a father who's a water superintendent.)”. The rhythm of these two proverbs presents a balance and symmetry. The first half and the second half of the sentence have roughly equal numbers of syllables, forming a symmetrical sense of rhythm. Uzbek proverbs are a rich source of linguistic and cultural insights, as evidenced by several in-depth studies on their characteristics. Aktan (2011) also explored the poetic harmony of Uzbek proverbs, revealing the poetic and rhythmic aspects of these traditional proverbs [9].

3.2 Rhetorical Features of Uzbek Proverbs

The extensive use of metaphors and symbols in Uzbek proverbs enables abstract concepts to be vividly expressed through concrete images, enhancing their intuitiveness and infectiousness.

Metaphor: “jer x̄æzin̄æ, mehn̄æt k̄ælit̄i (Land is a treasure house, and labor is the key.)”. In the previous sentence, this metaphor compares the land to a treasure trove, implying that the land contains abundant resources and value. This metaphor emphasizes the importance of land and the wealth it provides. In the latter sentence, this metaphor compares labor to a key, implying that labor can unlock the treasures contained in the land. This metaphor emphasizes the importance of labor and its role in acquiring resources. Without labor, the resources in the land cannot be developed and utilized. Land can provide natural resources such as food, minerals, and timber, and is the foundation for people's survival and development.

Exaggeration: “bir kun uruŋ bolḡæn ujd̄æn, qir̄q kun b̄æræk̄æ kot̄æril̄ær (One day quarreling in home, forth days the fortune lost.)”. This proverb uses exaggerated techniques to express the noble spirit and ideals of dedicating oneself to the people. This proverb emphasizes through exaggeration the impact of family harmony on the happiness and overall well-being of family members.

Antithesis: “j̄om̄on ḡæp b̄oŋ q̄oz̄īki, j̄æx̄ŋi ḡæp j̄on z̄īki (Bad words hurt hearts, but good words call true ones.)”. This proverb effectively conveys the power and influence of language, as well as the importance of choosing language in interpersonal communication, through the use of dual rhetorical devices. It reminds us that language is not only a tool for communication, but also a powerful force that influences the emotions and behaviors of others.

Metonymy: “sujdirḡæn h̄æm til, kujdirḡæm til (Language is what makes people love and hate each other.)”. This proverb uses the bodily organ “til” instead of “language”. This proverb represents the profound impact of war through metonymy, using mountain peaks to convey the long-term consequences of war.

This proverb cleverly uses the concrete bodily organ of “til” (tongue) to represent abstract “language” through metaphorical means, conveying the truth that language can both harm and soothe people. The use of this rhetorical device enhances the imagery and expressiveness of language, making the meaning of proverbs more profound and easy to understand.

4. Comparative Analysis of Uyghur Proverbs and Uzbek Proverbs

Although Uyghur proverbs and Uzbek proverbs have certain similarities in language style and rhetorical features, they each reflect the unique culture and values of different ethnic groups. These proverbs are not only the embodiment of language art, but also the inheritance of national wisdom and historical experience.

4.1 Comparison of Similarity: Common Cultural Values and Life Wisdom

Firstly, both proverbs emphasize the importance of patriotism and social relationships. For example, both the Uyghur proverb “bulbul baharni sǝjەر, ad ε m jurcini (sǝjەر) (Everything loves spring, people love the motherland.)” and the Uzbek proverb “Bulbul ƒæmænni sevær, ǝdæm vætænni (Nightingales love flowers, people love the motherland.)” express profound emotions towards their homeland. Both proverbs contain content of life wisdom and moral education. For example, both the Uyghur proverb “aqilka iƒaret, nadanka dǝuwalduruz (A wise man will understand with a simple hint, but a fool will never understand even pricking him with awl.)”, and the Uzbek proverb “ozini er bilsæn, ozgæni fer bil (Instead of treating yourself like a man, treat others like lions.)” convey lessons about personal character and wisdom.

Secondly, both proverbs extensively use rhetorical devices such as metaphor, exaggeration, and metonymy to enhance their expressive effect. For example, in the Uyghur proverb “yaxshi xotun nahshiga ohxar, yaman hotun bahxiga (Good women are like songs, bad women are like witches.)” and the Uzbek proverb “qizim bǝr deb kerilmæ, zeb-zijnætgæ berilmæ (Don’t be proud of being a girl, don’t be lost in jewelry.)”, metaphors are used to convey deeper meanings.

Finally, both proverbs are known for their pleasant and melodious characteristics, usually smooth, harmonious, with a strong sense of rhythm, and easy to recite. For example, both the Uyghur proverb “arsland ε k ky ƒ y η bolsun, taj and ε k ho ƒ u η bolsun (we need have the strength of a lion and the alertness of a hunting dog)”, and the Uzbek proverb “jo jeriη serǝb bolsin, yǝ ǝtæn miræb bolsin (Either owns a lot of land or has a father who’s a water superintendent.)” reflect this musicality.

4.2 Comparison of Otherness: The Influence of Language Features and Regional Culture

Proverbs are the wisdom accumulated by people through long-term production and life practices. Although Uyghur and Uzbek belong to the Altaic language family and are closely related languages, the differences in cultural

traditions, lifestyles, geographical environments, natural conditions, thinking patterns, and aesthetic emotions between the two ethnic groups have resulted in their respective expressions of proverbs. Kuchkinov et al. (2020) emphasized the importance of understanding cultural backgrounds when interpreting proverbs from two different cultural contexts [10]. By comparing and analyzing Uyghur and Uzbek proverbs, we can observe differences in the expression of some proverbs between the two languages. For example, there is the Uzbek proverb “*q̄z̄ondæn keŋmæj, dærj̄o keŋilmæs* (We can’t cross the river without sacrifice.)”. There is also the Uyghur proverb “*q̄z̄andin keŋmæj, q̄z̄anan̄a yetkili bolmas* (You can’t have the one you love without sacrifice.)”. Although the two proverbs convey the same meaning, conveying the truth that success can only be achieved by daring to take risks. But there are differences in the specific vocabulary choices, which reflect the differences in vocabulary composition and idiomatic usage between the two languages. There is the Uyghur proverb “*el iŋi altun b̄oŋkyk* (The bosom of the people is the cradle of gold)”. There is also the Uzbek proverb “*Bulbul ŋæmænni sevær, adæm vætænni*. (Nightingales love flowers, people love the motherland.)”. There is the Uyghur proverb “*bulbul baharni s̄ojer, ad em jurtini* (s̄ojer) (Everything loves spring, people love the motherland.)”. And there is the Uzbek proverb “*onæ jurtin̄j ol̄tin beŋigin̄j* (Hometown is your golden cradle.)”. These two sentences also select different objects, but have the same meaning, emphasizing patriotism.

There are also some proverbs that emphasize different objects, but express them in similar ways. There is the Uyghur proverb “*quŋni qanat uŋfurar, ademni ymyd* (uŋfurar) (Birds fly by wings, people live by hope.)”. There is also the Uzbek proverb “*quŋ qæn̄oti bilæn, er himmæti bilæn* (Birds fly by wings, men live by labor.)”. The Uyghur proverb emphasizes hope, while the Uzbek proverb emphasizes labor. There is the Uyghur proverb “*jolwasni jengæn batur emæs, aŋŋiqni jengæn batur* (Those who fight tigers are not heroes, those who control anger are heroes.)”. There is also the Uzbek proverb “*d̄ovni jengæn b̄otir emæs, j̄ovni jengæn b̄otir* (The one who wins the bet is not the hero, the one who defeats the enemy is the hero.)”. The Uyghur proverb states that only those who control anger are heroes, while the Uzbek proverb emphasizes that the ones who defeat the enemy are the heroes.

Through these examples, it can be seen that although Uyghur and Uzbek share certain themes and meanings in proverbs, they each exhibit unique cultural characteristics and language habits in specific expressions, vocabulary choices, and emphasized values.

Conclusion

Uzbek proverbs and Uyghur proverbs are not only living fossils of language, but also carriers of cultural information. They show the essence of Uzbek and Uyghur in vivid, short and pithy forms, and reflect the world outlook and values

of the two peoples. These proverbs convey the wisdom of our predecessors, have authoritative education and guidance for everyone, serve as a bridge connecting cultural tools and individual psychology, and can internalize external culture as the psychological foundation for individual growth. The inheritance of proverbs is not only the inheritance of language, but also the inheritance of culture. They have been refined through generations of recitation and become the essence of national language, providing rich materials and inspiration for literary creation. The Uyghur and Uzbek ethnic groups share many similarities in language and culture. Through comparative analysis, cultural exchanges between different ethnic groups can be strengthened, promoting ethnic harmony. The patriotic and peaceful ideas reflected in Uzbek proverbs are consistent with the excellent tradition of loving the motherland and advocating peace in Chinese culture, which helps to enhance political mutual trust between the two countries. Studying and studying Uzbek proverbs is of great practical significance for promoting cultural exchanges between China and Uzbekistan and countries along “the Belt and Road”, enhancing mutual understanding and trust, and jointly creating a peaceful and stable international environment.

Библиографический список / References

1. Gao R. Ethnic Culture and Literature of Western Liao Dynasty [J]. 2018.
2. Zhang Hongyu, Comparison of Chinese and Uygur Proverbs on Life and Destiny [J]. Journal of Language and Literature Studies, 2015. № 11. P. 1-3.
3. Hua Jinmu, Liu Hongyu, Uyghur Proverbs and Cultural Studies [M]. Beijing: Peking University Press, 2014.
4. Paiziliye-Wahafu, A Comparative Study on Uyghur - Uzbek Proverbs and Chinese Translation [D]. Northwest Minzu University, 2022.
5. Chen Xuehui, Chinese Proverbs and Uygur Proverbs Comparative Study of Figures of Speech [D]. Xinjiang Normal University, 2013.
6. Murodova M A, Akhmedova M B. Maintaining national spirit and style in the translation of English and Uzbek proverbs[J]. ISJ Theoretical & Applied Science, 2019. № 11(79). P. 125-127.
7. Adalaiti, Tuluhong, Exploration of Uzbek Folk Proverbs and Their Patriotic Peace Concept [J]. Journal of Northwest Minzu University(Philosophy and Social Sciences), 2018.
8. Ahmedov U. Comparative Analysis of Uzbek and English Proverbs [J]. The American Journal of Social Science and Education Innovations, 2020. № 2 (10). P. 161-164.
9. Bilal Aktan. Uzbek Proverbs in Verse Harmony [J]. Turkish Studies, 2011.
10. Kuchkinov K.K., Kurbonova D.B., Bazorova S.M. Some English Proverbs with the Concept Science, Knowledge and Their Uzbek Equivalents [J]. Theoretical & Applied Science, 2020.
11. Rustamova Salomat Orifjonovna. Maqollarda Nutq Odobi (Özbek va Tojik Xalq Maqollari Aso-sida) [J]. Science and Innovation, 2022. № 1 (8). P. 1064-1069. – DOI: 10.5281/zenodo.7408734.

Калинин В.В.

Аспирант. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского, г. Саратов.

Военная символика как инструмент политического влияния*

Аннотация. Статья посвящена исследованию военной символики как инструмента политического влияния в условиях современных информационных войн. Анализируются механизмы воздействия военной символики на общественное сознание и формирование политических нарративов через визуальные и аудиальные артефакты, ритуалы и знаковые системы. Рассматриваются семантические трансформации символов, их использование в избирательных кампаниях и массовых протестах, а также методы манипуляции мнением граждан под воздействием военной символики. Особое внимание уделяется культурным кодам, заложенным в визуальных образах, и анализу функций военной символики, включая мобилизационную, идентификационную и пропагандистскую.

Ключевые слова: военная символика, политическое влияние, информационные войны, визуальные коммуникации, манипуляция, коллективная идентичность, пропаганда.

Kalinin V.V.

Candidate of Pedagogical Sciences, Graduate Student. Saratov Chernyshevsky State University (SGU), Saratov.

Military symbols as a tool of political influence

Abstract. The article is devoted to the study of military symbols as a tool of political influence in the context of modern information wars. The mechanisms of the impact of military symbols on public consciousness and the formation of political narratives through visual and auditory artifacts, rituals and sign systems are analyzed. Semantic transformations of symbols, their use in election campaigns and mass protests, as well as methods of manipulating citizens' opinion under the influence of military symbols are considered. Special attention is paid to the cultural code embedded in visual images and the analysis of the functions of military symbols, including mobilization, identification and propaganda.

Key words: military symbols, political influence, information wars, visual communications, manipulation, collective identity, propaganda.

* © Калинин В.В., 2025.

Актуальность исследования феномена военной символики в контексте политического влияния обусловлена нарастающей интенсивностью информационных войн и возрастающей ролью визуальных коммуникаций в формировании общественного мнения. Современный политический ландшафт характеризуется активным использованием символики не только в рамках традиционных военных конфликтов, но и в мирное время – во время избирательных кампаний, политических протестов, а также в целях пропаганды и формирования определённого нарратива [1]. Обзорным примером могут служить многочисленные случаи использования национальных флагов и военной атрибутики на митингах и демонстрациях, целенаправленная манипуляция визуальными образами в СМИ и социальных сетях, использование военной символики в политической рекламе, а также активная деятельность различных НПО и общественных движений, эксплуатирующих военно-патриотические мотивы. Изучение механизмов воздействия военной символики на общественное сознание представляется крайне важным для понимания современных политических процессов и разработки эффективных мер противодействия информационной агрессии. Особую значимость приобретает анализ семантических трансформаций военной символики, изучение способов её реинтерпретации различными политическими акторами и выявление культурных кодов, заложенных в визуальных образах.

Под «военной символикой» в данном исследовании понимается совокупность знаковых систем, визуальных и аудиальных артефактов, ритуалов и практик, ассоциирующихся с вооружёнными силами, военным делом и военной историей [5]. Сюда входят, но не ограничиваются, государственные флаги и знамена, воинские знаки отличия (ордена, медали, награды), военная форма и эмблемы, типология оружия и военной техники, памятники, монументы и мемориалы, военные песни и марши, военные ритуалы и церемонии, а также визуальные образы, репрезентирующие военную мощь и героизм. «Политическое влияние» в данном случае рассматривается как целенаправленное воздействие на общественное мнение и политическое поведение, осуществляемое через манипуляцию семантическим полем военной символики, что также включает формирование коллективной идентичности, мобилизацию общественной поддержки политических режимов и идеологий, дискредитацию политических оппонентов, легитимацию насилия и военных действий, создание специфического мифологического дискурса, связанного с военной историей и национальной идентичностью [3, с. 24]. Важно также отметить замечание А.А. Борисенкова: «Влияние часто смешивается с таким явлением как воздействие. Воздействие действительно содержит в себе возможность изменения. В свою очередь изменение и влияние служат уже результатом воздействия. Воздействуя на объект, мы получаем возможность влиять

на него и тем самым производить в нём какие-то изменения. Например, воздействуя на человека, мы или содействуем его жизнедеятельности, или противодействуем этому, а в результате определённым образом влияем на него и изменяем его» [3, с. 25].

Военная символика, в нашем представлении, семиотическую систему, функционирующую на пересечении военно-политического дискурса и общественно-культурного контекста. Классификация символики может быть проведена по нескольким параметрам, включающим хронологический аспект (историческая и современная символика), функциональную составляющую (мобилизационная, идентификационная, пропагандистская) и носитель (государственная, армейская, партизанская). Историческая символика, часто уходящая корнями в архаические мифопоэтические системы и геральдические традиции, использует устойчивые архетипы и знаки, например, образ римского орла, воплощающий имперское могущество и перешедший в символику множества последующих государств. Геральдические символы, в свою очередь, отражают династическую преемственность и социальную иерархию (например, гербы европейских королевских домов, ставшие частью национальной идентичности), а религиозные символы (крест, полумесяц) служили как маркерами конфессиональной принадлежности, так и инструментом мобилизации верующих в военное время. В отличие от исторической, современная военная символика часто формируется, отражая идеологические доминанты эпохи и используя абстрактные графические элементы, специфические цветовые решения и цифровые обозначения, символизирующие технологический прогресс, как, например, стилизованные изображения ракет или компьютеризированных систем управления.

Также кратко отразим функции военной символики:

1. Мобилизационная функция военной символики осуществляется через визуальные и вербальные средства, применяемые для вовлечения гражданского населения в военные действия (например, агитационные плакаты времён Первой и Второй мировых войн).

2. Идентификационная функция обеспечивает узнаваемость и дифференциацию военных подразделений, национальных армий и военных формирований с помощью знаков различия (погоны, шевроны, эмблемы), а также специфической униформы.

3. Пропагандистская функция направлена на формирование положительного образа армии и легитимацию военных действий, используя изображения героических воинов, парады и специально разработанные агитационные материалы, формируя соответствующий миф о военной мощи и славных победах.

Символика претерпевает семантические трансформации, отражая смену идеологических доминант и политических режимов. Например, крест,

изначально исключительно религиозный символ, стал широко использоваться в военной символике многих европейских государств, приобретая значения, связанные с патриотизмом и национальной идентичностью. Символика серпа и молота, бывшая доминантной в военной символике СССР, после распад СССР потеряла своё идеологическое наполнение, став преимущественно историческим артефактом.

Безусловно, военная символика – это инструмент политической коммуникации, эффективно эксплуатирующий архетипические образы и коллективные представления для достижения политических целей. Воздействие символики базируется на принципах символического инжиниринга, манипулируя глубоко укорененными в общественном бессознательном мифологемами силы, порядка и защиты. Данный процесс, согласно теории социального конструирования реальности, активно формирует и воспроизводит национальную идентичность, легитимируя власть и делегитимируя противника [2]. Эффективность военной символики в мобилизации и консолидации общества наглядно демонстрируется на протяжении всей истории. Пропаганда Третьего Рейха, использующая символику свастики и культ «арийской расы», эффективно мобилизовала нацию и легитимировала политику агрессии. Современные примеры включают использование образов «великой отечественной войны» в политической риторике для оправдания военных действий или внутренних репрессий, демонстрируя долговременную эффективность и адаптивность данного инструмента.

Формирование национального мифа и коллективной памяти посредством военной символики тесно связано с процессами социальной идентификации и конструирования «другого». Героизированные образы воинов, военная история, символы мужества и самопожертвования создают чувство общности и принадлежности к нации, формируя интруппу. Одновременно, военная символика активно конструирует образ «врага» – аутгруппы, лишенной положительных качеств и представленной как угроза национальной безопасности. Данный процесс часто сопровождается дегуманизацией противника, представлением его как недочеловека, что оправдывает насилие и агрессию. Например, образ «желтой опасности» в западной культуре и «фашистского зверя» в советской пропаганде иллюстрируют использование стереотипов для дегуманизации противника и оправдания военных действий.

Демонстрация военной мощи, институционализируемая в масштабных парадах, строгой униформе и ритуальной военной иерархии, служит инструментарием для конструирования и поддержания имиджа сильного, контролирующего государства. Использование военной лексики в политической риторике, нацеленной на мобилизацию населения, – яркий пример вербальной пропаганды, усиливающей эффект визуальной демон-

страции силы. Анализируя пропагандистские техники, можно выделить приемы использования военной символики для манипуляции общественным сознанием и формирования послушного поведения: это и риторика героизма и самопожертвования, и стилизация под исторические архетипы воинской славы, и использование мифологем и символов национальной идентичности, тесно связанных с военной историей. Примером может служить культивирование культа личности вождя как военного героя в Сталинском Советском Союзе, где и военная символика неразрывно связывалась с идеологией и личностью лидера.

В современных информационных войнах манипуляция военной символикой достигла новых уровней сложности и изощренности, используя инструменты цифровых технологий. Делегитимация противника осуществляется через целенаправленную манипуляцию военной символикой – искажение значения символов, приписывание врагу отрицательных ассоциаций, использование фальсифицированных видеоматериалов и распространение дезинформации в цифровой среде: сюда – целенаправленное распространение фейковых новостей с использованием поддельных видеозаписей военных действий, с намеренным искажением контекста или использованием вырванных из контекста фрагментов – стало распространенным приемом информационной войны.

Таким образом, эффективность военной символики в формировании политической идентичности и легитимации власти обусловлена её способностью активизировать архетипические образы, связанные с силой, героизмом и самопожертвованием. Обращение к коллективному бессознательному, описанному Юнгом, через использование визуальных и ритуальных элементов (униформа, ордена, военная техника, ритуалы), создает эмоционально насыщенный контекст, формируя положительное отношение к государству и политическому руководству. Данный процесс можно рассматривать через призму концепции «символического капитала» Пьера Бурдьё, где военная символика служит средством легитимации власти и создания иерархических структур в обществе. Однако эффективность этого инструмента зависит от множества факторов, включая культурный контекст (в рамках которого определенные символы могут интерпретироваться неоднозначно), исторический опыт (влияющий на семантическое поле символа), уровень политической культуры и медиаграмотности населения, что требует учета теории «спирали молчания» Элизабет Нойман [6].

Дальнейшие исследования должны фокусироваться на углубленном анализе семантического поля военной символики, изучая эволюцию ее значений в различных культурах и временных периодах. Необходимо применить методы структурного и семиотического анализа, исследуя коннотации и денотации отдельных элементов военной символики, а

также их взаимосвязь в рамках целостной системы. Особое внимание следует уделить исследованию влияния новых медиа и цифровых технологий на распространение и трансформацию военной символики, применяя методы дискурс-анализа и анализа визуальной культуры. Также важным аспектом является изучение практик узурпации и переосмысления военной символики контркультурными и протестными движениями, что требует использования методов социологии движений и социальных конфликтов.

Библиографический список

1. Афонин А.А. Патриотизм в политическом процессе современной России: опыт транслирования и тенденции развития в медийном пространстве / А.А. Афонин. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2024. № 10 (509). С. 249-252.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с нем. – М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Борисенков А.А. Политическое влияние как способ осуществления назначения политики // Социум и власть. 2010. № 3. С. 23-29.
4. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практика : пер. с фр. / Пьер Бурдьё; сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко.- Москва: Ин-т эксперим. социологии; – СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2005. 576 с.
5. Ларкин Л.Г. Символика военной культуры в социуме / Л.Г. Ларкин // Вестник ТГУ. 2014. № 9 (137). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-voennoy-kultury-v-sotsiume> (Дата обращения: 01.02.2024).
6. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. Мансурова Н.С. – М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. 352 с.

References

1. Afonin A.A. Patriotism in the political process of modern Russia: the experience of broadcasting and development trends in the media space / A.A. Afonin. – Text: direct // Young scientist. 2024. № 10 (509). P. 249-252.
2. Berger P., Lukmann T. Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge / trans. from Germ. – M.: Medium, 1995. 323 p.
3. Borisenkov A.A. Political influence as a way of implementing the purpose of policy // Society and power. 2010. № 3. P. 23-29.
4. Bourdieu P. Social space: fields and practice: trans. from French / Pierre Bourdieu; compiled, general. editorial translation and afterwords by N.A. Shmatko. – Moscow: Institute of Experimental Sociology; – SPb.: ALETEYIA, 2005. 576 p.
5. Larkin L.G. Symbolism of military culture in society / L.G. Larkin // Bulletin of TSU. 2014. № 9 (137). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-voennoy-kultury-v-sotsiume> (01.02.2024).
6. Noel-Neumann E. Public opinion. Discovery of the spiral of silence: Trans. from Germ. / General ed. and foreword by Mansurova N.S. – M.: Progress-Academy, Ves Mir, 1996. 352 p.

Качковский С.С.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Предприниматель, консультант в сфере управления.

Вода, рептильные божества, первая жертва и коды мироздания: космогония догонов в контексте общемирового культурного наследия*

Аннотация. Спустя 60 лет после опубликования в издании французского Института этнологии последней крупной работы М. Гриоля и Ж. Дитерлен по культуре африканского племени догонов, труды этих ученых остаются практически единственным источником сведений о предмете. В то же время космогония догонов подробно не исследовалась в ее связи с представлениями народов-прародителей современной цивилизации: древних шумеров, египтян, китайцев, индийцев, народов Центральной Америки, хотя при ближайшем рассмотрении связь настолько прочна, что едва ли может считаться простым совпадением. Космогония догонов восходит к древнейшим пластам египетской культуры (Огдоаде), концепции умирающего и воскресающего бога (Осирис, Думузи, Атгис и др.), пониманию воды как первичной субстанции, в которой зародилась жизнь, а также повсеместной истории о «рептильных предках» человечества. Особое место занимает представление о 64 принципах устройства человеческой цивилизации, имеющее признаки родства с древней китайской системой гексаграмм И-цзин и месопотамской концепцией Мэ. Обнаруженные явные параллели в космогонических концепциях, вплоть до мелких деталей, бросают вызов современным исследователям в сфере культурологии, истории, этнологии и в других областях.

Ключевые слова: догоны, космогония, рептильные божества, первичные воды, жертвоприношение, гермафродит, обрезание, номмо, апкаллу, огдоада.

Kachkovskiy S.S.

National Research University Higher School of Economics. Entrepreneur, management consultant.

Water, reptilian deities, the first sacrifice and the codes of the universe: Dogon cosmogony in the context of global cultural heritage.

Abstract. 60 years after the publication of the last major work by M. Griaule and J. Dieterlen on the culture of the African Dogon tribe in the publication of the French Institute of Ethnology,

* © Качковский С.С., 2025.

Вода, рептильные божества, первая жертва и коды мироздания: космогония догонов в контексте общемирового культурного наследия

the works of these scientists remain practically the only source of information on the subject. At the same time, the Dogon cosmogony, apparently, has not been studied in detail in its connection with the ideas of the ancestor peoples of modern civilization: ancient Sumerians, Egyptians, Chinese, Indians, peoples of Central America, although upon closer examination the connection is so strong that it can hardly be considered a mere coincidence. Dogon cosmogony goes back to the most ancient layers of Egyptian culture (Ogdoad), the concept of a dying and resurrecting god (Osiris, Dumuzi, Attis, etc.), understanding of water as the primary substance in which life originated, as well as the ubiquitous story of the "reptilian ancestors" of humanity. A special place is occupied by the idea of 64 principles of the structure of human civilization, which has signs of kinship with the ancient Chinese system of hexagrams I-Ching and the Mesopotamian concept of Me. The obvious parallels discovered in cosmogonic concepts, down to small details, challenge modern researchers in the field of cultural studies, history, ethnology and other fields.

Key words: Dogon, cosmogony, reptilian deities, primary waters, sacrifice, hermaphrodite, circumcision, Nommo, Apkallu, Ogdoad.

Введение

Космогония догонов редко исследуется как органическая часть общемирового культурно-исторического наследия. В последние годы, довольно перспективное направление в области сравнительной мифологии предложил Михаэль Витцель: он приступил к реконструкции «изначального мифа», разделив основные преобладающие нарративы народов мира по очертаниям предполагаемых древних материков Лавразии и Гондваны. Безусловным достоинством подхода Витцеля является междисциплинарность и частичное игнорирование лингвистического аспекта (языков много, культура – одна). Но из-за слишком большого количества задействованных источников и при недостаточно удачной их подборке вкупе со слабой глубиной проработки, он не заметил в космогонии догонов, которую, как и все прочие африканские предания, он отнес к «Гондване», явное родство с «лавразийским» культурным ареалом. При этом Витцель также не отметил ключевых для культуры догонов представлений о рептильных гермафродитных первопредках людей, концепции «божественной жертвы» и других красноречивых мировоззренческих аспектов, что говорит скорее о слабой изученности африканских и австралийских преданий и недостаточном внимании к ним, чем об их тематической обособленности [22]. В действительности, космогония догонов не просто близка к системным представлениям о развитии мира и человека, которые встречаются у древнейших развитых цивилизаций мира, но даже в некоторых случаях, похоже, становится ключом к их пониманию.

В качестве источника сведений о космогонии догонов в данной статье используются две основополагающие работы М. Гриоля и Ж. Дитерлен: «Бог воды: беседы с Оготемелли» и «Космологический миф: Бледный Лис», впервые опубликованные в 1948 и 1965 соответственно. Для сопо-

ставления взяты источники по месопотамским, египетским, индийским, китайским и ацтекским легендам и преданиям. В первой части статьи рассматриваются два главных аспекта зарождения жизни на Земле: водная субстанция и легендарные предки человечества с выраженными рептильными чертами, которых, без оглядки на современные популярные медийные продукты, было бы наиболее удачно назвать «рептилоидами». Во второй части статьи анализируется догонская концепция умирающего и воскресающего бога в связи с древнейшим культом, известным, прежде всего, по месопотамским и египетским источникам. В третьей части уделено внимание представлению об основополагающих принципах организации человеческого общества, присутствующего у догонов, а также в преданиях Месопотамии и Китая. Эти мировоззренческие константы обнаруживаются у народов-основоположников человеческой цивилизации в трансконтинентальном масштабе.

Часть I. Боги воды

Космогония догонов сообщает о поэтапном творении жизни на Земле неким создателем по имени Амма. Он установил своего рода Мировое Дерево, подобное акации *Acacia Faidherbia*, однако при внимательном рассмотрении, с акацией его связывают только форма её шипа. Также форму этого объекта сравнивают с колокольчиком догонов *ганана*, что в конечном счете приводит к выводу, что речь идет не о дереве, а о некоем искусственном объекте конусовидной формы. Между вершинами двух таких объектов Амма поместил емкость с семенами всех живых существ, а медленное вращение емкости сопровождалось созреванием семян. Тем не менее, первая попытка творения не удалась из-за большого числа зародышей различных существ, а также ошибочного соотношения четырех первоэлементов (вода, огонь, земля, воздух): водный элемент исчез из емкости и семена остались «ни живыми, ни мертвыми». Этот первый мир был разрушен создателем [10, с. 112-114].

Опуская подробное, насыщенное сложной терминологией и символическое описание деталей процесса творения второго мира с помощью всевозможных волновых и прочих манипуляций с семенами и субстанциями, остановимся на создании Аммой двойной плаценты яйцевидной формы называемой *мэ*, словом, однокоренным слову *мэну*, означающим медь. Медь у догонов считается «несовершенным огнем», т.е. «огнем, прошедшим определенную трансформацию». В этой «медной» плаценте *мэ*, Амма вывел из икринок четыре пары первых живых существ по имени *номмо анагонно*, где *анагонно* означает, предположительно, рыб из семейства клариевых [10, с. 153].

Эти первые существа были водными близнецами-гермафродитами (мужские и женские особи объединялись, поэтому всего *номмо* было во-

семь, т.е. четыре пары) и описываются они следующим образом: «...вода, божественное семя, проникла в землю... Бог создал их, как воду. Они были зеленого цвета и имели форму человека и змеи. С головы до талии они были людьми; нижняя же часть была змеиной... Красные глаза были похожи на человеческие, а их раздвоенные языки — на языки рептилий. Руки были гибкими и не имели суставов. Все их тело было зеленым и гладким, скользким, как поверхность воды, и покрытым короткими зелеными волосками, сигнализирующими о росте и прорастании. Эти существа, называемые номмо, были, таким образом, нераздельнополыми продуктами Бога, подобными его божественной сущности» [9, с. 21]. Эту восьмерку номмо также называют «символом Слова», подчеркивают их водную природу вплоть до использования понятия «номмо» как синонимичного водной субстанции во всех ее проявлениях, т.к. «жизненная сила земли — вода. Бог смешал землю с водой. Точно так же он делает кровь из воды. Даже в камне есть эта сила, потому что влажность есть во всем» [9, с. 22]. В дальнейшем от этих гермафродитных существ произошли уже четыре пары раздельнополых, а от них, в свою очередь - люди, населившие сушу [10, с. 392]. Они же принесли на землю с небес семена растений. Символами номмо считаются винтовое, спиралевидное движение, «подобное движению рептилий», вода как таковая и изображения в виде рыб [9, с. 23].

Из сжатого описания, представленного выше, можно отметить следующее:

- вода в космогонии догонов считается «семенем жизни», своего рода первичной субстанцией;
- первые восемь существ описываются как полулюди-полузмеи либо рыбы (в любом случае, водные), а также гермафродиты, составленные из близнецов мужского и женского пола;
- от этих первых существ произошли люди, они же принесли «с небес» семена растений и связаны со Словом в широком смысле (речь, язык, самовыражение);
- спираль или «вихрь» символизируют действие номмо в этом мире.

Можно попутно отметить наличие в мировоззрении догонов представления о четырех первоэлементах, хорошо известных в древнегреческой и ведийской традициях. В китайской же традиции первоэлементов пять: вместо воздуха используются понятия металла и дерева, в связи с чем примечательно упомянутое выше представление догонов о меди (металле) как о «несовершенном» огне, т.е. прошедшем трансформацию. Таким образом, металл в ряде элементов у догонов неявно тоже присутствует, однако он не первичен и является производным от огня. Впрочем, это не решает вопрос отсутствия у догонов в ряде первоэлементов и дерева, хотя некоторые описания свидетельствуют об особом отношении догонов к дереву

как главному посреднику между видами живых существ в круговороте веществ в природе [10, с. 116].

Образ четырех пар *номмо* в египетской традиции во многом соответствует четырем парам рептильных божеств под общим названием Огдоада — это существа, стоявшие у истоков сотворения мира, возникшего из водной стихии. Огдоада, по-видимому, ближе ко второму поколению *номмо*, т.е. раздельнополым, от которых позднее произошли люди. Женская половина египетских рептилоидов изображалась с головой змеи, мужская — с головой лягушки. Эти изображения обнаружены в Гермополисе, который являлся крупным центром этого культа [12, с. 113], а также на о. Филадельфия и в Дендере. В Дендере также известен рельеф, показывающий создание человека на гончарном круге существом с головой барана, обычно идентифицируемого как Хнум. Хнум является одним из древнейших божеств Египта, связанным с водной стихией и сотворением человека. Примечательно, что в догонской космогонии один из водных *номмо*, ассоциируемый с первой жертвой во имя создания мира, также описывается в образе Небесного Барана, который *«между рогами несет тыкву, символ женщины и женского солнца»* [9, с. 80]. Египетский Хнум также изображается с диском между рогами, символизирующим солнце, при этом, согласно «Текстам Пирамид», Хнум происходит как раз от пары рептильных божеств Огдоады — Нун и Наунет [3]. Таким образом, древнеегипетская космогония показывает первичные воды, из которых произошла жизнь, и восьмерку рептильных божеств, первых от сотворения мира, причем от одной пары этих существ происходит божество, изображаемое с бараньими рогами и солнечным диском между ними, причастное к созданию человека. С бараньими рогами изображалось и другое египетское божество Амон, непосредственно входившее в Огдоаду. Прослеживаются и связи египетской Огдоады с «умирающим и воскресающим богом» Осирисом, о чем будет подробнее сказано в следующей части. Пересечения с космогонией догонов весьма явные, и можно предположить, что египтяне передают во многом ту же историю. Впрочем, в этом сравнении речь идет исключительно об африканском континенте, и подобная общность архаичных культурных пластов хоть и показана впервые, но все же не вызывает большого удивления. В то же время, наблюдаются прочные связи и с культурой цивилизаций, развивавшихся за тысячи километров от этого региона.

Если обратиться к месопотамской культуре, то писатели, частично пересказавшие «Вавилонскую историю» жреца Бероса, говорят о времени, *«когда в мире была лишь тьма и вода, и в них зародились удивительные существа своеобразной формы, которые могли порождать других существ [...] тело было одно, а голов — две, мужская и женская, и два набора половых органов, мужских и женских [...] все было водой и эти существа жили*

в ней». Историю эту, по Беросу, передали людям некие полулюди-полурыбы под названием *аннедоты*, которые пять или шесть раз выходили из воды в разное время и научили людей всему, что относится к цивилизованной жизни, от земледелия, металлургии и государственного устройства до письменности, математики и вообще всех видов наук и искусств [21, с. 45-51]. Из шумеро-вавилонских преданий известно, что этих *аннедотов* также называли *апкаллу*, их было семеро (прообраз «семи мудрецов» греческой и ведийской традиций) и они были помощниками бога Энки (Эа), который управлял водной стихией и был создателем людей и главным строителем жизни на Земле [7]. Хорошо известно и о связи Энки с рептильными божествами: так, например, в предании «Энки и Нинхурсаг» говорится, что Энки выдал младших дочерей замуж за Ниназу и Нингишзиду, божеств, явно ассоциируемых со змеями [26]. При этом Нингишзида вырос в подводной резиденции Энки и пользовался его покровительством [24]. Хорошо известен сосуд Гудеа, царя города Лагаша, с посвящением Нингишзиде: на нем выгравирован один из древнейших образцов символа двух переплетенных змей [27]. Рептильные полубоги в Месопотамии встречаются также на цилиндрических печатях: верхняя половина, как правило, показана человеческой, нижняя – змеиной, с закрученным спиралью хвостом [28]. И хотя прямую связь *апкаллу* и рептильных божеств установить не так просто, всех их объединяет фигура творца Энки, которого можно ассоциировать с догонским Аммой.

Таким образом, в месопотамской космогонии прослеживаются многочисленные соответствия преданиям догонов: первичные воды, в которых зародилась жизнь, первые водные существа с гермафродитными признаками, затем уже однополые водные существа, от которых людям перешли все знания об устройстве цивилизации (земледелие, письменность и т.д.). Как и у догонов, недостаточно конкретизировано различие между рыбой и рептилией. Символ спирали и его связь со змеями (рептилиями) ясно прослеживается.

Число первичных существ в месопотамской традиции не восемь, как у догонов, а семь. Однако, одно существо из восьми догоны называют именем Ого и никогда не изображают рыбой, как остальных. Это существо, по преданиям, вмешалось в процесс творения, что привело к многочисленным бедствиям и потребовало пересоздания мира через принесение в жертву одного из оставшихся *номмо*, который затем воскрес. Здесь мы снова подходим к фундаментальной концепции умирающего и воскресающего бога, о которой речь в следующей части.

В китайской культуре образ *номмо* отчетливо виден в фигурах легендарных правителей Фу Си и Нюйва, близнецов и одновременно супругов, изображавшихся как мужчина и женщина со змеиной нижней частью тела. После потопа они породили людей, а также обучили их различным

наукам [15]. Иногда упоминается, что Фу Си принес первую жертву [23]. Фигура Фу Си практически неотличима от изображения человека-змея на упомянутой выше месопотамской цилиндрической печати, где он также показан с неизвестным прямоугольным инструментом в руке. Переплетенные хвосты Фу Си и Ньюва напоминают о символе спирали у догонов и на месопотамских изображениях змей.

Итак, с китайской традицией догонскую космогонию роднит следующее: происхождение жизни из воды, рептильные двуполые существа, от которых произошли люди и от которых получили знания, символ спирали, ассоциируемый со змеями, первая жертва. Еще одно неожиданное соответствие прослеживается в схематичном представлении о структуре мироздания, построенном на бинарном принципе и числе восемь, о чем подробнее сказано в третьей части статьи.

В культуре народов Нового Света особое место занимает божество, на разных языках называемое Кецалькоатль, Кукулькан, Кукумац, которого называли Пернатым Змеем и изображали в виде получеловека-полузмеи. Иногда это была голова человека и туловище змея, иногда он изображался как змей, под головой которого видна человеческая голова (что напоминает месопотамские истории об учителях человечества *аннедотах*). В ацтекских преданиях нашему миру предшествовали четыре других, которые были поочередно созданы и разрушены. Четвертый мир закончился потопом, а люди, чтобы выжить, стали рыбами. В начале пятого мира Кецалькоатль снова создал людей (в этом ему помогала такая же полузмея женского пола Сиуакоатль) и дал им семена для пропитания. Для поддержания миропорядка также понадобилось принести в жертву нескольких богов, которые воскресли в виде Луны и Солнца [4, с. 139-141].

Таким образом, ацтекские предания также имеют близкое сходство с преданиями догонов, а именно: водное начало, рептильные божества как создатели людей, податели пропитания и основатели миропорядка, многократное пересоздание мира, сопровождаемое катастрофическими событиями, вода как господствующая стихия (по крайней мере в начале нашего, пятого по счету мира), жертва и возрождение божества для поддержания миропорядка.

В индийской традиции (см. «Матсья-пурана») божество Вишну в виде рыбы спасает Ману и избранных людей от потопа, аналогично тому, как шумерский Энки спасает от потопа Зиусудру (символом Энки также является рыба). Вишну прочно связан с «царем змеев» Шешой и часто представляется лежащим на этом змее на водной поверхности.

Итак, очевидно, в архаичных преданиях важнейших с точки зрения истории человечества древних цивилизаций со всей планеты, красной линией выделен один и тот же мотив, с небольшими отличиями в деталях. Синтезируя эти сюжеты в один, справедливо обозначить следующие осно-

воплогающие моменты:

- многократное сотворение и катастрофическое разрушение мира;
- вода как первичная субстанция по крайней мере нашего мира;
- существа рептильного типа (иногда – рыбы, есть признаки взаимозаменяемости) как создатели людей, податели пропитания и знаний;
- необходимость принесения в жертву бога для поддержания миропорядка.

По последнему пункту подробнее в следующей части.

Часть II. Умирующий и воскресающий бог

Согласно преданиям догонов, одно из совершенных небесных рептильных двуполых существ *номмо*, нарушило порядок созревания в плаценте своей сестры-близнеца. Оно отделилось раньше времени, похитило часть «материнской» плаценты и, пытаясь повторить порядок творения Аммы, начало плодить на Земле первых раздельнополых существ (и само было однополым в связи с нарушением порядка созревания) с большими головами, бесцветным телом и слабыми конечностями, которые спрятались под землей, а также некоторые виды растений и животных. Звали это существо Ого.

Создатель понял, что для исправления ситуации придется пожертвовать одним из оставшихся *номмо* и уничтожить часть существ, населивших землю. Жертва заключалась, прежде всего, в разделении мужской и женской сущностей, что включало, в числе прочего, отсечение (неизвестно, в каком смысле) мужского органа еще на стадии зародыша, т.е. внутри плаценты. Кровь этой жертвы у догонов сложным образом связана с планетой *язу*, утренней звездой, т.е. Венерой. После этих происшествий и доставки на землю некоего «материала» от жертвы на Землю, из нее рождаются раздельнополые водяные *номмо анагонно*, от которых впоследствии произойдут люди. С тех пор догоны практикуют обрезание, причем как мужское, так и женское, чтобы на физическом уровне максимально подчеркнуть различие полов в память о тех событиях. Что касается Ого, то его настигло наказание в виде обрезания (догоны считают, что женская сущность мужчины заключена в крайней плоти). Истечение крови от обрезания считается «мужской менструацией». Обрезание Ого у догонов связано с новолунием. Также новолуние считается моментом, когда «*номмо молчат*», что означает наивысшую опасность [10, с. 509-510].

На пронаосе египетского храма Хатхор в Дендерах изображена сцена с Огдоадой и Осирисом, на которой Осирис плывет впереди на лодке (возможно, также, что лодка является лунным серпом). Культ Осириса такой же древний, как и Огдоада, отсылки к нему встречаются еще в 3-м тысячелетии до н.э. в Текстах Пирамид [11, с. 1, 4-7]. Согласно преданиям, брат Осириса по имени Сет, который, подобно Ого в догонской традиции,

считается причиной хаоса и насилия, убивает Осириса (у догонов Ого отказывается принести себя в жертву для исправления своих ошибок, и на это решается другой *номмо*), а части тела разбрасывает по Египту. Части тела затем собирают (кроме пениса, который, как говорится, съела рыба) и мертвое тело Осириса восстанавливают. [16, с. 78-79]. События происходили, по-видимому, после попытки уничтожения человечества Ра, завершившейся воцарением Осириса и «луны Тота» [16, с. 74-75]. Осирис, связанный с плодородием, был также тесно связан с лунными циклами, а самый крупный праздник в честь Осириса - «Восхождение Осириса к Свету» - праздновался в новолуние месяца Фаменота и знаменовал начало весны [5, с. 32-33]. Осирис также может отождествляться с птицей *бену*, связанной с Венерой [16, с. 117-118]. Гимны Осирису исполнялись в жанре плачей: жрецы оплакивали погибшего бога и символически приближали воскрешение.

Древнегреческий историк Геродот утверждал, что обычай обрезания крайней плоти народы Средиземноморья переняли у египтян, и считал его очень древним, однако не дал ему никакого объяснения [2, с. 110]. В свете обозначенных пересечений с космогонией догонов, достаточно обосновано предположить связь этого обряда с культом Осириса, утратившего свой детородный орган. В то же время, аналогичный культ был распространен также в Месопотамии, а в Малой Азии в этой связи даже практиковалась ритуальная кастрация, о чем говорится подробнее ниже.

В «Вавилонской истории» уже упомянутого Бероса, божество по имени Баал принесло себя в жертву для создания нового мира. В поздней вавилонской поэме «Энума Элиш» в жертву приносится бог Кингу, хранитель «Таблиц судеб», а в ранних шумерских преданиях его зовут Энмешарра («господин всех Мэ», т.е. законов мироздания). Считается, что Энмешарра имел характеристики хтонического божества и правил задолго до известного пантеона шумерских богов [14, с. 284], что вновь приводит к концепции рептильных прародителей. Более того, культ умирающего и воскресающего бога Думузи, столь же древний и связанный с плодородием, как и культ Осириса в Египте, в ритуальных текстах города Ниппура связывается с культом рептильного божества Иштарана (Иштаран и Думузи отождествлены) [18, с. 86]. Культ Думузи был широко известен в Месопотамии в центрах почитания его жены Инанны, дочери лунного бога, ассоциируемой с планетой Венерой. Жречество этого культа включало особые группы мужчин, исполнявших т.н. «плачи» и демонстрировавших неоднозначность половой принадлежности, их называли *гала* [6].

Во многом идентичный культу Инанны и Думузи институт существовал в Малой Азии – это культ Кибелы и Аттиса. О нем, а точнее о его жреческой составляющей, сохранилось несколько больше подробностей. Так, например, известно, что жрецы Кибелы и Аттиса, которых римляне позже

называли *галлами* (лат. *galli*: видимо, аналог месопотамских *гала*), практиковали ритуальную кастрацию и носили женское облачение, украшения и прически [20]. Отчасти это роднит культ с кипрскими лунно-венерическими обрядами в честь Гермафродита с их подчеркнутой бесполостью (либо двуполостью) участников [8, с. 214]. Стоит отметить, что латинское название *gallus* («петух») в этом случае может быть не только прямым фонетическим переносом, но и намеком на отсутствие у петуха (как, впрочем, у многих птиц) внешнего мужского полового органа. По-видимому, ритуальная кастрация в малоазийском культе была знаком «солидарности» с умершим и воскресшим Аттисом, который, согласно преданию, оскотил сам себя. Также весьма вероятно, что практика обрезания является «легким» вариантом кастрации, о чем прямо свидетельствует описание представлений об этом обряде у догонов.

В преданиях ацтеков, для воссоздания мира два бога пожертвовали собой, став Луной и Солнцем, а для поддержания их движения Кецалькоатль принес в жертву остальных богов [4, с. 140]. Есть свидетельства, что у ацтеков практиковался обычай обрезания [17, с. 57]. Что касается астрономической связи с Венерой, в рассмотренных ацтекских преданиях она не прослеживается, однако детальное исследование календаря культурно родственного народа майя обнаружило столь точное соответствие астрономическим таблицам Вавилона, что даже позволило выдвинуть предположение о влиянии вавилонских астрономических знаний на центрально-американские [1, с. 133].

В индийских преданиях в жертву был принесен Пуруша, ассоциируемый с Вишну [13, с. 87], который, как ранее было отмечено, прочно связан со стихией воды и символами рыбы и змея.

В китайской культуре, как было сказано выше, есть лишь упоминание о принесении Фу Си первой жертвы, без каких-либо подробностей. Имеется также легенда о первом человеке-великане Паньгу, из тела которого был создан мир, но она никак явно не связана с историей прародителей Фу Си и Ньюва и созданием человечества.

Таким образом, выявлен ряд общих черт концепции умирающего и воскресающего бога догонов с культовыми представлениями других народов, в наименьшей степени выраженные только в китайской и индийской культурах:

- связь умирающего и воскресающего бога с рептильными первопредками;
- выраженный аспект бесполости либо гермафродитизма;
- связь с астрономическими циклами Луны и Венеры;
- связь с практиками ритуальной кастрации и обрезания.

Часть III. Коды мироздания.

В качестве дополнения важно рассмотреть уникальное представление

догонов о 64-х принципах устройства человеческого общества, доставленными на землю создателем мира Аммой в некоем ковчеге. Эти принципы называются *яла* («образы» или «отражения») [10, с. 94] и являются манифестацией человеческого творчества в этом мире [10, с. 124-125]. Общее число *яла* значительно выше и служат они для различных целей, а набор из 64-х относится именно к указанным выше проявлениям.

В китайской истории Фу Си большой интерес вызывает изобретение им двоичной системы исчисления, в дальнейшем описанной в китайской классической «Книге Перемен» (И-цзин), относящейся теперь к канону даосской литературы. Об этом изобретении было известно Г.В. Лейбницу, состоявшему в переписке с иезуитами, работавшими в Китае [19], а именно Лейбниц считается в современной науке создателем двоичной системы исчисления, на которой сейчас зиждется весь цифровой мир. Фу Си сформировал на базе бинарного принципа восемь первичных сочетаний сплошной и прерывистой линий, основу миропорядка, которые, изображенные по горизонтали и вертикали, дают 64 сочетаний (гексаграмм). В культуре догонов тоже используются своеобразные схематические изображения восьми *номмо*: «Над дверью храма нарисована шахматная доска из белых плиток, чередующихся с плитками цвета глиняного фона. Обычно она включает восемь полос, по одной на каждого предка. Эта шахматная доска является главным образом изображением «вещей мира сего», и особенно структуры и основных объектов человеческой организации» [9, с. 129].

Похожая идея содержится в месопотамской концепции *Мэ* – принципов развития и управления человеческим обществом. Исследователям не удалось установить конкретное число *Мэ*, в известном шумерском предании о похищении *Мэ* их насчитывается около 41 [25]. Они включают все ремесла, а также обнаруживают признаки дуалистических пар: например, нечестие и благочестие, нахождение в движении и малоподвижность, разжигание огня и тушение огня. Такие дуальные пары встречаются и среди 64-х китайских гексаграмм И-цзин: расцвет и упадок, подъем и истощение, и проч. Есть и буквальные соответствия принципов *Мэ* и гексаграмм И-цзин: например, *Мэ* под названием «семья в сборе» полностью соответствует гексаграмме «родня» (同人), поскольку буквальное прочтение иероглифов дает именно значение «семья в сборе». Один *Мэ*, который так и не удалось перевести, на английском языке обозначен как *bitter-toothed*, что в переводе дает наподобие «горько зазубренный», однако в китайском наборе гексаграмм есть одна с названием 噬嗑, что переводится как «стиснутые зубы», что может оказаться более удачным прочтением шумерского аналога. По-видимому, дальнейший поиск соответствий может привести к интересным открытиям. Примечательно также представление о *Мэ* как о таблицах, которые, к тому же, можно было отнять и похитить: это уже упо-

мянутые «Таблицы Судеб» Энмешарры и его вавилонского аналога Кингу. Таким образом, и в месопотамской культуре тоже прослеживается не только сам набор ключевых принципов, но и их схематичное изображение в виде таблицы.

Заключение

Проведено первое подробное исследование космогонии догонов в контексте общемировой культуры. Обнаружены множественные, вплоть до мелких деталей, соответствия культовых представлений догонов месопотамским, египетским, ацтекским, и в меньшей степени – индийским и китайским источникам. Суммарно эти общие представления выражаются в следующем: вода как первичная субстанция жизни, связанные с водной субстанцией первичные существа в виде бесполой (двуполой) рептильной «божеств», являющиеся прародителями людей и подателями знаний и благ, принесение в жертву одного из этих существ с целью поддержания (пересоздания) миропорядка, особая культовая роль Луны и Венеры. Дополнительно обозначена общность концепции многократно создаваемых и разрушаемых миров. На базе сопоставления высказано обоснованное предположение о происхождении ритуальной практики обрезания у народов средиземноморского региона. Продемонстрирована вероятная связь представлений догонов о 64 принципах организации человеческого общества с китайской системой гексаграмм И-цзин и месопотамской концепцией Мэ, подчеркивающая перспективность дальнейших исследований.

Дополнительно стоит отметить, что столь высокая степень общности наиболее архаичных пластов культуры в трансконтинентальном масштабе сама по себе говорит в пользу гипотезы о глубоком культурном единстве человеческого общества. Относится ли это единство к возможному феномену существования в далеком прошлом своего рода «глобализированной» цивилизации, или же к глубинным свойствам человеческой психики – отдельный актуальный вопрос для исследователей, по-видимому, всех областей наук.

Библиографический список / References

1. Иванов Вяч. Вс. От буквы и слога к иероглифу: Системы письма в пространстве и времени // М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 272.
2. Стратоновский Г.А. Геродот. История в девяти книгах // «Наука», Ленинград, 1972. С. 600.
3. Шапошников А.К. Древнеегипетская книга мёртвых. Слово устремлённого к Свету // М.: Эксмо, 2004. С. 432.
4. Aguilar-Moreno M. Handbook to Life in the Aztec World // Facts On File, Inc. An imprint of Infobase Publishing, 2005. P. 440.
5. Babbit F.C. Plutarch, Moralia, Volume V // Harvard University Press, London, 1936. P. 528.
6. Bachvarova M.N. Sumerian gala priests and Eastern Mediterranean returning gods: Tragic lamentation in cross-cultural perspective // Lament: Studies in the Ancient Mediterranean and Beyond, Oxford Academic, – New York, 2023. P. 18-52.

7. Bondzhev A. Enki's Seven Sages (Adapa/Oannes and the Apkallu): Humanity's Cosmic Guardians // *Open Journal for Studies in History*, 2024. № 7 (1). P. 31-44.
8. Davies P.V. Macrobius: The Saturnalia // Columbia University Press, Netherlands, 1969. P. 560.
9. Griaule M. Dieu d'eau: entretiens avec Ogotemmeli // Librairie Arthème Fayard, Paris, 1975. P. 224.
10. Griaule M., Deietler G. The Pale Fox // Continuum Foundation, Chino Valley, AZ, 1986. P. 568.
11. Griffiths J.G. The Conflict of Horus and Seth. A study in ancient mythology from Egyptian and classical sources // Liverpool University Press, 1060. XII, Pr. Sh. 32/6. P. 182.
12. Hart G. The Routledge dictionary of Egyptian gods and goddesses // Routledge, London, 2005. P. 170.
13. Klostermair K.K. A survey of Hinduism, 3rd Edition // State University of New York Press, 2007. P. 700.
14. Lambert W.G. Babylonian Creation Myths // EISEN BRAUNS, Winona Lake, Indiana, 2013. P. 658.
15. Lianfen Y. Water in Traditional Chinese Culture // *The Journal of Popular Culture*. 1993. № 27 (2). P. 51-56.
16. Pinch G. Egyptian Mythology: A Guide to the Gods, Goddesses, and Traditions of Ancient Egypt // Oxford University Press, 2004. P. 257.
17. Remondino P.C. History of Circumcision From the Earliest Times to the Present // F.A. Davis, Publisher, 1891. P. 1145.
18. Simons F. A New Join to the Hurro-Akkadian Version of the Weidner God List from Emar (Msk 74.108 a+ Msk 74.158 k) // *Altorientalische Forschungen*, 2017. № 44 (1). P. 82-100.
19. Strickland L., Lewis H.R. Leibniz on Binary: The Invention of Computer Arithmetic // The MIT Press, 2022. P. 248.
20. Taylor P. The gala and the gallos // *Anatolian Interfaces: Hittites, Greeks and their Neighbours*, Oxbow Books, 2008. P. 173-180.
21. Verbrugge G.P., Wickersham J.M. Berossos and Manetho, introduced and translated: native traditions in ancient Mesopotamia and Egypt // The University of Michigan Press, 2001. P. 239.
22. Witzel M.E. J. The Origins of the World's Mythologies // Oxford University Press, New York, 2013. P. 688.
23. Britannica Encyclopedia // Fu Xi // URL: <https://www.britannica.com/topic/Fu-Xi>
24. The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature. A balbale to Ningishzida A // University of Oxford. // URL: <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=t.4.19.1#>
25. The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature. Enki and Inanna // University of Oxford. // URL: <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/section1/tr131.htm>
26. The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature. Enki and Ninhursaga // University of Oxford. // URL: <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=t.1.1.1#>
27. Louvre Museum // Libation Vase of the God Ningishzida // URL: <https://collections.louvre.fr/en/ark:/53355/cl010143800>
28. The University of Chicago Museum // Cylinder seal from Tell Asmar, field number As.32:132 // URL: <https://isac-idb.uchicago.edu/id/a3a2fc5b-37e3-4e86-8532-9ae904977340>

Лин Тун

Аспирант I курса. ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток. Гуанчжоуская академия изящных искусств, Гуанчжоу, Китай.

К вопросу о распространении и влиянии идей конструктивизма на пластическое искусство Китая*

Аннотация. Статья посвящена современному развитию пластического искусства Китая под влиянием русского авангарда, особенно идей конструктивизма Владимира Татлина. Движение происходило в условиях непрекращающегося поиска новых форм, подразумевающих забвение всего «старого», отказ от «искусства ради искусства», демонстрируя огромное значение конструктивизма как движущей силы социальных изменений под лозунгом - «Отныне искусство должно было служить производству». Данное исследование актуально, так как данная тема в слабо представлена в культурологических исследованиях России, так как приведены результаты теоретического и аналитического исследования автора. Китайскому скульптору Чжэн Кэ были близки новаторские идеи Владимира Татлина. Исследуя творчество китайского художника, автор статьи находит некоторое сходство их жизненного пути, полное многочисленных экспериментов и проектов. Автор утверждает, что именно творческий проект «Башня Татлина» с движущейся конструкцией с телеграфом и типографией — стала мощным импульсом для создания большого количества фантастических проектов, в которых отразилось синтетическое понимание искусства скульптуры. Татлин выдвинул концепцию «архитектурной скульптуры», преодолевшей границы между архитектурой и скульптурой, что повлияло на создание нового направления в развитии искусства скульптуры во всем мире, в том числе и в творчестве китайских мастеров. В заключении статьи автор подчёркивает, что творчество и педагогическая деятельность Чжэн Кэ в свою очередь оказали сильное влияние на подготовку молодых скульпторов и дизайнеров Китая, визуальный анализ произведений которых будет представлен в следующей статье.

Ключевые слова: Россия, Китай, Владимир Евсеевич Татлин, русский авангард, конструктивизм, Чжэн Кэ, современная скульптура, дизайн.

Ling Tong

1st year postgraduate student. Vladivostok State University, Vladivostok. Guangzhou Academy of Fine Arts, Guangzhou, China.

On the issue of distribution and influence of constructivism on Chinese art

* © Лин Тун, 2025.

К вопросу о распространении и влиянии идей конструктивизма на пластическое искусство Китая

Abstract. The article is devoted to the modern development of Chinese plastic art under the influence of the Russian avant-garde, especially the ideas of constructivism by Vladimir Tatlin. The movement took place in the context of an incessant search for new forms, implying the oblivion of all “old”, the rejection of “art for art’s sake”, demonstrating the great importance of constructivism as a driving force of social change under the slogan - “From now on, art had to serve production.” This study is relevant because this topic is poorly represented in Russian cultural studies, as the results of the author’s theoretical and analytical research are presented. The Chinese sculptor Zheng Ke was close to the innovative ideas of Vladimir Tatlin. Exploring the work of the Chinese artist, the author of the article finds some similarities in their life path, full of numerous experiments and projects. The author claims that it was the creative project Tatlin Tower, featuring a moving structure with a telegraph and a printing press, that became a powerful impetus for creating a large number of fantastic projects that reflected a synthetic understanding of the art of sculpture. Tatlin put forward the concept of “architectural sculpture” that transcended the boundaries between architecture and sculpture, which influenced the creation of a new direction in the development of sculpture art around the world, including in the work of Chinese masters. In conclusion, the author emphasizes that Zheng Ke’s creative work and teaching activities, in turn, had a strong impact on the training of young sculptors and designers in China, whose visual analysis of works will be presented in the next article.

Key words: Russia, China, Vladimir Yevseyevich Tatlin, Russian avant-garde, constructivism, Zheng Ke, modern sculpture, design.

Введение.

Русский авангард, включавший в себя такие художественные направления, как кубофутуризм, супрематизм и конструктивизм, был одним из ключевых движений в истории искусства XX века и оказал огромное влияние на мировую культуру и современное искусство, в том числе Китая. Это движение, представляло собой радикальный перелом с традиционными художественными конвенциями и стало символом культурной революции того времени. Одним из наиболее известных представителей русского авангарда, интересующий нас в данном исследовании был Владимир Татлин (1885–1953), художник и архитектор, создавший знаменитый «Монумент третьего интернационала». Этот архитектурный проект, несмотря на то, что он не был реализован, стал символом радикальных идей и новаторского подхода к искусству, символизировавшую новую, советскую эру. В целом, русский авангард не только оказал влияние на современное искусство, но и помог изменить восприятие и понимание искусства в мировом контексте. Авангард как художественное направление, его революционный дух вдохновил молодых художников и интеллектуалов на адаптацию новой эстетики, на создание уникального современного стиля дизайна. Его новаторские идеи продолжают вдохновлять художников, исследователей и творческих личностей по всему миру, делая его одним из наиболее значимых культурных явлений XX века.

Глобализация повлияла не только на экономику, но и на культуру Ки-

тая, где традиционное искусство столкнулось с западным и приняло его вызов. Китайские художники-авангардисты выступали за рациональный анализ и научный эксперимент, ниспровергая устоявшиеся художественные концепции и творческие методы, стремились помочь в строительстве нового социалистического мира средствами искусства. Художественная практика Татлина способствовала теоретическим и формальным инновациям в современном искусстве китайских скульпторов. Используя геометрические формы, пространственные структуры и промышленные материалы, он открыл новые пути для развития абстрактной скульптуры и цифрового модульного дизайна. Китайские скульпторы стали уделять особое внимание взаимодействию искусства и социальной политики, и все больше произведений искусства стали исследовать социальные проблемы. Искусство перестало быть просто выражением личных чувств, а стало движущей силой социальных изменений.

Мысли Татлина о взаимодействии искусства и общества служат ценной теоретической основой для современных китайских художников, побуждая их уделять больше внимания социальной ответственности и общественной природе искусства в своем творчестве. В условиях современной цифровизации общества концепции Татлина о модульном дизайне и унификации по-прежнему являются важными ориентирами. Архитектурная скульптура Татлина - это глубокое понимание структуры и пространства. Предложенная им комбинация искусства, архитектуры и инженерии служит теоретической основой для разработки Digitally Fabricated Sculpture. Структурированная концепция модульной реконструкции и пространственной компоновки скульптуры с помощью современных технологических средств привнесла новый творческий подход в эту область искусства.

Часть 1. Анализ теоретических основ исследования.

Обратимся к теоретическим исследованиям китайских художников и ученых, таких, как: Лу Синь, Хуан Чэньхуа (1890–1977), Фэн Цзыкай (1898–1975), Цянь Цзунтао (1907–1998), которые начали изучать русский авангард с помощью сочинений, переводов и других документов, в основном текстовых с 1920-х годов. Базой для нашего исследования в данной статье, стали издания распространившие в Китае идеи русского авангардного искусства, одна из них самая первая книга Хуана Чэньхуа «Тенденции современного искусства» (Шанхай, 1922 г.: Изд-во «Коммерческая пресса»), познакомила с картинами и творческими концепциями Василия Кандинского. Появление этой книги положило начало распространению идеологических концепций русского авангарда в Китае, и с этого момента, и до 1948 года концепции русского авангарда внедрялись и распространялись в Китае. В книге Фэн Цзыкай «История западного искусства»

(Шанхае, 1928 г), русское искусство рассматривается как фундаментальная революция, проявлением которой стал конструктивизм. В этом издании он рассказал о идеях конструктивизма «Завоевать мир наукой», лозунгом «От Композиции к Конструкции», познакомил с материалами, формами и смыслами произведения Владимира Татлина «Памятник III Интернационалу», а также с творчеством других художников-авангардистов [5, 239–242]. Обратим внимание и на научные исследования современных китайских искусствоведов и культурологов, изучавших конструктивизм в искусстве скульптуры.

1.1. В статье «Возникновение структурализма и его пространственное сознание» (Искусствознание. 2004, Выпуск №) Ван Юцзян описывает истоки развития и недостатки структурализма. Структурализм - философское направление XX века, представленное Клодом Леви-Строссом и другими. Он критикует «Философию субъекта» Жан-Поля Сартра с точки зрения лингвистической структуры и подчеркивает, что смысл определяется структурой общества и языка. Однако фиксированные рамки и концептуальная система структурализма были подвергнуты критике Жаком Деррида и Мишелем Фуко, которые предложили деконструкцию, выступающую за деконструкцию и критику традиционных теоретических рамок. Хотя сам структурализм не образует единой философской системы, он породил междисциплинарное течение мысли, распространив структуралистский подход в лингвистике на другие дисциплины. В данной статье автор утверждает, что деконструктивизм, ставящий под сомнение структурализм, дополняет структурализм, подчеркивая сомнения в понятии «само собой разумеющихся вещей». Как говорил Лу Сюнь, «если так было всегда, то правильно ли это?». Структурализм - это не неизменная догма, а динамичный способ мышления, который подчеркивает постоянное осмысление и реконструкцию языка и социальных структур. Этот сдвиг в мышлении фактически отражает меняющуюся тенденцию общественного развития и непримиримый конфликт и трения между отдельным человеком и целым на структурном уровне.

1.2. Статья Цянь Юнькэ «О сохранении и изменении скульптуры» была опубликована в журнале *Aesthetic Garden*, Issue 1, 2009, в которой он утверждал, что искусство скульптуры развивалось постепенно, начиная с ее первоначальной практической функции, такой как Венера Виллендорфская. Древний Египет сосредоточился на геометрии и наблюдении за природой, а Древняя Греция ввела «метод сокращения» и «закон соответствия», что способствовало прогрессу искусства. В Средние века скульптура находилась в упадке, но после эпохи Возрождения перспектива и анатомия вдохнули новую жизнь, чему способствовали такие художники, как Микеланджело, а в XIX веке Роден прорвался сквозь ограничения академии и выступил за новаторство и эксперименты в скульптуре. Ис-

ходя из этого, он изложил свой взгляд на новаторство скульптуры Татлина, утверждая, что творчество - это не только духовная сущность, но и может быть преобразовано в материальные блага. Ценности творчества сложны и противоречивы, они могут либо способствовать развитию общества, либо оказывать негативное влияние. Конструктивизм Татлина создает произведения искусства, используя вторичное сырье и готовые детали, подчеркивая уникальность материалов и их отображение в реальной среде. Он продемонстрировал использование новых материалов и кинетических элементов, которые стимулировали художественные инновации. Несмотря на влияние современной скульптуры на традиционную, можно с сожалением констатировать, что основные формы монументальной и архитектурной скульптуры не подверглись ее чрезмерному влиянию. Однако несомненно, что ряд художников-новаторов, в лице Татлина, сыграли ключевую роль в развитии революции в человеческой культуре и искусстве, не только преодолевая границы традиционного искусства, но и обеспечивая важную идеологическую и формальную поддержку возможности создания нового мира.

1.3. «Цель художников-конструктивистов - превращение художников в дизайнеров», статья авторов Го Лиминя и Лю Яна была опубликована в журнале *Modern Decoration (Theory)*, выпуск 12, 2016. В ней анализируются исследования Татлина в области абстрактного искусства в начале 1910-х годов, вдохновленные такими художниками-авангардистами, как Пикассо. Он предложил «материал, форму и структуру» в качестве основы художественного творчества и подчеркнул, что искусство должно быть тесно интегрировано с промышленным производством. Его «Угловой рельеф» (1915) положил начало конструктивистскому искусству, подчеркивая структурную и функциональную природу материалов, преодолевающему традиционные формы художественного выражения. Татлин считал, что художники должны стать «художественными инженерами», овладеть современными промышленными инструментами и материалами, чтобы служить пролетариату, стать полезными инструментами для общественного производства.

1.4. Оуян Цзюбо в своей статье «Краткое обсуждение искусства и современного дизайна» в журнале *Нанкинского института искусств*, № 03, 2006, анализирует основные концепции русского конструктивизма, его распространение в мире и влияние на модернистское дизайнерское движение. Русское конструктивистское движение сыграло ключевую роль в теории и развитии современного дизайна. «Композиционизм» способствовал интеграции промышленности и искусства, выступая за выход за традиционные художественные границы и использование готовых объектов и разнообразных элементов. В книге также рассматривается взаимодействие между искусством и дизайном, анализируется глубокое влияние искусства на те-

орию современного дизайна, дизайнерские движения, группы дизайнеров и школу Баухауз. В современном мире отношения между произведениями искусства и готовыми изделиями, индивидуальным и коллективным, искусством и жизнью по-прежнему остаются сложным вопросом.

История - зеркало настоящего, и изучение конструктивистской практики Татлина может помочь нам задуматься о границах между искусством и жизнью и их взаимодействии в современном контексте. Технологическая модернизация рассматривалась Татлиным как путь вперед, где промышленная эффективность и материалы могут быть объединены с искусством, дизайном и архитектурой, чтобы построить новое, превосходное, бесклассовое общество. Другими словами, социальная революция должна

Рисунок 1.

Рисунок 2.

Рисунок 3.

Рисунок 4.

Рисунок 5.

Рисунок 5. Цифровой рендеринг (вычислительная техника)

Источник: https://mp.weixin.qq.com/s/3zSm3DQ0cqlOHQl75i_epg

была сопровождаться эстетической революцией. Хотя памятник Владимира Татлина «Третий Интернационал» не был завершен при жизни автора, он стал достопримечательностью той великой эпохи. Сегодня концепция и модель этого памятника широко известны и распространены по всему миру, и по-своему продемонстрировали концепцию Татлина, не намеренно разрекламировав копию памятника (Третьяковская галерея в Москве (Рис. 1. The Tretyakov Gallery in Moscow; Источник: https://mp.weixin.qq.com/s/aOP0BQIR_Dz5Df_cpXx4Hg); Стокгольмский художественный музей в Швеции (Рис. 2. *The Stockholm Museum of Art, Sweden*; Источник: <https://www.cafa.com.cn/cn/education/details/418586>); Музей современного искусства, Нью-Йорк (Рис. 3. МоМА; https://mp.weixin.qq.com/s/aOP0BQIR_Dz5Df_cpXx4Hg, в Королевской академии в Лондоне, Англия (Рис. 4. Источник: <https://www.moma.org/audio/playlist/175/2326>).

2. Развитие идей конструктивизма в творчестве китайского скульптура Чжэн Кэ (郑可).

В начале XX века абстрактная скульптура в Китае была редким явлением, а уж тем более конструктивистская скульптура. Конструктивизм и различные западные художественные стили были интегрированы в инновационную практику китайских художников, пройдя через процесс реконструкции и обновления. Эта стратегия интеграции сохранила внутренний дух искусства, одновременно устраняя различия между исходными стилями, открывая новые горизонты в области искусства и дизайна. Одним из основателей китайского современного искусства и дизайна, считается Чжэн Кэ, (1906 г.р., город Синьхой, провинция Гуандун), внесший значительный вклад в развитие китайского образования в области декоративно-прикладного искусства и дизайна. Чжэн Кэ с 1924 по 1934 учился в Лионе, Франция, Копенгагенская профессиональная школа, Парижская академия изящных искусств (изучал резьбу по дереву и скульптуру): Парижский институт искусств и ремесел (изучал керамику, крашение). В период с 1920-х годов до основания Китайской Народной Республики в 1949 году китайские скульпторы, обучавшиеся во Франции, начали один за другим возвращаться в Китай. По возвращении на Родину Чжэн Кэ занялся развитием в Китае передовой системы декоративно-прикладного искусства, создав такие работы как «Рельеф на многоэтажном здании Айцунь в Гуанчжоу» (《广州爱群大厦浮雕》, 1935) и «Рельеф в память о Гуаньфу и Гуйнани» (《光复桂南纪念碑浮雕》, 1944). В 1933 году Чжэн Кэ посетил выставку дизайна школы Баухаус, где вдохновился идеей о тесной связи искусства и технологии, тем более что взгляды Чжэн Кэ отличались выраженным междисциплинарным подходом: он выступал за объединение технических и ремесленных исследований с художественным творчеством и дизайнерской практикой. Чжэн Кэ за свой счет нанял

переводчиков и перевел книгу «Основы дизайна» на китайский язык, обучая студентов теории дизайна Баухауса. Дизайнерские идеи Чжэн Кэ и его практика получили широкое распространение и применение в таких городах, как Гонконг и Сингапур, отразившись при его активном участии в проекте по дизайну пространства «Сингапурского большого отеля». Помощниками и учениками Чжэн Кэ были такие люди, как Инь Цзичан, Гао Юнцзян и Сюй Цзягуан. Чжэн Кэ создал несколько скульптурных произведений, среди которых главенствующую роль сыграла работа «Памятник освобождению Гуйнани» (Рис.6). Памятник был спроектирован как комбинация четырех простых вертикальных форм и горизонтальных линий, которые, были жестко разделены центральным кубом, что показывало продуманную концепцию. Памятник имел сильное ощущение пространства и менял свой визуальный эффект в зависимости от времени суток и угла освещения, при этом он выглядел торжественно и величественно. Памятник «Освобождение Гуйнани» является одним из редких примеров современного монументального модернизма в Китае и считается образцом в области художественного дизайна. Несмотря на ограниченный бюджет в процессе проектирования и строительства, Чжэн Кэ благодаря своему богатому дизайнерскому опыту и горячей приверженности делу защиты страны от японских захватчиков успешно завершил работу по созданию памятника. Памятник был завершен в июле 1944 года, но к сожалению, в сентябре того же года, после отступления Люгуэй, он был разрушен в ходе боевых действий. Несмотря на то, что в условиях войны памятник «Освобождение Гуйнани» не смог долго стоять, его концепция и художественная ценность оказали глубокое влияние на последующее развитие китайской модернистской скульптуры в Китае и даже сегодня сохраняет свое уникальное художественное очарование и продолжает занимать важное место в современном опыте проектировании монументов и памятников.

Инь Цзичан, ученик Чжэн Кэ, продолжил передавать опыт и дух того времени, став важной силой развития искусства скульптуры нового времени, продолжили искать способы интеграции конструктивизма с китайской традиционной культурой, создавая работы, которые отражали дух времени и национальную идентичность. Эти произведения не только стремились к простоте и геометрической красоте в форме, но и выражали глубокое стремление к национальной независимости и миру.

Хотя физическая форма памятника «Освобождение Гуйнани» не сохранилась, его дух и художественное влияние продолжают вдохновлять на поколения молодых художников. Чжэн Кэ был художником, который воплощал свои идеи и в практике искусства, и в педагогической деятельности. Он смог интегрировать передовые западные научные технологии с традиционными китайскими ремеслами, привнеся западные образовательные концепции и теории дизайна в Китай и активно реализуя их.

Рисунок 6. Чжэн Кэ «Памятник освобождения Гуаннаня». Размеры неизвестны.

Источник: https://mp.weixin.qq.com/s/ax_DyTsyyU3H1cDi0FbmIw

К сожалению, из-за исторического контекста и социальных условий, амбиции Чжэн Кэ в плане модернизма не могли быть полностью реализованы, а идеалы конструктивизма столкнулись с трудностями в реальной жизни. Чжэн Кэ продолжал пропагандировать идеи модернизма в преподавая в Центральной академии художеств и ремесел, что сыграло неоценимую роль в подготовке почвы для развития современного дизайнерского образования в Китае. Его усилия в сфере образовательной практики стали основой для процветания китайского дизайна после реформ и открытости. Хотя идеи и образовательная философия Чжэн Кэ не были широко признаны и внедрены в его время, они стали ценным семенем для будущего китайского дизайна.

С развитием реформ и открытости, с постепенным открытием социальной среды, концепции искусства и дизайна начали меняться. Новое поколение художников и дизайнеров, вдохновленное идеями Чжэн Кэ, активно исследовало и реализовывало принципы модернистского дизайна, постепенно формируя уникальный стиль современной скульптуры и китайского дизайна. Они не только стремились к инновациям в форме,

но и старались сочетать традиционную культуру с современным эстетическим восприятием, создавая произведения, которые отвечали духу времени и в то же время отражали национальные особенности. Усилия и упорство Чжэн Кэ в конце концов увенчались успехом в новом историческом контексте, открыв новый путь для развития китайского современного дизайна.

Сегодня, когда мы оглядываемся на сложный путь развития китайского дизайна, имя Чжэн Кэ и его вклад несомненно занимают важное место. Его идеи и практика являются не только воспоминанием о прошлом, но и вдохновением для будущих поколений, побуждая дизайнеров продолжать искать и внедрять инновации.

Заключение

В Китае распространение и локализация конструктивизма не были безоблачными, но именно этот сложный путь развития сделал его влияние более глубоким. Из-за социальных, политических и культурных ограничений того времени конструктивизм не смог проникнуть во все области, особенно в традиционное искусство, где его влияние оставалось ограниченным. Однако именно творческие идеи, поиски и эксперименты Татлина и других русских авангардистов, стали новыми источниками идей и практического опыта для развития современного китайского искусства и образования в области дизайна.

В наше время, китайские художники, усваивая принципы конструктивизма, продолжают сочетать их с традиционной китайской культурой и актуальными потребностями времени, создавая уникальные произведения искусства. В скульптуре влияние конструктивизма проявлялось не только в геометризации и абстракции форм, но и в глубоком анализе социальной значимости. Художники через простые геометрические формы выражали размышления о современном обществе и ожидания от будущего. Китайские скульпторы, получившие образование во Франции, успешно внедрили французские академические методы обучения, художественные направления и стандарты моделирования реалистичной скульптуры по всему Китаю. Эстетика, научность, функциональность западной реалистической и монументальной скульптуры благодаря им были приняты в Китае, образовав целостную систему эстетических ценностей скульптуры, обеспечившую прочную основу для развития современного китайского скульптурного искусства. Что касается профессора Чжэн Кэ, то вся его деятельность была связана с распространением новых технологий создания скульптуры, учреждением первых профессиональных учебных заведений и преподаванием в них скульптуры, распространением и популяризацией западной теории искусства и непосредственным скульптурным творчеством. Он заложил основание для развития современной китайской

скульптуры и дизайна, благодаря чему само слово «скульптура» и представление о ней начало распространяться в Китае повсеместно. В целом, отклик китайских художников на конструктивизм заключался не только в заимствовании форм и языка, но и в том, что через художественные идеи конструктивизма они углубили понимание взаимосвязи искусства с обществом и временем. Через этот отклик конструктивизм в китайском искусстве стал важной инновационной силой в современном образовании и развитии скульптуры, что станет продолжением исследований автора в следующей статье.

Библиографический список

1. Ван Юцзян. Восхождение структурализма и его пространственное сознание // Исследования изобразительного искусства [J]. 2004. № 1. С. 213-218.
2. Го Лиминь, Лю Ян, Го Вэйли. Цели художников-структуралистов – превращение художника в дизайнера [J] // Современный декор. Теория. 2016. № 12. С. 111.
3. Ли Хань. Первоначальное исследование художественного коллектива «Ассоциация китайских студентов, обучающихся во Франции» в 1930-е годы [J] // Журнал Нанкинской академии искусств «Искусство и дизайн». 2018. № 3. С. 35-41.
4. У Шаосян. Воспоминания о учителе из другой страны – Чжэнь Кэ [J] // «Декор». 2006. № 1. С.7-8. – DOI:10.16272/j.cnki.cn11-1392/j.2006.01.001.
5. Фэн Цзыкай. История западного искусства // Шанхай: Книжный магазин «Кай Мин». 1928.
6. Хуан Мяоци. Мастер декоративно-прикладного искусства профессор Чжэнь Кэ [J] // Декор. 1980. № 1. С.11-12. – DOI: 10.16272/j.cnki.cn11-1392/j.1980.01.007.
7. Чжан Линсюань. Исследование восприятия конструктивизма в истории китайского современного графического дизайна [D] // Харбинский университет. 2023. – DOI: 10.27805/d.cnki.gccgy.2023.000291.

References

1. Wang Yujiang. The Rise of Structuralism and Its Spatial Awareness // Research in Fine Arts [J]. 2004. № 1. P. 213-218.
2. Guo Limin, Liu Yang, Guo Weili. The Goals of Structuralist Artists: Transforming the Artist into a Designer [J] // Modern Decor. Theory. 2016. № 12. P. 111.
3. Li Han. Initial Research on the Art Collective “Association of Chinese Students Studying in France” in the 1930s [J] // Journal of Nanjing Academy of Arts “Art and Design”. 2018. №3. P. 35-41.
4. Wu Shaoxiang. Memories of a Teacher from Another Country – Zhen Ke [J] // “Decor”. 2006. № 1. P. 7-8. – DOI:10.16272/j.cnki.cn11-1392/j.2006.01.001.
5. Feng Zikai. History of Western Art // Shanghai: Kai Ming Bookstore. 1928.
6. Huang Miaoqi. Master of Decorative and Applied Arts Professor Zhen Ke [J] // Decor. 1980. № 1. P. 11-12. – DOI: 10.16272/j.cnki.cn11-1392/j.1980.01.007.
7. Zhang Lingxuan. Research on the Perception of Constructivism in the History of Chinese Modern Graphic Design [D] // Harbin University. 2023. – DOI: 10.27805/d.cnki.gccgy.2023.000291.

Сафонова Е.А.

Соискатель ученой степени кандидата наук Луганской государственной академии культуры и искусств имени Михаила Матусовского (ЛНР, Луганск), магистр театрального искусства, художественный руководитель Театра «Фортуна», заместитель директора Образовательного центра «Полёт» (Московская область).

Апробация действенности командообразования средствами квест-технологий*

Аннотация. Материал представляет собой исследование укрепления атмосферы причастности средствами квест-технологий. Автор оценивает возможности достижения положительного результата, путем формирования мотивации к сотрудничеству благодаря реализации алгоритма квеста. В работе представлены итоги апробации практического опыта. Эффективность и целесообразность исследования рассмотрена в тексте публикации. В рамках анализа, автор выделяет квест-технологии в отдельную форму творческой деятельности эпохи метамодерна.

Ключевые слова: исследование, апробация, квест, командообразование, атмосфера причастности, метамодерн.

Safonova E.A.

Applicant for the academic degree of candidate of sciences of the Lugansk State Academy of Culture and Arts named after Mikhail Matusovsky (LPR, Lugansk), master of theater arts, artistic director of the Fortuna Theater, deputy director of the Educational Center Polet (Moscow Region).

Testing the effectiveness of team building using quest technologies

Abstract. The material is a study of strengthening the atmosphere of involvement by means of quest technologies. The author evaluates the possibilities of achieving a positive result by forming motivation for cooperation due to the implementation of the quest algorithm. The work presents the results of testing practical experience. The effectiveness and feasibility of the study are considered in the text of the publication. As part of the analysis, the author identifies quest technologies as a separate form of creative activity of the metamodern era.

Key words: research, testing, quest, team building, atmosphere of involvement, metamodern.

* © Сафонова Е.А., 2025.

Вступление

В культурологии и искусствоведении эпохи метамодерна по сей день отсутствует развернутое и полное эмпирическое исследование вновь возникающих культурно-досуговых форм и жанров.

Выделившись ранее, общепринятыми и самостоятельными считаются такие виды искусства, как музыка, театр, кино, танец, живопись, литература, архитектура, графика, фотография, прикладное искусство и некоторые другие. Вместе с тем, реалии современных будней авторитетно указывают на формирование новых, экспериментальных, никем не изученных, форм творческого самовыражения. Подобные явления пока не претерпели комплексный научный анализ и жанровую экспертизу. Что свидетельствует о возможности наличия среди современных форм культурных практик, основанных на общем подходе, но обладающих разнообразной направленностью, неизбежно возникающих и в дальнейшем обособленных отдельных жанров творческой деятельности.

В представленной работе будем считать таковыми квест-технологии. Главным образом, благодаря наличию разнообразных жанров игр-испытаний, многоликости способов художественного воплощения, а так же широкому спектру применения.

Изучая вопрос, был проведён анализ множества источников, охватывающих различные области, касающиеся этой темы. Исследование комплексное. Компаративистский анализ научной действительности охватывает набор методологических подходов, среди которых ключевыми являются аналитический и синтетический, наделяющие исследование междисциплинарным характером и позволяющие оценить интеграцию квест-технологий в смежные культурологии дисциплины. Дедуктивный подход позволяет обобщить знания о квестах, рассматривая частности и детали. Аксиологический подход позволяет рассмотреть квест, как противоречивое явление в культуре и искусстве. Обобщающий подход помогает определить место и роль квестов в современной режиссуре. Культурологический подход включает методы комплексного анализа с использованием таких дисциплин, как культурология, педагогика, философия, психология и других. Социокультурный подход лежит в основе изучения квеста, как части современной культуры. Также в исследовании применяются семиотический подход, историко-ретроспективный подход, метод терминологического анализа, метод феноменологии, методы описательного и сравнительного анализов, транслатологический метод исследования.

Целью данной научной экспертизы является эмпирическое исследование влияния квестов на межличностные взаимодействия, побуждение к сотрудничеству, формирование атмосферы причастности.

Задачи исследования:

1. Выявить эффективность воздействия квест-технологий на мотива-

цию к совместной деятельности.

2. Эмпирически изучить формирование атмосферы причастности посредством командного прохождения квеста.

3. Проанализировать полученные результаты.

Гипотеза: Групповое прохождение квеста способствует командообразованию и формированию атмосферы причастности внутри коллектива.

Испытуемые - группа подростков 10-12 лет.

Теоретическая часть

При анализе квестов как феномена культуры и вариации массовых мероприятий, основанных на игровой режиссуре, стоит рассмотреть построение их драматической структуры. Будучи порождением метамодерна, игры-испытания характеризуются пластичностью и адаптивностью к динамичной среде. Драматический нарратив квестов наделяет участников возможностью стать протагонистами в собственной неповторимой истории, обеспечивая глубокое погружение в сюжет.

В то же время, наряду с развлекательной составляющей, квесты формируют крепкую командную атмосферу.

Преимущества игр-испытаний заключаются в развитии логических способностей, устранении коммуникативных барьеров, формировании навыков коллективного взаимодействия, обмене знаниями и опытом, повышении самооценки и взаимного уважения. Кроме того, квесты предоставляют ценный опыт совместной деятельности, направленной на достижение общей цели, стимулируют раскрытие творческого потенциала и освобождение от стереотипных установок.

Ещё одним важным достоинством является возможность получить яркие эмоции от коллективного прохождения игры-испытания, непосредственно участвуя в процессе и будучи частью команды. Так квесты создают неповторимую атмосферу взаимодействия и ощущение вовлечённости.

Достигается подобный эффект благодаря воздействию нескольких факторов:

1. Наличие общей цели – основа процесса командообразования. Игры-испытания создают уникальную среду, где участники объединяются, обмениваются знаниями и опытом, преодолевая трудности вместе.

2. Отлаженная коммуникация, распределение ролей, способность анализировать и принимать совместные решения – составляющие эффективной команды. Квесты требуют высокой активности игроков, позволяя им влиять на ход и развитие сюжета и создавая ощущение контроля и ответственности.

3. Использование игровых элементов, включая информационно-технологические инструменты, вместе с состязаниями и наградами, – стимулирует игроков, повышая их сопричастность.

4. Захватывающая и детально проработанная тема квеста создает иммерсивный опыт, погружая игроков в вымышленный мир и усиливая чувство вовлеченности.

Причастность – эмоциональное состояние, характеризующееся глубоким вовлечением индивида. Феномен принадлежности людей к определенной группе известен как ингрупповой фаворитизм и проявляется в стремлении действовать в интересах своей группы.

Когнитивные процессы, связанные с формированием чувства причастности, вызывают положительные эмоции, способствуя выработке поведенческих стратегий, направленных на поддержку и защиту объекта идентификации.

В последние годы квест-технологии все чаще применяются для формирования эффективных команд.

Апробация гипотезы

В ходе данного исследования предстояло эмпирически проследить развитие группы испытуемых до уровня команды посредством прохождения квеста.

Известно, что для младшего подросткового возраста (10-12 лет) характерны существенные изменения в эмоциональной сфере, проявление вспыльчивости, трудности с самоконтролем. Ведущим видом деятельности в этом возрасте считается самопознание, установление партнерских взаимоотношений и общественно-значимая деятельность. Учитывая вышеизложенное и основываясь на этих догмах была подготовлена игра-испытание.

На предварительном этапе определились цели командной игры: наладить контакт, показать важность поддержки, сформировать сплоченность внутри команды, подчеркнуть значимость слышать и быть услышанным, выстроить позитивную коммуникацию, выявить командообразующие факторы и улучшить настроение участников группы. Разработка содержания квеста состояла из составления сценария, подбора реквизита, формирования маршрутного листа, определения системы поощрения. Для каждого пункта назначения маршрутного листа были прописаны четкие инструкции к действию. В качестве системы поощрения выступили наклейки с названием качества, проявленного в данном задании, которыми заклеивался пункт назначения маршрутного листа при удачном прохождении испытания (уважение, терпение, творчество, баланс, меткость, исследование, сила, лидерство, строительство, внимание, логика, помощь, интеллект, сотрудничество, поддержка, скорость, мастерство, выносливость, доверие, команда).

Сценарный ход квеста состоял из 20 разноплановых заданий без ограничения по времени прохождения. Местом проведения квеста была опре-

делена лесополоса недалеко от учебного заведения, обработанная от насекомых, с облагороженными тропами и лужайками. Около каждой локации был установлен стол с питьевой бутилированной водой. Входя в лесополосу, испытуемые прослушали инструкции, правила поведения и технику безопасности, получили маршрутный лист.

В первом задании испытуемым предстояло, встав в круг и сомкнув ладони, перемещать гимнастический обруч по кругу, проходя сквозь него, тем самым вернув обратно к первому участнику. Важным условием было ни

при каких обстоятельствах не разъединять руки и не коснуться обручем земли. В противном случае испытание начиналось сначала до полного прохождения круга.

Стоит отметить, что подойдя к первому пункту назначения маршрутного листа испытуемые находились в приподнятом настроении, подшучивали друг над другом. Взяв со стола бутылочки с водой, начали обливать друг друга, вместе с тем образуя лужу грязи под ногами. Сосредоточиться на задании им было крайне сложно. Предпринималось более 10 попыток выполнить испытание. Каждый раз сопровождался агрессией в адрес друг друга. В конечном счете испытуемые начали подсказывать друг другу и задание было пройдено.

Второе испытание так же потребовало много времени и усилий. Здесь перед игроками стояла непростая задача. На траве перед игроками были разложены длинные плотные веревки. Необходимо было, взяв веревки с двух сторон, скрестить их таким образом, чтобы появилась возможность приподнять лежащий в траве мяч и перенести его в другое место. Выполняя это состязание испытуемые поначалу тоже пребывали в не серьезном состоянии. И лишь объединив усилия задание было пройдено.

Очередная локация предлагала игрокам переместиться на лыжах из одной точки в другую. Сложность заключалась в том, что было всего две огромные лыжни с множеством крепежей. Таким образом каж-

дый участник, выстроившись друг за другом «паровозиком», крепился ногами к обеим лыжням. От испытуемых требовалось синхронно всем вместе передвигаться. Только работая в команде это представлялось возможным. Участники, после нескольких попыток, успешно выполнили это задание.

В следующем состязании перед испытуемыми был натянут канат между деревьями. Каждому участнику по очереди предстояло пройти по канату. Остальные в этот момент стояли с двух сторон от каната лицом к лицу друг напротив друга. Для сохранения равновесия игроку в руки давалась плотная веревка, концы которой натягивались парой участников, стоящих по бокам от каната. Веревка должна была все время оставаться в натянутом состоянии, чтобы игрок не упал с каната. Стоящие по бокам участники должны по мере прохождения игрока по канату, передавать веревку в натянутом состоянии друг другу. Если игрок оступался и падал, прохождение начиналось с начала, пока все участники не завершили испытание. Здесь уже начали формироваться явные лидеры, которые помогали координировать действия остальных.

Еще одно задание предполагало перенос теннисных мячей с помощью гимнастических палок из одной емкости в другую. Примечательно, что у каждого была всего одна палка, а значит предстояло обсуждать и приходиться к согласию. Допускалось вольное решение стратегии преодоления испытания. Выполняя это задание испытуемые действительно начали договариваться и сотрудничать. Участники вспомнили прохождение испытания с веревками и мячом, и решили так же скрестить палки.

Данный метод оказался не совсем эффективным. Тогда игроки разделились на пары, где одна пара держала параллельно друг другу свои гимнастические палки, а вторая пара своими, словно китайскими палочками хватала мячик, перенося на параллельные гимнастические палки. Таким образом весь контейнер мячиков успешно был перенесен в назначенное место.

Испытанием на доверие стал черный короб. Участникам по очереди завязывали глаза и ставили в начало условного лабиринта. Игрок, проходящий полосу препятствий, мог опираться лишь на голосовые подсказки остальных участников, которые координировали его в пространстве (шаг влево, шаг вправо, два шага вперед). В конце лабиринта стоял черный ящик. Игрок должен был опустить руку в черный ящик, выбрать любой предмет там и на ощупь определить, что это.

Ряд следующих испытаний, часть из которых представляли из себя головоломки, проходили примерно в одинаковом темпе и настрое. Поэтому не будем на них останавливаться.

Крайне эмоциональным стало последующее задание. В нем испытуемых выстроили в шеренгу и веревкой связали ноги каждого участника с ногами соседнего игрока. Перед участниками на невысоких опорах лежало две рейки на расстоянии шага. Задача была переступить сначала одну рейку, затем вторую, а потом в обратном порядке спиной назад, при этом не задев и не скинув с опор рейки. Испытуемые тут же вспомнили задание с лыжами и пришли к решению, что действовать необходимо синхронно. Попробовали одновременно все поднимать связанные между собой ноги и аккуратно переносить их через рейку, попробовали по очереди шагать (первый участник переносит одну ногу, далее первый и второй участники переставляют связанные между собой ноги, затем второй и третий участники переносят связанные ноги и так далее). В этом испытании игроки действовали четко, заранее обсуждая действия. Разумеется, несколько раз рейка была сбита. Особенно обидно было, когда оставался всего один, последний шаг. И приходилось начинать все с начала. Не обошлось без ярких эмоций. Однако, в этом испытании участники действовали, как единый организм.

Очередным сложным испытанием можно считать клетку с мячом. Это нечто среднее между заданием с веревками и мячом, и состязанием с гимнастическими палками и теннисными мячиками. Перед игроками стояла клетка метр на метр, внутри которой на дне лежал мяч. Опять-таки, при помощи гимнастических палок необходимо было поднять мяч к самому верху клетки, где располагалось отверстие, позволяющее достать мяч. Сложность в том, что сама клетка представляла из себя сетчатый узор, поэтому просто закрепиться и всем поднимать до самого верха мяч не получится. Потребуется периодически кому-то вынимать из сцепки гимна-

зическую палку, чтобы переставить ее в следующую по высоте секцию. В этом задании испытуемые проявили максимальную командную работу, безо всяких колебаний и упреков. Советовались и договаривались. Подсказывали друг другу, как лучше поступить. А после успешного прохождения хвалили друг друга и пожимали руки.

Финалом стало командное преодоление стены. Конструкция представляла собой устойчивую гладкую стену высотой в два метра. Это было самое сложное испытание. Физически сильные, по мнению группы, испытуемые посадили несколько участников, чтобы те взобрались наверх и помогли преодолевать препятствие остальным, подавая руки. В какой-то момент нижние игроки буквально передавали участников верхним, а те перетягивали их через стену. Таким образом все члены группы смогли достаточно быстро и слажено справиться с этим заданием. А после, смеялись, обнимались и счастливые валялись в траве.

Вывод

Проведенное исследование продемонстрировало подтверждение выдвинутой гипотезы и успешное выполнение поставленных задач.

Квесты как культурное явление метамодерна играют весомую роль в развитии эффективного коллективного сотрудничества.

Феномен формирования вовлеченности и сопричастности в рамках квест-технологий обусловлен активным взаимодействием участников, возможностью обмениваться опытом и эмоциями, работать над дости-

жением общей цели, координировать свои действия, ощущая принадлежность к группе, что, в свою очередь, стимулирует стремление достигать наилучших результатов.

Можно предположить, что в будущем игры-испытания станут чаще использоваться для создания нестандартных методов тимбилдинга.

Библиографический список

1. Сафонова Е.А. Квест как культурный феномен и средство формирования атмосферы причастности // *Культура и время перемен*. Краснодар, 2024. № 2 (45).
2. Сафонова Е.А. Квест – современный подвид массовой режиссуры // *Актуальные вопросы общества, науки и образования: сборник статей XIII Международной научно-практической конференции*. (г. Пенза, 20 мая 2024 г.). Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2024. 294 с.
3. Сафонова Е.А. Эволюция исторически удаленных и современных культурных явлений // *Начала русского мира (ВАК)*. – Москва, 2024. № 6.
4. Сафонова Е.А. Квест как форма культуры метамодернизма // *Культура и цивилизация (ВАК)*. Ногинск, 2024. Том 14. № 8А.
5. Сафонова Е.А. Метамодерн: новый культурный код // *Русская идентичность в искусстве, культуре и образовании: междисциплинарный подход*. Международная научно-практическая конференция ГОБУК ВО «Волгоградский государственный институт искусств и культуры» (г. Волгоград, 9 декабря 2024).
6. Бардаченко Н.А. Метамодерн как новый этап современной музыки // *Terra культура*. Луганск. 2020. № 11. // URL: <https://terra.lgaki.info/art-zametki/metamodern-kak-novyyiy-etap-sovremennoy-muzyiki.html>
7. Новак Н.И. Концептуализация традиций в рамках философии метамодерна // *Terra культура*. Луганск. 2020. № 11. // URL: https://terra.lgaki.info/generation_p/kontseptualizatsiya-traditsiiv-ramkah-filosofii-metamoderna.html
8. Рыкунова Д.А. Трансформационные процессы российской эстрадной музыки в культурной ситуации метамодерна конца XX – начала XXI века // *Terra культура*. Луганск. 2023. № 16. // URL: https://terra.lgaki.info/generation_p/transformatcionnye-processy-rossijskoj-estradnoj-muzyki-v-kulturnoj-situacii-metamoderna-konczax-nachala-xxi-veka.html
9. Минеева О.А., Ляшенко М.С., Поваренкина И.А. Исследование эффективности использования технологии веб-квест в образовательном контексте // *Проблемы современного педагогического образования*. 2022. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-effektivnosti-ispolzovaniya-tehnologii-veb-kvest-v-obrazovatelnom-kontekste>
10. Гейлер М.Е., Хусаинов Р.Э., Бабикина А.С. Квест как эффективная форма повышения двигательной активности // *Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения. V Международная (75 Всероссийская) научно-практическая конференция*. 2020. // URL: https://elib.usma.ru/bitstream/usma/2682/1/USMU_Sbornik_statei_2020_1_116.pdf
11. Аль Д.Н. Основы драматургии. Учебное пособие. – СПб.: Планета музыки, 2024. 280 с.
12. Марков О.И. Сценарная культура режиссеров театрализованных представлений и праздников. Сценарная технология. – СПб.: Планета музыки, 2022. 424 с.
13. Хохлова Н.А., Милославин П.М. Особенности подготовки и проведения квест-игры. Советы режиссера // *Журнал «Дом культуры»*. 2021. № 7.
14. Шарипов Э.И., Кронин С.И. Режиссура социальных игр. – М.: КСП+, 2001. 320 с.
15. Шубина И.Б. Драматургия и режиссура зрелищных форм. Соучастие в зрелище, или игра в миф. Учебно-метод. пособие. СПб.: Планета музыки, 2024. 240 с.
16. Хейзинг Й. *Homo ludens*. Человек играющий. – СПб.: Азбука, 2022. 400 с.
17. Эпштейн М. *Debut de siecle, или От пост- к прото-: манифест нового века* // *Знамя: Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал*. 2001. № 5.
18. Бахтин М.М. *Собрание сочинений*. Т. 4. Ч. 2. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура). М.: Издательский дом «Языки славянских культур», 2024. 748 с.

19. Лотман Ю. Семиосфера. СПб.: «Наука», 2011. 704 с.
 20. Коган Л.А. Закон сохранения Бытия // Вопросы философии. 2011. № 7.

References

1. Safonova E.A. Quest as a cultural phenomenon and a means of creating an atmosphere of involvement // Culture and the Time of Change. Krasnodar, 2024. № 2 (45).
2. Safonova E.A. Quest - a modern subspecies of mass directing // Current issues of society, science and education: a collection of articles from the XIII International scientific and practical conference. (Penza, May 20, 2024). Penza: MCNS "Science and Education", 2024. 294 p.
3. Safonova E.A. Evolution of historically remote and modern cultural phenomena // The beginnings of the Russian world (HAC). – Moscow, 2024. № 6.
4. Safonova E.A. Quest as a form of metamodernism culture // Culture and civilization (HAC). Noginsk, 2024. Vol. 14. № 8A.
5. Safonova E.A. Metamodern: a new cultural code // Russian identity in art, culture and education: an interdisciplinary approach. International scientific and practical conference of the State Budgetary Cultural Institution of Higher Education "Volgograd State Institute of Arts and Culture" (Volgograd, December 9, 2024).
6. Bardachenko N.A. Metamodern as a new stage in contemporary music // Terra culture. Lugansk. 2020. № 11. // URL: <https://terra.lgaki.info/art-zametki/metamodern-kak-novyy-etap-sovremennoy-muzyki.html>
7. Novak N.I. Conceptualization of traditions within the framework of metamodern philosophy // Terra culture. Lugansk. 2020. № 11. // URL: https://terra.lgaki.info/generation_p/kontseptualizatsiya-traditsii-v-ramkah-filosofii-metamoderna.html
8. Rykunova D.A. Transformational processes of Russian pop music in the cultural situation of metamodernism of the late 20th – early 21st centuries // Terra culture. Lugansk. 2023. № 16. // URL: https://terra.lgaki.info/generation_p/transformaczionnye-proczechy-rossijskoj-estradnoj-muzyki-v-kulturnoj-situaczii-metamoderna-konczax-nachalaxxi-veka.html
9. Mineeva O.A., Lyashenko M.S., Povarenkina I.A. Study of the effectiveness of using web quest technology in the educational context // Problems of modern pedagogical education. 2022. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-effektivnosti-ispolzovaniya-tehnologii-veb-kvest-v-obrazovatelnom-kontekste>
10. Geiler M.E., Khusainov R.E., Babikova A.S. Quest as an effective form of increasing physical activity // Actual issues of modern medical science and health care. V International (75th All-Russian) scientific and practical conference. 2020. // URL: https://elib.usma.ru/bitstream/usma/2682/1/USMU_Sbornik_statei_2020_1_116.pdf
11. Al DN Basics of dramaturgy. Tutorial. – SPb.: Planet of Music, 2024. 280 p.
12. Markov O.I. Script culture of directors of theatrical performances and holidays. Script technology. – SPb.: Planet of Music, 2022. 424 p.
13. Khokhlova N.A., Miloslavin P.M. Features of preparing and conducting a quest game. Director's advice // House of Culture Magazine. 2021. № 7.
14. Sharipov E.I., Kronin S.I. Directing social games. – M.: KSP+, 2001. 320 p.
15. Shubina I.B. Dramaturgy and directing of spectacular forms. Participation in the spectacle, or playing myth. Educational and methodological manual. SPb.: Planet of Music, 2024. 240 p.
16. Huizinga J. Homo ludens. Man playing. - SPb.: Azbuka, 2022. 400 p.
17. Epstein M. Debut de siecle, or From post- to proto-: manifesto of the new century // Znyaya: Monthly literary, artistic and socio-political magazine. 2001. № 5.
18. Bakhtin M.M. Collected Works. Vol. 4. Part 2. The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance. Rabelais and Gogol (The art of words and folk culture of laughter). Moscow: Publishing house "Languages of Slavic Cultures", 2024. 748 p.
19. Lotman Yu. Semiosphere. SPb.: "Science", 2011. 704 p.
20. Kogan L.A. Law of Conservation of Being // Questions of Philosophy. 2011. № 7.

Савостьянова Л.В.

Аспирант. Менеджер отдела музейно-экскурсионного обслуживания Дворца «Дюльбер» в Кореизе, г. Ялта, Республика Крым. Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского.

Концепция «место памяти» Пьера Нора в деятельности современного российского музея*

Аннотация. Представления людей о специфике музейной деятельности начали складываться уже в эпоху Ренессанса (XIII-XVI). Однако потребовалось много времени, чтобы исследователи занялись изучением проблемы сохранения культурных и природных объектов. После окончания Великой Отечественной войны проблемой номер один стало именно сохранение, восстановление разрушенного народного хозяйства и, следовательно, актуальной темой для музеев стал вопрос о сохранении объектов культурного и природного наследия. Просветительская и образовательная деятельность российских, в том числе и крымских музеев, ориентированная на повышение культурного уровня населения, увеличивает шансы музейного объекта сохраниться и в полной мере использовать его возможности для музейной деятельности. Сохранение объектов культурного наследия формирует ответственное отношение к культурному наследию страны сейчас рассматривается как особо значимый элемент музейной деятельности, так как оно влияет на все сферы жизнедеятельности общества. Сохранение имеющегося наследия рассматривается как своеобразный код, через который историческая память интегрируется в текущие процессы жизнедеятельности. Утрата культурного наследия неизбежно приведет к разрывам исторической памяти. По этой причине цель настоящего исследования – поиск новых эффективных методов сохранения культурного наследия, одним из которых является адаптированная концепция Пьера Нора «место памяти».

Ключевые слова: концепция «место памяти», Fr. Lieu de memoir/eng. place of memory, P. Нора, коммеморация, культурное наследие, социальный институт.

Savostyanova L. V.

Postgraduate student. Manager of the museum and excursion services department of the Dyulber Palace in Koreiz, Yalta, Republic of Crimea. Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky.

The concept of Pierre Nora's "place of memory" in the activities of the modern Russian museums

Abstract. For researchers to study the problem of preserving cultural and natural sites. After the end of the Great Patriotic War, the number one problem was the restoration of the destroyed econ-

* © Савостьянова Л.В., 2025.

Концепция «место памяти» Пьера Нора в деятельности современного российского музея

omy and, consequently, the issue of preserving cultural and natural heritage sites became an urgent problem for museums. The educational and educational activities of Russian museums, including Crimean museums, aimed at improving the cultural development of the population, increases the chances of a museum object being preserved and making full use of its opportunities for museum activities. The preservation of cultural heritage objects forms a responsible attitude towards historical and cultural heritage. In the modern world, the problem of preserving cultural and natural heritage is of particular importance, as it affects all spheres of life.

Key words: concept of "place of memory", Fr. Lieu de memoir/eng, place of memory, P. Nora, commemoration, cultural heritage, social institution.

Изучение применения концепции «мест памяти» Пьера Нора в практике современных научных учреждений в России и за рубежом является актуальной и активно разрабатываемой научной темой [1]. Уже получены достаточно плодотворные результаты активного проникновения идей Нора в музейную жизнь российских музеев, Однако еще есть необходимость уточнить и расширить методику применения идей Нора применительно именно к музею. Концепция Нора, изложенная в его фундаментальном труде «Les Lieux de Mémoire» (1984-1992) [1] оказала значительное влияние на развитие теории коллективной памяти и коммеморативных практик. В последние десятилетия эти идеи были активно исследованы и развиты в трудах как зарубежных, так и российских ученых.

Одним из первых в области изучения коллективной памяти был Морис Хальбвакс [2], который ввел это понятие в научный оборот. Его работа «La Mémoire Collective» (1950) стала основой для дальнейших исследований в этой области [3 с. 205]. Хальбвакс утверждал, что память формируется и сохраняется в рамках социальных групп, что имеет большое значение для понимания роли музеев как хранителей коллективной памяти.

Ян Ассман в своих трудах [4, с. 204] расширил концепцию Хальбвакса, введя понятие культурной памяти. Ассман подчеркивал важность материальных и нематериальных носителей памяти, которые передаются через поколения и формируют культурную идентичность [5, с. 315]. Н.Е. Копосов в своей работе «Память во времени перемен: от коллективной памяти к культурной политике» показывает, как формируется историческая память и трансформируется в постсоветской России [5].

Работа по этой проблеме в рамках музейного дела потребовала мультидисциплинарного подхода, объединяющего историю, культурологию, социологию и музейное дело. П. Нора утверждал, что музеи, как места памяти, играют ключевую роль в сохранении и передаче исторического наследия, адаптируясь к современным социально-культурным условиям. Его подход к проблеме сохранения позволяет музеям оставаться значимыми социально-культурными институциями, выполняющими важные функции по сохранению исторической памяти.

Концепция «мест памяти» в современных российских музеях уже имеет определенную научную базу, а следовательно, и практическую значимость. Она способствует формированию коммеморативных групп, которые сохраняют и передают память о значимых событиях российской истории, способствуя развитию музеев как важных культурных и образовательных учреждений.

Естественным образом музейное дело стало сегодня одной из многогранных и все более междисциплинарных областей научного познания, специфической системой, призванной способствовать организации отношений человека со средой его бытования. В рамках таких отношений происходят социализация, то есть обретение, освоение и передача содержательно насыщенного опыта для специфического постижения мира. Научно-исследовательская деятельность в музеях Крыма идет в двух главных направлениях: изучается или традиционная музейная среда бытования музейных объектов, или анализируется личное наследие конкретного известного человека. К первой группе относим, например, Художественную галерею Арт-бульвар (Севастополь), Героический музей героической обороны и освобождения Севастополя (Севастополь), Государственный археологический музей-заповедник Херсонес Таврический (Севастополь). Ко второй группе отнесем музеи, задача которых изучить личное наследие конкретного выдающегося человека. Крымские музеи в большинстве своем относящиеся ко второй группе, чаще историко-литературные, литературно-художественные, или литературно-мемориальные. Они помогают сохранять и распространять личное наследие значимого для общества человека. По этой причине в Крыму есть музеи С.Н. Сергеева-Ценского (Алушта), Дом-музей Н.З. Бирюкова (Ялта), Дача А.П. Чехова (Гурзуф), Дом-музей М.А. Волошина (Коктебель), Дом-музей А.П. Чехова (Ялта), Музей А.С. Грина (Феодосия), Музей Марины и Анастасии Цветаевых (Феодосия), историко-литературный (Ялта) и другие. В принципе, можно сказать, что сейчас в музеях реализуется особый, специфический этап развития музейного дела, который начался в 1990-е годы и связан с анализом процесса внедрения в музейное дело новых информационных и организационно-управленческих концепций, разработанных ведущими специалистами (культурологами, историками, социологами, психологами) и адаптированных к музейному делу отечественных или иностранных концепций или адаптированных иностранных концепций. Эти концепции помогают осмыслить актуальные для современного общества и музея проблемы, и о них задумался в свое время Э. Дюркгейм. Он оставил своим продолжателям представление о коллективной памяти как о «социально сконструированном пространстве прошлого, наполненном коллективными воспоминаниями, носящими внеиндивидуальный сакральный характер» [3]. Дюркгейм понимал общество как комплекс идей и чувств.

Стабильность, по его мнению, зависит от степени подчиненности индивидуальных представлений его членов коллективным представлениям. Давление группы на индивида не позволяет членам группы свободно судить о понятиях, которые общество само выработало и в которые каждый член группы вложил нечто от своей индивидуальности. Подобные построения священны для частных лиц.

Э. Дюркгейм, как инициатор изучения памяти, считал, что для поддержания стабильности общества, создания солидарности в группе и исторической преемственности своей группы члены «мы-группы» должны помнить свое прошлое или просто прошлое определенным образом, и это есть мемориальный конформизм. Значимым для музея XX века. оказался исследовательский проект, результаты которого были опубликованы в Париже издательством Gallimard (Галлимар) под названием «места памяти». Проект выполнялся руководством и по инициативе Пьера Нора с 1984 по 1992 г. В итоге был сформулирован концепт «места памяти», который исследователи определили как последний след памяти сообществ, остающийся после того, как распались последние живые коммеморативные практики. Причиной распада исследователи назвали произошедший кризис XX века, рефлексию исторического процесса и опровержение идеи самого прославленного историка Германии Л. фон Ранке: «*Wie es eigentlich gewesen*» (Как это собственно было) [7, с. 472]. Красивая фраза стала манифестом историков. Ученые, разделяющие позицию Ранке, считают это утверждение разновидностью корреспондентской модели истины. Ученый справедливо полагал, что восстановить можно только то, что мы помним о прошлом, а не сами события. История реконструирует несуществующее, то, чего уже нет. Согласимся с мнением создателей парадигмальных музеологических работ, например, С.Я. Ассманом [6], в том, что музейное дело уже достигло зрелости, значит, его выводам надо доверять. Кроме того, ученые собрали огромный эмпирический материал, способный подтвердить или опровергнуть многие важные музеологические гипотезы [7, с. 33]. О зрелости этой сферы музейной деятельности говорит сейчас большое количество книг, журналов, курсов и мероприятий, посвященных музейному делу, резко увеличилось. Некоторые авторы пишут просто «о потопе)», который обрушился на интересующихся проблемой. Концепции и теории, которым раньше почти не уделяли музеям внимания, стали рассматривать музей как место, где идут наиболее интересные и значительные дискуссии, а сложные вопросы могут быть рассмотрены новыми нестандартными способами. Современное понимание музея настоятельно требует выхода за пределы внутридисциплинарных интересов, к принятию и адаптации вопросов, В музее сегодня возможно применять методы и подходы, полученных из других областей дисциплинарной экспертизы. Например, в музее Дюльбер (Ялта-Кореиз,) нет никаких стендов,

баннеров. Все музейные предметы в полном доступе. Музейное дело стало сегодня одной из самых многогранных и все более междисциплинарных областей научного познания.

Междисциплинарность изучаемого музеологического феномена соответствует междисциплинарному характеру самого музеологического знания, и поэтому исследователь имеет право из списка гуманитарных наук выбрать самые эффективные для анализа данной ситуации. Выбор методов изучения «мест» желательно производить на основе двух критериев: 1) установить, какие науки стоит привлечь к анализу данной ситуации; 2) Определить, какие методы могут быть полезными (например, метафорическая вставка в экскурсионную речь). Потенциал ученых должен быть обращен лицом к человеку. Важно также, чтобы результаты, полученные при выборе методов исследования, отвечали бы требованиям, предъявляемым к эпистемологическим инструментам, а именно обеспечивали бы ОИУ (обоснованность, истинность, убеждение). Они способствуют более объемному постижению изучаемого музейного феномена. Концепция «мест памяти» позволяет использовать как традиционные (сравнительно-исторический, типологический), так и новые или адаптированные методы изучения научного материала: (критика источника, методика «пристального прочтения» (*careful reading*)). Биографический метод, который, однако разумно использовать с осторожностью, так как при его применении имеется потенциальная опасность превратить имеющийся материал в романтическую историю героической личности. Возможно применять методы «мыслительного коллектива». Под мыслительным коллективом понимается эмпирическая группа, члены которой могут быть связаны не только личным знакомством, но другими связующими элементами: системой публикаций, образовательным институтом, работой СМИ. Может быть полезной и технология «исследовательской мощности» при производстве знания, Полезным может быть метод дедукции. Исследователи, интересующиеся коммеморативными практиками, реконструируют взаимодействия прошлого и настоящего. Их главная функция – сохранение коллективной памяти, в структуру которой входит всё, что связывает человека с прошлым. Это различные артефакты, идеи, тексты, увековечение памяти о событиях, а также мемориалы, монументы, памятники, организация музеев, знаменательные даты, праздники, похороны, массовые мероприятия и т. д., – то, что называется мемориальной деятельностью. Эти практики могут быть инновационными, самобытными, адаптированными или пришедшими в Россию через научное общение, учебники и монографии.

М. Хальбвакс, развивая идеи Э. Дюркгейма, заметил, что социальные группы обладают общей памятью о прошлом. Ученый определяет «места памяти» как «всякое значимое единство, материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратила в символи-

ческий элемент наследия некоторой общности». Данное понятие включает в себя не только конкретное место на карте, материальный объект, но и символы, образы, особое восприятие. Многие практики пришли к ученым через «Библиотеку историй» [1, с. 17]. В книге «Франция/память» Нора сообщил обществу, что памяти больше нет. Если прежде политика хотя бы отчасти выстраивалась «от жизни», то ныне массовое мнение, которое политиками все же учитывается, преимущественно складывается СМИ: люди все больше видят жизненный мир таким, каким его подают на экране. Всемирные сети оказывают избыточное влияние на общественное мнение, «картинки», иллюзорные сценические постановки успешно заслоняют реальность. Естественно, и политика приобретает spectacularный характер: многие лидеры озабочены скорее тем, чтобы эффектно сыграть свою роль в сценическом действе и в такой игре получить бонусы.

Причина, по которой появилась эта концепция, скорее всего, изменяющееся соотношение между историей и памятью. С 1993 года термин «место памяти» стал широко распространенным, обозначающим феномен, состоящий из единства материального, духовного и символического. Материальный компонент «мест памяти» – реальные вещи (музеи, мемуары, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации). Духовный компонент – знания, сведения и информация о мире, индивиде и обществе, потребности, желание познавать и изучать мир, выражать свои эмоции в виде образов. Символический компонент – чувства, эмоциональное отношение к предметам природы и явлениям, материальным объектам (вещам) и субъектам общества (людям). Сформировавшееся «место памяти» постепенно окружается символической аурой – «хорошее место», «плохое место», «намоленное место», «место силы». Мемориалы – материальный компонент, то, что создают официальные общественные объединения или правительство, чтобы сохранить память о чем-либо важном для государства. По мнению П. Нора, единство памяти со временем и по волеизъявлению людей становится символическим элементом национальной памяти. Места, репрезентирующие материальный компонент «мест памяти», определены. Это памятники культуры и природы, праздники, эмблемы, торжества в честь людей или событий, речи разных жанров и т.п. Чтобы какое-то явление, предмет стали «местом памяти», надо, по мнению ученого, постоянно о нем говорить, писать, напоминать, рекламировать, показывать его значимость для современного человека. Эти действия коммеморативной «мы-группы» помогут сохранить в сознании людей память о важных для нее событиях, зданиях, песнях, книгах, людях и т.д. Нора считал, что их главная роль – символическая, так как она призвана создавать представления общества о самом себе и своей истории. Важной характеристикой «мест памяти» является их способность со временем менять свое значение. Например,

Великая Октябрьская социалистическая революция стала в 1990-е годы для части населения страны Октябрьским переворотом. Концепция «мест памяти» актуальна и для научной сферы. В ней существует много «мест памяти»: Пушкинские чтения, Чеховские чтения, Костомаровские чтения. Красновские чтения и тому подобное. Чтобы память не исчезла, ее надо поддерживать или восстанавливать. Память исчезает потому, что исчезают сами группы – носители коллективной памяти. Вместе с потерей органической целостности общества «повисают в воздухе» и институты передачи социальной памяти и традиций: семья, школа, церковь, государство, идеология. Наконец, с помощью СМИ изменилось и само историческое сознание, ограничившее свое наследие эфемерной фотографией актуальности. У Хальбвакса память выполняла функцию непрерывной связи поколений. С исчезновением памяти потребность в непрерывности находит свое убежище в «местах памяти» (*lieux de mémoire*). Целостная национальная память разрывается на периоды и темы. Прежняя тождественность истории и памяти разрушена, память разбивается на исторические эпизоды абстрактного прошлого. Хальбвакс рекомендовал при размышлениях о прошлом мысленно перебирать разные периоды времени, словно пустые рамки. В ходе исторической реконструкции эти рамки заполняются событиями и образами. Рамки подвижны, исторически изменчивы, и Хальбвакс представлял их в виде медленно плывущих плотов. Плоты плывут так медленно, что по ним можно переходить с берега на берег; и, тем не менее, они плывут, а не остаются в неподвижности» спонтанной памяти, то есть памяти бессознательной (*involontaire*), фиксирующей только единичные события и выражающейся в уникальных образах-воспоминаниях. При этом одни акты коммеморации надо создавать искусственно, другие же формируются естественным образом. С точки зрения Нора, «места памяти» выполняют роль блокировщиков процесса забвения за счет сочетания в них материального, функционального и символического компонентов.

Во время работы в рамках концепции Нора важно понимать, что с понятием «место памяти» связана глубокая интеллектуальная традиция. Исследователи уже давно заметили, что память часто изображалась и истолковывалась при помощи пространственной метафоры, а метафора часто используется в том случае, когда не хватает других аргументов. Воспоминания о переживаниях остаются, но или не вызывают больше сильных эмоций, или эмоции не соответствуют переживанию. Печаль вспоминается с радостью, а радость – с печалью. Переживания проявляются через душу, а не через органы чувств. Нора указывал, что история ускоряется, из нее «вытаскивается» удаляющееся прошлое, разрушается единство исторического времени. «Прошлое перестает быть гарантией будущего, а настоящее связано с памятью. Прошлое утратило единый смысл и интерпретируется по-разному. Настоящее, наделенное историческим самосознанием, неиз-

бежно узаконивает множественность возможных версий прошлого» [3].

Все «места» и их ценности – свидетели другой эпохи, создающие иллюзии вечности. Если нужно оживить что-то из прошлого и как-то использовать в современной жизни, то должны появиться люди или организации, которые сделают это профессионально: «Сама нация утратила свое педагогическое призвание по передаче нравственных ценностей» [8, с. 74]. Нора утверждает, что это дело определенной социальной группы людей, заинтересованной в возрождении какого-либо ритуала, деятельности. «И поэтому легитимизация через прошлое невозможна. Реальна только легитимизация через будущее, но его нужно готовить. Прошлое можно лишь знать и почитать, нации можно служить, будущее нужно готовить. Эти три термина сейчас обрели свою самостоятельность». Память стала понятием исключительно индивидуальным. Память – это абсолют, а история знает только относительное. Наступило время «мест», тот момент, когда огромный капитал наследия, который мы переживаем в интимности памяти, исчезает, если не будет коммеморативной группы («мы – группы»), которой важно сохранить эту информацию или восстановить. А восстановленная история обычно изменена [8, с. 120]. Ко многому из прошлого мы еще не стали совсем безразличными, пока еще откликаемся на самые яркие события прошлого. Но одно и то же прошлое у разных людей разное. Для кого-то это бесплатно полученное жилье, для других – это очередь за хлебом во времена правления Н.С. Хрущева. Коммеморативное общество, сохраняя память о чем-либо из прошлой жизни, позволяет взять с собой в будущее самое значимое и разместить это будущее по объектам нашей памяти: в архивах, библиотеках, словарях, музеях, книгах. П. Нора считает «места памяти» останками коммеморативного сознания в истории, которое игнорирует его, но при этом в нем нуждается [9, с. 333]. Артефакты и события прежней эпохи (музеи, коллекции, трактаты, архивы, праздники, годовщины протоколы, монументы, храмы, ассоциации) после деритуализации становятся свидетелями, ценностями другой эпохи, той, для которой формируется данный концепт. При формировании концепта «места памяти» на базе музея создать «место памяти» помогут социология, коммуникация и медиа-исследования, история и смежные дисциплины разработали инструменты анализа, которые являются плодотворными при изучении практик передачи информации в коммеморативной группе. При создании «мы-группы» надо ответить на следующие вопросы:

- Какую группу создаю я? (социология: группы, кружки, общества);
- Какой будет моя политическая стратегия? (политика: религиозные и конфессиональные стратегии?);
- Кто учит, а кто учится? (доктрина: отношения между учителем и учеником в сравнении с прямым вдохновением);
- Какие СМИ разумно выбрать? (средства массовой информации: уст-

ные, литературные, образные, символические);

– С какой литературой будем работать? (филология: проекты в области перевода, критики, изданий);

– Какие люди придут в мою группу?

– Какие формы работы выберет музей? и

– Какие книги потребуются? (фронтальные, позитивно-иллюстративные, рекомендательно-иллюстративные)/

П. Нора уверен, что к пространству памяти надо относить и названия улиц, ассоциации ветеранов, памятники жертвам войны; все это – пространство памяти, понятие, гораздо более широкое, чем отраженное в документах представление о прошлом. Все перечисленное может стать «местом памяти». Можно применить концепцию П. Нора и к изучению биографий и творчества великих или значимых писателей, имевших отношение к Крыму. Что касается А.П. Чехова, то для него создано и создается много «мест памяти». «Места памяти» Чехова создавались членами коммеморативных групп и осознанно, и неосознанно. Вот «место памяти», созданное группой женщин, контактировавших с Чеховым в разных жизненных ситуациях. Для Л.А. Авиловой он учитель, великий писатель, тот, кто искренне помогает начинающему автору на трудном писательском пути, дает глубокие и тонкие советы: «Над рассказами можно и плакать, и стенать, можно страдать заодно со своими героями, полагаю, нужно это делать так, чтобы читатель этого не заметил» [8, с. 294]. Он тот, кто умеет вытащить женщину из семейной рутин. Для жены, Ольги Леонардовны, приготовлены другие рамки: она жена, талантливая актриса, восхищающаяся своим мужем, человеком, который открыл в литературе новое направление, дал право на жизнь внешне незаметному простому человеку. Для Ольги Леонардовны Чехов – любимый человек, первооткрыватель, гений. Для сестры, Марии Павловны, Антон – бесконечно любимый брат, которому она решила посвятить свою жизнь. Из воспоминаний о ней складывается образ замечательной русской женщины. Такой ее видели И.А. Бунин, И.И. Левитан, А.И. Куприн, К.С. Станиславский, К.Г. Паустовский, С.Я. Маршак, М.С. Шагинян и многие другие известные люди. Рядом с ней Антон Павлович – замечательный друг, бесконечно любимый брат. В совместных заботах о семье и началась дружба между Антоном Павловичем и сестрой. Они хорошо понимали друг друга, делились заветным, сокровенным: «Он все более и более увлекал меня, и я в конце концов почувствовала, что у меня в жизни появилась новая цель – всячески облегчать жизнь брата Антона». И в этом была тайна ее жизни. Нина Заречная – героиня художественного произведения. Героиня, которой писатель доверил высказать свои желания. Кто из реальных женщин, окружавших Чехова, мог бы сказать ему или написать: «Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, приди и возьми ее»?». Думается, сам Чехов знал ответ на этот вопрос.

В рамках своей теории Нора определяет память как «жизнь», носителями которой выступают социальные группы, это всегда «актуальный феномен». История, напротив, представляет собой проблематичную и неполную реконструкцию или репрезентацию прошлого. Со временем какие-то факты истории становятся просто неинтересными, и работа с ними тоже. Появляются новые факты, или какие-то известные факты интерпретируются по-новому. Так формируются новые «места памяти» [9, с. 118-122].

В 1987 году в результате длительной работы общественности Гурзуфа, известных людей страны и Крыма была открыта первая экспозиция дачи А.П. Чехова, которая стала «местом памяти», особенным и неповторимым. Инициатором восстановления дачи А.П. Чехова выступил советский и российский актёр, режиссёр Олег Ефремов. Дом был восстановлен в том виде, в каком видел его при покупке А.П. Чехов. [10, с. 1995] году дача открыта для посещения как филиал Дома-музея А.П. Чехова в Ялте.

В 1989 г. часть жителей Гурзуфа, помнящая о том, что в довоенное время на даче герцога Ришельё был музей А.С. Пушкина, инициировали открытие музея Пушкина заново и посвятила это событие крымскому путешествию поэта. С 16 ноября 2022 года музей находится на реконструкции. Он примет посетителей, скорее всего в 2025 года, а не в конце 2024 года, как было обещано. «Место памяти» всегда имеет будущее. Пьер Нора говорил о том, что при создании «места памяти» нужно быть настойчивым и пропагандировать свое творение самыми разнообразными средствами через СМИ, мероприятия, праздники, речи. Несомненно, «места памяти» не появляются сами собой. Они живут благодаря желанию многих людей. «Чтобы память не ушла, пишет Нора, нужно создавать архивы, отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить речи», то есть следует разными способами напоминать обществу о своем «актуальном феномене» [10, с. 75]. Александр Сергеевич Пушкин смог и сам создать для себя «место памяти», и не одно: люди сохраняют его литературное творчество («Я памятник воздвиг себе нерукотворный» – как Квинт Гораций Флакк в «Eхegi monumentum», написанном автором в 65 – 8 гг. до н. э.). А 10 ноября 1836 г. Пушкин сообщил князю Николаю Голицыну в Артек. В письме есть фраза о Гурзуфе, которая тоже создала «место памяти»: *C'est le berceau de mon «Onégine»*. («Это колыбель моего «Онегина») [10, с. 1962, с. 314]. Использованный в предложении про «колыбель Онегина» троп (метафора) помогает выразить полноту понятия. Фразой о Гурзуфе Пушкин запрограммировал этому музею долгую жизнь, создав «место памяти» самому себе. «Местом памяти» в Ялте стал и дом, построенный в 1959 году. Дом принадлежал семье советского писателя Н.З. Бирюкова, человека могучей воли и мужества. Он строил свою судьбу с верой в собственные силы, как Николай Островский. В ялтинском доме Бирюков провел последние годы жизни. Открытие музея в доме писателя состоялось в 1970 г.

Первым директором музея стала его жена Анна Ильинична Бирюкова, которая бережно и последовательно создавала «место памяти» для этого мужественного человека и талантливого писателя. Так появилось новое «место памяти» в Литературно-мемориальном доме-музее Н.З. Бирюкова, которое продолжает существовать более пятидесяти лет. Тяжелым периодом в работе музея были 1990-2000 гг. Концепция музея была разработана в 1970 году, и экспозиция практически не изменилась, что привело со временем к утрате интереса посетителей. Патриотизм и самоотдача в работе не были актуальными и популярными.

В последние годы в Ялте начался активный процесс возрождения «места памяти» Николая Зотовича Бирюкова, человека трудной судьбы и патриота с горячим сердцем.

Современные методы и формы деятельности музея, разработанные учеными и специалистами, осваиваются, распространяются и пересекаются с уровнем социальной и профессиональной компетенции. В музее Н.З. Бирюкова, как и во всех других музеях Крыма, проводятся патриотические мероприятия. Главные для деятельности музея стало восстановление традиций советского времени, таких как принятие в пионеры и комсомол. Музей сотрудничает с военно-патриотическим клубом «Овод» пгт. Гурзуф. Клуб «Овод» существует более тридцати лет, и школьники, которые занимаются в нем, являются пионерами и комсомольцами.

Жизнь и подвиг писателя Н.З. Бирюкова является для ребят не просто словами, а настоящим примером. Создание в данном музее мы-группы «Бирюковцы» разного возраста от начальной школы и студентов до крымских поэтов, или группы «Не расстанусь с комсомолом» и «Космос в доме-музее Н.З. Бирюкова» во главе с космонавтом Владимиром Титовым. Если исчезла память, но она нужна, как, например, элемент патриотического воспитания, значит, ее надо возрождать.

В музее организовываются временные выставки, такие как «Рекламное дело в СССР», «Привет из советского детства», «Космическая эпоха в доме-музее Н.З. Бирюкова», что стало привлекать внимание посетителей. Концепция выставки «Космическая эпоха в доме-музее Н.З. Бирюкова» была совместным проектом студентов Федерального Крымского университета им. В.И. Вернадского и коллектива музея. Представленная выставка заняла 3 место в конкурсе студенческих проектов «Увлекательная музеология». Студенты, которые с увлечением над ней работали, готовы и дальше сотрудничать с коллективом музея и применять новые технологии.

Итак, анализ ситуации, связанной с деятельностью крымских литературных музеев, показал, что все историко-литературные и литературно-художественные музеи Крыма имеют возможность внедрить элементы концепции Нора «места памяти» в свою деятельность, изучив концепцию и подготовив персонал. Таким образом, «места памяти» при наличии групп за-

интересованных людей расширяют коллективную память, позволяют музею перейти на новый уровень развития; помогают соединить духовное и материальное и своей деятельностью по созданию «мест памяти» сохраняют национальную культуру. «Места памяти» – феномен, выводящий на передний план связь с современными людьми и актуальными проблемами общества.

Основные результаты

Итак, Нора утверждает, что «Прошлое перестает быть гарантией будущего, а настоящее связано с памятью. Прошлое утратило единый смысл и интерпретируется по-разному. Настоящее, наделенное историческим самосознанием, неизбежно узаконивает множественность возможных версий прошлого». Все «места» и их ценности – свидетели другой эпохи, создающие иллюзии вечности. Если нужно оживить что-то из прошлого и как-то использовать в современной жизни, то должны появиться люди или организации, которые сделают это профессионально: «Сама нация утратила свое педагогическое призвание по передаче нравственных ценностей». Нора утверждает, что это будет делом определенной социальной группы людей, заинтересованной в возрождении какого-либо ритуала, деятельности. «И поэтому легитимизация через прошлое невозможна. Реальна только легитимизация через будущее, но его нужно готовить. Прошлое можно лишь знать и почитать, нации можно служить, будущее нужно готовить. Эти три термина сейчас обрели свою самостоятельность». Память стала понятием исключительно индивидуальным. Память – это абсолют, а история знает только относительное. Наступило время «мест», тот момент, когда огромный капитал наследия, который мы переживаем в интимности памяти, исчезает, если не будет коммеморативной группы (мы – группы), которой важно сохранить эту информацию или восстановить. А восстановленная история обычно изменена [13, с. 120]. Ко многому из прошлого мы еще не стали совсем безразличными, пока еще откликаемся на самые яркие события прошлого. Но Надо помнить, что одно и то же прошлое у разных людей разное.

Библиографический список

1. Нора П. Проблематика «мест памяти» // Франция и память. Перевод с французского. Переводчик Д. Хапаева. – СПб: Издательство Санкт-Петербург. ун-та. 1999. С. 333.
2. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. С. 348.
3. Halbwachs M. La mémoire collective // Ouvrage posthume publié. Presses universitaires de France, 1950. P. 205.
4. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – Москва: Языки славянской культуры (ЯСК), 2004. С. 368.
5. Копосов Н.Е. Память строгого режима: история и политика в России. – Москва: Новое литературное обозрение, 2011. 315 с.
6. Васильев А.Г. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э.Дюркгейма // Социологическое обозрение. – М.: РГГУ. 2014. Т. 13. № 2. С. 141-167.

7. Дюркгейм Э. Педагогика и социология // Социология. Её предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. – М.: Канон. 1995. С. 244-264.
8. Авилова Л.А. А.П. Чехов в моей жизни. В кн. // Чехов в воспоминаниях современников. – Москва: Издательство художественной литературы. 1960. С. 294.
9. Мастеница Е.Н. Музей в условиях глобализации. // СПб: Вестник СибГУКИ. 2015. № 4 (29). С. 118-122.
10. Прусакова, О.П. Историческая память и «места памяти»: подход социолога Хальбвакса и концепция историка Пьера Нора // Молодой ученый. 2022. № 33 (428).
11. Прусакова, О.П. Историческая память и «места памяти»: подход социолога Хальбвакса и концепция историка Пьера Нора // Молодой ученый 2022. № 33 (428). С. 73-75.
12. Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 тт. Письма 1831– 1837. – М.: ГИХЛ, 19591-962. Том 10. С. 314.
13. Сабанчиев Р.Ю. Концепция «мест памяти» П. Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 1. С. 33-38.
14. Сливкова Ю.В. Музеефикация тюрем как форма культурной интеграции травматического наследия (по материалам Западной Сибири): дис. ...канд.культ. – Симферополь, с. 147.
15. Halbwachs M. La mémoire collective // Ouvrage posthume publié. Presses universitaires de France, 1950. P. 205.
16. Чехов А.П. Письмо Авиловой Л.А., 29 апреля 1892 г. Мелихово // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1974-1983. Т. 5. Письма, Март 1892-1894. – М.: Наука, 1977. С. 58.

References

1. Nora P. The Problematic of “Places of Memory” // France and Memory. Translated from French. Translator D. Khapaeva. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. 1999. Page 333.
2. Halbwachs, M. Social Framework of Memory / trans. from French by S.N. Zenkina. – Moscow: New Publishing House, 2007. Page 348.
3. Halbwachs M. La mémoire collective // Ouvrage posthume publié. Presses universitaires de France, 1950. Page 205.
4. Assman J. Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity. – Moscow: Languages of Slavic Culture (YASK), 2004. Page 368.
5. Kopusov N.E. Memory of the Strict Regime: History and Politics in Russia. – Moscow: New Literary Review, 2011. 315 p.
6. Vasiliev A.G. Embodied Memory: Commemorative Ritual in the Sociology of E. Durkheim // Sociological Review. – Moscow: RSUH. 2014. Vol. 13. № 2. P. 141-167.
7. Durkheim E. Pedagogy and Sociology // Sociology. Its Subject. Method, Purpose / Translated from French by A.B. Hoffmann. – Moscow: Canon. 1995. P. 244-264.
8. Avilova L.A. A.P. Chekhov in My Life. In the book // Chekhov in the Memories of His Contemporaries. – Moscow: Publishing House of Fiction. 1960. P. 294.
9. Mastenitsa E.N. Museum in the context of globalization. // SPb: Bulletin of the Siberian State University of Culture and Arts. 2015. № 4 (29). P. 118-122.
10. Prusakova, O.P. Historical memory and “places of memory”: the approach of sociologist Halbwachs and the concept of historian Pierre Nora // Young scientist. 2022. № 33 (428).
11. Prusakova, O.P. Historical memory and “places of memory”: the approach of sociologist Halbwachs and the concept of historian Pierre Nora // Young scientist 2022. № 33 (428). P. 73-75.
12. Pushkin A.S. Collected works in 10 vols. Letters 1831-1837. – М.: ГИХЛ, 19591-962. Vol. 10. P. 314.
13. Sabancheev R. Yu. The concept of “places of memory” by P. Nora as a method of historical reconstruction // Humanitarian studies of Eastern Siberia and the Far East. 2018. № 1. P. 33-38.
14. Slivkova Yu. V. Museification of prisons as a form of cultural integration of traumatic heritage (based on materials from Western Siberia): diss. ... candidate of culture. – Simferopol, P. 147.
15. Halbwachs M. La mémoire collective // Ouvrage posthume publié. Presses universitaires de France, 1950. P. 205.
16. Chekhov A. P. Letter to Avilova L.A., April 29, 1892. Melikhovo // Chekhov A.P. Complete Works and Letters: In 30 volumes. Letters: In 12 volumes / USSR Academy of Sciences. A.M. Gorky Institute of World Literature. – М.: Nauka, 1974-1983. Vol. 5. Letters, March 1892-1894. – М.: Nauka, 1977. P. 58.

Лянь Лю

Магистр. Хэйхэский университет, Хэйхэ, провинция Хэйлуцзян, Китай. ORCID: 0009-0001-1678-9224

Применение методов психологического анализа рисунков в просвещении студентов колледжей по вопросам психологического здоровья*

Аннотация. Психологический анализ рисунков преимущественно основывается на теории психологической проекции и функционального разделения мозговой деятельности. Техника психологического анализа рисунков отличается простотой, легка в применении и способствует преодолению защитных механизмов личности. В данной статье автор приводит примеры применения методов психологического анализа рисунков в просвещении студентов колледжей по вопросам психологического здоровья, в том числе в форме индивидуального консультирования, психологических опросов и курсов. Автор использует метод психологического анализа рисунков «дом – дерево – человек», а также методы анализа признаков рисунка: волнистых линий, связанных с эмоциональной сферой, перекрестных линий, отражающих межличностные отношения, а также анализ автопортрета. Психологический анализ рисунка может отражать внутреннее состояние и черты нарисовавшей его личности, позволяет рассматривать их с точки зрения проекции. Рисующий человек не ограничивается в выборе художественного языка и средств выразительности, что может способствовать снижению сопротивления. Рисование может стимулировать энтузиазм к участию, способствует эмоциональному выражению и высвобождению, применению индивидуального подхода в процессе обучения, повышает эффективность обучения по вопросам психологического здоровья. Применение методов психологического анализа рисунков в психологическом образовании студентов колледжей – это исследовательская инновация как по содержанию, так и по форме. Применение методов психологического анализа рисунков оказывает положительное влияние на практику просвещения по вопросам психологического здоровья. В индивидуальном консультировании можно выявить негативные эмоциональные характеристики и проанализировать личностные особенности. В психологической кризисной интервенции психологический рисуночный тест оценивает негативные эмоции и психологические состояния учащихся, выявляет характеристики негативных эмоций и факторы суицидального риска в их рисунках, а также компенсирует высокую внешнюю валидность бумажных тестов и отсутствие замаскированных ответов участников.

Ключевые слова: психология рисунка, арт-терапия, просвещение по вопросам психологического здоровья, методика «дом—дерево—человек».

Lian Liu

Lecturer. Heihe University, Heihe, Heilongjiang, China

* © Лянь Лю, 2025.

Применение методов психологического анализа рисунков в просвещении студентов колледжей по вопросам психологического здоровья

The application of painting psychological analysis techniques in psychological health education for college students

Abstract. The psychological analysis of painting is mainly based on the theories of psychological projection and brain division of labor function. The psychological technique of painting is simple and easy to implement, which helps individuals eliminate their defenses. The paper introduces examples of the application of painting psychological analysis techniques in college students' psychological health education, including individual counseling, psychological surveys, and psychological health education courses. **Methods:** This study uses the House-Tree-Person technique (HTP), a painting psychological analysis technique applied in teaching, and uses the analysis techniques of emotional "wavy lines", interpersonal relationship "cross lines", and self-portrait analysis. **Meaning:** Painting psychological analysis can reflect the inner state and personality traits of the painter. Using painting to carry out psychological health education can analyze the psychological state and personality traits of visitors from a projection perspective. Painting is not limited by language and expression, which can reduce visitors' resistance. The way of painting can stimulate visitors' enthusiasm for participating in activities, and painting is conducive to emotional expression and release, enhancing the effectiveness and personalized guidance of psychological health education. The application of painting psychoanalysis in college students' psychological health education is an exploration and innovation in both content and form. **Conclusion:** The application of painting psychological analysis techniques has a positive promoting effect on psychological health education practice. In individual counseling, it is possible to identify negative emotional characteristics and analyze personality traits. Through HTP, students' psychological states can be further understood, which has a supplementary effect on psychological surveys. In psychological crisis intervention, the painting psychological test evaluates students' negative emotions and psychological states, discovers the characteristics of negative emotions and suicide risk factors in students' paintings, and compensates for the high surface validity of paper and pencil tests and the lack of participants' disguised answers.

Key words: painting psychology, Art therapy, Psychological health education, HTP.

Исследование выполнено при поддержке Фонда фундаментальных исследований для университетов бакалавриата провинции Хэйлунцзян в 2020 году, специальный проект фонда Университета Хэйхэ № 2020-KYWF-0895.

1. Research on the Mechanism of Painting Psychological Analysis

The painting psychological analysis is mainly based on the theories of psychological projection and brain division of labor function. Robin, a master of art therapy in painting, believes that painting is the use of visual imagery to present the artist's inner thoughts. Through the expression and contemplation of visual imagery, new insights and solutions to problems can be gained. Secondly, painting expresses the subconscious and achieves the goal of healing; Again, painting itself is a medium that is not influenced by language and can present potential psychological states that individuals find difficult to express. Visitors can break

through defenses, freely and authentically express emotions, and present internal psychological conflicts. Finally, the painting process has a cathartic significance, expressing inner emotions and thoughts through artistic creation, and elevating destructive power into constructive power.

2. Research on the Application of Painting Psychological Analysis Techniques in Psychological Counseling and Treatment

Foreign research has shown that painting art therapy can heal emotional and psychological trauma, improve one's self-concept and social communication skills, and promote language development and cognitive function improvement. The study on emotional intervention of painting art therapy on anxiety in chemotherapy patients is effective (Forzoni); Psychological analysis of painting can alleviate symptoms of depression (Gussak). The intervention of painting art therapy has a significant effect on improving employees' positive cognition (Visnola).

In China, painting art therapy is widely used in clinical treatment and post disaster psychological crisis intervention. The research on painting psychological analysis technology has developed rapidly in China in the past decade, but empirical research on painting is limited. Pan Runde found that painting can alleviate emotional conflicts among middle school students, while Kang Kai's research found that painting promotes the release of emotions among students in disaster areas; Zhang Lu, Lin Lan, Ji Xinbo and others have tried painting art therapy, expressive therapy and other methods to assess the effectiveness of crisis intervention. Tang Wanjie found that painting art psychological therapy can effectively alleviate depression in college students. Specific examples include case studies of painting therapy for college students and its application in psychological crisis intervention groups.

About the application of painting art therapy in crisis intervention, Yan Hu found that HTP has effective intervention effects in suicide investigations among middle school students, psychological assessment surveys for new recruits, emergency psychological crisis interventions, psychological crisis screening for college students, interviews with students with psychological crisis tendencies, and prison crisis interventions.

At present, painting techniques are widely applied in the teaching, psychological counseling, and cultivation of positive qualities in psychology. Research on the psychological analysis of painting art is not systematic enough, and empirical research is not rich enough. In particular, large-scale survey research is needed to further enrich the application of painting psychological therapy.

3. The Significance of Applying Painting Psychoanalysis in Psychological Health Education

The application of painting psychological analysis technology in college

students' psychological health education is extensive, practical, and can fully mobilize students' initiative and enthusiasm. Commonly used in individual counseling, psychological surveys, group counseling, and psychological health education courses, the main methods of psychological health education include tree-drawing tests, house-tree-person technique, and additional drawing tests. By using painting psychological analysis techniques to promote students' understanding of interpersonal communication, emotions, personality, and other situations, teachers can grasp the overall mental health status of students and enhance the effectiveness of psychological health education.

The painting psychological technique is simple and easy to implement, as long as there is paper and pen to complete the painting process, which can assist students in exploring their own personality and psychological characteristics. Painting analysis is suitable for both individual and group tutoring, with a wide range of adaptability. Due to the fact that painting is not limited by language and expression, it reduces visitor resistance and helps eliminate defenses; The information presented in the painting helps to actively engage in teacher-student and student-student interaction, and carry out later psychological health education based on students' individual characteristics. The application of painting psychological analysis in psychological health education is also an exploration and innovation of the content and form of psychological health education work.

Figure 1. When to get out of the rainy season.

4. The Specific Application of Psychological Analysis Techniques in Painting

4.1 *The Application of Painting Psychological Analysis Techniques in Freshman Psychological Survey*

Psychological census is a standardized group psychological measurement conducted for freshmen, which uses testing and drawing analysis to grasp the maladjustment situation in the subject group. It actively provides psychological attention, counseling, and crisis intervention for some high scoring individuals.

Basic information of the painter: A first-year college student who has been enrolled for about one and a half months. The case is as follows (see "Figure 1"):

When to get out of the rainy season.

Picture analysis: (1) Overall picture analysis: The lines in the picture are mostly short, indicating that individuals are easily impulsive and excited. The scratches on the screen indicate that individuals may hesitate and pursue a perfect personality. (2) Amidst thunderstorms in the sky, the girl is caught in the rain on the left side of the screen, while clouds and rain represent a low mood, and the left side represents a focus on the past. (3) The girl's heart broke in half and her mood was low; A straight mouth may indicate a lack of expression of grievances. (4) A straight tree trunk represents an individual's stubborn personality and simple thinking; Sharp branches represent emotional tension; Trees with flowers represent individuals who crave attention and have strong vitality. In summary, painting reflects the following aspects: firstly, the student has a stubborn personality, simple thinking, impulsiveness, and pursuit of perfection. Secondly, the student's mood is low and they have not found an outlet, focusing on the past. Thirdly, the individual's desire for attention and support is an effective aid in solving problems encountered by the leader.

After completing the UPI (university personality inventory) and SCL-90 (college mental health test) tests in the mental health census, the UPI results showed that the student belonged to the first category in the UPI test results, with a pessimistic outlook, intense internal conflicts, and a significant impact on normal life and learners. SCL-90 screening showed a positive result, with the highest score for depression factors. The suggestions is to conduct psychological counseling interviews to understand the underlying reasons behind emotions and further guide them. At the same time, it is necessary to strive for the cooperation of teachers and parents to provide care and support.

The House-Tree-Person technique (HTP) can further understand students' psychological state. The psychological measurement scale has high surface validity, and House-Tree-Person painting has a supplementary effect on psychological screening. The above case further confirms the students' emotional and psychological states through painting analysis. The presentation of specific information in painting can be targeted for interviews and consultations based on individual psychological characteristics in later interviews.

4.2 The Application of Painting Psychological Analysis Techniques in Psychological Counseling and Crisis Intervention

As a psychological projection technique, painting psychological testing is inherently interesting, and individuals are prone to expressing their true selves without defense, presenting inner conflicts. Through painting analysis, potential conflicts and issues can be clearly identified, thereby rapidly promoting the process of psychological counseling.

Basic information of the painter: sophomore, female, quiet, serving as a student leader, outstanding work ability. The student took the initiative to visit and expressed their poor mood during psychological counseling. Through psychological counseling, she was feeling down and had poor sleep. Combined with the duration of the symptoms, her emotional state can be further verified through drawing (see "Figure 2" for specific pictures).

Screen analysis: (1) Overall, the pen strength is relatively light, with low psychological energy, lack of confidence, or depression. A carefully depicted image is a manifestation of being diligent and meticulous in doing things, pursuing perfection. (2) Shadows are used in various places such as flowers, trees, and roofs in the painting, which may lead to allergies and depression in interpersonal communication. (3) There are a few clouds floating in the sky, which symbolize emotions and may reflect an individual's recent bad mood. (4) There are tree scars on the trunk, which may indicate anxiety and unease. (5) The character's profile reflects contradiction and hesitation, while facing to the right with hope

Figure 2. Who says the perfect girl's emotions to.

for future development. The character's mouth is not depicted, and the mouth has an expressive function. Individuals may not like to express themselves, which could also be a reason for low mood. Without drawing hands, which represent action, individuals lack execution ability and confidence in their actions, which also reflects their low psychological energy. (6) A semi-open fence represents an individual's concern for personal space in interpersonal relationships. Overall, painting reflects the student's low mood, anxiety, pursuit of perfection, unwillingness to express themselves, and low psychological energy.

Based on the analysis of painting psychology and daily performance, it is recommended that the student should go to a psychiatric hospital for diagnosis. The diagnosis result is depression, and under the treatment of a specialist doctor, the student's sustained low mood has improved. They are now returning to school. The painting psychological test evaluates students' negative emotions and psychological states, and discovers the characteristics of depressive emotions and suicide risk factors in students' paintings, which compensates for the high surface validity of paper and pencil tests and the lack of participants' disguised answers.

4.3 The Application of Painting Psychological Analysis Techniques in Teaching

The application of painting psychological analysis technology in the teaching of the course "Psychological Health Education for College Students" can improve students' classroom participation rate, fully mobilize their initiative and enthusiasm, promote students' understanding of themselves through painting psychological analysis technology, and enhance the effectiveness of classroom teaching. At the same time, the painting psychological technique is simple and easy to implement, as long as there is paper and pen to complete the painting process, which can assist students in exploring. In addition, painting analysis is applicable to both individuals and group tutoring, with a wide range of adaptability. Furthermore, due to the fact that painting is not limited by language and expression, it reduces the impedance of visitors and helps eliminate defenses; The information presented in the painting helps to actively engage in teacher-student and student-student interaction, and carry out later psychological health education based on students' individual characteristics. Here are examples to illustrate the specific application:

– **Case 1:** Multidimensional adding drawing: emotional "wavy lines"

In the practical course of teaching "Psychological Health Education", the theme of "Emotions and Mental Health" is explained. By leading students to add emotional "wavy lines", students can have a further understanding of their emotional state. Through the psychological analysis of drawing, good communication between teachers and students can be established. Adding drawing activities can stimulate students' initiative, allowing them to personally understand their emotional state and better explore and adjust their emotions.

Question discussion: After students finish drawing, they can discuss and share three questions: Firstly, what are the emotions that have been frequently occurring recently? Secondly, who can determine your emotions? Thirdly, what methods do you use to regulate your emotions? Through discussion, students can express that they are the masters of their emotions and understand their emotional state. Through discussion, students have mastered more methods of emotional regulation. Painting psychological analysis can help to establish good communication between teachers and students.

The analysis method of emotional “wavy lines”: in “Figure 3”, above the wavy lines represent the painter’s positive emotions, and below the wavy lines are negative emotional states, allowing students to directly understand their current emotional state. The left side of the screen represents the past on the timeline, and the right side represents the present and future. From the overall distribution of the screen, it can be seen that students are currently investing their emotions into different time periods.

Rural journey.

– **Case 2:** Exploration of “self-awareness” - self-portrait

Teachers can apply “self-portrait” in the teaching of the theme of “self-awareness”. Teachers guide students to complete self-portraits in psychological health education courses, share and discuss through group teaching methods, and have students speak and exchange their feelings and gains from drawing self-portraits

Figure 3. Rural journey.

within the group. Under the guidance of teachers, students learn about themselves through the size, position, nature of lines, and presentation of common objects in self-portraits. Through self-portraits, students gain a deeper understanding of themselves and their relationship with the surrounding world, allowing them to further explore their self-awareness and understand themselves through painting.

– **Case 3:** Building a network of interpersonal relationships with cross lines

In the teaching of the theme of “interpersonal relationships”, the use of “cross lines” is emphasized. The theme of interpersonal relationships is the most important topic in college life and also the main content of mental health education. Understanding one’s own interpersonal relationships is illustrated through multidimensional addition, with the cross lines marked as “x”. Up, down, left, and right respectively represent different aspects of interpersonal relationships. The top represents the relationship with superiors, the bottom represents the relationship with one’s juniors, the left represents family, and the right represents friends.

By presenting the painting content in different positions of “x”, students further explored their interpersonal relationship status.

– **Case 4:** The application of the theme painting “House-Tree-Person”.

Partial analysis of the theme painting “House-Tree-Person” (see “Figure 1”, “Figure 2”, and “Figure 3” for HTP) is shown in the following text: The hierarchy of the house, the depiction of the roof, and individual thinking are related; The fruits of trees symbolize goals and ideas, and the number and size of fruits can provide insights into academic motivation and goals; The state of the mouth and hands is related to interpersonal relationships; The blank space and completeness of the body represent the energy level of the heart; Forms such as the moon and clouds are associated with negative emotions; Animals and flowers are often associated with individual attachment and emotional support.

Through the testing of House-Tree-Person, teachers can further understand the psychological state of students. Psychological measurement scales have high surface validity, and House-Tree-Person paintings have a supplementa-

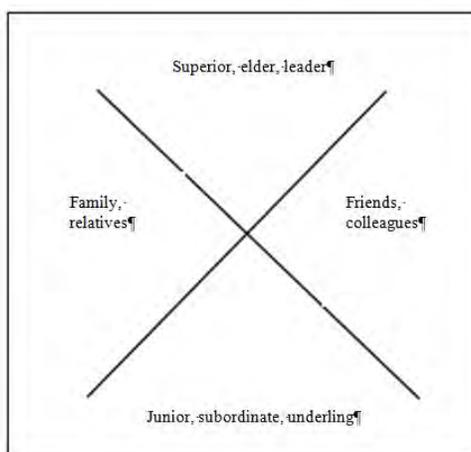

Figure 4. Key points of cross line analysis.

ry effect on psychological surveys. It is necessary to be able to conduct targeted interviews and consultations based on individual psychological characteristics during interviews.

The above are four painting psychological techniques applied in the course of “Psychological Health Education”. Students actively participated in the course and were able to express themselves after painting. Through painting as a medium, they had more communication with their classmates and increased mutual trust between teachers and students. In addition, the information presented in the painting lays the foundation for the next step of the curriculum, and also provides a certain direction for psychological health education work. Continuously reforming and innovating the curriculum is a prerequisite for ensuring the vitality and quality of psychological health education courses.

The technique of painting psychoanalysis should pay attention to the standardization of the testing process. After the painting is completed, the painter should describe their feelings and thoughts during the painting process. Counselors conduct psychological assessment and analysis based on the characteristics of the painting. When explaining the painting, they should pay attention to communicating with the artist about the content represented by the objects in the painting, as well as listening to the artist’s feelings after painting. This is also very instructive for analyzing the content of the painting and guiding the artist, which requires the tester to master good painting psychological analysis techniques.

Conclusion

The technique of painting psychological analysis has begun to be widely applied in the teaching, counseling, crisis assessment, and cultivation of positive qualities in psychology. The integration of painting psychological analysis technology into psychological health education to a certain extent meets the needs of continuous innovation in psychological health education. Being able to cleverly understand the thoughts of visitors in psychological counseling, counseling, and crisis intervention work have positive significance.

In census and crisis intervention, painting psychological techniques that enable individuals to actively engage in psychological attention and adapt to confusion are widely used in the mental health education of college students, increasing communication and mutual trust between teachers and students. However, research on the psychological analysis of painting art is not systematic enough, and empirical studies are not rich enough. Large sample surveys are particularly needed to further enrich the application of painting psychological analysis techniques.

The painting psychological technique is simple and easy to implement, as long as there is paper and pen to complete the painting process, which can assist students in exploring. Painting analysis is suitable for both individual and

group tutoring, with a wide range of adaptability. Due to the fact that painting is not limited by language and expression, it reduces visitor resistance and helps eliminate defenses; The information presented in the painting helps to actively engage in teacher-student and student-student interaction, and carry out later psychological health education based on students' individual characteristics. As a form of artistic psychological therapy, painting psychoanalysis uses art media as the main means of communication. With its diversity, ease of operation, and unrestricted by time and space, it brings more vitality and enlightenment to the psychological health education of college students.

Библиографический список / References

1. Yan Hu, Chen Jindong, Zhang Anqiong, Application of Drawing Psychology in Mental Health Clinics [J]. Chinese Journal of Clinical Psychology, 2021. № 29 (01). P. 214-216.
2. Zhang Xu, A Review of Psychological Research on Children's Painting in China [J]. Journal of The Chinese Society of Education, 2019. № S1. P. 128-129+181.
3. Li Kesheng, Yang Xin, Gao Pengcheng, etc., Effects of Group Painting Intervention on Aggression [J]. Chinese Journal of Clinical Psychology, 2014, № 22 (06). P. 1133-1136.
4. Zhao Xiaoming, The Application of House-Tree-Person Technique in College Psychological Counseling Practice [J]. China Adult Education, 2014. № 18. P. 184-186.
5. Chen Canrui, Gao Yanhong, Zheng Chen, The Theory and Application of Mandala Drawing [J]. Medicine & Philosophy: Humanistic & Social Medicine Edition, 2013. № 34 (10). P. 19-23.
6. Bao Miqing, Ai Zhen'gang, Sun Chang'an, A Study on the Personality Characteristics of Impoverished College Students through "House-Tree-Person Painting" [J]. Education Exploration, 2013. № 3. P. 140-141.
7. Zhou Li, Drawings Therapy Has Become One of the Primaty Technologies [J]. Jiangsu Social Sciences, 2006. № S1. P. 61-63.
8. Zhang Zhenjuan, Effect and application of drawing in psychological therapy [J]. Chinese Journal of Clinical Rehabilitation, 2006. № 26 P. 120-122.
9. Wei Yuan, The Most Proper Mode of Mental Expression: Use of Drawing in Psychotherapy and Its Functioning Mechanism [J]. Medicine and Philosophy, 2005. № 3. P. 59-60.
10. Yan Hu, Chen Jindong, Painting Analysis and Psychotherapy Manual [M]. Central South University Press, 2016.

Саратовский С.В.

Кандидат педагогических наук, аспирант. ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», г. Саратов.

Мифологические аспекты дороги в русских народных сказках*

Аннотация. В статье исследуются мифологические аспекты образа дороги в русских народных сказках, анализируя его семантическую структуру и архетипические функции. Рассмотрены культурные коды и ментальные архетипы, отражающие народное мировосприятие через призму мифопоэтики. Дорога интерпретируется как символ жизненного пути и инициации героя, а также как медиатор между различными онтологическими реальностями. Основное внимание уделено функциональному анализу архетипа «дороги» с использованием литературоведческих и культурологических методов, что позволяет выявить взаимосвязи между сказочными сюжетами и мифологическими концептами. Результаты исследования подчеркивают значимость образа дороги в формировании этнической идентичности и национальной самосознания.

Ключевые слова: дорога, мифология, русские народные сказки, архетип, инициация, культурный код, мифопоэтика, народное мировосприятие.

Saratovskii S.V.

Candidate of Pedagogical Sciences, Graduate Student. Saratov Chernyshevsky State University (SGU), Saratov.

Mythological aspects of the road in Russian folk tales

Abstract. The article examines the mythological aspects of the image of the road in Russian folk tales, analyzing its semantic structure and archetypal functions. Cultural codes and mental archetypes reflecting the national worldview through the prism of mythopoetics are considered. The road is interpreted as a symbol of the hero's life path and initiation, as well as as a mediator between different ontological realities. The main attention is paid to the functional analysis of the archetype of the "road" using literary and cultural methods, which allows us to identify the relationship between fairy-tale plots and mythological concepts. The results of the study emphasize the importance of the image of the road in the formation of ethnic identity and national identity.

Key words: road, mythology, Russian folk tales, archetype, initiation, cultural code, mythopoetics, folk worldview.

* © Саратовский С.В., 2025.

Исследование мифопоэтических структур русских народных сказок представляет актуальную задачу в рамках культурологического и литературоведческого дискурса, направленную на дешифровку культурного кода и ментальных архетипов русского этноса. Фольклор, функционирующий как хранилище коллективной памяти и репозиторий архетипических образов, содержит латентные смыслы, доступные лишь посредством структурно-семантического анализа. Архетип «пути», широко распространенный в устном народном творчестве различных культурных традиций, в русской сказочной традиции приобретает значимость, трансформируясь в метафору онтогенетического развития персонажа, символизируя этапы инициации, испытаний и духовного самоопределения. Функциональный анализ архетипа «дороги» в контексте русских народных сказок позволяет проникнуть в глубинные пласты русского мировоззрения, выявляя корреляции между сказочной реальностью и архаическими космогоническими и антропологическими представлениями [2]. Изучение мифологических функций «дороги» выступает необходимым условием для адекватной интерпретации фольклорного текста и определения его роли в формировании этнической идентичности и конструировании национального самосознания. Анализ семиотических особенностей сказочного нарратива в сочетании с методами структурализма и мифокритики позволяет выявить глубинные связи между сказочными сюжетами и мифологическими концептами, просвечивающими через фольклорные тексты и отражающими коллективное бессознательное русского народа.

Предмет настоящего исследования – семантическая структура образа «дороги» в русском народном сказочном дискурсе. Цель работы заключается в выявлении глубинных мифопоэтических функций и символического потенциала этого архетипического образа, определяющего архитектуру и семантическое поле сказочного повествования. В рамках данного анализа «дорога» рассматривается не только как линейное пространственное перемещение сказочного персонажа, но и как метафора жизненного пути, процесса онтогенетического развития субъекта, включающего этапы духовного роста и преодоления препятствий. Мифологическая интерпретация образа дороги осуществляется посредством анализа архетипических структур (архетип пути, архетип героя, архетип помощника), мифологических мотивов (квест, борьба со злом, обретение чудо-предмета) и символических значений (дорога как символ жизненного цикла, испытаний, пути к самопознанию, инициации).

Для достижения поставленной цели будет использован интегрированный методологический подход, сочетающий в себе принципы литературоведческого анализа (в частности, структурализм, герменевтика, повествовательная теория) и культурологического исследования (с акцентом на мифологию, символизм и семиотику). Анализ будет опираться на

корпус русских народных сказок, с применением сравнительного метода для выявления инвариантных и вариативных структур символического образа дороги, а также структурного анализа сказочных сюжетов для установления роли дороги как организующего и смыслопорождающего элемента композиции. Особое внимание будет уделено семиотическому анализу, позволяющему раскрыть коннотативные и денотативные значения дороги в контексте специфических культурных кодов и мифологических представлений русского народа, учитывая взаимосвязь символики дороги с другими сказочными архетипами и мифологемами. Ожидается, что результаты исследования позволят систематизировать существующие знания о символике дороги в русской народной сказке, выявить её функциональные особенности и вклад в формирование общего семантического поля сказочного мировидения.

Семантическая структура дороги в русском сказочном дискурсе представляет собой многоуровневый архетип, репрезентирующий фундаментальные онтологические и когнитивные модели народного мировосприятия [3, с. 36]. Функционируя за пределами чисто географического обозначения, дорога выступает в качестве ключевого символа, интегрирующего мифопоэтические и ритуальные мотивы. Её семантическое поле охватывает широкий спектр значений, от метафоры жизненного пути и процесса героической инициации (с соответствующими стадиями сепарации, перехода и инкорпорации) до символического воплощения духовного самосовершенствования и трансформации личности [4]. Дихотомические оппозиции, такие как цивилизованное/дикое, известное/неизвестное, порядок/хаос, находят своё выражение в пространственной и временной организации сказочного путешествия, подчеркивая динамику героического мифа и его связь с архаическими ритуалами перехода.

Дорога, представленная в сказках типа «Иван-царевич и Серый волк» и «Василиса Прекрасная», функционирует как метафорическое пространство испытаний, необходимых для трансформации протагониста. Такой «путь героя» (по терминологии Джозефа Кэмпбелла), представляющий классический мономиф, структурируется серией испытаний, классифицируемых по различным основаниям. Магические испытания: борьба с мифологическими существами (Змей Горыныч, Баба-Яга) или решение задач, требующих применения сверхъестественных способностей, проверяют в первую очередь интеллектуальные способности героя. Моральные испытания, включающие проверку на верность, самопожертвование и преодоление собственных слабостей (например, искушение, страх), направлены на формирование этических принципов и личностного стержня героя. Физические препятствия: длительные путешествия, преодоление географических и природных преград (леса, моря, горы), символизируют упорство, выносливость и готовность к самоотверженным действиям.

Все испытания, взаимосвязанные и дополняющие друг друга, способствуют личностному росту протагониста, формированию его идентичности и достижению цели, что зачастую символизируется обретением желанного объекта (например, царевны, волшебного предмета) или изменением социального статуса.

В сравнении с другими сказочными нарративами, например, с «Сказкой о мертвой царевне и о семи богатырях» или «Морозко», подобная структура пути инициации проявляется с определёнными вариациями. В «Сказке о мертвой царевне...» путь царевны, несмотря на отсутствие явного географического путешествия, также представляет серию испытаний, прежде всего моральных (зависть, интриги), которые она преодолевает благодаря своим нравственным качествам. «Морозко» демонстрирует путь как возможность выбора между добром и злом, где героиня, пройдя через испытания трудолюбием и послушанием, достигает награды. В этих сказках, как и в рассмотренных ранее, дорога является архетипическим символом становления личности, но в разных культурных контекстах она выражена разными способами.

Второй тип – архетипический символ, маркирующий границу между онтологически различными реальностями. Так, в сказках о загробном царстве, будь то «Царевна-лягушка» или «Кощей Бессмертный», дорога функционирует как лиминальное пространство, пограничная зона между миром живых и миром мертвых, реальностью и ирреальностью. Путешествие героя по этой дороге представляет собой ритуальный переход, содержащий в элементы инициации и трансформации. Герой, отправляясь в царство Кощея или в подземное царство, проходит через серию испытаний, символически преодолевая границы между обыденным и сакральным, жизнью и смертью. Пространственная метафора отражает древние мифологические представления о структуре мироздания, включающие триединство земного, подземного и небесного миров, а дорога выступает в качестве медиатора, обеспечивающего взаимодействие и переход между этими уровнями бытия.

Герои, отправляясь на поиски счастья (в виде невесты, богатства, волшебного артефакта), неизбежно сталкиваются с серией препятствий, которые являются архетипами жизненных испытаний. Преодоление этих препятствий, будь то сражение с чудовищами («Кощей Бессмертный»), решение сложных загадок («Сивка-бурка») или преодоление природных преград (леса, моря), способствует духовному росту и формированию личности героя. Наличие волшебных помощников – животных (волк, конь, птица), одушевлённых предметов (клубок, меч-кладенец) – иллюстрирует архетип анималистической символики, где неодушевленное наделяется качествами живого, отражая внутренние состояния и потенциал героя. Этот Прием одушевления неодушевленного (антропоморфизм) также

усиливает смысловую нагрузку, превращая предметы в проводников и помощников в достижении цели.

Сама типология дорог в русских народных сказках учитывает пространственные и символические характеристики. Прямая дорога, характерная для сказок о простом и быстром достижении цели, контрастирует с извилистой дорогой, символизирующей многоэтапность пути и необходимость принятия решений, что наглядно демонстрируется в сказках о преодолении различных препятствий. Лесная дорога, часто ассоциирующаяся с миром неизведанного и встречей с магическими существами (Баба-Яга, как неоднозначный персонаж, способный как помочь, так и помешать), является архетипом пути самопознания и инициации. Полевая дорога, наоборот, символизирует открытость и ясность, отсутствие скрытых опасностей, в то время как водный путь, часто связанный с переходом в потусторонний мир или символическим очищением, указывает на трансформацию и возрождение героя. В «Сказке о рыбаке и рыбке» морской путь становится символом бесконечных желаний и их неизбежного обмана.

Следует отметить и мифологические архетипы: похищение невесты, конфликт добра и зла, и стремление к бессмертию. Путь героя, являющийся центральной композиционной схемой, представляет последовательность испытаний, каждая из которых соотносится с определённым архетипом, выполняя конкретную сюжетную функцию и неся символическую нагрузку. Так, мотив похищения невесты, встречающийся во множестве культурных традиций (например, в греческом мифе о Персефоне, в славянских былинах о похищении жены богатыря или в индийском эпосе «Рамаяна»), символически отражает глубокие архетипические конфликты, связанные с преодолением хаоса, восстановлением нарушенного порядка и утверждением мужского начала. Победа над антагонистом (злым волшебником, чудовищем, колдуном), архетип которого прослеживается от древних мифов о борьбе богов с чудовищами (Тифон, драконы, змеи) до современных сказок, представляет триумф космоса над хаосом, добра над злом, реинтеграцию расколотого мира. Мотив, безусловно, актуализирует первобытный архетип «убийства чудовища», где герой, пройдя через ритуальное испытание, восстанавливает космическую гармонию. Мотив обретения бессмертия, нашедший отражение, например, в сказке о молодых яблоках символизирует стремление к трансцендентности, достижению высшего состояния бытия, преодолению конечности человеческого существования.

Таким образом, путь героя, в независимости от конкретных приключений (поиск волшебного предмета, преодоление препятствий, победа над врагом), всегда представляет метафору личного роста, инициации и духовного преобразования, отражая стадии архетипического путешествия

от невинности к опыту, от зависимости к автономии.

Полученные данные представляют значительную ценность для междисциплинарных исследований, интегрируя методы литературоведения, культурологии, этнографии и исторической науки в рамках комплексного анализа культурной памяти. Выявленные особенности семантики пути в русских сказках обогащают наше понимание мифопоэтических структур, лежащих в основе национальной идентичности и коллективного мировосприятия. В перспективе, дальнейшие исследования могут быть сфокусированы на углублённом анализе семантики отдельных топосов, составляющих семантическое поле пути (лес, река, раздолье и др.), с применением методов структурной и семиотической антропологии. Сравнительный анализ мифологических аспектов пути в сказках различных культурных традиций позволит определить универсальные и специфические характеристики этого архетипического символа, вскрывая как транскультурные, так и этноспецифические черты мифологического сознания. Такой подход позволит разработать более адекватную модель культурной динамики и взаимодействия различных культурных систем.

Библиографический список

1. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 5 томах / [сост. А. Буслаев]. – Москва: Terra-Кн. клуб, 2008.
2. Гусева Е.В. Архетип дороги в мифо-поэтическом творчестве восточных славян // Уваровские чтения – IV. – Нижний Новгород, 2025. // URL: <http://old.museum-murom.ru/nauch-rab/uvar-iv/archetip-dorogi> (Дата обращения: 01.02.2025).
3. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1946.С. 36.
4. Шестеркина Н.В., Рогачев В.И. Мифопоэтика дороги (на материале народных русских загадок) // Вестник славянских культур. 2020. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoetika-dorogi-na-materiale-narodnyh-russkih-zagadok> (Дата обращения: 01.02.2025).

References

1. Afanasyev A.N. The folk Russian tales of A.N. Afanasyev: in 5 volumes / [comp. A. Buslaev]. – Moscow: Terra-Book. club, 2008.
2. Guseva E.V. The archetype of the road in the mythological and poetic work of the Eastern Slavs // Uvarov readings – IV. – Nizhny Novgorod, 2025. // URL: <http://old.museum-murom.ru/nauch-rab/uvar-iv/archetip-dorogi> (02.01.2025).
3. Propp V.Ya. Historical roots of a fairy tale. – L.: 1946. 36 p.
4. Shesterkina N.V., Rogachev V.I. The mythopoeitics of the road (based on the material of Russian folk riddles) // Bulletin of Slavic Cultures. 2020. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoetika-dorogi-na-materiale-narodnyh-russkih-zagadok> (02.01.2025).

Лян Чжэнминь

Аспирант 1 курса. ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток.

Исследование орнамента Южного Вьетнама, как элемента художественной культуры государства Наньюэ*

Аннотация. В статье в качестве объекта исследования рассматривается орнамент – древний образец художественной культуры и декоративно-прикладного искусства южновьетнамского периода в условиях взаимовлияния множества культур восточной Азии в древности. Благодаря анализу декоративных узоров на археологических находках раскопанных культурных реликвий в гробница короля Южного Вьетнама и руинах дворцового комплекса, нам раскрывается политическая, экономическая, культурная, иерархическая система и другие факторы, а также демонстрируется уникальная художественная ценность этого периода истории Китая. В статье рассматривается семантика орнамента, как художественного кода в условиях столкновения множества культур, с целью сохранения китайского культурного наследия через его внедрение в практику современного дизайна.

Ключевые слова: Южный Вьетнам, традиционная культура, декоративный узор, декоративно-прикладное искусство, орнамент, мультикультурализм, исторический код.

Liang Zhenying

1st year postgraduate student. Vladivostok State University, Vladivostok.

A study of the ornament of South Vietnam as an element of the artistic culture of the state of Nanyue

Abstract. The article considers ornament as an object of research – an ancient example of artistic culture and decorative and applied art of the South Vietnamese period in the context of the mutual influence of many cultures of East Asia in ancient times. Thanks to the analysis of decorative patterns on archaeological finds of excavated cultural relics in the tomb of the king of South Vietnam and the ruins of the palace complex, the political, economic, cultural, hierarchical system and other factors are revealed to us, as well as the unique artistic value of this period of Chinese history is demonstrated. The article examines the semantics of ornament as an artistic code in the context

* © Лян Чжэнминь, 2025.

Исследование орнамента Южного Вьетнама, как элемента художественной культуры государства Наньюэ

of a clash of multiple cultures, with the aim of preserving the Chinese cultural heritage through its introduction into the practice of modern design.

Key words: South Vietnam, traditional culture, decorative pattern, decorative and applied art, ornament, multiculturalism, historical code.

Введение.

В последние годы культурное наследие эпохи Южного Вьетнама, как важной части истории Китая, привлекает к себе широкое внимание исследователей как внутри страны, так и за рубежом. Китайские ученые добились плодотворных результатов в области археологических открытий и понимания культуры и декоративно-прикладного искусства Южного Вьетнама. Анализ археологических находок в гробнице короля Южного Вьетнама и руинах дворца Королевства Южный Вьетнам, позволяет выявить тематику орнаментов, их стиль и композиции. В ходе исследования мы выявим уникальность и историческую ценность образцов южновьетнамского периода, используя следующие методы: метод изучения литературы, чтобы разобраться в предыстории и истории; метод полевых исследований и археологический анализ для изучения артефактов гробниц и руин периода Наньюэ, выявление уникальности образцов, относящихся к разным временам и пространствам.

Метод сравнительного исследования может обеспечить горизонтальную и вертикальную сравнительную перспективу для изучения закономерностей в период Южного Вьетнама. Метод художественного анализа помогает выявлять эстетические характеристики и художественные достижения, художественную теорию и представить эстетическую перспективу для изучения орнаментов декоративного искусства периода Королевства Южный Вьетнам.

Китайские учёные рассматривают историческое развитие Южного Вьетнама с точки зрения культуры и археологии, культурного обмена и интеграции, а также уникальное художественное очарование орнаментов, что отражено в следующих публикациях: Чжан Ронгфан «История Южного Вьетнама», Хуан Мяочжан «История Южного Вьетнама», Чжана Ронгфана, Чжоу Юнвэя, «Мультикультурные исследования гробницы короля Южного Вьетнама династии Западная Хань», У Линъюня «Мультикультурные исследования гробницы короля Южного Вьетнама династии Западная Хань», Хуан Чжаньюэ «Археологические исследования Южного Вьетнама», Гао Чжаньин «Художественные исследования Южного Вьетнама» и др.

В ракурсе темы данного исследования, представили интерес работы китайских ученых, которые изучали орнамент периода Наньюэ с точки зрения исторических предпосылок, художественных характеристик, культурной коннотации, современного применения и маркетинговых исследований:

Фан Увэя «Исследование дизайна и применения орнамента в культурных изделиях периода Наньюэ», Сюй Сипина «Инновационный дизайн детского ханьфу на основе декоративных узоров периода Наньюэ», «Исследование Ву Линлин». Эти научные публикации обеспечивают надежную теоретическую платформу для изучения художественного стиля и расшифровки исторического кода орнаментов периода Наньюэ (Южного Вьетнама). Археологические памятники государства Наньюэ в настоящее время остаются малоизвестными за пределами Китая. В России этот период истории Китая широко не представлен, что делает наше исследование актуальным.

Основная часть.

Дворцовый район в столице царства находился на территории современного района Юэсю в г. Гуанчжоу и занимал площадь около 400 тыс. кв. м. Дворцовый комплекс правителей царства Наньюэ включал остатки различных построек, хозяйственные ямы, колодцы, дворцовый парк с прудом и декоративным искусственным ручьем. Известны также более ранние находки, характер которых остается неясным. Дворцовый парк правителей Наньюэ – один из древнейших памятников ландшафтного искусства на территории Китая, вероятно, он служил не только местом отдыха и развлечений, но и пространством для проведения обрядовых действий [14].

1. Некоторые аспекты истории Королевства Наньюэ.

Королевства Наньюэ было вассальным, основанным в регионе Линнань во времена ранней династии Западная Хань в Китае. Южный Вьетнам занимает уникальное положение в древней истории Китая. Он охватывает большую часть территории современных провинций Гуандун и Гуанси, а также части северного Вьетнама. После того как царь Цинь Ши поселился в Линнани, он назначил Жэнь Сюаня губернатором округа Наньхай, а Чжао Туо - губернатором округа Лунчуань и разместил их на месте. Во времена династии Цинь, когда Жэнь Сюань, наместник уезда Наньхай, был тяжело болен, он поручил Чжао Туо, губернатору уезда Лунчуань, вести дальнейшие дела, а также поручил Чжао Тоо охранять основание Линнанью страны. После смерти Жэнь Сюаня Чжао Туо немедленно воспользовался полномочиями наместника округа Наньхай и издал приказ, приказывающий защитникам Хэнпу, Яншаня и Хуанси, которые расположены на единственном пути к югу от Циньтунлина, перекрыть проход, строго охранять границу и использовать возможность для нападения. искорените официальную историю несговорчивой династии Цинь. После ряда подготовительных мероприятий в 203 году до н.э. Чжао Туо овладел Линнанью и основал царство Наньюэ (204-112 годы до н.э.), провозгласив себя «Воинственным царем Наньюэ». После того, как Чжао Туо основал страну, он создал округа в политическом и военном отношении. Укрепляйте силы пограничной обороны в северной части Гуанси и восточной части Гуанду-

на и день ото дня укрепляйте их власть. Под многовековым руководством Чжао Туо и четырех его преемников регион Линнань достиг значительных успехов в развитии, заложив прочную основу для возможной интеграции цивилизации Линнань в разнообразную и целостную китайскую культуру. В период существования Южного Вьетнама его территория могла включать в себя сегодняшние провинции Гуандун, Гуанси и обширные районы северного Вьетнама в его самом крупном проявлении. На востоке он простирается до Андина, Пинпина и Чжанпу на территории современной западной Фуцзяни, а на севере граничит с провинциями Миньюэ, Улин на севере и Чанша на западе в форме «собачьих зубов». На западе он граничит с Елангом, Тингом и другими странами, и она достигает северного Вьетнама на юге и Южно-Китайского моря на юге [1]. В этот период Южный Вьетнам активно развивал свою экономику и укреплял торговые связи с регионом Центральных равнин и зарубежными странами. Экспозицию музея «Дворцовый комплекс правителей царства Наньюэ» представляет артефакты, на которых нанесён орнамент периода Наньюэ, который является уникальной формой художественного самовыражения, несет в себе богатую историческую информацию и культурные коннотации, существовавший и развивавшийся под влиянием множества культур, он демонстрирует уникальный художественный стиль и культурные особенности. Этнические группы хань и вьетнамцы положили начало процессу развития культуры Лингнань в период Наньюэ и династии Западная Хань. В этих исторических условиях самобытность людей в разных странах была утрачена, а понимание значения традиционных символов снизилось. В этом случае изучение декоративно-прикладного искусства, а именно орнамента периода Наньюэ, своего рода «кода времени», свидетельствующего о процессе возникновения, развития, расширения и углубления культуры Лингнань в Южном Вьетнаме, что может помочь нам глубже понять культурное наследие древней региональной культуры. Наньюэ с древних времен был поселением этнической группы байюэ. После того, как Чжао Туо основал государство Южный Вьетнам, он проводил политику «объединения ста юэ», позволяя народу юэ участвовать в управлении режимом в период своего правления, поощряя смешанные браки между ханьцами и вьетнамцами, уважая вьетнамские обычаи и т.д., а также способствуя интеграции этнической группы ханьцев. В то же время культура Центральных равнин, культура Чу, культура Байюэ и заморская культура сталкиваются здесь и сливаются друг с другом, образуя уникальную культурную среду [3]. Таким образом, южновьетнамская культура является культурным продуктом интеграции местной культуры Южного Вьетнама с китайской культурой Центральных равнин, культурой Чу-Юньнани и ранней зарубежной культурой. Под влиянием политики, системы, религии, климата и географической среды культура Южного Вьетнама в этот период сформировала уникальную региональную культуру, таким об-

разом, что орнамент содержал художественные особенности Центральных равнин, коренных народов и заморских экзотических регионов, образуя феномен мультикультурной интеграции [2]. Распространение культуры Центральных равнин принесло в Южный Вьетнам передовые производственные технологии и политическую систему; влияние культуры Чу нашло отражение в художественном стиле и эстетических концепциях; культура Байюэ, как местная культура, привнесла уникальные региональные особенности в культуру Южного Вьетнама; зарубежные культурные обмены сделали Южный Вьетнам еще более привлекательным регионом с культурным колоритом.

2. Орнамент, как элемент художественной культуры государства Наньюэ

Декоративное убранство периода Наньюэ принимало различные формы, включая рельефы, линейную резьбу и картины. Эти различные выражения придают украшению неповторимый художественный шарм. Рельеф придает украшению объемность и позволяет более ярко передать форму узора; линейная гравировка очерчивает контур украшения тонкими линиями, которые просты и выразительны; роспись добавляет украшению насыщенных красок, делая его более красочным. Каждый тип узора отражает специфическую эпоху и региональные культурные особенности южновьетнамского периода, что предоставляет нам ценное материальное наследие для изучения истории, культуры и искусства Южного Вьетнама.

Древние китайские артефакты содержат графику, текст и узоры, которые в совокупности называются орнаментом. Древние люди использовали орнамент на различных материальных носителях, таких как архитектура, керамика, золотые и серебряные изделия, одежда, и придавали значению узоров в духовной культуре и искусстве Южного Вьетнама богатую символическую функцию: функциональная полезность, художественная и эстетическая ценность. Исследования, посвященные декоративному убранству периода Наньюэ, в основном посвящены гробнице царя Наньюэ из династии Западная Хань, руинам дворцового департамента Наньюэ, гробницам 1 и 2 династии Хань в Луобоване, уезд Гуйсянь, Гуанси, а также руинам верфей Цинь и Хань в провинции Гуанси. Гуанчжоу. Художественное оформление найденных артефактов демонстрирует в высшей степени мультикультурную тенденцию с точки зрения формы артефактов, особенностей декора, мастерства исполнения и характеристик предмета. В период Наньюэ существовало множество видов украшений, которые нашли отражение в изделиях из нефрита, бронзы, золота и серебра, керамики, лакированных изделиях, архитектуре и т.д. В зависимости от тематики узоров их можно условно разделить на пять категорий орнаментов: геометрический, небесный, иероглифический, растительный и звериный (таблица 1).

Таблица 1. Классификация узоров и тем Южного Вьетнама.

Категория орнамента	Виды узоров		
Геометрический	1. Пувен 2. Узор из ниток 3. Джомон 4. Вихревой рисунок 5. Узор в виде круга 6. Стопка бусин 7. Узор в форме сердца 8. Узор из петель 9. Изогнутый узор 10. Ромбовидный узор 11. Узор крючковой алембарды 12. Клетчатый узор 13. Треугольный узор 14. Рисунок зубьев гребня		15. Непрерывный дуговой рисунок 16. Текстовый шаблон 17. Узор Вэйвэя 18. Т-образный узор 19. Х-образный узор 20. Схема вертикальной шкалы 21. Тигринные следы 22. Геометрический узор 23. Выгравированный узор 24. Рисунок зубьев гребенки 25. Узор крючком 26. Четный точечный узор 27. Рисунок штампа 28. Б-образный узор 29. Перфорированный узор
Небесный	1. Муар 2. Раскат грома 3. Узор "Гора" 4. Водный узор		5. Схема огня 6. Солнечный узор 7. Лунный узор
Иероглифические	1. Рисунок танцора 2. Узор из перьев 3. Рисунок меча		4. Люди высшего класса общества со змеиным узором 5. Рисунок фехтовальщика
Растительный орнамент	1. Роликовый узор 2. Зернистый рисунок 3. Узор из лепестков 4. Узор из хурмы		5. У него есть образец 6. Чесночный узор 7. Узор из вьющейся травы 8. Узор из травяных листьев
Звериный орнамент	Реалистичное изображение	1. Тигровый узор 2. Медвежий узор 3. Узор коровы 4. Узор "Овечка" 5. Узор в виде рыбы 6. Узор обезьяны 7. Черепаший узор	8. Узор "Гусь" 9. Узор цикады 10. Рисунок согласных 11. Узор попугая 12. Узор в виде бабочки 13. Узор Панью 15. Узор в виде носорога
	Мифологические образы	1. Узор дракона 2. Узор Феникса 3. Узор из стеклянного тигра 4. Узор дракона Куй	5. Узор Пань-чи 6. Узор Сузаку 7. Узор в виде головы дракона 8. Узор на голове феникса

Звериный орнамент	Комбинированный	1. Узор дракона и феникса 2. Узор из драконов и тигров 3. Узор дракона и зверя 4. Узор “Двойной феникс” 5. Узор с двойным драконом 6. Узор двойной Ци	7. Узор из трех фениксов 8. Узор из трех драконов 9. Узор в виде дракона и змеи 10. Узор черепаха-дракон 11. Двойной овечий узор
-------------------	-----------------	--	--

2.1. Геометрический орнамент. Геометрические узоры занимали важное место в декоративных орнаментах южновьетнамского периода. Они появлялись практически на всех видах посуды. Керамика и лакированные изделия в основном использовались в качестве основных узоров, и среди них чаще встречались узоры в виде дзедмона, ромба и треугольника. Узор дзедмон - одно из самых ранних украшений, обнаруженных на сегодняшний день. Его происхождение можно проследить до 20 000 лет назад. Керамические изделия, найденные в руинах пещеры Ваньяньсянь и в кольце для подвешивания ведер в провинции Цзянси, украшены узорами дзедмон. «Джомон-Джомон» обладает такими художественными характеристиками, как простота и естественность, изысканное мастерство исполнения и культурная интеграция; ромбовидные узоры обладают высокой декоративностью, а их формы гибки и могут быть объединены в различные сложные узоры; треугольные узоры часто используются в качестве вспомогательных украшений и в сочетании с другими узорами для усиления многослойности поверхности украшения. Геометрические узоры просты по форме, полны ритма. Эти геометрические узоры обычно представлены отдельно или сочетаются с рисунками животных, растительными узорами и т.д., образуя более богатую комбинацию узоров. Возьмем в качестве примера вымощенный водой кирпич на восточной стороне коридора № 1 в руинах дворцового комплекса Наньюэ (рис. 1), который представляет собой желто-белую глиняную поверхность. На лицевой стороне формы нанесен узор, основной узор в центре представляет собой сложный ромбовидный узор, боковой узор представляет собой треугольный геометрический узор или сложный ромбовидный узор, а на четырех сторонах и нижней поверхности имеются конические отверстия. Размер кирпича составляет 73 см в длину, 45 см в ширину и 10 см в толщину, а диаметр отверстия для протыкания составляет 2,5-3 см. Этот способ декорирования не только отражает эстетические представления людей периода Южного Вьетнама, но и отражает уровень их мастерства [5].

2.2. Небесный орнамент в основном отражает то, что древние были

полны благоговейного трепета перед природой, отражая космологию людей и выражение религиозных верований того времени, а также поклонение богам и молитвы им. Небесные узоры в основном включают в себя солнечные узоры, муаровые узоры и узоры грома. Солнечный узор обычно изображается как лучистый, символизирующий свет и тепло. Например, крышка курильницы для благовоний (рис.2) украшена косыми клетчатыми узорами, а середина представляет собой два круга треугольной перфорации, которые расходятся в форме звезды, также известной как звездный узор [6]. Это воплощение восхищения и трепета жителей Южного Вьетнама перед силой природы; муаровый узор имеет различные формы, в том числе перистые облака, облака Жуйи и т.д., которые используются для соединения различных небесных элементов, таких как солнце, луна и звезды, с сделайте весь небесный узор более гармоничным и единым, плавным и естественным, что означает благоприятный исход; основная особенность рисунка грома состоит из непрерывных линий в форме “спины”, придающих людям ощущение величия и таинственности, символизирующих силу и власть.

2.3. Характерные узоры в основном включают в себя узоры из перьев, танцевальные узоры и узоры для боя на мечах. Эти узоры в основном отражают аристократическую жизнь и религиозные верования Южного Вьетнама. Узор из перьев связан с религиозными верованиями Южного Вьетнама. Считается, что узор из перьев символизирует фею, которая умеет летать, и позже был использован даосизмом. Считается, что после обретения Дао он может быть укра-

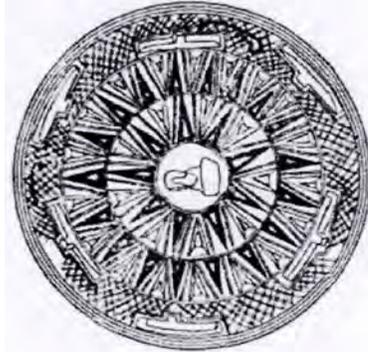
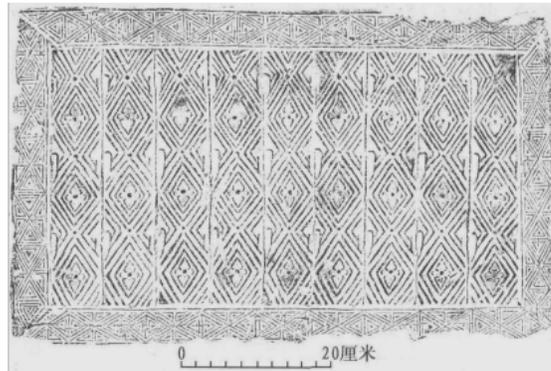

Рисунок 1. Большая прямоугольная.

Рисунок 2. Небесный орнамент на кирпичная пристройка с печатью крышке курильницы для благовоний.

шен перьями и вознесен к бессмертию, символизируя стремление людей к совершенству. о лучшей жизни; рисунок танца ярко показывает танцевальные сцены людей периода Южного Вьетнама, отражая развлекательную жизнь и культурную атмосферу того времени; рисунок боя на мечах может отражать военные действия или состязательные развлечения знати того времени. Характерные узоры относительно редки в украшениях периода Южного Вьетнама, но они имеют высокую историческую ценность. Характер персонажей в основном отражает аристократическую жизнь и религиозные верования Южного Вьетнама. Среди культурных реликвий, обнаруженных в гробнице короля Южного Вьетнама Вэня, есть некоторые украшения с характерными узорами, такими как узоры танцоров и музыкантов. Эти украшения ярко отражают общественную жизнь и культурный стиль Южного Вьетнама того периода. Например, бронзовая трубка с рисунком в виде лодочки из перьев, группа в середине живота - это основной ореол, украшенный лодочкой из перьев, судя по действиям главных героев, этого должно быть достаточно, чтобы убить и захватить изображение бога рек и морей [6].

2.4. Растительный орнамент. В период Шанчжоу растительные украшения были относительно редкостью. Поздней весной и осенью начали широко использоваться растительные узоры. В регионе Линнань во времена династии Западная Хань, под влиянием культуры Центральных равнин, развитие растительных украшений находилось в зачаточном состоянии.

В гробнице короля Наньюэ Вэня были обнаружены артефакты из золота, нефрита и слоновой кости, украшенные узорами из цветов и листьев. Формы украшения разнообразны, и используется в основном основной узор, а также появляется вспомогательный узор или затеняющий узор. Подобные украшения также украшают архитектурные элементы, обнаруженные на месте Национального дворца Южного Вьетнама. Видно, что этот вид декора и его варианты постепенно становятся популярными в Южном Вьетнаме. Искусство растительных узоров обладает уникальным стилем и характеристиками, отражающими социальный, культурный и художественный стиль того времени. Растительные узоры включают в себя узор из зерен, узор из клещевины, узор из лепестков, узор из семян хурмы, узор из Хэ Суй, узор из чеснока, узор из вьющейся травы, узор из листьев травы и так далее. Среди них узор из зерен впервые появился весной и осенью в нефрите периода воюющих царств. Он также известен как узор головастика. Узор из зерен похож на прорастание зерна, символизируя восстановление всего сущего, жизненную силу и ожидания людей от хорошего урожая в сельском хозяйстве. Волнистый травяной узор с его красивыми изгибами и непрерывными узорами дарит людям ощущение жизненной силы и процветания. Артефакты, обнаруженные в гробнице царя Наньюэ,

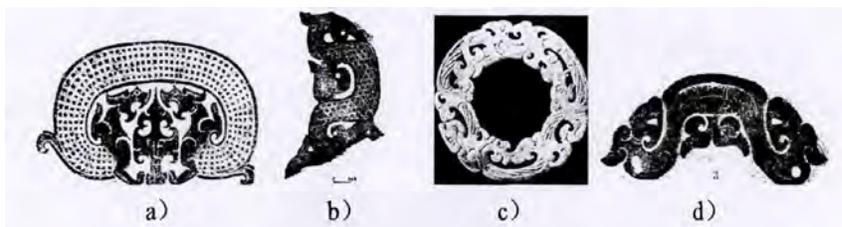

Рисунок 3. Нефритовая чаша Гаоцзу D102.

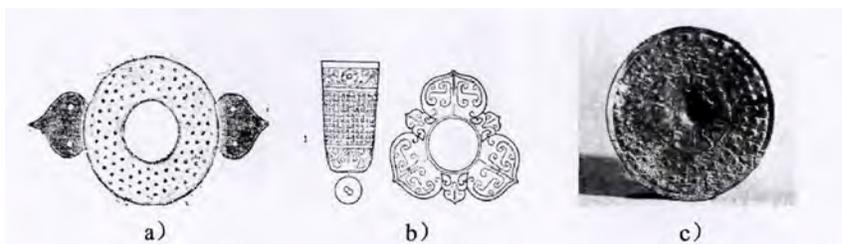

Рисунок 4. Сиамский двойной дракон Пей E143-9.

такие как нефритовая чаша Гаоцзу D102 (рис. 3).

Весь артефакт состоит из нефритовой чашки Гаоцзу, кронштейна и медной пластины. Дно чашки и подножие сиденья украшены узорами из зерен и листьев-лепестков, а подставка выполнена из нефрита в форме лепестка с круглыми отверстиями, вырезанными драконом [6]. Эти украшения не только красивы и щедры, но и отражают любовь людей к природе и стремление к лучшей жизни в период Южного Вьетнама.

2.5. Животный орнамент. Животные узоры занимали важное место в декоративном убранстве периода Южного Вьетнама. Они были представлены драконами, фениксами, тиграми, слонами и т.д. Они не только имели декоративный эффект, но и отражали стремление людей к лучшей жизни и благам, но и были больше связаны со статусом. Животные узоры подчеркивали и преувеличивали различные идеологические концепции, такие как правящая власть и могущество Бога, сформулировали и символ правового сознания власти. Дракон всегда считался символом святости, власти и благоприятности в китайской культуре. Узор дракона Южного Вьетнама имеет уникальную форму. В нем есть как величие и торжественность узора дракона в регионе Центральных равнин, так и ловкость и живость узора дракона в культуре Байюэ. Феникс символизирует удачу, красоту и счастье. Узор в виде феникса в Южном Вьетнаме отличается красивой формой, плавными линиями и высокой художественной ценностью. Тигр символизирует храбрость и силу, в то время как слон символизирует

стабильность и удачу. Узоры тигра и слона отражают культурный обмен между Южным Вьетнамом и прилегающими районами. На узор тигра оказала влияние культура Чу, а узор слона может быть связан с зарубежной культурой. Например, среди культурных реликвий, обнаруженных в гробнице короля Южного Вьетнама Вэня, сиамский двойной дракон Пей E143-9 (рис. 4), состоящий из двух соединенных драконов. Туловище дракона вырезано с обеих сторон, а нижняя часть туловища закручена с обеих сторон по периметру. Вырезанные два дракона открывают пасти, чтобы посмотреть друг на друга, а посередине находится предмет в форме цветка. Каждый из двух драконов вытянул по одной лапе, чтобы ухватиться за сиденье в форме цветка, а две другие лапы опирались наружу, асимметрично друг на друга [6]. «Драконовый орнамент» — один из элементов китайской традиционной культуры, один из декоративных узоров, часто использовавшийся в китайском прикладном искусстве с древности до наших дней. Это украшение отличается не только изысканным мастерством исполнения, но и глубоким смыслом, отражая поклонение народа императорской власти и благоприятной судьбе в период Южного Вьетнама.

2.6. Художественный стиль оформления. Искусство Южного Вьетнама является результатом слияния местной культуры Южного Вьетнама с китайской культурой Центральных равнин, культурой соседних Чу и Юньнани, а также западной культурой, привнесенной в результате ранних зарубежных обменов. Богатые культурные факторы, содержащиеся в художественном наследии региона, отражают мультикультурный характер региона, особенности искусства Южного Вьетнама, а также уникальные формы искусства и художественные особенности региона [5]. Стиль декоративно-прикладного искусства периода Наньюэ уникален. Ему присущи не только торжественность и элегантность культуры Центральных равнин, но и романтичность и необузданность культуры Чу. Он также сочетает в себе простоту культуры Байюэ со странной и великолепной заморской культурой. Такая мультикультурная интеграция придает украшениям периода Южного Вьетнама высокую художественную ценность [7]. Орнаменты на бронзовых изделиях отражают торжественность и величие культуры Центральных равнин и в то же время сочетают в себе характерные для региона Линьнань орнаменты в виде животных; в орнаментах на плитках присутствуют как муаровые узоры, так и изображения лиц животных, характерные для Центральных равнин, а также цветочные узоры, характерные для региона Линьнань. Регион Линьнань; декоративные узоры культурных реликвий объединяют культуру и искусство Центральных равнин, демонстрируя особенности интеграции культурных обменов между этническими группами Хань и Юэ [8]. В качестве характерных украшений в виде животных узоры в виде драконов и фениксов часто встречаются в украшениях дворцов и аристократических гробниц. Дракон с древних

времен был символом императорской власти, а феникс также олицетворяет честь. Их широкое использование наглядно демонстрирует превосходство императорской власти. Дворяне использовали эти украшения, чтобы подчеркнуть свою индивидуальность, в то время как люди смотрели на них с благоговением и покорностью, и строгий уровень был очевиден с первого взгляда. Рассматривая характеры персонажей, таких как танцоры, музыканты и т.д., можно увидеть, что они живо описывают повседневные социальные сцены Южного Вьетнама. Легкая осанка танцовщицы, изящные танцевальные па, сосредоточенное выражение лица музыканта и искусное исполнение воспроизводили красочные развлекательные мероприятия того времени. На дворцовом пиру шурушание шелка и бамбука и грациозные танцы звучали так же грациозно, и люди могли бы петь такие же песни и смеяться во время празднования Нового года. Это не только представление развлечений, но и сплочение культурной жизни, отражающее уникальные народные обычаи и социальную жизнеспособность Южного Вьетнама, позволяющее будущим поколениям понаблюдать за образом жизни той эпохи. Изысканное художественное оформление требует большого количества рабочей силы, материальных ресурсов и времени, что свидетельствует о том, что экономика в то время имела определенную основу для развития и могла поддерживать такое художественное творчество. Например, культурные реликвии, обнаруженные в гробнице короля Южного Вьетнама Вэня, обладают чрезвычайно высокой художественной ценностью в виде декоративных узоров, а значительное количество культурных реликвий также свидетельствует о том, что экономика того времени была способна поддерживать крупномасштабное производство. О торговых связях между Южным Вьетнамом и внешним миром можно судить по некоторым особым украшениям. Например, в гробнице короля Южного Вьетнама были обнаружены серебряные изделия в греческом стиле, а в руинах дворца Королевства Южный Вьетнам были обнаружены каменные греческие колонны. Это свидетельствует о том, что Морской Шелковый путь существовал уже во времена поздней династии Цинь и ранней династии Хань. Южный Вьетнам связывался с регион Линнань экспортировал шелк в обмен на различные товары. В то же время греческие мастера также приезжали в Китай для участия в строительстве дворца короля Южного Вьетнама. Эти элементы в экзотическом стиле были интегрированы в убранство Южного Вьетнама и стали убедительным свидетельством торговых обменов того времени. Декоративно-прикладное искусство Южного Вьетнама отражает как торжественность и элегантность культуры Центральных равнин, так и романтичность и необузданность культуры Чу. Оно также сочетает в себе простоту культуры Байюэ и странное величие заморской культуры. Такого рода мультикультурная интеграция не только обогатила культурный контекст Южного Вьетнама, но и стала

важным ориентиром для культурного развития и распространения среди будущих поколений.

Предметы декора периода Наньюэ обладают уникальной художественной ценностью. Их тематика богата и разнообразна, их композиция уникальна, их стиль уникален и самобытен, а мастерство исполнения изысканно и утонченно, что обеспечивает богатство вдохновения и материалов для создания современного искусства. Узор на гробнице короля Южного Вьетнама является наиболее наглядным изображением искусства Южного Вьетнама. Благодаря своему особому историческому фону, местная графика смешивается с иностранными графическими элементами. Это важное культурное наследие региона Лингнан. Это подтверждает историческое развитие того периода, демонстрирует уникальный эстетический интерес этого места и отражает художественные особенности периода Южного Вьетнама [11]. Такая интеграция не только обогащает художественное оформление, но и отражает открытое и инклюзивное культурное отношение Южного Вьетнама. Современные художники могут черпать в нем вдохновение, вводить новшества и интегрировать различные культурные элементы, а также создавать произведения искусства, которые являются одновременно современными и богатыми культурным наследием. В то же время уникальный эстетический интерес этого места, проявляемый в оформлении периода Южного Вьетнама, также открывает уникальную перспективу для создания современного искусства. Предоставляя рекомендации по художественному творчеству в области архитектурного декора, дизайна одежды, культурного и креативного дизайна и т.д., художники могут глубже погрузиться в эти эстетические интересы, сочетать современные эстетические потребности и создавать произведения искусства в уникальных стилях, чтобы унаследовать и продвигать художественные особенности периода Южного Вьетнама. Например, в 2024 году музей Короля Наньюэ и универсальный магазин Guangbai Beijing Road Store совместно организовали выставку «Новогодний орнамент - выставка новогодних украшений музея короля Наньюэ 2024» (рис. 5). Эта связь также включает в себя разнообразный контент для художественного творчества, такой как рынки культурного туризма, мероприятия по сбору участников, мастер-классы по ручной работе, а также культурные и креативные продукты, позволяющие гражданам и туристам получить многоуровневый культурный опыт.

Образцы южновьетнамского периода содержат богатую историческую информацию и культурные коннотации, которые дают важные подсказки и свидетельства для изучения истории и культуры южновьетнамского периода. Изучая особенности южновьетнамского периода, мы можем получить глубокое представление о политической, экономической, культурной, иерархической системе и других аспектах южновьетнамского периода, а также стать полезным справочником для изучения древней

китайской истории и культуры. Например, квадратная золотая печать в виде пуговицы с драконом, обнаруженная в гробнице короля Наньюэ в Сянгане, Гуанчжоу (рис. 6). На поверхности золотой печати изображен иероглиф Тянь, а на маленькой печати выгравировано “Император Вэнь Синси”. Печать выполнена в виде живого дракона, свернувшегося в букву “S”. Украшение квадратной золотой печати в виде пуговицы с изображением дракона отражает верховную власть и статус короля Южного Вьетнама. В период существования Южного Вьетнама дракон, как символ императорской власти, вероятно, появлялся только в королевских гробницах. В древнекитайской культуре дракон всегда считался символом императора. Будучи вассалом, король Южного Вьетнама использовал золотую печать с изображением дракона на своей гробнице, демонстрируя свое уважение к императорской власти и собственному особому статусу. Орнамент – это исторический свидетель и носитель культуры, ценное историческое достояние, оставленное нам предками, и общее культурное наследие китайской и мировой культуры и имеет важную культурную ценность. Орнамент периода Наньюэ является важной частью культуры Лингнань и несет в себе богатую историческую память и культурный подтекст и является уникальным культурным символом региона Линнань. Изучая и передавая по наследству эти украшения, будущие поколения смогут лучше понять политическое, экономическое, культурное и художественное развитие Южного Вьетнама в тот период. В то же время изучение художественных особенностей и культурного значения орнаментов поможет людям найти инновационные элементы традиционной культуры и достичь цели сохранения традиционных узоров в живом виде [12].

Рисунок 5. Реклама выставки.

Рисунок 6. Золотая печать в универсаме Guangbai Beijing Road Store с изображением в виде живого дракона. «Новогодние украшения музея короля Наньюэ»

Сочетая традиционное убранство с современным мастерством, все больше людей могут понять культуру Южного Вьетнама того периода, и в то же время поощряются культурные обмены между различными регионами и различными этническими группами. Наследование и развитие традиций периода Наньюэ может способствовать наследованию и инновациям культуры Лингнань, а также усилению влияния и сплоченности культуры Лингнань. Сохраняя культурное наследие и духовное богатство в оформлении, мы будем создавать музейные экспозиции высокого качества, проводить исследования в области культуры и распространять научно-популярную образовательную информацию, продвигать позитивную и инновационную культурную и креативную экономику, а также обеспечивать публику разнообразными, самобытными и высококачественными культурными мероприятиями. Защищайте культуру Линьнань, культуру Наньюэ и прекрасную китайскую национальную культуру, передавая друг другу культуру декоративно-прикладного искусства. Укрепляйте культурную уверенность в себе, будьте практиком, вкладчиком и новатором выдающейся традиционной культуры Китая в новую эпоху, сохраняйте культурное наследие, формируйте выдающиеся черты китайской цивилизации и вносите свой вклад в формирование многообразия мировой цивилизации.

Заключение

В условиях глобализации и сокращения знаний о традиционных орнаментах и их символах, культурная идентичность людей постепенно утрачивается. Орнаменты на протяжении тысячелетий остаются национальной культурой и визуальным кодом страны. Исследуя и сохраняя орнамент периода Наньюэ, дизайнеры используют его в разработке изделий, уникальных с точки зрения как тематики, так и мастерства изготовления. Туристы, оценив эти украшения, могут получить более глубокое представление об истории и культуре Южного Вьетнама и расширить свои знания, оценить культурный подтекст туризма, что несомненно, придаст новый импульс развитию местного экономического развития, процветанию и развитию китайской культуры.

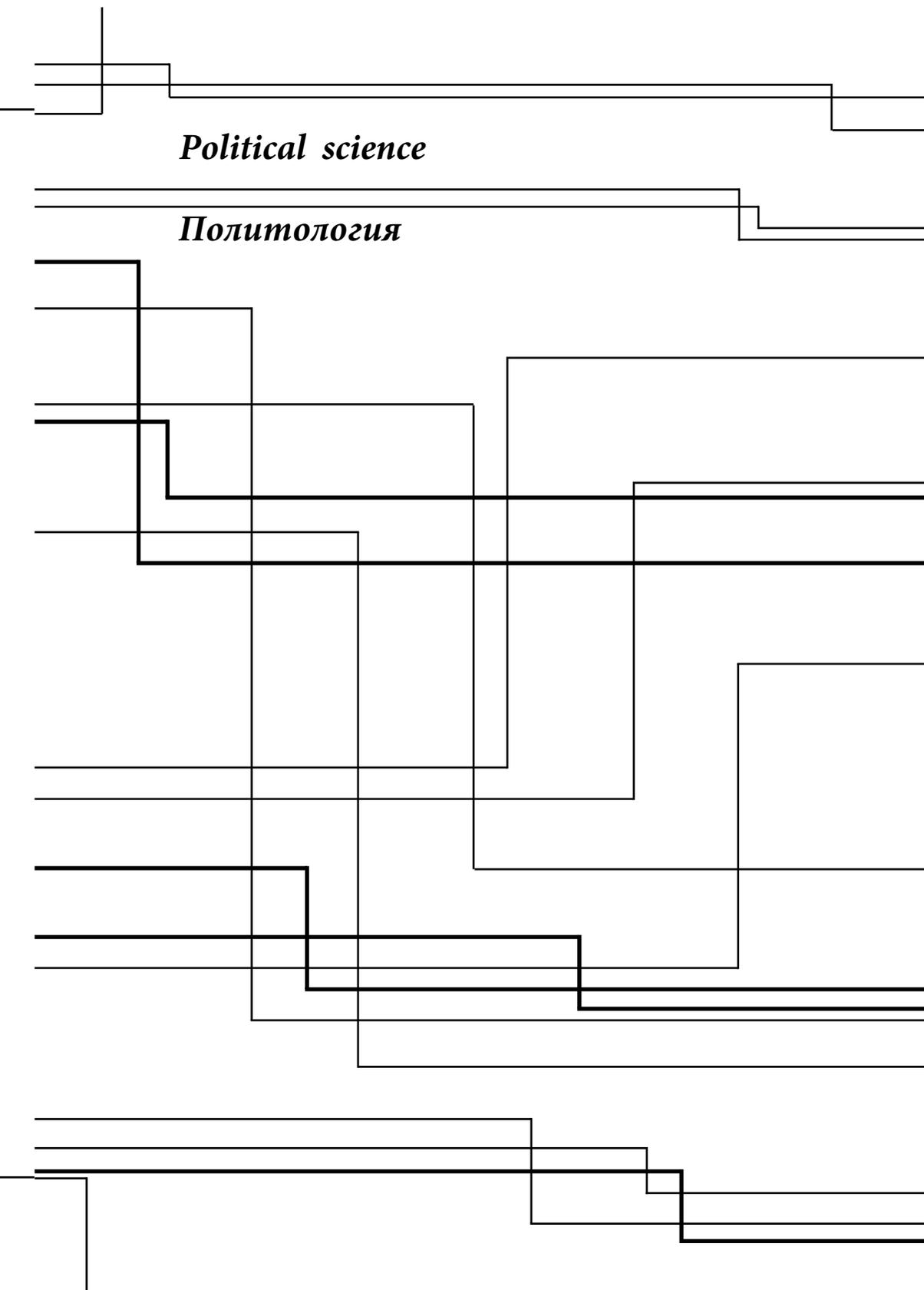
Библиографический список

1. Чжан Ронфан и др. Национальная история Южного Вьетнама // [М] «Гуандунское народное издательство». – Гуанчжоу. 1995.
2. У Линъюнь. Чжао Туо и Наньюэ // Издательство изящных искусств Линнань [М] – Гуанчжоу. 2018.
3. Линь Цзяфань. Путь создания культурной памяти Лингнаня - сосредоточен на эстетическом исследовании артефактов Наньюэ // [J] «Популярная литература и искусство». 2020. № 9.
4. Фан Увэй. Исследование дизайна и применения узоров в культурной и творческой продукции в период Наньюэ // [D] «Гуандунский финансово-экономический университет». 2023.
5. Ху Цзянь, Ян Юн, Вэнь Цзинвэй. Брифинг о раскопках руин государственного дворца Наньюэ в Гуанчжоу в 2003 году // [J] «Археология». 2007. № 3.

6. Комитет по управлению культурными реликвиями Гуанчжоу, Институт археологии Китайской академии общественных наук, музей провинции Гуандун, Изд.западный Гробница короля Ханнана Юэ // [R] – Издательство «Культурные реликвии». 1972.
7. Лян Сюда. О культурном обмене и этнической интеграции Линнань Юэ и Хань во времена династий Цинь и Хань // [J]. Этнические исследования Гуйчжоу. 1986. № 1. С. 60-66.
8. Гао Чжаньин. Исследование искусства Южного Вьетнама // [D] «Сианьская академия изящных искусств». 2008.
9. Хуан Чжаньюэ. Археологические исследования Южного Вьетнама // [M] – Издательство «China Social Sciences Press». 2015.
10. Команда по раскопкам гробницы Сянган Хань в Гуанчжоу. Предварительный отчет о раскопках гробницы царя Наньюэ из династии Западная Хань [J]. Археология, выпуск 3, 1984.
11. У Линлин. Исследование и повторное применение рисунка гробницы царя Наньюэ // [D] – Гуандунский технологический университет. 2011.
12. Сюй Сипин, Чжан Яньхуэй, Сунь Эньлэ. Художественные особенности и культурное значение декоративных узоров в период Наньюэ // [J]. «Шелк». 2021. № 58. С. 107-114.
13. Музей короля Наньюэ. Официальный сайт музея короля Наньюэ [EB/OL]. 2024. // URL: <https://www.nywmuseum.org.cn>
14. Кудинова М.А. Дворцовый комплекс правителей царства Наньюэ (материалы к учебному курсу «Археология зарубежной Азии») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 7: Археология и этнография. С. 9-24. – DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-9-24

References

1. Zhang Rongfan et al. National History of South Vietnam // [M] “Guangdong People’s Publishing House”. – Guangzhou. 1995.
2. Wu Lingyun. Zhao Tuo and Nanyue // Lingnan Fine Arts Publishing House [M] – Guangzhou. 2018.
3. Lin Jiafan. The Path of Creating Lingnan Cultural Memory - Focused on the Aesthetic Study of Nanyue Artifacts // [J] “Popular Literature and Art”. 2020. № 9.
4. Fan Wuwei. Research on the Design and Application of Patterns in Cultural and Creative Products in the Nanyue Period // [D] “Guangdong University of Finance and Economics”. 2023.
5. Hu Jian, Yang Yong, Wen Jingwei. Briefing on the Excavation of the Ruins of the Nanyue State Palace in Guangzhou in 2003 // [J] “Archaeology”. 2007. № 3.
6. Guangzhou Cultural Relics Management Committee, Institute of Archaeology of the Chinese Academy of Social Sciences, Guangdong Provincial Museum, Western Publishing House. Tomb of the King of Hannan Yue // [R] - Publishing House “Cultural Relics”. 1972.
7. Liang Siuda. On the Cultural Exchange and Ethnic Integration of Lingnan Yue and Han during the Qin and Han Dynasties // [J]. Ethnic Studies of Guizhou. 1986. № 1. P. 60-66.
8. Gao Zhan’in. Study of the Art of Southern Vietnam // [D] “Xi’an Academy of Fine Arts”. 2008.
9. Huang Zhangyue. Archaeological Research in Southern Vietnam // [M] – China Social Sciences Press. 2015.
10. Guangzhou Xianggang Han Tomb Excavation Team. Preliminary Report on the Excavation of the Tomb of the Nanyue King of the Western Han Dynasty [J]. Archaeology, 1984. Vol. 3.
11. Wu Lingling. Research and Reuse of the Nanyue King Tomb Painting // [D] – Guangdong University of Technology. 2011.
12. Xu Siping, Zhang Yanhui, Sun Enle. Artistic Features and Cultural Significance of Decorative Patterns in the Nanyue Period // [J]. “Silk”. 2021. № 58. P. 107-114.
13. Nanyue King’s Museum. Official Website of the Nanyue King’s Museum [EB/OL]. 2024. // URL: <https://www.nywmuseum.org.cn>
14. Kudinova M.A. Palace complex of the rulers of the Nanyue kingdom (materials for the course “Archaeology of foreign Asia”) // Bulletin of NSU. Series: History, Philology. 2022. Vol. 21. № 7: Archeology and Ethnography. P. 9-24. – DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-9-24

Political science

Политология

Гаврилюк Н.П.

Кандидат исторических наук. Директор музея «Бузеон» ООО «Полотняно-Заводская бумажная мануфактура».

Дедиу Е.И.

Старший преподаватель кафедры истории Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Механизмы правового регулирования положения меньшинств: от парижской конференции до Лиги Наций*

Аннотация. В статье предпринята попытка исследования механизмов правового регулирования положения национальных и этнических меньшинств в период между окончанием Первой мировой войны и созданием Лиги Наций. Анализируются ключевые этапы развития международного права в этой области, начиная с решений Парижской мирной конференции 1919 года, которая заложила основы для создания системы защиты прав меньшинств. Особое внимание уделяется мандатам Лиги Наций, а также различным договорам и соглашениям, заключенным в рамках Версальско-Вашингтонской системы. Рассматриваются успехи и неудачи этих механизмов, их влияние на положение меньшинств в межвоенный период, а также причины по которым система защиты прав меньшинств оказалась недостаточно эффективной. В заключение представлены выводы о значении этого исторического опыта для современного международного права и политики в отношении меньшинств.

Ключевые слова: Первая мировая война, Парижская конференция, Лига Наций, Версальско-Вашингтонская система, меньшинства, нация.

Gavrilyuk N.P.

Candidate of Historical Sciences. Director of the «Buzeon» museum LLC «Polotnyany Zavod Paper Manufacture».

Dediu E.I.

Senior Lecturer, Kaluga State University.

Mechanisms of legal regulation of the situation of minorities: from the Paris conference to the League of Nations

* © Гаврилюк Н.П., Дедиу Е.И., 2025.

Механизмы правового регулирования положения меньшинств: от парижской конференции до Лиги Наций

Abstract. The article attempts to study the mechanisms of legal regulation of the situation of national and ethnic minorities in the period between the end of the First World War and the establishment of the League of Nations. The key stages in the development of international law in this area are analysed, starting with the decisions of the Paris Peace Conference of 1919, which laid the foundations for the establishment of a system of minority rights protection. Particular attention is paid to the mandates of the League of Nations and the various treaties and agreements concluded under the Versailles-Washington system. The successes and failures of these mechanisms, their impact on the situation of minorities in the interwar period, and the reasons why the system of minority rights protection was not effective enough are examined. Finally, conclusions are drawn on the significance of this historical experience for contemporary international minority law and policy.

Key words: World War I, Paris Conference, League of Nations, Versailles-Washington system, minorities, nation.

Одним из конкретных результатов Парижской мирной конференции, состоявшейся после Первой мировой войны, стало сокращение вдвое числа людей, живущих под иностранным владычеством в Центральной и Восточной Европе. Однако еще 30 миллионов человек все еще оставались в составе государств, в которых они не являлись доминирующей национальностью. Помимо насильственного перемещения населения, которое сегодня называют этнической чисткой и которое отвергали архитекторы Парижского мира, трудно представить, как можно было достичь чего-то более удобного для всех заинтересованных сторон. Тем не менее, результат разочаровал одних и вызвал глубокое недовольство других. Президент Вильсон наглядно отразил это в следующих словах: «Когда я произносил эти слова («что все нации имеют право на самоопределение»), я говорил их, не зная о существовании национальностей, которые приходят к нам день за днем.... Вы не знаете и не можете оценить те переживания, которые я испытал в результате того, что многие миллионы людей возлагали надежды на то, что я говорил. Например, раз за разом я поднимаю здесь вопрос в соответствии с этими принципами, а мне отвечают, что Великобритания, Франция или другие страны взяли на себя торжественные договорные обязательства. Я говорю им, но это не соответствовало справедливости и гуманности; и тогда они говорят мне, что нарушение договоров – это то, что привело к большей части войн, которые велись в мире» [3, p. 429].

Вильсон был склонен путать понятия национального самоопределения и народного суверенитета и всегда ограничивал применение своего принципа уточнением: «что всем четко определенным национальным устремлениям должно быть дано максимальное удовлетворение, которое может быть им предоставлено, без внесения новых или увековечивания старых элементов раздора и антагонизма, которые со временем могли бы нарушить мир в Европе, а следовательно, и во всем мире» [3, p. 439].

Это была оговорка, которую мало кто из национальных групп хотел соблюдать, и, кроме того, как мы хорошо знаем сегодня, в 1919 году в Центральной и Восточной Европе существовало бесконечное множество «элементов непонимания и антагонизма». Конференция понимала, что недовольные нации могут представлять собой одну из самых серьезных угроз для нового международного порядка, и приняла два решения в попытке ограничить эту опасность: плебисциты и защита меньшинств.

Плебисциты были обоюдоострым мечом: в теории казалось бы, что спрашивать жителей спорной территории об их мнении – здравый смысл, но на практике это приводило к множеству осложнений. Более того, результат народного голосования во многом зависел от того, как был поставлен вопрос, что это был за вопрос, как оценивались результаты – простым большинством, или по региону, или по округу, или по коммуне – и как затем была сделана окончательная интерпретация. В таких случаях, как Верхняя Силезия, плебисцит только усложнял, а не решал спорный вопрос. Сам принцип мог оказаться неудачным: «Очевидно, что Конференция не имеет ничего общего с территориями, принадлежавшими союзникам до войны (...), а плебисциты, проводимые в странах, находившихся в нашем владении (...), могут быть неприятными и, конечно, не должны поощряться» [17, р. 156], – отметил Чарльз Хардиндж, один из ведущих членов британской делегации. Однако плебисцит был альтернативой, которую конференция выбирала несколько раз, и результаты поставили под сомнение некоторые предположения о национальности, сделанные парижскими лидерами или их экспертами. В Алленштайне 46% населения говорили по-польски, но только 2% проголосовали за Польшу; в Верхней Силезии две трети населения говорили по-польски, но большинство проголосовало за Германию; а в Каринтии, где словенцы составляли 68 % населения, только 40 % проголосовали за отделение от Австрии [15, р. 148].

Другим инструментом, с помощью которого Конференция надеялась «замкнуть круг» национального самоопределения, стал принцип защиты меньшинств. Возникший на основе сложившейся в XIX веке практики попыток, часто безуспешных, как в случае с Румынией, обеспечить защиту гражданских прав религиозных меньшинств в некоторых небольших государствах Восточной Европы, идея защиты была распространена на Париж, хотя изначально миротворцы заботились только о еврейских общинах, разбросанных по всему региону. Была надежда, что небольшой набор гарантированных прав сможет примирить население, оказавшееся по «неправильную» сторону новых национальных границ, с новыми государствами, и наоборот.

На пленарном заседании Мирной конференции 28 апреля 1919 года был принят устав Лиги Наций, а пакт этого органа стал неотъемлемой частью будущих мирных договоров [9, р. 19].

Несмотря на различные планы, учредительные условия не содержали никаких положений о защите меньшинств, поскольку предполагалось, что они будут соблюдаться всеми членами будущей организации. По тем же причинам договоры не содержат никаких положений о защите меньшинств. Эти решения, а особенно атмосфера, в которой они принимались, серьезно разочаровали многочисленных сторонников национального принципа как основы для построения новой Европы и даже нового мира. Лидерам держав-победительниц пришлось столкнуться с жесткой критикой с разных сторон.

Таким образом, идея наложения обязательств на меньшинства в некоторых договорах, подписанных с новыми и расширенными государствами, должна рассматриваться как своего рода компенсация за нереализованные надежды, порожденные идеей национального самоопределения. Принимал ли президент Вильсон во внимание естественное противоречие между правом на самоопределение и правом государства на сохранение своего существования в таком регионе, как Центральная и Восточная Европа, где невозможно, чтобы территория государства была населена только одной национальностью, установить сложно. Более того, считалось, что там, где все жители, независимо от расы, языка или религии, гарантированы равными правами четко определенным законом или фактически пользуются ими, как в Соединенных Штатах Америки и Британской империи, право на самоопределение, или право на отделение, как его называют в США, может быть однозначно объявлено вне закона.

Сложной проблемой оказалось определение национальности. Англо-американская и западноевропейская точки зрения не проводили четкого различия между членом расовой группы и гражданином государства. Западная точка зрения на этот счет резюмируется словами британского дипломата Джеймса Хедлама-Морли: «Уэльсец также является англичанином, потому что он полностью владеет своим языком в Уэльсе» [18, р. 178].

Другими словами, не существовало различий между политической и личной национальностью. Эта концепция была обусловлена относительно стабильной в политическом и территориальном отношении историей Запада. Вильсон представлял себе систему защиты меньшинств на основе своего чисто американского опыта: пока человек чувствовал себя американцем (и выполнял технические и юридические условия), не имело значения, говорит ли он по-немецки, по-польски или по-итальянски, он был американцем, но в Восточной Европе национальность определялась расой, религией и, в особенности, языком, и не имела практически никакого политического значения. Постепенно, когда западные люди начали осознавать всю сложность реальной ситуации на востоке европейского континента, настоящим критерием национальности стал язык.

Предполагалось, что человек, говорящий по-польски, был поляком и

хотел быть гражданином польского государства. Договоры о меньшинствах отражают эту путаницу, используя термин «national» (член нации) как синоним гражданина, хотя плебисциты не подтвердили это соотношение [8].

Официальное предложение о создании международной правовой системы защиты меньшинств было выдвинуто президентом Вудро Вильсоном на заседании Совета четырех 1 мая 1919 г. Он сослался на примеры жестокого обращения с еврейскими общинами в Польше и Румынии. Дэвид Ллойд Джордж предложил наложить аналогичные обязательства на другие новые или значительно расширившиеся государства в Центральной и Восточной Европе. Эти предложения были немедленно переданы членам комитета, занимающегося новыми государствами и меньшинствами. Американский и британский члены комитета – Дэвид Хантер Миллер и Джеймс Хедлэм-Морли, которые уже давно работали над этим вопросом, – настаивали на необходимости введения защиты меньшинств путем заключения отдельных договоров. Доклад по этому вопросу, принятый Советом четырех 17 мая 1919 года, оказал большое влияние на последующие споры [7, р. 678-681]. Мемориал Комитета еврейских делегаций на мирной конференции, адресованный всем присутствующим делегациям 10 мая 1919 года [14, р. 218-240], оказал большое влияние на ход событий. В нем содержались аргументы в пользу защиты различных религиозных, расовых и языковых меньшинств в Болгарии, Эстонии, Финляндии, Греции, Литве, Польше, Румынии, России, Чехословакии, Украине, Югославии и других территориях Центральной и Восточной Европы. Целью этой инициативы, направленной на конституционные гарантии и «возможные санкции со стороны Лиги Наций», было обеспечение следующих условий: гражданская, политическая и религиозная свобода для отдельных лиц; право национальных меньшинств на организацию и развитие; достижение равенства статуса для отдельных лиц и национальных меньшинств.

Меморандум также содержал проект договора, состоящий из девяти статей. Принятие этого договора, по мнению авторов, гарантировало бы надлежащие условия для неограниченного развития всех меньшинств, хотя особые интересы евреев были особенно подчеркнуты [20, р. 228-231].

Хорошо организованная деятельность евреев оказала значительное влияние на форму и характер прав меньшинств. Вопрос был поднят немцами, которые подчеркивали, что наиболее подходящим органом для регулирования защиты меньшинств является Лига Наций; немцы требовали четких гарантий для немецких граждан на территориях, которые должны были принадлежать другим государствам [10, р. 42-43]. В частности, требования касались права на содержание немецких школ и церквей, а также на собственную прессу. Кроме того, подчеркивалась необходимость предоставления меньшинствам определенной культурной автономии. В то

же время аналогичные принципы должны были применяться к меньшинствам в Германии. Эти предложения были одними из немногих, которые были полностью приняты Дэвидом Ллойд Джорджем и Вудро Вильсоном и высоко оценены Клемансо.

На процесс разработки принципов защиты меньшинств сильно повлияла реакция государств, непосредственно участвовавших в процессе. Основные дебаты проходили на восьмой генеральной сессии мирной конференции 31 мая 1919 года [5, р. 96]. Проект договора с Австрией содержал положения о защите меньшинств в государствах-преемниках - Чехословакии, Польше, Румынии и Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Делегаты этих государств, в частности премьер-министры Румынии Ион И.К. Брэтиану и Польши Игнаций Я. Падеревский, подчеркнули свое согласие со всеми предложенными решениями, если они будут применимы ко всем заинтересованным государствам. Г-н Брэтиану подчеркнул, что основатели Лиги Наций «нарушили принцип равенства между государствами» с самого момента создания организации. Кроме того, было обращено внимание на последствия введения дискриминации между гражданами во внутренних отношениях. Институционализация неравенства, как внутри страны, так и на международном уровне, представлялась заинтересованным государствам угрозой их гармоничному развитию. Одним из совокупных последствий появления так называемых государств меньшинства стало письмо Клемансо к Падеревскому от 24 июня 1919 года [4, р. 166-167]. Председатель мирной конференции подробно обосновал цели и задачи договоров о меньшинствах. Сам факт существования принципов, по мнению Клемансо, облегчил бы меньшинствам принятие новой ситуации. Тот факт, что Лига Наций должна была контролировать гарантии их защиты, исключал возможность вмешательства во внутренние дела соответствующих государств. Поэтому положения о гарантиях были сформулированы с «максимальной скрупулезностью», чтобы исключить любой политический характер из любого спора, который может возникнуть в результате применения гарантий к меньшинствам.

Два очень важных документа были подписаны в Версале 28 июня 1919 года. В одном из них вышеупомянутые державы обязали Польшу принять специальный договор о защите меньшинств [8, р. 798-801]. Значение этого документа объясняется, в частности, тем, что он стал образцом для последующих аналогичных актов. Примененные в нем решения заложили основы всей международной системы защиты меньшинств.

В договоре речь шла о гражданах государства, отличающихся от большинства населения по языку, расе или религии (предложение такой формулировки приписывается еврейским организациям, которым по понятным причинам не нравилась концепция национального меньшинства [14, р. 218-240]). Статья 12 имеет решающее значение для оценки роли Лиги

Наций в системе проекции меньшинств. Благодаря этой статье договор был признан международным обязательством, которое должно было находиться под гарантией Лиги Наций. Возможные поправки могли быть внесены только в том случае, если они были приняты большинством членов Совета Лиги Наций. Любой член Совета имел право передать на рассмотрение Совета любое нарушение этих положений. Совет был свободен принимать любые решения и использовать любые средства, чтобы сделать свою задачу эффективной. Статья 12 также предусматривала участие Международного суда в системе защиты меньшинств. Решения Суда были окончательными и не подлежали обжалованию.

Подписав 10 сентября 1919 года в Сен-Жермене договор с Австрией, Чехословакия и Югославия должны были принять на себя аналогичные, хотя и не идентичные обязательства. Сопrotивление Румынии в итоге оказалось неэффективным, и она подписала договор в Париже 6 декабря 1919 года. Обязательства Греции вытекали из Севрского договора, подписанного 10 августа 1920 года. Другая группа так называемых государств меньшинства состояла из так называемых «неприсоединившихся» стран. Их обязательства были перечислены в следующих договорах: Австрия – Сен-Жерменский, 10 сентября 1919 года, статьи 62-69; Болгария – Нейи, 27 ноября 1919 года, статьи 49 – 57; Турция – Лозаннский, 24 июля 1923 года, статьи 37 – 45; Венгрия – Трианонский, 4 июня 1920 года, статьи 54 – 60.

Обязательства в отношении меньшинств таких стран, как Финляндия (в отношении Аландских островов), Албания, Литва, Латвия, Эстония, Латвия, Литва, Ирак и Эстония, были закреплены в декларациях Лиги Наций. Вопрос о защите меньшинств также был предметом двусторонних договоров, самым известным примером которых является так называемая Женевская конвенция от 15 мая 1922 года, касающаяся Верхней Силезии.

Правовые основы системы защиты меньшинств, как уже говорилось выше, были направлены на защиту интересов этих периферийных в расовом, языковом или религиозном отношении групп. Меньшинства должны были жить в тех же условиях, что и все остальные граждане данного государства. Таким образом, они не могли требовать особых услуг или более либеральных правил, а защита предоставлялась только отдельным лицам, а не группам (на Мирной конференции мало кто сочувствовал требованиям местной автономии, которые рассматривались как нарушители спокойствия). Национальные меньшинства, вообще говоря, не могли пользоваться никакими привилегиями. Однако необходимо сделать несколько уточнений. Помимо положений, предусматривающих так называемое «негативное» равенство (перед законом, в гражданских и политических правах, при приеме на государственные должности, посты и почести, в обращении и безопасности, предоставляемых законом и на деле, при основании частных социальных, религиозных, образовательных и благотво-

рительных учреждений, в которых используется язык меньшинства, при использовании родного языка в частной беседе, торговле, религии, прессе и публичных собраниях), существовали также положения, соответствующие «позитивному» равенству: использование родного языка меньшинствами в устной или письменной форме в судах; обучение в начальных школах в районах, где проживает значительная часть меньшинств, должно осуществляться государством на языке соответствующего меньшинства (это не исключало обязанности изучать государственный язык); обязательство государства, чтобы в городах и районах, где проживает значительная часть меньшинств, им предоставлялась справедливая доля государственных средств на образовательные, религиозные или благотворительные цели.

Это может показаться парадоксальным, но в межвоенный период меньшинства в государствах, на которые распространялись вышеупомянутые договоры, не проявляли особого интереса к отсутствию положения, позволяющего использовать родной язык в контактах с государственной администрацией, как и то, что наибольшие споры, помимо тех, что были связаны с аграрными реформами, возникали из-за частных школ меньшинств. Ни венгры в Румынии, ни немцы в Чехословакии и Польше не могли удовлетвориться преподаванием истории, географии, литературы и т.д. в собственных школах, даже на родном языке, в соответствии с программами, планами и текстами, подготовленными министерствами образования Румынии, Чехословакии и Польши.

С другой стороны, учитывая обстоятельства, в которых оказались правительства этих стран, их упорный отказ предоставить меньшинствам контроль над такими важными вопросами, как образование и школы, вполне объясним, тем более что они были убеждены: если они откажутся от контроля над частными школами меньшинств, этот контроль перейдет не к самим меньшинствам, а к соседним государствам, имеющим интересы в этой области. Решение Лиги в этом сложном вопросе было характерным: временное отступление и поиск компромисса для успокоения «нравов» [4, р. 78-82]. Иными словами, Лига Наций в данном случае вновь сыграла свою главенствующую роль: мишень для выплеска гнева враждующих сторон. Международная система защиты меньшинств была сформирована в основном в первые годы межвоенного периода. Впоследствии только Ирак вступил в Лигу Наций в 1932 году и принял на себя соответствующие обязательства в этом отношении. В этом случае была сделана ссылка на резолюцию, принятую на первой сессии Лиги Наций 15 декабря 1920 года, которая ставила прием государств в Лигу Наций в зависимость от принятия ими обязательств, касающихся меньшинств. Этот вопрос был спорным с самого момента его возникновения. Первоначально считалось, что государства, намеревающиеся вступить в Лигу, не должны выдвигать никаких дополнительных условий,

кроме тех, которые упомянуты в Пакте. Другие, напротив, утверждали, что необходимо увеличить число государств, на которые должны быть наложены обязательства по отношению к меньшинствам. Соответственно, такие обязательства были наложены на Албанию и Финляндию во время первой сессии Лиги Наций. Другие страны, такие как Литва, Латвия и Эстония, попросили принять их в Лигу без каких-либо дополнительных условий. Их сопротивление было отчасти успешным: например, после длительных переговоров 7 июля 1923 года Латвия подписала декларацию, подтверждающую добровольное принятие обязательств в отношении меньшинств и соглашающуюся вести переговоры с Советом Лиги, если будет решено, что положение меньшинств в Латвии соответствует правилам договоров [4, р. 175].

Главной особенностью первых лет работы системы была тенденция к расширению толкования обязательств меньшинств. Это поддерживали многие высокопоставленные чиновники Генерального секретариата, среди которых был и Поль Манту. С другой стороны, сэр Эрик Драммонд, считающийся одним из лучших организаторов так называемого Женевского института, всегда старался исключить из сферы интересов Лиги те вопросы, которые выходили за рамки основной цели Пакта. Проблемы защиты меньшинств волновали его только до тех пор, пока они являлись частью основной функции Лиги: гарантией мира в международных отношениях.

Установление позиции и роли Лиги Наций в деле защиты меньшинств оказалось очень сложной задачей. Постепенно Лига стала рассматриваться как «поставщик услуг» как для своих членов, так и для меньшинств, подлежащих защите. В ноябре 1923 года он заявил: «Лига никогда не занимала позицию защитника меньшинств против их собственных правительств: напротив, считалось, что для Лиги гораздо более удовлетворительно работать с правительствами, чтобы помочь им выполнить свои обязательства».

Эта точка зрения соответствовала резолюциям, принятым на Третьей сессии Лиги 21 сентября 1922 года [12, р. 24]. Было признано, что в обычных случаях полуофициальное и дружеское взаимопонимание между Лигой и правительствами тех государств, которые подписали договоры, касающиеся меньшинств, является наилучшим способом развития хороших отношений между правительствами и их меньшинствами. Действительно, вопрос о том, выполняют ли меньшинства свои обязательства по отношению к государствам, к которым они принадлежат, стал даже подчеркиваться. В той же вышеупомянутой резолюции говорится: «Признавая основное право меньшинств на защиту от угнетения со стороны Лиги, Ассамблея также подчеркивает обязанность лиц, принадлежащих к расовым, религиозным или языковым меньшинствам, сотрудничать в качестве лояльных граждан с государствами, к которым они принадлежат» [12, р. 25].

В распоряжении Лиги Наций была только моральная и политическая сила. Это означало, что право принимать резолюции (которые в конечном итоге неэффективны без определенного духа сотрудничества со стороны государства, в отношении которого они были приняты) имело меньшее практическое значение, чем существование процедуры, которая позволяла не только вести переговоры, но и использовать различные виды политического и морального принуждения против «обвиняемого» государства со стороны Совета и его членов. Хотя этими методами было трудно достичь полностью удовлетворительных решений, почти всегда удавалось достичь компромиссов, которые в данных обстоятельствах были более выгодны для меньшинств и дела мира.

Много споров сопровождало формирование процедуры, используемой Лигой Наций для защиты меньшинств. Договоры и многие двусторонние и многосторонние соглашения не внесли достаточной ясности в вопрос о процедуре. Поэтому создание процедуры, принявшей окончательный вид в 1920-1925 годах, сопровождалось не только многочисленными спорами, но и подробным анализом, который расширил круг знаний по вопросу меньшинств в целом.

Все обязательства, касающиеся меньшинств, находились под гарантией Совета Лиги Наций. Право привлекать внимание Совета к любому нарушению договорных положений первоначально было закреплено за членами Совета. Вскоре это право было де-факто предоставлено самим меньшинствам и государствам, не имеющим представителей в Совете. Это решение было одобрено Советом 22 октября 1920 года [11, р. 13-15]. Оно было дополнено резолюцией Совета от 25 октября 1920 года [11, р. 13-15], которая отменяла индивидуальную ответственность государств-членов Совета за привлечение внимания к нарушениям системы защиты меньшинств.

Другим важным решением стало назначение специального внутреннего органа – Комитета трех. По сути, он состоял из трех членов Совета: его председателя (который регулярно менялся) и двух других членов, выбранных случайным образом. Получая существенную помощь от сотрудников Секретариата, они рассматривали все петиции или информацию, направленные в Женеву, относительно всех случаев нарушения или угрозы нарушения любого из положений договоров, касающихся меньшинств.

Заседания Комитета трех были секретными. Комитет мог передать результаты своей работы Совету для дальнейшего разбирательства или закрыть вопрос документом, подписанным всеми его членами. Заявители не были проинформированы ни о ходе работы Комитета, ни о ее результатах.

Деятельность Комитета трех фактически освобождала членов Совета от обязанности заниматься вопросами прав меньшинств.

Постепенно, в период с 1921 по 1923 год, Совету Лиги удалось ввести в

действие необходимые процедуры для распространения петиций. До этого все жалобы, поступавшие в Секретариат, направлялись в Лигу для информации. Резолюция Совета от 27 июня 1921 года предусматривала, что петиции должны быть направлены соответствующему государству, прежде чем они будут разосланы членам Лиги. Заинтересованное государство могло в течение трех недель сообщить Генеральному секретарю, если оно желало прокомментировать или дать объяснения. Кроме того, давалось два месяца на рассмотрение дела и представление комментариев.

Вышеуказанные условия были приняты только Чехословакией и Польшей, а затем Австрией и Румынией. Остальные заинтересованные страны не согласились с процедурой автоматического информирования всех членов Лиги о содержании петиций. Наиболее активное противодействие оказало Королевство сербов, хорватов и словенцев. После длительных переговоров по этому вопросу так называемые страны меньшинства были удовлетворены. Резолюция Совета от 5 сентября 1923 года [3, р. 429] предусматривала, что петиции и комментарии соответствующих правительств должны направляться только членам Совета. Это правило могло быть нарушено только с согласия соответствующего правительства или по специальной резолюции Совета.

Вышеупомянутая резолюция сыграла важную роль в развитии процедуры в отношении меньшинств в рамках Лиги, поскольку в ней были определены общие условия, которые должны быть соблюдены для того, чтобы петиции были рассмотрены органами Лиги. Согласно резолюции, петиции должны были: иметь в виду защиту меньшинств в договорных условиях; не направляться в форме просьбы о прекращении политических отношений между меньшинством и государством, к которому оно принадлежит; не исходить от анонимного или неустановленного источника; воздерживаться от насильственных высказываний; содержать информацию или ссылаться на факты, которые недавно не были предметом петиции, поданной в рамках обычной процедуры.

Важная роль Совета как главного органа, занимающегося вопросами защиты меньшинств, не должна затмевать роль других соответствующих органов, в частности Секретариата. В основных документах, определяющих функции Лиги в вопросах меньшинств, роль Секретариата не упоминается. Однако процедура, касающаяся меньшинств, была разработана штатными функционерами Лиги, которые оказались способны не только взять на себя часть обязанностей Совета и Ассамблеи, но и предложить оптимальные решения возникающих вопросов. Норвежец Эрик Колбан сыграл решающую роль в подборе персонала Секции меньшинств, фактически Секции административных комиссий и меньшинств, прежде чем сам стал ее первым председателем. Его первыми сотрудниками были Хельмер Ростинг из Дании и Г. Липпестад из Норвегии. По мере роста Секции

Генеральный секретарь потребовал, чтобы в ней был представлен более широкий спектр национальностей.

Задача сотрудников секции заключалась в том, чтобы решить, насколько жалобы, протесты, петиции, ходатайства, манифесты и другие документы, присланные в Женеву, актуальны с точки зрения системы защиты меньшинств. Каждая петиция анализировалась с точки зрения формы и содержания. Исчерпывающее заявление, часто объемом в несколько страниц, подписывалось председателем секции. В конце заявления петиция принималась или отклонялась, и предлагалась дальнейшая процедура. Примерно 50% полученных петиций не соответствовали хотя бы одному из условий, установленных Советом в его резолюции от 5 сентября 1923 года. Много недовольства и споров вызвало принятие петиций. С этой точки зрения ситуация была парадоксальной. С одной стороны, Секретариат подвергался нападкам за отклонение большинства жалоб, а с другой - его обвиняли в принятии петиций, форма или содержание которых противоречили резолюции от 5 сентября 1923 года.

Вскоре после вступления Германии в Лигу Наций она стала горячим защитником прав меньшинств, особенно немецких. Под руководством Густава Штреземана политики Веймарской республики потребовали изменить основополагающие принципы системы защиты меньшинств. Они хотели создать постоянный орган с функциями расследования и надзора. Кроме того, предлагалось изменить полномочия Совета, чтобы он мог заниматься не только рассмотрением петиций, но и общим положением определенных меньшинств. Наконец, требовалось разрешить представителям соответствующих государств присутствовать на заседаниях Комитета трех [12].

Результаты этого немецкого наступления были ограниченными. Специально созданный Комитет трех подготовил доклад [4, р. 163-209], который был принят Советом на его заседании в Мадриде 12 июня 1929 года в качестве так называемой Мадридской резолюции. Предыдущие резолюции были объединены в единый, последовательный и лаконичный документ, который систематизировал процедуру с этого момента. Было предложено создать Комитет пяти. Этот орган должен был рассматривать петиции не только во время заседаний Совета, но и между ними. Кроме того, предлагалось, что в случае отказа в принятии петиции к рассмотрению петиционер должен быть уведомлен о принятом решении и что, с согласия соответствующего правительства, результаты расследования Комитета должны быть опубликованы.

Теоретически у комитетов было только три варианта действий: завершить рассмотрение, если объяснения «пожаловавшегося» правительства были удовлетворительными, включить вопрос в повестку дня Совета Лиги, если объяснения не считались удовлетворительными, или вступить

в переговоры с правительством, чтобы получить дополнительную информацию или, точнее, добиться некоторых уступок и изменений в ситуации, которая, как казалось, противоречила договорам о меньшинствах. На практике первый вариант принимался крайне редко, второй - никогда, а третий был общим правилом, что очень не понравилось Германии и Венгрии, которые были очень недовольны таким методом переговоров между комитетами и «обвиняемыми» правительствами. Причина такого отношения была очевидна: обсуждение дел в Совете Лиги, единственное дело, в котором были заинтересованы обе страны, уже не могло вызвать политической агитации.

Предложение о введении универсального права меньшинств на защиту, выдвинутое так называемыми странами меньшинства, первоначально было определено как оборонительное по своему характеру, как защита от неблагоприятных изменений в процедуре. Стабилизация или, по мнению других, стагнация процедуры защиты меньшинств, вызванная Мадридским докладом 1929 года, вызвала новый этап попыток добиться обобщения. во время переговоров о предоставлении Германии равных прав в области вооружений многие политики сочли уместным и вполне оправданным выдвинуть аналогичное требование к меньшинствам. Поэтому в начале 1930-х годов требование обобщить или отменить систему защиты меньшинств усилилось и даже приняло более агрессивную форму.

В ходе полемики противники и сторонники системы сформулировали сотни аргументов «за» и «против». Один из наиболее часто встречающихся заключался в том, что, хотя справедливость подразумевает одинаковые обязательства для всех, на практике некоторые страны, обладающие высоким уровнем цивилизации, уже прошли период нетерпимости и больше не нуждаются ни в каких ограничениях.

Эффектным опровержением этой теории стала национал-социалистическая Германия, страна, выступавшая за «священные права меньшинств». В 1933 году выяснилось, что Германия постоянно нарушала Женевскую конвенцию от 15 мая 1922 года по Верхней Силезии [6, р. 350-357], не говоря уже о правах евреев. Обсуждение вопросов меньшинств в органах Лиги на протяжении 1933 года совпало с состоянием «хронического недовольства», выраженного германской дипломатией в отношении Женевского форума. Решение германского правительства от 14 октября 1933 года о денонсации Конференции по разоружению и Лиги имело серьезные последствия для всей Версальской системы, а также для системы защиты меньшинств. Интересно отметить, что хотя проблема меньшинств активно эксплуатировалась немцами в предыдущий период, она не входила в число официальных причин выхода Германии из Лиги [19, р. 33-36].

Денонсация Германией Лиги стала большой неожиданностью, как и

известие о заключении польско-германского пакта о ненападении от 26 января 1934 года. Это соглашение надолго положило конец спорам между двумя странами, которые так часто сводились к вопросу о меньшинствах. Ослабление конфронтации, столь желанное для Польши, казалось, подчеркивало, что двусторонние переговоры более плодотворны, чем любое многостороннее решение. Польское правительство решило перейти в наступление на систему защиты меньшинств, требуя ее обобщения. Когда его предложение не было принято, 13 сентября 1934 года Юзеф Бек объявил Генеральной Ассамблее Лиги Наций, что польское правительство отказывается сотрудничать с любым международным органом в деле контроля над законами о защите меньшинств в Польше до тех пор, пока не будет введена действительно универсальная система защиты прав меньшинств. В то же время он заверил Ассамблею, что интересы меньшинств не будут затронуты, поскольку они были и будут защищены польским законодательством. По сути, эта декларация представляла собой денонсацию обязательств, взятых Польшей в Версале. Хотя критика звучала со всех сторон, поляки не стали пересматривать свою позицию и нанесли серьезный удар по системе защиты меньшинств.

Опыт межвоенного периода показал, что знамя защиты прав меньшинств было подхвачено преимущественно врагами Версальской системы. Некоторые меньшинства, особенно немецкое и венгерское, которые были самыми сильными и лучше всего организованными в Европе, стали объектом ирредентистских действий, которые не могли быть терпимы ни соответствующими правительствами, ни Лигой Наций. Последняя, хотя и «народная», представляла собой организацию независимых государств. Именно поэтому органы Лиги, особенно Совет и Секретариат, учитывали проблему меньшинств главным образом с точки зрения ее членов, а не самих меньшинств. Тот факт, что этот принципиальный вопрос не был понят, привел ко многим неудобствам. Таким образом, многие критические замечания в адрес Лиги были сосредоточены на том факте, что ее органы не принимали активного участия в эффективных действиях против государств, считавшихся «виновными» в невыполнении определенных обязательств в отношении меньшинств. положение меньшинств, как это было установлено в договорах, можно сказать, что Секретариат следил за содержанием договоров в целях защиты меньшинств, Совет сосредоточился на политических вопросах и принял важные решения в этом отношении, а Ассамблея на своих пленарных заседаниях, а также в комитетах рассматривала те дела, которые носили гуманитарный характер. Интересно отметить минимальный вклад Международного Суда в формирование Суда. Процедура защиты меньшинств. В замечании подчеркивается политический, а не международно-правовой или гуманитарный характер системы меньшинств, как принято считать. Правовой

аспект системы фактически ограничивался процедурой, тогда как содержание его определяли политические элементы. Таким образом, решение накопившихся проблем не искалось на правовом поле. вместо этого были применены методы, используемые в международной политике. Сутью системы всегда был и не мог быть иначе поиск компромиссных решений, необходимых во избежание межгосударственных трений и конфликтов. Однако каждый компромисс меньшинств получал лишь умеренную поддержку со стороны удовлетворенных, а недовольные яростно нападали на них. Система защиты меньшинств была разработана на основе веры в силу обстоятельств. Была надежда, что если государства увидят, что границы окончательно установлены и что никакие изменения не могут быть произведены войной или революцией без согласия Лиги Наций, то будет признано, что в их интересах обращаться с меньшинствами так же, как и с меньшинствами. наибольшее внимание. Была также надежда, что взаимность также будет справедливой: меньшинства поймут, что лучше иметь хорошие отношения с большинством. Другими словами, большинство и меньшинства должны были жить вместе в новых и постоянных границах Центральной и Восточной Европы. К сожалению, границы не были признаны окончательными, и поэтому большинство с глубоким подозрением относилось к своим меньшинствам как к препятствиям на пути консолидации государства.

Увеличение количества субъективных интерпретаций как отдельных случаев, так и системы в целом проявлялось параллельно с эволюцией Европы и мира в сторону националистических решений. Этот процесс привел к ухудшению важной роли Лиги: как посредника компромисса и координатора соглашения. Поскольку международные отношения выровнялись по оси конфронтации, это также затронуло и другие страны. К сожалению, ни один из участников системы защиты меньшинств, за исключением секции меньшинств в Лиге Наций, не отреагировал так, как надеялись мастера системы. Новые государства были недовольны своей демонстрируемой неполноценностью, меньшинства оставались решительно неинтегрированными, соседние государства продолжали эксплуатировать меньшинства в своих целях, а великие державы не проявляли энтузиазма к участию. Предполагалось, что Версальская система станет постоянным решением, но ни одна великая держава, в первую очередь Великобритания, не была готова предпринять какие-либо серьезные усилия для соблюдения новых границ. В атмосфере 1930-х годов защита меньшинств, как и сама Лига, стала жертвой времени.

Библиографический список / References

1. Валиулина И.Ф. Международная защита языковых прав меньшинств в XIX – первой по-

- ловине XX в // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 5. С. 22-28.
2. Ильяшевич М.В., Белоусова А.А. Международно-правовая защита национальных меньшинств и Лига Наций // Закон и право. 2018. № 11. С. 120-122.
3. A history of the Peace Conference of Paris / edited by H.W.V. Temperley. VOL. IV. London Oxford University Press, Hodder & Stoughton.1921. 528 p.
4. Azcarate P. De, League of Nations and National Minorities, An Experiment, – New York, 1972. 216 p.
5. Feinberg Nathan La Question des Minorités à la Conférence de la Paix de 1919 – 1920 et l'Action Juive en Faveur de la Protection Internationale des Minorités. – Paris: Arthur Rousseau. 1929. 167 p.
6. Fink C. Defender of Minorities: Germany in the League of Nations // «Central European History», – vol. IV, – 1972. P. 350-357.
7. Foreign Relations of the United States (F.R.U.S.), 1919, – Paris Peace Conference, Washington, 1943. Vol. V. 986 p.
8. Foreign Relations of the United States (F.R.U.S.), 1919, – Paris Peace Conference, Washington, 1947. Vol. XIII. 1047 p.
9. Henig R. B. The League of Nations, – London, 1973. 248 p.
10. Herbert Kraus Das Recht der Minderheiten: Materialien zur Einführung in das Verständnis des modernen Minoritätenproblems / zusammengestellt und mit Anmerkungen versehen von Herbert Kraus. – Berlin: G. Stilke, 1927. 365 p.
11. La protection des minorités de langue, de race et de religion par la Société des Nations, – Geneva, 1931. 247 p.
12. League of Nations, «Official Journal», Special Supplement, – №. 9, October, 1922. 117 p.
13. League of Nations, «Official Journal», Special Supplement, 1929. № 79. 128 p.
14. Macartney C. A. National States and National Minorities, – Oxford, 1934. 540 p.
15. Newman Karl J European Democracy between the Wars, – London, Allen & Unwin, 1970. 475 p.
16. Ritshofer-Wertheimer E.F. The International Secretariat, A Great Experiment in International Administration, – Washington, 1945. 544 p.
17. Sharp Alan The Versailles Settlement, Peacemaking in Paris, 1919, – New York: St. Martin's Press, 1991. 243 p.
18. Sharp Alan Britain and the Protection of Minorities at the Paris Peace conference, 1919. // Minorities in History, ed. by A. C. Hepburn, – London, Edward Arnold, 1978. 272 p.
19. Sierpowski S. Germany's Withdrawal from the League of Nations // «Polish Western Affairs», 1983. № 1. P. 33-36.
20. Viehhaus E. Die Minderheitenfrage und die Entstehung der Minderheitenschutzverträge auf der Pariser Friedenskonferenz 1919. – Würzburg: Holzner Verlag, 1960. 244 p.

Напсо М.Д.

Доктор социологических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Северо-Кавказская государственная академия.

Агирбов Т.А.

Студент, Северо-Кавказская государственная академия.

Русофобский дискурс нелиберальной идеологии*

Аннотация. В статье рассматривается русофобский тренд нелиберализма. Исследуются основные характеристики русофобии, раскрываются условия и факторы, которые ведут к возникновению русофобских настроений. Русофобия рассматривается как социальный феномен, оказывающий негативное влияние на общественное и индивидуальное бытие. Показываются различные «образы» русофобии в качестве идеологии, мировоззрения, социальной практики. Прослеживается востребованность русофобского дискурса современными социально-историческими реалиями. Анализируется феномен «культуры отмены».

Ключевые слова: нелиберализм, русофобия, этноцентризм, дискриминация, национальная исключительность, «культура отмены», идеологема.

Напсо М.Д.

Doctor of Sociological Sciences, Professor of department of humanities sciences, North-Caucasus state academy.

Agirbov T.A.

Student of the North-Caucasus state academy.

Russophobic discourse of neoliberal ideology

Abstract. The article considers the Russophobic trend of neoliberalism. The main characteristics of Russophobia are studied, the conditions and factors that lead to the emergence of Russophobic attitudes are revealed. Russophobia is considered as a social phenomenon that has a negative impact on social and individual existence. Various “images” of Russophobia as an ideology, worldview, and social practice are shown. The demand for Russophobic discourse in modern socio-historical realities is traced. The phenomenon of “cancellation culture” is analysed.

Key words: neoliberalism, Russophobia, ethnocentrism, discrimination, national exclusivity, “culture of cancellation”, ideologeme.

* © Напсо М.Д., Агирбов Т.А., 2025.

Русофобский дискурс нелиберальной идеологии

Введение

В современном мире идеология неолиберализма играет доминирующую роль, в результате этого этносоциальные аспекты жизни подвергаются серьезным трансформациям. Игнорирование или недооценка национальных факторов приводят к возникновению отрицательных и даже иррациональных восприятий представителей иных этнических групп. Этнофобия порождает широкий спектр социально-психологических и эмоциональных состояний: возникают страхи, тревожность и обеспокоенность, озабоченность за собственную судьбу и судьбу своего народа. Ведутся поиски «врагов», в которых видят причины всех реальных и мнимых бед, и в их качестве могут выступать не только отдельные индивиды, но и целые этнические группы. Обратной стороной этих процессов становится появление идей национальной исключительности и превосходства, которые используются определенными политическими структурами, стремящимися выступать «от имени народа» и «во имя народа». Такие идеи тиражируются и овладевают сознанием большого числа людей, и в таких условиях множатся риски, которые угрожают стабильности социальных и межнациональных взаимодействий. Этнофобия ведет к возникновению настороженного отношения к другим этносам, создает условия для вражды и агрессии, которые представляют серьезную опасность для развития современных государств, являющихся по преимуществу полиэтническими.

Результаты исследования

Неолиберализм относится к числу социальных феноменов, имеющих неоднозначную и противоречивую природу. Исходя из признания идеалов свободы и демократии в качестве основополагающих, идеология неолиберализма приходит в противоречие с реальными практиками, далекими от институциональных ценностей. Доминирование неолиберального тренда иллюстрирует примеры его негативного воздействия на развитие стран и народов, которые не желают следовать его установке и практикам, хотя в целом для мирового развития успехи, связываемые с экономическим прогрессом в рамках глобализации, очевидны. Неоднозначность воздействия неолиберализма вполне обоснованно вызывает критику со стороны как защитников, так и противников данной модели развития, настаивающих на сложных последствиях идеологии неолиберализма в качестве политической и экономической практики. Кроме того, наблюдающийся подъем неонационализма свидетельствует о неприятии установок неолиберализма, который мало сочетается с национальными особенностями, что не может не вызывать чувств тревоги и обеспокоенности. Рост неонационализма сопровождается усилением этнофобии, разновидностью которой является русофобия, под которой понимается предвзятое, враждебное отношение к русским и ко всему русскому. Русофобия выступает в качестве

инструмента достижения западными странами экономических и геополитических целей, для чего широко используется негативный образ русских (речь идет не только о русских, но и обо всех народах, проживающих на территории российского государства), которые объявляются «врагами», с которыми, следовательно, необходимо бороться всеми средствами, в том числе и военными.

Корни русофобии в прошлом, а сам термин и его введение в научный оборот приписываются Ф.И. Тютчеву. Проблематика русофобии возникла в споре между славянофилами и западниками в вопросе о путях развития России. Представители западничества говорили о необходимости для российского государства и общества вхождения в европейский цивилизационный контекст, поскольку Россия – по причине ее «варварства» и «азиатскости» – оставалась на обочине исторического развития, что, по их мнению, тормозило ее экономический и социокультурный прогресс. Но ориентация на Запад и чрезмерное восхваление западных ценностей привели некоторых деятелей, отмечал русский писатель, к преклонению и обожествлению всего, что было связано с европейской цивилизацией и ее достижениями. Следствием таких оценочных суждений и рассуждений стала русофобия, получившая распространение, как отмечал Ф.И. Тютчев, в среде «весьма почитаемых», полагавших, что в России, в сравнении с Западом, отсутствуют реальные права и свободы. По этой причине, подчеркивал он, «Европа внушает им нежную любовь именно наличием там всего этого». Неприязненное отношение к своей стране усиливается: «по мере того как Россия... всё более самоутверждается, отвращение к ней этих господ только растёт. Ибо...прежние порядки никогда не вызывали у них столь лютой ненависти, как современные направления национальной мысли...И напротив, сколько бы ни попирали в Европе право, нравственность, саму цивилизацию, это... ничуть не уменьшает их расположения к Западу», который проводит по отношению к российскому государству политику, направленную на ее уничтожение, даже в условиях его возможного умиротворения. Если бы нам и удалось в самом деле умиротворить Запад, – отмечал русский классик, – то этот умиротворённый Запад неминуемо и совершенно логично опрокинется на нас же всем грузом европейской коалиции.» [1]. В связи с событиями на Украине актуальность этих слов более чем очевидна, о чем свидетельствуют поступки некоторых «деятелей от искусства», покинувших родину в сложный для нее момент, когда она, образно и справедливо выражаясь, находится «на марше». Даже при условии совершения умиловительного культа по отношению к западным странам, они всегда придерживаются антирусской политики, подтверждением чему является всплеск пещерной русофобии, направленной на подавление и даже уничтожение всего русского, и не только с помощью применяемых санкций.

Проблематика этнофобии и русофобии в частности более чем актуальна. Современное национально-государственное и цивилизационное развитие сопровождается возникновением социальных практик и взаимодействий, которые порождают феномен этнофобии, имеющей разные формы и характер воздействия на бытие социума и индивида. Несмотря на углубление процессов взаимного сотрудничества, взаимного проникновения культур и традиций, повсеместно наблюдаются явления, связанные с ростом этнофобии, возникновение которой носит не естественный, а искусственный характер, в чем немалую роль играет идеология неолиберализма. Данное обстоятельство позволяет рассматривать данный феномен в качестве «некоего технического (искусственного) конструкта, блокирующего этнический разум» [2, с. 167]. Но этнофобия не только «блокирует этнический разум», но и плодит фобии, сопряженные с идентичностью, на почве которой и произрастает русофобия. Так она приобретает различные лики, выступая в качестве идеологии, мировоззрения, системы моральных установок и социальных ориентиров, а также образа действия, и эти ипостаси говорят о многогранности и степени распространенности русофобии. И в этом смысле о русофобии можно вести речь как о явлении, пронизывающем весь социум и его структуры, весь спектр социальных отношений, а также как об инструменте решения проблем различного характера. Пример тому – события на Украине, «спасая» которую «цивилизованный» Запад прибегает к жупелу русофобии, под влиянием которой находятся многие. Неолиберальный тренд сопровождается утверждением «свободолюбивых» практик, которые не только не сочетаются с национальной и культурной традицией, но зачастую противостоят ей.

Фобии основываются на переживаниях и эмоциональных состояниях, которые возникают на почве страхов, следствием чего является формирование неприязненного и враждебного отношения к другим. Что касается русофобии, то ее содержание не сводится исключительно к страху перед русским. Это – идеология, сконструированная западными политиками и направленная на дискредитацию русского этноса: Россия в ней предстает как непонятная «цивилизация, населённая рабским народом, нелюдьми, слепо подчиняющимся всевластным правителям, страна повсеместной жестокости и насилия, агрессивная в отношении всего остального мира, желающая его подчинить и уничтожить всё доброе...» [3]. Поскольку Россия является «империей зла», считают многие на Западе, она не способна быть среди т. н. цивилизованных народов, которые обеспечивают себе и другим права и свободы, необходимые для современного развития.

Подобные идеи постоянно реанимируются и, в зависимости от требований исторического времени, наполняются новым, более актуальным содержанием, хотя его основные постулаты воспроизводятся и передаются «по наследству». Так русофобия постоянно питается и «обогащается», но

русофобский тренд остается неизменным, ибо целью его является формирование негативного образа русского человека и российского гражданина – агрессивного, жестокого, с одной стороны, невежественного и отсталого – с другой. Корни русофобии находятся в противопоставления Запада и Востока, в доведении того, что их отличает, до предела, в невозможности и нежелании их примирения по причине разности культур, ценностей, менталитета. Русский народ сегодня такой же «варвар», как и прежде, – подобные идеологемы (даже при условии их некоторой модификации) давно стали либеральным мейнстримом. Русофобскими образами пропитан кинематограф, в частности американский, который широко эксплуатирует русскую тематику, причем русские изображаются врагами, аморальными и недостойными людьми. Те же процессы наблюдаются и в социальных сетях, которые изобилуют русофобскими материалами, создающими соответствующий образ русского человека. Так культивируется ненависть ко всему русскому, и эта тенденция становится доминирующей как на уровне государств, так и в практиках межнациональных взаимодействий.

Одним из способов социального давления является широко применяемая практика, получившая название «культуры отмены». Под ее воздействием оказываются индивиды, социальные группы и даже народы, которые подвергаются осуждению по различным основаниям, в том числе и надуманным. Практики социального преследования не рождены современными условиями, к ним всегда прибегали в политических, экономических и военных целях. «Культура отмены» – в контексте данного исследования – особенно проявилась в связи с известными событиями на Украине, где гонениям в течение длительного времени подвергались жители ДНР и ЛНР. Проникая в пространство социальных сетей, участниками которых являются практически все, «культура отмены» охватывает своим гипнотическим влиянием большие массивы людей, и в этом ее серьезная опасность. Создаются стереотипы, в которых русские и русскоязычные жители Донбасса предстают как маргинальные личности, социальные аутсайдеры, достойные лишь осуждения и преследования. Широкое распространение подобных установок и идеологием приводит к тому, что ложные представления одерживают верх над здравым рассудком. Итогом становится появление зомбированного сознания, «нацеленного» на совершение конкретных социальных действий.

Причина разгула русофобии – как внутренней, так и внешней, – кроется в единстве множества взаимосвязанных и обуславливающих друг друга факторов. Внутренняя русофобия произрастает на почве неприятия и даже ненависти некоторой части российского общества, проповедующей идеологию либерализма, ценности которой составляют ядро европейской культуры как наиболее отвечающей духу и императивам современного времени. Становление либеральных установок и их насаждение нередко

сопровожаются ослаблением традиционной культуры, которая воспринимается как устаревшая и тормозящая цивилизационный прогресс. В действительности свобода выбора, утверждаемая либерализмом в качестве неизменного постулата, оборачивается утратой основополагающих смыслов, с одной стороны, а с другой – создает предпосылки для возникновения русофобии. Русофобские настроения стали особенно ощутимы в РФ начиная с 90-х годов XX века, «живы» они и сегодня, в том числе благодаря тем, кого называют «системными либералами». Русофобия проявляется не только в отрицании или «отмене» русской культуры, но и в игнорировании ценностей православия и связанного с ними кодекса поведения, в утверждении идеи о тупиковом пути развития, основанного на традиционных и православных ценностях. Отсюда и неприятие православной нравственности, которая, по мнению русофобов, способствует формированию людей-«недочеловеков».

Внутренняя русофобия сопровождается усилением внешней русофобии, «которая разворачивается в ряде западных государств и при полном попустительстве, а иногда и поощрении правящих элит. Пресловутая культура отмены превратилась в отмену культуры» [4]. Русофобию следует трактовать в широком и узком значении. В первом случае речь идет о необъективном отношении ко всему русскому, на почве чего возникают предвзятость, враждебность, агрессивность. В узком значении под русофобией понимается деятельность западных политиков и истеблишмента в целом, средств массовой информации, направленная на дискриминацию и дискредитацию России, населяющих ее народов, но в первую очередь – к понятию «русскости». Русофобский тренд является достаточно востребованным, он присутствует практически во всех западных политико-идеологических построениях и доктринах, которые во многом определяют вектор национальной политики европейских государств. В евроцентристской картине мира, в которой этим странам отводится особое место, русофобия используется как инструмент навязывания негативных установок по отношению ко всему русскому. Усилению русофобии способствует расширение пространства глобализации, скорее – вестернизации, которая призвана подчинить иные цивилизации и культуры западному влиянию, в действительности она выступает «как завладевающая и разрабающая сила» [5]. Благодаря широкому использованию социальных сетей русофобские идеи внедряются в социум, с их помощью осуществляются процессы манипулирования индивидуальным и массовым сознанием.

Немаловажную роль в распространении русофобских настроений играют факторы, связанные со спецификой русского тренда, с его отличием от западных представлений о реальном и должном. Чуждой и неприемлемой оказывается русская культура, непонятными – русская душа, православная религия, нравственные идеалы, духовные ценности.

Когда-то Ф. М. Достоевский на вопрос о том, в чем причина нелюбви Запада к нам, отвечал, что *«главная причина именно в том состоит, что они не могут никак нас своими признать. Они ни за что и никогда не поверят, что мы воистину можем участвовать вместе с ними и на равне с ними в дальнейших судьбах их цивилизации»* [6]. Очевидно, что стимулом для нагнетания русофобской истерии является стремление западных стран не только дестабилизировать экономически и политически Россию, но и подчинить своему влиянию русский мир. Точка зрения (Р. Киплинга) о том, что **«Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут»**, оказывается востребованной современным русофобским дискурсом.

Библиографический список

- 1 Тютчев о русофобии. // URL: <https://news2.ru/story/562162/> (Дата посещения: 24.12.2024).
2. Бобков А.Н. Фобия этноса: социально-философская реконструкция генезиса // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 1 (84). С. 167-171. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fobiya-etnosa-sotsialno-filosofskaya-rekonstruktsiya-genezisa> (Дата посещения: 24.12.2024).
3. Цветков С.Э. Русофобия как идеология. // URL: <https://proza.ru/2019/02/10/415#:~:text> (Дата посещения: 24.12.2024).
4. Культура отмены на Западе превратилась в отмену культуры, заявил Путин. // URL: <https://ria.ru/20220325/diskriminatsiya-1780081573.html> (Дата посещения: 24.12.2024).
5. Мелихов А. Про Киплинга и отношения между Западом и Востоком. // URL: <https://gorod-812.ru/pro-kiplinga-i-otnosheniya-mezhdu-zapadom-i-vostokom> (Дата посещения: 24.12.2024).
6. Анохин М. Достоевский о Западе. // URL: <https://maxpark.com/user/1496541826/content/770361> (Дата посещения: 24.12.2024).

References

- 1 Tyutchev on Russophobia. // URL: <https://news2.ru/story/562162/> (24.12.2024).
2. Bobkov A.N. Phobia of Ethnos: Social and Philosophical Reconstruction of Genesis // Bulletin of Irkutsk State Technical University. 2014. № 1 (84). P. 167-171. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fobiya-etnosa-sotsialno-filosofskaya-rekonstruktsiya-genezisa> (24.12.2024).
3. Tsvetkov S.E. Russophobia as an Ideology. // URL: <https://proza.ru/2019/02/10/415#:~:text> (24.12.2024).
4. Cancel culture in the West has turned into cancel culture, Putin said. // URL: <https://ria.ru/20220325/diskriminatsiya-1780081573.html> (12.24.2024).
5. Melikhov A. About Kipling and relations between the West and the East. // URL: <https://gorod-812.ru/pro-kiplinga-i-otnosheniya-mezhdu-zapadom-i-vostokom> (12.24.2024).
6. Anokhin M. Dostoevsky on the West. // URL: <https://maxpark.com/user/1496541826/content/770361> (12.24.2024).

Филюшкина Д.В.

Доктор философских наук, доцент, профессор. Гуманитарный институт Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Северо-Кавказского федерального университета.

Калабекова С.В.

Кандидат философских наук, доцент. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Северо-Кавказской государственной академии.

Влияние ксенофобии на межкультурные отношения: стратегии преодоления и интеграции*

Аннотация. В статье рассматривается феномен ксенофобии с точки зрения его социальной сущности. Автор анализирует понятие ксенофобии и её ключевые аспекты, а также изучает факторы, способствующие возникновению этого явления. Предметом рассмотрения статьи является социальная сущность данного феномена, а объектом – ксенофобия. Рассматриваются условия возникновения ксенофобии. В исследовании изучаются разные виды ксенофобии, демонстрируется их связь и взаимное влияние друг на друга. Ксенофобия исследуется в контексте бинарности «мы-они». Анализируется влияние социальных различий, ин-групповых и аут-групповых интересов на содержание и социальную природу ксенофобии. Раскрываются риски ксенофобии, вызванные усилением процессов глобализации и стремлением этносов к сохранению локальности. Методологическую основу исследования составили диалектический, системный подходы, рассмотрение проблемы в её конкретно-историческом контексте, в единстве и всесторонности. В статье представлены новые научные идеи, а рассматриваемые проблемы актуальны, так как ксенофобия угрожает стабильности общества. Социальная природа ксенофобии связана с преувеличением социальных различий. Эгоцентризм и этноцентризм в их негативном проявлении составляют основу ксенофобии.

Ключевые слова: глобализация, ксенофобия, социальное различие, эгоцентризм, этноцентризм, ин-группа, аут-группа, идентичность, интолерантность, дискриминация.

Filyushkina D. V.

Doctor of philosophy, Associate Professor, Humanitarian Institute Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education North Caucasus Federal University.

Kalabekova S. V.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Caucasus State Academy.

* © Филюшкина Д.В., Калабекова С.В., 2025.

Влияние ксенофобии на межкультурные отношения: стратегии преодоления и интеграции

The impact of xenophobia on intercultural relations: coping and integration strategies

Abstract. The article examines the phenomenon of xenophobia from the point of view of its social essence. The author analyzes the concept of xenophobia and its key aspects, as well as examines the factors contributing to the emergence of this phenomenon. The subject of the article is the social essence of this phenomenon, and the object is xenophobia. The conditions of the emergence of xenophobia are considered. The study examines different types of xenophobia, demonstrates their connection and mutual influence on each other. Xenophobia is explored in the context of the “us-them” binary. The influence of social differences, in-group and out-group interests on the content and social nature of xenophobia is analyzed. The risks of xenophobia caused by the intensification of globalization processes and the desire of ethnic groups to preserve locality are revealed. The methodological basis of the research is based on dialectical, systematic approaches, consideration of the problem in its specific historical context, in unity and comprehensiveness. The article presents new scientific ideas, and the issues under consideration are relevant, as xenophobia threatens the stability of society. The social nature of xenophobia is related to the exaggeration of social differences. Egocentrism and ethnocentrism in their negative manifestations form the basis of xenophobia.

Key words: globalization, xenophobia, social difference, egocentrism, ethnocentrism, in-group, out-group, identity, intolerance, discrimination.

Проблематика ксенофобии относится к числу актуальных и востребованных тем социально-гуманитарным знанием. Ксенофобия является социально-психологическим и мировоззренческим феноменом, суть которого состоит в неприязненном и враждебном отношении к другим. Понятно, что механизм функционирования данного явления достаточно сложен и противоречив, поскольку его основу составляют факторы разного порядка и силы воздействия. В основе ксенофобии лежит чувство страха, который оказывается определяющим из всей совокупности человеческих чувств. Страх присущ человеку, и это вполне нормальное явление. Но когда страх приобретает гипертрофированно-патологические черты, речь идет о появлении фобий. Ксенофобию, таким образом, можно квалифицировать как одну из разновидностей фобий. Глубокие изменения, происходящие в структуре современных обществ, расширение пространства этнически и культурно разнородного населения, усиление миграционных потоков и связанная с этим свободная циркуляция идеологических установок и настроений, нередко противостоящих друг другу, придают проблематике ксенофобии особую значимость. Повышенный интерес к данной теме вызван в первую очередь реалиями современной жизни – экономическими, имущественными, социальными, психологическими, которые создают условия для появления ксенофобии и сопряженной с ней интолерантности.

В мире, в котором существует множество разделительных линий, в том числе и по принципу «свой-чужой», ксенофобия оказывается инстру-

ментом, позволяющим, с одной стороны, проявлять солидарность по отношению к своим, а с другой – демонстрировать враждебность к другим, которые не похожи и отличны от «мы». Инаковость, бинарность позиции «мы-они», противоположность ин-групповых и аут-групповых интересов, в случае ксенофобии, становятся предметом неприятия или ненависти, и это является определяющим в феномене ксенофобии. Внутригрупповые отношения характеризуются исключительно в «положительных» терминах, в то время как аут-групповые – в отрицательных. Внутри своей группы возникает система взаимоотношений и правил, которые применяются и сравниваются с характеристиками – по преимуществу негативными – аут-группы. Итогом такого восприятия «они», а также соответствующего поведения становятся неприятие других, демонстрация по отношению к ним вражды и неприязни, а также усиление собственной идентификации. А она, в свою очередь, «порождает защитные действия..., обладающие теми же характеристиками, которые обычно приписываются эмоциональным состояниям ксенофобии. Это выражается в персонификации объектов страха – ими становятся конкретные люди или группы, а воплощенный страх становится понятным, легче искать способы борьбы с ним... Посредством персонификации страх рационализируется, а агрессия канализируется...» [1, с. 227].

В условиях, когда такого рода явления гипертрофируются, возникает ксенофобия, проявления которой разрушительны – и не только для другой группы, но и для ин-группы, поскольку она (ксенофобия) порождает нетерпимость. По существу, основу ксенофобии составляет эгоцентризм, доведенный до абсолюта, когда «за образец всегда принимается собственное Я... следуя до конца логике неприятия всего чуждого, все, что хоть сколько-нибудь отличается от этого Я, должно отторгаться... Все, что не Я, не вызывает интереса, недостойно ни уважения, ни даже снисхождения» [2, с. 145]. Человеку свойственно относиться к себе и своей группе исключительно позитивно, даже в ситуации обнаружения существующих недостатков. Но, когда эта идентичность приобретает гипертрофированные черты, когда групповой фаворитизм одерживает верх, происходит формирование негативных стереотипов в отношении других – с точки зрения происхождения, национальности, веры, цвета кожи и т. д. Приукрашивание образа своей группы приводит к недооценке или к отрицанию позитивных черт в других людях или группах, а значит, к возникновению неприязни, нетерпимости, вражды. Ксенофобские настроения могут быть присущи любой группе, но чаще всего – малым группам, которые подвергаются дискриминации. Это могут быть национальные, религиозные, сексуальные меньшинства, социальные общности разного рода, не вписавшиеся в социальный контекст.

Ксенофобия относится к числу не только сложных, но и иррациональ-

ных явлений, природу которой не всегда можно обнаружить очевидным образом. Иррационализм ксенофобии заключается в том, что она овладевает разумом человека как на сознательном, так и на бессознательном уровне. Перед лицом страха, в том числе и иллюзорного, придуманного, человек может совершить поступки, которые выходят за рамки дозволенного, а вся энергия может быть направлена против индивида и общества. Любая фобия по своей природе алогична, человек не может ею управлять, особенно в ситуации, когда он не контролирует свои действия и реакции. Верх одерживают чувства страха перед другими, чуждыми, которые воспринимаются как враги, и в таких условиях взаимное сотрудничество и взаимопонимание оказываются предельно ограниченными. И в этих процессах велика роль психологических составляющих ксенофобии. К ним могут быть отнесены: страх, вызванный как внешними, так и внутренними обстоятельствами, страх перед реальными и воображаемыми угрозами; состояния, близкие к фрустрации и депривации, приводящие к возникновению психологического дискомфорта; опасности, связанные с возможной утратой признаков идентификации и приводящие к возникновению широкого спектра психо-эмоциональных переживаний негативного характера и т. д. В самом общем виде это неудовлетворенность жизнью, а также разрыв между реальным и желаемым.

Ксенофобия ведет к такому явлению, как внутригрупповой фаворитизм, сущность которого состоит в том, что члены ин-группы наделяются превосходными эпитетами, и это в определенном смысле способствует солидаризации группы; одновременно по отношению к иной группе выказывается пренебрежительное отношение, облекаемое в том числе в формы агрессии и враждебности. И в таком качестве ксенофобия близка к понятию этноцентризма в его негативной интерпретации. Этноцентристская установка оценивает окружающих через призму собственных ценностей, культуры, традиций. Приоритет отдается ин-группе и ее членам, в то время как иные есть чуждые «мы», поэтому наделяются отрицательными характеристиками. Так возникают социальные предубеждения, которые реализуются через механизмы стереотипизации. Предубеждения, тиражируясь в индивидуальном и массовом сознании, приводят к деформациям разного рода, и в первую очередь – психологическим. Но, как отмечают исследователи, «другой может вызывать любопытство, а может выступать в качестве референтной группы и тогда способен инициировать не только восхищение, но и стремление к отождествлению себя именно с ней, т. е. с чужой группой... Для людей, открытых миру, космополитов, ксенофобия вовсе не характерна» [3, с. 7].

Социальная или культурная норма, которой руководствуется индивид или группа, воспринимается как эталонная; норма или стандарт, присущий другой группе, воспринимается как несущая угрозу, как враждебная

ксенофобу сила, поскольку она создает, по его мнению, пространство дискомфорта. Результатом такого мировосприятия становятся требования социальной изоляции тех, кто «не с нами», а «против нас» по тем или иным соображениям. Это особенно заметно, когда речь идет о национальных проблемах, нерешенность которых приводит к поиску врага, каковым объявляется не только представитель того или иного народа, но и весь этнос, в котором видят источник всех бед. Врагами выступают, как показывает современная практика, представители национальных меньшинств, иностранцы, мигранты (термин «мигрантофобия» утвердился в массовом сознании), которых обвиняют в нарушении социальных норм и правил и в силу этого должны быть, по мнению большинства европейских жителей, изгнаны либо изолированы. Подобная ситуация ведет к усилению процессов стигматизации, или клеймения, когда «плохими» объявляются многие, все те, кто оказался на обочине жизни, стал социальным аутсайдером, маргиналом в его негативном значении.

Ксенофобия принимает разные формы: она может быть реальной (вполне ощутимой) и мнимой (или искусственно сконструированной); она может проявляться непосредственно (прямо) и опосредованно, в скрытой форме, что не позволяет ее распознать в полной мере. Ксенофобия присутствует повсюду, ей присущи индивидуализированные и групповые черты, в ней есть черты массовости. Ее действием, зачастую агрессивным, охватывается широкий спектр социальных взаимодействий, а под ее влияние поддаются и «мы» и «они», более того – ксенофобия нередко выступает как защитная реакция на возможные и реальные риски и угрозы, на проявления дискриминации – социальные, расовые, этнические – со стороны социума или индивидов. Ксенофобия, как считают некоторые, носит «инструментальный характер... на разных исторических этапах выполняет конкретные социальные функции: интеграции и дифференциации общностей, мобилизации, конструирования и защиты идентичности»[4, с. 155].

Преодолеть ксенофобские настроения и поступки оказывается сложной задачей, поскольку существующие социальные противостояния, растущее социальное расслоение, усиление конфликтности, межэтнические и религиозные противоречия и многое другое приводят к росту ксенофобии и усилению интолерантности. Следует отметить и то, что ксенофобия может быть механизмом манипулирования, когда образ врага эксплуатируется для достижения определенных целей. В таких условиях ксенофобия оказывается близкой к национализму, хотя эти понятия не тождественные. Поэтому следует «различать инстинктивную ксенофобию (неосознанный социальный рефлекс) и ксенофобию-идею (идеологию этнической вражды). Инстинктивная ксенофобия... в той или иной степени характерна для большинства социумов... Идеальная форма ксенофобии – политическая идея... В политике многих стран ксенофобия вполне сознательно исполь-

зуются как стабилизационный механизм, система «сдержек и противовесов», регулирующая государственную жизнь, в которой «боязнь чужого» и страх перед насилием на почве расовой или этнической ненависти дополняют друг друга» [1, с. 229].

Существуют различные виды ксенофобии – этнический, основывающийся на противопоставлении «мы-они» по принципу национальной принадлежности. Поскольку проблемы в области национальных отношений являются следствием социальных, то этническая ксенофобия порождается не только и не столько исключительно этническими факторами, сколько совокупностью множества иных. Проблема этнической ксенофобии особенно актуальна для многонациональных государств, хотя мононациональных становится все меньше по причине усиления процессов миграции. В отличие от этнического типа ксенофобии, базирующегося на преувеличении этнических маркеров, религиозный тип основывается на противопоставлении индивидов и групп по принципу религиозной принадлежности. Оба типа ксенофобии связаны друг с другом, поскольку зачастую религия воспринимается в качестве важнейшего этнического признака, а, следовательно, этническая предубежденность распространяется и на сферу религиозного.

Следующий вид ксенофобии может быть назван расовым: в его основе противопоставление между «мы» и «они» по принципу цвета кожи, или расовому принципу. Расизм является не только идеологией и практикой, но и типом ксенофобии: люди и группы оцениваются по расовым критериям, и эти оценки всегда отрицательные. Итогом такого противостояния становится возникновение идеологием, согласно которым люди иного цвета кожи априори недостойны, а значит, могут быть дискриминированы – в явной или скрытой форме. Некоторые исследователи выделяют идеологический вид ксенофобии, под которым понимают «конструирование образа «своего» и «чужого» на основании принятия или отторжения той или иной идеологической системы. Важным маркером идентификации «чужого» становится идеологическая принадлежность» [5, с. 56]. Так, когда та или иная религия воспринимается не как религия, а как политическая идеология или как идеологическая установка, возникают угрозы, в том числе силе и в виде ксенофобии. Что касается такого типа ксенофобии, как национальный, то его основу составляет идея нации, отождествляемой с государством. Например, американофобия, понимаемая как неприязнь ко всему американскому, которая получила широкое распространение в современном мире из-за враждебной политики (политики гегемонии), проводимой США.

Все типы ксенофобии, несмотря на существующие между ними различия, сходны в том, что они относятся к числу социальных и культурных явлений, следовательно, причины, ведущие к их возникновению, лежат

в плоскости социальных отношений. Характер проявлений ксенофобии определяется конкретным социальным контекстом, который придает ей ту или иную направленность. Поэтому точка зрения о том, что ксенофобия является искусственным конструктом, опровергается самой жизнью: она не является ни иллюзией, ни навязанной кем-то идеологемой. Хотя, как отмечено ранее, фактор манипулирования присутствует, о чем свидетельствует практика использования современных технологий.

Усиливающиеся процессы глобализации, расширение пространства социальных различий, а также вопросы, связанные с явлениями, которые относятся к локальным аспектам жизни этнических общностей, актуализируют проблематику ксенофобии. Ксенофобия получает новые формы, что является следствием усложнения социальных форм, противоречивостью социальных связей и взаимодействий, серьезных изменений, происходящих в структурах социума. В этой связи особое значение приобретает терпимое отношение к «они»: толерантность становится одним из трендов современности. Традиционно толерантность исходит из признания существования и принятия социальных различий, где бы они ни проявлялись. Поскольку социальные различия охватывают все социальные структуры и сферы человеческой жизнедеятельности, толерантность обнаруживается повсюду, что позволяет минимизировать риски ксенофобии.

Особое значение имеет этнокультурная толерантность, выступающая в качестве социальной нормы во взаимодействиях между индивидами и группами индивидов. Она создает условия для укрепления социальных взаимодействий: приходит понимание того, что и другой, отличный от нас, обладает теми же правами, имеет право быть иным, а его культура также самоценна, как и всякая иная. Принятие ценностей «они» в качестве равноценных ценностям «мы» способствует тому, что индивид преодолевает установки, ориентированные на продвижение собственных ценностей в качестве исключительных. О важности социальных различий писал один из первых исследователей феномена толерантности М. Уолцер. Для американского исследователя социальные различия есть условие обеспечения культурного разнообразия и культурного плюрализма: «восторженное одобрение различий, одобрение эстетическое, при котором различия воспринимаются как культурная ипостась... как неотъемлемое условие расцвета человечества...» [6, с. 121]. Принятие социальных различий позволяет, таким образом, снизить угрозы, связанные с возникновением ксенофобии и различных форм нетерпимости, под которой понимают негативное восприятие иной культуры, традиции, системы ценностей. Одновременно собственная культура предстает не только как единственно ценная, но и исключительная, и итогом такого мировоззрения становится расширение пространства нетерпимости, дискриминации, ксенофобии, национализма.

Библиографический список

1. Апанасюк Л.А. Ксенофобия как предмет социально-культурного исследования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 12 (128). С. 225-232.
2. Ксенофобия. Размышления холодного философа [Электронный ресурс]: электрон. данные. – Москва: Научная цифровая библиотека PORTALUS.RU, 30 сентября 2004. // URL: https://portalus.ru/modules/different/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1096549527&archive=1254340361&start_from=&ucat=& (Дата доступа: 28.12.2024)
3. Шнирельман В.А. Ксенофобия, новый расизм и пути преодоления // Гуманитарная мысль Юга России. 2005. № 1. С. 6-19.
4. Дюжихов С.А., Шевченко О.М. Сущность и виды ксенофобии: история и современность // Гуманитарий Юга России. 2014. № 1. С. 153-157.
5. Тисленко Е.Д., Шербина А.А., Лубяной В.И. Ксенофобия как глобальная проблема современности (попытка философского анализа) // Материалы XI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» // URL: <http://scienceforum.ru/2019/article/2018013046> (Дата обращения: 28.10.2024)
6. Уолцер М.О терпимости. // URL: <https://kronadaran.am/wp-content/uploads/2014/12/O-терпимости.Уолцер-Майкл.pdf> (Дата обращения: 29.01.2025).
7. Калабекова С.В. Социальная природа ксенофобии // Журнал «Известия СКГА», 2020. № 1.

References

1. Apanasyuk L.A. Xenophobia as a subject of socio-cultural research // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2013. № 12 (128). P. 225-232.
2. Xenophobia. Reflections of a Cold Philosopher [Electronic resource]: electronic. data. – Moscow: Scientific digital library PORTALUS.RU, September 30, 2004. // URL: https://portalus.ru/modules/different/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1096549527&archive=1254340361&start_from=&ucat=& (12.28.2024)
3. Shnirelman V.A. Xenophobia, New Racism and Ways to Overcome It // Humanitarian Thought of the South of Russia. 2005. № 1. P. 6-19.
4. Dyuzhikov S.A., Shevchenko O.M. The Essence and Types of Xenophobia: History and Modernity // Humanitarian of the South of Russia. 2014. № 1. P. 153-157.
5. Tislenko E.D., Shcherbina A.A., Lubyanyoy V.I. Xenophobia as a Global Problem of Our Time (An Attempt at a Philosophical Analysis) // Proceedings of the XI International Student Scientific Conference “Student Scientific Forum” // URL: <http://scienceforum.ru/2019/article/2018013046> (10.28.2024)
6. Walzer M.O. Tolerance. // URL: <https://kronadaran.am/wp-content/uploads/2014/12/O-терпимости.Уолцер-Майкл.pdf> (29.01.2025).
7. Kalabekova S.V. Social nature of xenophobia // Journal “Izvestia SKGA”, 2020. № 1.

Саляхутдинов В.Ф.

Аспирант. Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа.

Структура и функции цифрового государства в современной России*

Аннотация. В статье на материалах авторского исследования обосновывается, что в состав цифрового Российского государства входят такие элементы, как единый портал государственных и муниципальных услуг; единая система межведомственного электронного взаимодействия; национальная платформа распределенной обработки данных; единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме; информационная система головного удостоверяющего центра; цифровая валюта (цифровой рубль); системы искусственного интеллекта. Делается вывод, что функциями современного Российского государства являются: защита суверенитета в цифровой среде, представление в киберпространстве цифрового состояния реального государства, внедрение технологических инноваций в процесс оказания государственных услуг, упрощение организационно-управленческих процедур, построение многочисленных и разнообразных каналов интерактивной коммуникации между государственным и частным секторами.

Ключевые слова: цифровое государство, информационный суверенитет, электронное правительство, информационно-коммуникационные технологии, Россия.

Salyakhutdinov V.F.

Postgraduate Student of the Ufa State Petroleum Technological University, Ufa.

The structure and functions of the digital state in modern Russia

Abstract. The article, based on the materials of the author's research, substantiates that the digital Russian state includes such elements as a single portal of state and municipal services; a unified system of interdepartmental electronic interaction; a national platform for distributed data processing; a unified system of identification and authentication in the infrastructure that ensures information and technological interaction of information systems used to provide state and municipal services in electronic form; an information system of the main certification center; digital currency (digital ruble); artificial intelligence systems. It is concluded that the functions of the modern Russian state are: protecting sovereignty in the digital environment, representing the digital state

* © Саляхутдинов В.Ф., 2025.

of the real state in cyberspace, introducing technological innovations into the process of providing public services, simplifying organizational and managerial procedures, building numerous and diverse channels of interactive communication between the public and private sectors.

Key words: digital state, information sovereignty, electronic government, information and communication technologies, Russia.

Введение

В России продолжается практическая реализация стратегии информатизации и цифровизации политико-государственной системы, в механизм государственного управления все шире внедряются ИКТ, органы государственной власти занимают все более заметное место в киберпространстве. Эти обстоятельства обусловили формирование предпосылок для создания цифрового Российского государства. В настоящее время в политической науке пока не сформирован консенсус относительно понимания цифрового государства, тема эта разработана мало. Поэтому целью настоящей статьи является определение структуры и функций цифрового государства в современной России.

С целью определения специфики развития российского цифрового государства автор разработал, организовал и провел на условиях анонимности экспертный опрос «Особенности и направления формирования российского цифрового государства». Опрос проходил с февраля по апрель 2024 г. в форме стандартизированного анкетирования посредством рассылки анкет экспертам в 10 субъектах Приволжского Федерального округа Российской Федерации (Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Нижегородская область, Оренбургская область, Пензенская область, Самарская область, Саратовская область, Ульяновская область, Чувашская республика), в г. Москве и г. Санкт-Петербурге. Численность выборки – 14 специалистов разных сфер, работа которых связана с темой исследования. Среди них: 42% преподавателей вузов, 30% блогеров, 15% журналистов, 13% работников органов государственной власти, сотрудников министерств и ведомств. 51% участников имеют ученую степень (14% докторов и 38% кандидатов наук по философии и общественно-гуманитарным дисциплинам). Критериями отбора стали занимаемые должности, публикационная активность, показатель цитируемости участников опроса.

Анкета включила в себя 22 закрытых вопросов, однако, каждый вопрос предполагал возможность дать собственный вариант ответа или комментарий.

Результаты исследования

Опрошенные эксперты сошлись во мнении, что на сегодня нет обще-

принятого определения термина «цифровое государство», что порождает сложность в определении специфики функционала цифрового государства. При этом респонденты согласны, что феномен цифрового государства занимает все более значительное место в современной социально-политической реальности.

Действительно, в последнее время все больше исследователей обосновывают оформление цифрового государства [3]. Ключевым признаком цифрового государства является его цифровое состояние. Как отмечает В. Мюллер, цифровое состояние – это одна из частей, присущая государству как определенного вида системе. Состояние системы является цифровым, когда она становится токеном, – представителем чего-либо в цифровой среде, записью в регистре, распределенном в блокчейне, наделенным какой-либо функцией, чаще всего репрезентативной [4]. Изложенное позволяет заключить, что целесообразно определить цифровое государство как токен. Иными словами, цифровое государство – это цифровое представление реального суверенного государства, имеющего территорию, население, систему права и пр. Таким цифровым представлением может быть система государственных сайтов, сервисов и других ресурсов в Интернете.

Ряд исследователей на основе анализа политической и правовой практики склоняются к более широкой интерпретации цифрового государства как нового типа государства, основанного на использовании цифровых технологий [1, с. 109]. В этом рассмотрении цифровое государство предстает формой общественно-политического устройства, характерной для общества, находящегося на завершающем этапе цифровизации. Расширительную трактовку цифрового государства поддерживает и Л. Пирс, который полагает, что цифровое государство представляет собой возможность использования ИКТ в целях обеспечения трансформации государства и системы его управления согласно реалиям и требованиям XXI в. [5].

Ответ на вопрос о функциях цифрового государства можно получить, обратившись к «Основам политики Организации экономического сотрудничества и развития в области цифрового правительства. Шесть измерений цифрового правительства». Согласно этому документу, первоочередные задачи цифрового правления состоят во внедрении технологических инноваций в процесс оказания государственных услуг, упрощении организационно-управленческих процедур, построение многочисленных и разнообразных каналов интерактивной коммуникации между государственным и частным секторами [6]. Опрошенные эксперты сошлись во мнении, что этот перечень отражает основные функции цифрового государства, однако, к нему стоит добавить репрезентирующую роль – представление в киберпространстве цифрового состояния реального государства.

В ходе экспертного опроса было выделено несколько наиболее зна-

чительных проблем функционирования цифрового государства. Во-первых, трудность с получением качественной и достоверной информации и отсутствие общепринятых стандартов. Во-вторых, ограниченность ресурсов, нехватка финансирования, знаний и навыков. В-третьих, институциональные, правовые и культурные барьеры. Наконец, в-четвертых, недостаточная разработанность правового обеспечения, особенно, в таких направлениях, как приватность, конфиденциальность, технологии искусственного интеллекта и блокчейна. Схожие обстоятельства отмечаются и в зарубежной литературе [7]. Кроме того, авторы указывают на проблемы, порождаемые злоупотреблениями, имеющими место в цифровом государстве [2].

Применительно к России автор предлагает рассматривать цифровое государство в узком смысле как интернет-платформу, которая интегрирует всю систему государственного управления в киберпространстве посредством сайтов, в широком – как выстроенную при помощи информационно-коммуникационных технологий и электронных средств систему государственной власти.

Структура Российского цифрового государства оформилась в рамках таких основополагающих нормативных правовых актов, как федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002-2010 гг.)», «Концепция электронного правительства», государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011-2020 годы)», национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», проект «Цифровое государственное управление». Автор и опрошенные эксперты проанализировали перечисленные документы и пришли к выводу, что в структуру Российского государства входят следующие элементы: единый портал государственных и муниципальных услуг; единая система межведомственного электронного взаимодействия; национальная платформа распределенной обработки данных; единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме; информационная система головного удостоверяющего центра; цифровая валюта (цифровой рубль); системы искусственного интеллекта.

Заключение

Специфика современного государства в условиях информатизации и сетевизации состоит в необходимости осуществлять свою деятельность одновременно в киберпространстве и материальной реальности, что привело к возникновению еще одного особого состояния государства, помимо физического (определяемого территорией и населением), – цифрового в виде токена.

Предложенный автором перечень структурных элементов и функций цифрового государства в современной России вряд ли можно считать окончательным, т.к. цифровое государство постоянно меняется и обновляется. Отслеживание этой трансформации и определение ее специфики – вот направление дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Мамитова Н.В. Цифровое государство в современном обществе: теория и практика // Право.by. 2022. № 5 (79). С. 108-116.
2. Яковлев М.В. Цифровой авторитаризм: концептуальные основания и модель легитимации // Вопросы философии. 2022. № 8. С. 45-54.
3. Digital State: How the Internet is Changing Everything / Ed. by Simon Pont. London: Kogan Page, 2013. 242 p.
4. Müller V.C. What is a digital state? The 6th AISB Symposium on Computing and Philosophy: The Scandal of Computation – What is Computation? / Editors: Mark Bishop and Yasemin J. Erden. Exeter: University of Exeter, 2013. P. 11-16.
5. Pearce L. New Government, Digital Government: Managing the Transformation. Future Challenges for E-government. Discussion paper. 2004. № 20. P. 136-149.
6. The OECD Digital Government Policy Framework: Six dimensions of a Digital Government. OECD Public Governance Policy Papers. Paris: OECD Publishing, 2020. № 2.
7. Ubaldi B., Le Fevre E.M., Petrucci E. et al. State of the art in the use of emerging technologies in the public sector. OECD Working Papers on Public Governance. Paris: OECD Publishing, 2019. № 31.

References

1. Mamitova N.V. Digital state in modern society: theory and practice // Pravo.by. 2022. № 5 (79). P. 108-116.
2. Yakovlev M.V. Digital authoritarianism: conceptual foundations and model of legitimation // Questions of Philosophy. 2022. № 8. P. 45-54.
3. Digital State: How the Internet is Changing Everything / Ed. by Simon Pont. London: Kogan Page, 2013. 242 p.
4. Müller V.C. What is a digital state? The 6th AISB Symposium on Computing and Philosophy: The Scandal of Computation – What is Computation? / Editors: Mark Bishop and Yasemin J. Erden. Exeter: University of Exeter, 2013. P. 11-16.
5. Pearce L. New Government, Digital Government: Managing the Transformation. Future Challenges for E-government. Discussion paper. 2004. № 20. P. 136-149.
6. The OECD Digital Government Policy Framework: Six dimensions of a Digital Government. OECD Public Governance Policy Papers. Paris: OECD Publishing, 2020. № 2.
7. Ubaldi B., Le Fevre E.M., Petrucci E. et al. State of the art in the use of emerging technologies in the public sector. OECD Working Papers on Public Governance. Paris: OECD Publishing, 2019. № 31.

Дорохова Н.А.

Студент бакалавриата, ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Особенности международной торговли услугами Российской Федерации и США*

Аннотация. На протяжении последних десятилетий Соединенные Штаты занимают лидирующие позиции по торговле услугами в мировой экономике. Доля торговли услугами превышает долю торговли товарами в национальном ВВП Соединённых Штатов. В Российской Федерации динамичное развитие сектора услуг началось относительно недавно, но уже сейчас именно сектор услуг обладает наибольшим весом в национальном ВВП страны. В свою очередь это указывает на возросшую роль сектора услуг при определении внешнеторговой позиции страны на мировой арене и анализе возможностей для конкретной страны дальнейшего укрепления своей позиции.

В статье автором рассматриваются особенности и проводится сравнительный анализ основных показателей экспорта и импорта услуг из Российской Федерации и США за период 2005-2023 гг. на основе данных Международного Валютного Фонда (МВФ).

Ключевые слова: платежный баланс, экспорт услуг, импорт услуг, обмен услугами.

Dorokhova N.A.

Bachelor's student, MGIMO University.

The characteristics of export and import of services in the Russian Federation and the USA

Abstract. For the last decades, the United States has been leading in trade in services. The share of trade in services has exceeded the share of trade in goods in the GDP of the United States. In the Russian Federation the active development of the service sector has begun fairly recently, yet nowadays the service sector has accumulated the greatest share in the country's GDP. In turn, this indicates the increased role of the service sector in determining the foreign trade position of a country on the world stage and analyzing the opportunities for a particular country to further strengthen its position.

In the present article, the author examines the features and conducts a comparative analysis of the main indicators of export and import of services from the Russian Federation and the United States over the period from 2005 to 2023 based on the data from the International Monetary Fund (IMF).

Key words: balance of payments, export of services, import of services, exchange of services.

* © Дорохова Н.А., 2025.

Особенности международной торговли услугами Российской Федерации и США

Торговля услугами играет важную роль в мировой экономике, что открывает широкие перспективы для исследования данной сферы. Различным аспектам торговли услугами посвящены научно-исследовательские работы многих известных экономистов. Так, Жихарева И.Н. рассматривает проблемы, перспективы и способы участия России в международной торговле услугами [2], Ивановой Н.А. была проанализирована структура торговли на мировом рынке и участие разных групп стран в международной торговле услугами [3], Капуцак И.Я. и Харитоновна Н.А. рассмотрели основные направления развития сектора услуг в России на современном этапе [4], Лепендина Е.С. проанализировала современные тенденции развития международной торговли услугами [5], Седов К.Б. рассматривает торговлю услугами Российской Федерации как одну из перспективных областей развития ее внешнеэкономических связей [7], Сидоров А.А. проанализировал влияние цифровизации на сектор услуг в России [8], Фризяк Н.С. детально рассматривает особенности импорта услуг из США [9], Шуйский В.П. рассматривал возможности и риски участия России в международной торговле услугами [10].

Полагаем интересным и полезным провести сравнительный анализ современных особенностей экспорта и импорта услуг из Российской Федерации и США на основе данных Международного Валютного Фонда (МВФ) по следующим категориям: услуги по переработке товаров, принадлежащих другим сторонам, услуги по техническому обслуживанию и ремонту, транспортные услуги, услуги по статье “поездки” и прочие услуги.

Рассмотрим данные по абсолютным и относительным показателям экспорта услуг из Российской Федерации за период 2010-23 гг. Данные приведены в таблице 1.

Из таблицы видно, что в абсолютных значениях общий объём экспорта услуг из России, составив 41,2 млрд долл. в 2023 г., сократился на 8 млрд долл. по сравнению со своим значением в 2010 г., которое составило 49,2 млрд долл. То есть, наблюдается тенденция к снижению объёма экспорта услуг из Российской Федерации.

Для большей наглядности данные из таблицы 1 по относительным показателям экспорта услуг из Российской Федерации представлены автором в виде графика на рисунке 1.

Как видно из приведённого выше графика (Рисунок 1), наибольшую долю в экспорте услуг из России за период 2010 – 2023 гг. составляют прочие услуги, причём наибольшего значения показатель доли прочих услуг в общем экспорте услуг достиг в 2020 г., составив 54%, а наименьшего своего значения – в 2010 г., составив 43%. Также, можно отметить рост значения данного показателя в 2020 г. (на 8% по сравнению с 2015 г.) и последующее снижение значения данного показателя в 2023 г. (на 10% по сравнению с 2020 г.). При более детальном рассмотрении структуры экспорта прочих ус-

луг из России, отдельно можно выделить несколько основных категорий: прочие деловые услуги, составившие 41% от общего экспорта прочих услуг в 2023 г., строительные услуги, составившие 27% от общего экспорта прочих услуг в 2023 г., а также телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги - 16% в 2023 г. и финансовые услуги - 6% в 2023 г. [6].

Таблица 1. Экспорт услуг из России в 2010-23 гг.

Статьи услуг	2010		2015		2020		2023	
	Млрд долл.	%						
Услуги, всего	49,2	100	51,6	100	47,9	100	41,2	100
В том числе:								
Услуги по переработке товаров, принадлежащих другим сторонам	2,3	5	1	2	0,3	1	0,3	1
Услуги по техническому обслуживанию и ремонту	1,8	4	1,6	3	1,7	3	1	3
Транспортные услуги	15	30	16,6	32	15,9	33	15	36
Поездки	8,8	18	8,4	16	3,9	8	6,7	16
Прочие услуги	21,3	43	24	46	26,1	54	18,2	44

Источник: Составлено автором на основании [1], [6].

Вторую по величине долю в общем экспорте услуг из России занимают транспортные услуги: наибольшего значения данный показатель достиг в 2023 г., составив 36%, а наименьшего своего значения – в 2010 г., составив 30%. Стоит отметить, что на протяжении всего рассматриваемого периода доля транспортных услуг в общем экспорте услуг из России неуклонно

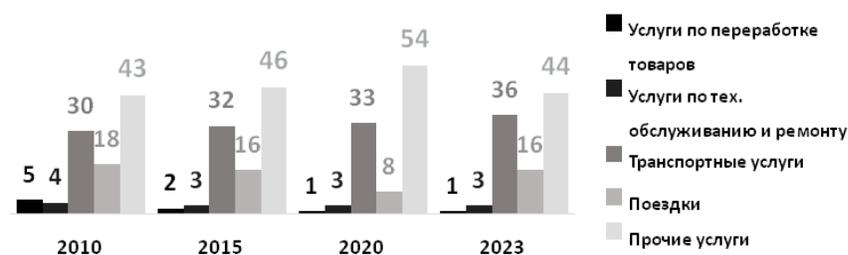

Рисунок 1. Структура экспорта услуг из России в 2010-23 гг., %.

Источник: Составлено автором.

росла, увеличившись на 6% в 2023 г., по сравнению с 2010 г.

Третью по величине долю в общем экспорте услуг из России занимает статья услуг “поездки”: наибольшее значение данный показатель достиг в 2010 г. - 18%, а наименьшее значение - в 2020 г., составив 8%. Данный показатель придерживается значений в диапазоне 16-18% на протяжении всего рассматриваемого периода, за исключением резкого уменьшения значения данного показателя до 8% в 2020 г. (на 8% по сравнению с 2015 г.).

Четвертую по величине долю в общем экспорте услуг из России занимают услуги по техническому обслуживанию и ремонту: наибольшего своего значения данный показатель достиг в 2010 г., составив 4%, и стабильно придерживается показателя в 3% с 2015 г.

Наименьшую долю в экспорте услуг из России составляют услуги по переработке товаров, принадлежащих другим сторонам: наибольшего своего значения данный показатель достиг в 2010 г., составив 5%, а наименьшего своего значения - в 2020 г., составив 1%. Для показателя доли услуг по переработке товаров, принадлежащих другим сторонам, в общем экспорте услуг из России характерна тенденция к снижению на протяжении всего рассматриваемого периода.

Теперь рассмотрим данным по абсолютным и относительным показателям экспорта услуг из США за период 2010-23 гг. Данные приведены в таблице 2.

Таблица 2. Экспорт услуг из США в 2010-23 гг.

Статьи услуг	2010		2015		2020		2023	
	Млрд долл.	%						
Услуги, всего	582,0	100	769,4	100	726,3	100	1026,6	100
В том числе:								
Услуги по переработке товаров, принадлежащих другим сторонам	-	-	-	-	-	-	-	-
Услуги по техническому обслуживанию и ремонту	13	2	19,9	3	13,3	2	16	2
Транспортные услуги	76,4	13	84,4	11	57,5	8	97,8	10
Поездки	130,3	22	192,6	25	72,5	10	189,1	18
Прочие услуги	362,3	62	472,5	61	583	80	723,7	70

Источник: Составлено автором на основании [1], [6].

Данные Таблицы 2 показывают, что в абсолютных значениях общий объём экспорта услуг из США увеличился на 444,6 млрд долл. по сравнению с 2010 г. в 2023 г., составив 1026, 6 млрд долл. То есть, наблюдается тенденция к наращиванию объёма экспорта услуг из США.

Для большей наглядности данные по структуре экспорта услуг из США в относительных показателях за период 2010-2023 гг. автором также представлены в виде графика на рисунке 2.

Как видно из приведенного выше графика (Рисунок 2), наибольшую долю в экспорте услуг из США за период 2010 – 2023 гг. составляют прочие услуги, причём наибольшее значение данный показатель показал в 2020 г., составив 80%, а наименьшее свое значение – в 2015 г., составив 61%. Также, можно отметить резкое увеличение доли данного показателя в 2020 г. (на 19% по сравнению с 2015 г.) и последующее снижение значения данного показателя в 2023 г. (на 10% по сравнению с 2020 г.). Также, при более детальном рассмотрении структуры экспорта прочих услуг из США, можно отметить, что в ней преобладают такие категории услуг, как прочие деловые услуги, составившие 35% от общего экспорта прочих услуг в 2023 г., финансовые услуги, составившие 24% от общего экспорта прочих услуг в 2023 г., а также категория услуг “плата за пользование интеллектуальной собственностью” - 19% в 2023 г. и телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги - 10% в 2023 г. [6].

Вторую по величине долю в общем экспорте услуг из США занимают услуги по статье “поездки”: наибольшего значения данный показатель достиг в 2015 г., составив 25%, а наименьшего своего показателя – в 2020 г., составив 10%. Как можно увидеть из графика, в 2020 г. произошло резкое снижение значения данного показателя (на 15% по сравнению с 2015 г.). Стоит отметить, что к 2023 г. данный показатель хотя и имеет тенденцию к росту, но его значение так и не вернулось на уровень 2010 – 2015 гг., составив 18% в 2023 г.

Третью по величине долю в общем экспорте услуг из США занимают

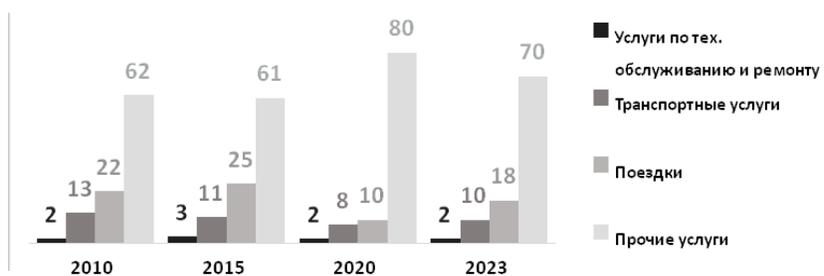

Рисунок 2. Структура экспорта услуг из США в 2010–23 гг., %.

Источник: Составлено автором.

транспортные услуги: наибольшего значения показатель доли транспортных услуг в общем экспорте услуг из США достиг в 2010 г., составив 13%, а наименьшего своего значения – в 2020 г., составив 8%. Также как и в случае со статьёй услуг “поездки”, доля транспортных услуг сократилась в общем экспорте услуг из США в 2020 г., в 2023 г. значение данного показателя составило 10%.

Наименьшую долю в экспорте услуг из США составляют услуги по техническому обслуживанию и ремонту: наибольшего значения данный показатель в общем экспорте услуг достиг в 2015 г., составив 3%, но на протяжении всего остального рассматриваемого периода значение показателя остается неизменным и остается на уровне 2%.

Сравним структуру экспорта услуг из Российской Федерации и США в 2023 г. Данные представлены автором в виде графика на рисунке 3.

На основе графика, представленного выше (Рисунок 3), можно заметить, что в экспорте услуг как из России, так и из США в 2023 г. преобладает доля прочих услуг (то есть, услуг, связанных с информационными технологиями, телекоммуникациями, а также финансовыми и деловыми услугами). Причём в США доля прочих услуг занимает 70% от общего экспорта услуг, в России же значение данного показателя составляет меньше половины от общего экспорта услуг (44%).

Интересно, что доля услуг по статье “поездки” как в России, так и в США находится примерно на одном уровне (16 и 18%, соответственно), а вот в случае экспорта транспортных услуг ситуация кардинально различается: для России этот показатель составляет 36% (второй по величине показатель в общем экспорте услуг из страны), а в США данный показатель составляет только 10% и в целом имеет тенденцию к своему снижению.

Однако, как и в России, так и в США наименьшую долю в экспорте

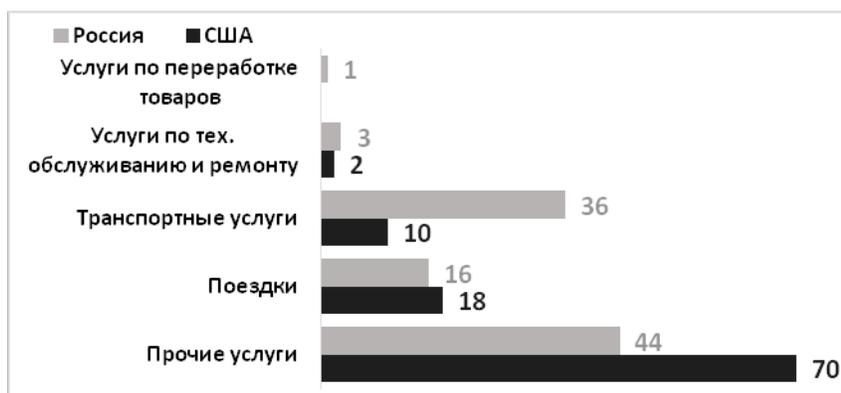

Рисунок 3. Структура экспорта услуг из США и России 2023 г., %.

Источник: Составлено автором.

услуг составляют услуги по техническому обслуживанию и ремонту (2% и 3%, соответственно).

Внешнюю торговлю услугами какой-либо страны нельзя полностью оценить, не рассмотрев импорт услуг из страны. В таблице 3 автором представлены данные по абсолютным и относительным показателям импорта услуг из Российской Федерации за период 2010 – 2023 гг.

Таблица 3. Импорт услуг из России в 2010-23 гг.

Статьи услуг	2010		2015		2020		2023	
	Млрд долл.	%						
Услуги, всего	75,3	100	88,8	100	64,7	100	76,5	100
В том числе:								
Услуги по переработке товаров, принадлежащих другим сторонам	0,2		0,1		0,2		0,4	
		0,3		0,2		0,3		0,5
Услуги по техническому обслуживанию и ремонту	0,7		1,4		1,7		1,1	
		1		2		3		1
Транспортные услуги	11,9	16	12,1	14	12,1	19	15,5	20
Поездки	26,7	35	34,9	39	9,1	14	34,4	45
Прочие услуги	35,8	47	40,3	45	41,6	64	25,1	33

Источник: Составлено автором на основе [1], [6].

Из таблицы видно, что в абсолютных значениях общий объём импорта услуг из Российской Федерации увеличился в 2015 г. по сравнению с 2010 г. на 13,5 млрд долл., но в 2020 г. данный показатель уменьшился до значения в 64,7 млрд долл. (на 24,1 млрд долл.). В 2023 г. объём импорта услуг из Российской Федерации увеличился на 11,8 млрд долл. по сравнению с 2020 г., но к своему значению в 2015 г. этот показатель так и не смог вернуться. Стоит отметить, что наблюдается тенденция к увеличению объёма импорта услуг из Российской Федерации.

Для большей наглядности данные по структуре импорта услуг из Российской Федерации в относительных показателях за период 2010-2023 гг. автором представлены в виде графика (Рисунок 4).

Как видно из приведенного выше графика (Рисунок 4), наибольшую долю в импорте услуг из России за период 2010 – 2023 гг. составляют про-

чие услуги, причём наибольшего значения данный показатель достиг в 2020 г., составив 64%, а наименьшего своего значения – в 2023 г., составив 33%. Также, можно отметить существенный рост данного показателя в 2020 г., на 19% по сравнению с 2015 г., и последующее снижение данного показателя в 2023 г., на 31% по сравнению с 2020 г. В целом, стоит отметить тенденцию к сокращению доли прочих услуг в общем импорте услуг из России. При более подробном рассмотрении структуры импорта прочих услуг из России, отдельно следует выделить несколько основных категорий: прочие деловые услуги, составившие 36% от общего импорта прочих услуг в 2023 г., строительные услуги, составившие 24% от общего импорта прочих услуг в 2023 г., а также телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги - 14% в 2023 г. и категория услуг “плата за пользование интеллектуальной собственностью” - 14% в 2023 г. [6].

Вторую по величине долю в общем импорте услуг из России занимают услуги по статье “поездки”: наибольшего значения данный показатель достиг в 2023 г., составив 45%, а наименьшего своего значения – в 2020 г., составив 14%. Стоит отметить резкое снижение значения данного показателя в 2020 г. (на 25% по сравнению со значением данного показателя в 2015 г.) и последующий его рост в 2023 г. (на 34%). Примечательно, что в 2023 г. доля услуг по статье “поездки” в общем импорте услуг из России (45%) достигла большего значения, чем доля прочих услуг (33%). В целом, стоит отметить тенденцию к увеличению доли услуг по статье “поездки” в общем импорте услуг из России.

Третью по величине долю в общем импорте услуг из России занимают транспортные услуги: наибольшего значения показатель доли транспортных услуг в общем импорте услуг из России достиг в 2023 г., составив 20%, а наименьшего своего значения – в 2015 г., составив 14%. Для значения данного показателя наблюдается тенденция к росту.

Четвертую по величине долю в общем импорте услуг из России за-

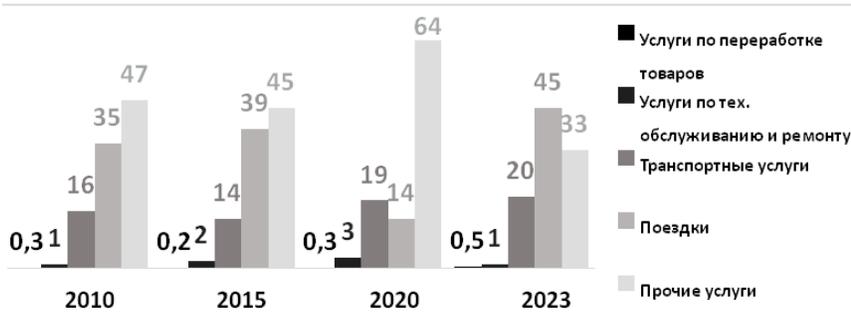

Рисунок 4. Структура импорта услуг из России в 2010-23 гг., %.

Источник: Составлено автором.

нимают услуги по техническому обслуживанию и ремонту: наибольшего значения показатель доли услуг по техническому обслуживанию и ремонту достиг в 2020 г., составив 3%. Для данного показателя была характерна тенденция к росту, но в 2023 г. данный показатель находился на уровне 2010 г., составив 1%.

Наименьшую долю в импорте услуг из России составляют услуги по переработке товаров, принадлежащих другим сторонам: наибольшего значения данный показатель достиг в 2023 г., составив 0,5%, а наименьшего своего значения – в 2015 г., составив 0,2%. В целом заметна тенденция к увеличению показателя доли услуг по переработке товаров, принадлежащих другим сторонам, хотя и достаточно медленными темпами.

Теперь рассмотрим данные по абсолютным показателям импорта услуг из США за период 2010 – 2023 гг. Данные представлены в таблице 4.

Таблица 4. Импорт услуг из США в 2010-23 гг.

Статьи услуг	2010		2015		2020		2023	
	Млрд долл.	%						
Услуги, всего	436,5	100	498,3	100	467,1	100	748,2	100
В том числе:								
Услуги по переработке товаров, принадлежащих другим сторонам	-	-	-	-	-	-	-	-
Услуги по техническому обслуживанию и ремонту	5,9	1	8	2	5	1	6,5	1
Транспортные услуги	88,4	20	99,6	20	73	16	142,9	19
Поездки	85,2	20	102,7	21	34,4	7	158,7	21
Прочие услуги	257	59	288	58	354,7	76	440,1	59

Источник: Составлено автором на основе [1], [6].

Из таблицы видно, что общий объём импорта услуг из США имеет тенденцию к увеличению на протяжении всего рассматриваемого периода, только в 2020 г. произошло небольшое снижение значения данного показателя на 31,2 млрд долл.

Для большей наглядности данные по структуре импорта услуг из США в относительных показателях за период 2010-2023 гг. автором представле-

ны в виде графика (Рисунок 5).

Как видно из приведённого выше графика (Рисунок 5), наибольшую долю в импорте услуг из США за период 2010 – 2023 гг. составляют прочие услуги. Наибольшего значения показатель доли прочих услуг в общем импорте услуг из США достиг в 2020 г., составив 76%, а наименьшего своего значения – в 2015 г., составив 58%. По графику видно, что значения данного показателя находятся в пределах 58-59% в доле общего импорта услуг из США, за исключением кризисного 2020 г., когда показатель доли прочих услуг в импорте услуг из США продемонстрировал резкий рост на 18% по сравнению с 2015 г., составив 76%, а затем уменьшение на 17% в 2023 г. по сравнению с 2020 г., составив 59%. При более детальном рассмотрении структуры импорта категории прочих услуг из США, отдельно следует отметить, что в структуре импорта прочих услуг преобладают такие категории услуг, как прочие деловые услуги, составившие 33% от общего импорта прочих услуг в 2023 г., страхование и услуги негосударственных пенсионных фондов, составившие 15% от общего импорта прочих услуг в 2023 г., а также финансовые услуги - 14% в 2023 г. и телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги - 13,7% в 2023 г.) [6].

Вторую по величине долю в общем импорте услуг из США занимает доля транспортных услуг: в 2010 и 2015 гг. значения данного показателя оставались на уровне 20%, но в 2020 г. произошло снижение данного показателя на 4%, составив 16%. Причём необходимо отметить, что значение данного показателя вернулось на докризисный уровень в 2023 г., составив 19%.

Третью по величине долю в общем импорте услуг из США занимают услуги по статье “поездки” (хотя по значениям не так сильно отстает от доли транспортных услуг в структуре общего импорта услуг из США): наименьшего своего значения данный показатель принял в 2020 г., составив

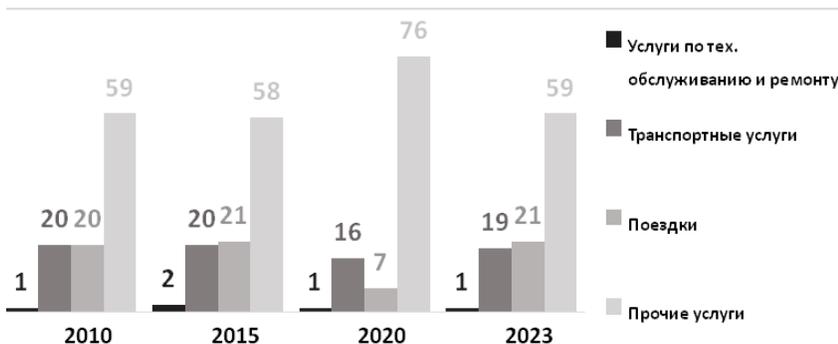

Рисунок 5. Структура импорта услуг из США в 2010-23 гг., %.

Источник: Составлено автором.

7%, снизившись на 14% по сравнению со своим значением в 2015 г. (21%). Для данного показателя наблюдается тенденция к росту: в 2023 г. значение показателя доли услуг по статье “поездки” в общем импорте услуг из США достигло 21%.

Наименьшую долю в общем импорте услуг из США занимают услуги по техническому обслуживанию и ремонту: наибольшего значения данный показатель достиг в 2015 г., составив 2%. Для данного показателя характерна тенденция к стабильному поддержанию своих значений на уровне 1% в общем импорте услуг из США.

Теперь сравним структуру импорта услуг из Российской Федерации и США в 2023 г. Данные представлены автором в виде графика на рисунке 6.

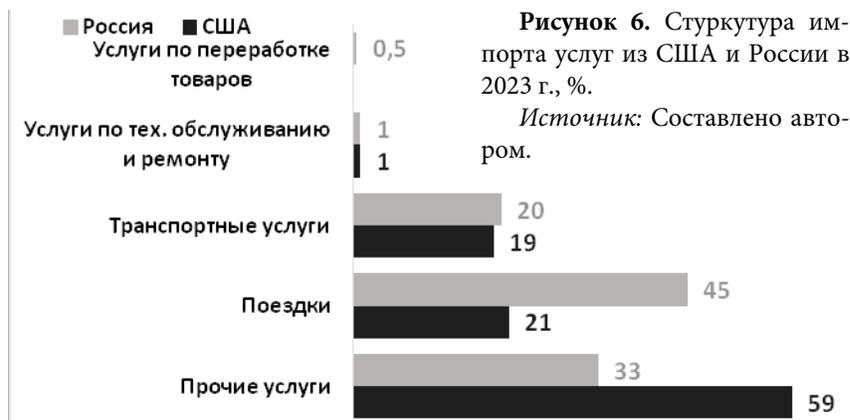
При сравнении структуры импорта услуг из России и США за 2023 г. на основе графика, представленного выше (Рисунок 6), можно заметить, что в импорте из США преобладает доля прочих услуг, которая составляет 59% от общего импорта услуг из США.

В то время, как в импорте услуг из России преобладает доля услуг по статье “поездки” и составляет 45% от общего импорта услуг из России. Доля транспортных услуг в общем импорте услуг как из России, так и из США находится примерно на одном уровне (20 и 19%, соответственно).

Однако, как и в России, так и в США наименьшую долю в импорте услуг составляют услуги по техническому обслуживанию и ремонту, которая составляет 1% в общем импорте услуг отдельно в каждой из рассматриваемых стран.

В заключение следует отметить, что на современном этапе своего экономического развития, как для США, так и для Российской Федерации характерно преобладание услуг по статье “поездки”, транспортных и прочих услуг в структуре экспорта и импорта услуг.

Однако заметна разница между этими двумя странами в структуре

международной торговли прочими услугами: для России характерно преобладание строительных услуг, в то время как для США характерно преобладание финансовых услуг.

В то же время необходимо отметить, что между объёмами торговли услуг в США и Российской Федерации существует существенное различие, объём торговли услугами из США существенно превышает объём торговли услугами из Российской Федерации.

В Российской Федерации наблюдается тенденция к увеличению объёма импорта услуг и тенденция к снижению объёма экспорта услуг. В Соединенных Штатах ситуация несколько иная: наблюдается тенденция к увеличению объёма импорта услуг из США, но также наблюдается тенденция и к наращиванию объёма экспорта услуг из США.

С учётом проведённого анализа полагаем обоснованным повышать долю услуг во внешне-экономических связях Российской Федерации и особенно следует обратить внимание на развитие услуг по статье “поездки”, что предполагает развитие отечественного туризма, т.е. необходимо популяризовать поездки по территории Российской Федерации среди населения, в том числе путём создания современной туристической инфраструктуры в отдалённых регионах страны.

В контексте глобального тренда на цифровизацию, Российской Федерации необходимо продолжать наращивать объёмы экспорта прочих услуг, включающих в себя услуги, связанные с информационными технологиями, телекоммуникациями, а также финансовыми и деловыми услугами. Одним из способов достижения этой цели, например, могла бы стать организация крупных площадок и форумов, где отечественные производители услуг в вышеперечисленных сферах могли бы объединять свои усилия, делиться идеями и реализовывать масштабные проекты. Также, например, путём расширения национальных программ по содействию развитию услуг, предоставляемых в цифровом формате, коими и является прочие услуги. Данные положения необходимо учесть при формировании общей стратегии внешнеэкономических связей в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Банк России: официальный сайт // URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/43429/External_Trade_in_Services_2021.pdf
2. Жихарева И.Н. Актуальные проблемы и перспективы расширения участия России в международной торговле услугами/ Кандидат экономических наук. 2006. // URL: <https://www.disserscat.com/content/aktualnye-problemy-i-perspektivy-rasshireniya-uchastiya-rossii-v-mezhdunarodnoi-torgovle-usl>
3. Иванова Н.А. Основные тенденции развития торговли услугами в мировой экономике (научная статья)// Журнал «Торговая политика». 2019. № 3 (19). С. 45-57.
4. Капушак И.Я., Харитоновна Н.А. Российский сектор услуг: современное состояние и основные тенденции развития// Научный журнал «Сервис в России и за рубежом». 2021. № 1 (93). С. 24-34.

5. Лепендина Е.С. Современные тенденции формирования и регулирования глобального рынка услуг/ Кандидат экономических наук. 2011. // URL: <https://www.dissercat.com/content/sovremennye-tendentsii-formirovaniya-i-regulirovaniya-globalnogo-rynka-uslug>
6. МВФ: официальный сайт // URL: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=62805742>
7. Седов К. Б. Международная торговля услугами и участие в ней России/ Кандидат экономических наук. 2000. // URL: <https://www.dissercat.com/content/mezhdunarodnaya-torgovlya-uslugami-i-uchastie-v-nei-rossii>
8. Сидоров А.А. Развитие сферы услуг в условиях цифровой трансформации национальной экономики // Всероссийский журнал «Теоретическая и прикладная экономика». 2021. № 1. С. 39-46.
9. Фризяк Н.С. США в международной торговле услугами (научная статья) // Международный научно-практический журнал «Международная торговля и торговая политика». 2019. № 2 (18). С. 25-33.
10. Шуйский В.П. Россия в международной торговле услугами: риски и возможности // Всероссийский журнал «Российский внешнеэкономический вестник». 2019. № 11. С. 7-14.

References

1. Bank of Russia: official website // URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/43429/External_Trade_in_Services_2021.pdf
2. Zhikhareva I.N. Actual problems and prospects for expanding Russia's participation in international trade in services / Candidate of Economic Sciences. 2006. // URL: <https://www.dissercat.com/content/aktualnye-problemy-i-perspektivy-rasshireniya-uchastiya-rossii-v-mezhdunarodnoi-torgovle-usl>
3. Ivanova N.A. Main trends in the development of trade in services in the global economy (scientific article) // Journal "Trade Policy". 2019. № 3 (19). P. 45-57.
4. Kapuschak I.Ya., Kharitonova N.A. Russian services sector: current state and main development trends // Scientific journal "Service in Russia and Abroad". 2021. № 1 (93). P. 24-34.
5. Lependina E.S. Current trends in the formation and regulation of the global services market / Candidate of Economic Sciences. 2011. // URL: <https://www.dissercat.com/content/sovremennye-tendentsii-formirovaniya-i-regulirovaniya-globalnogo-rynka-uslug>
6. IMF: official website // URL: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=62805742>
7. Sedov K.B. International trade in services and Russia's participation in it / Candidate of Economic Sciences. 2000. // URL: <https://www.dissercat.com/content/mezhdunarodnaya-torgovlya-uslugami-i-uchastie-v-nei-rossii>
8. Sidorov A.A. Development of the service sector in the context of digital transformation of the national economy // All-Russian journal "Theoretical and Applied Economics". 2021. № 1. P. 39-46.
9. Frizyak N.S. USA in international trade in services (scientific article) // International scientific and practical journal "International Trade and Trade Policy". 2019. № 2 (18). P. 25-33.
10. Shuysky V.P. Russia in international trade in services: risks and opportunities // All-Russian journal "Russian Foreign Economic Bulletin". 2019. № 11. P. 7-14.

*Current issues of science
and innovation*

*Актуальные вопросы науки
и инновации*

Напсо М.Б.

Доктор юридических наук, доцент, профессор. Северо-Кавказская государственная академия.

Агирбов Т.Р.

Студент. Северо-Кавказская государственная академия.

К вопросу о современных стратегиях эскапизма*

Аннотация. В статье проблематика эскапизма рассматривается в контексте причин и последствий востребованности стратегий эскапистского поведения. В силу этого авторы имели целью определить факторы, обуславливающие распространение эскапизма и приверженность индивидов эскапистским стратегиям в современных условиях, а также изучить практики их использования 1) как способа выхода из травмирующей ситуации, 2) как цели перемещения социальных практик в виртуальное пространство и 3) как средства увода от реальности. Сложность и многоаспектность феномена эскапизма объясняются взаимосвязью трех составляющих: характерных особенностей современной эпохи, провоцирующих эскапистские тенденции, условий окружающей среды, толкающих индивида на разрыв с ней, и свойств самой личности, предрасположенной к предпочтению стратегии эскапизма – и наличием в нем как позитивного, так и негативного потенциала. Причины роста числа приверженцев стратегий эскапизма авторы видят в сложном взаимодействии этих факторов и наличии все расширяющихся возможностей ухода от реальности.

Ключевые слова: эскапизм, иномирие, гибридное пространство, виртуальный эскапизм, протестный эскапизм, социальный эскапизм, внутренний эскапизм, гедонистический эскапизм, хикикимори.

Напсо М.Б.

Doctor of Law, Associate Professor, North Caucasus State Academy.

Agirbov T.R.

Student of the North Caucasus State Academy.

On the issue of modern escapism strategies

Abstract. The article examines the problems of escapism in the context of the causes and consequences of the demand for strategies of escapist behavior. Because of this, the authors aimed to identify the factors contributing to the spread of escapism and individuals' commitment to escapist strategies in modern conditions, as well as to study the practices of their use 1) as a way out of a

* © Напсо М.Б., Агирбов Т.Р., 2025.

К вопросу о современных стратегиях эскапизма

traumatic situation, 2) as a goal of moving social practices into virtual space, and 3) as a means of escape from reality. The complexity and multidimensional nature of the escapism phenomenon is explained by the interconnection of three components: the characteristic features of the modern era, provoking escapist tendencies, environmental conditions pushing the individual to break with it, and the properties of the personality itself, predisposed to prefer the strategy of escapism – and the presence of both positive and negative potential in it. The authors see the reasons for the increase in the number of adherents of escapism strategies in the complex interaction of these factors and the presence of ever-expanding opportunities to escape from reality.

Key words: escapism, otherworldliness, hybrid space, virtual escapism, protest escapism, social escapism, inner escapism, hedonistic escapism, hikikomori.

Введение

Эскапизм всегда социально и личностно детерминирован. Его функции, формы, цели, востребованность обусловлены действием комплекса факторов, характеризующих особенности социальной среды на макро- и микроуровнях и реакции индивида на них. В современных условиях пространство эскапизма расширяется, порождая новые формы, в силу, с одной стороны, провоцирующих свойств эпохи постмодернизма, сложного характера социальной реальности, ее высокого стрессогенного потенциала, а с другой, наличия технологической возможности жить в другом мире и явных преимуществ виртуальности. Массовый характер эскапизму придали виртуализация, медиатизация, отход от реализма в искусстве, господство субъективизма и индивидуализма, атомизация социума и фрагментация культурного пространства, пропаганда гедонизма и консюмеризма. Широкие возможности цифровой среды уже нельзя рассматривать просто как причину или толчок к уходу от действительности: они в корне меняют предназначение эскапизма. Теперь это не просто *способ* разрешения проблемной жизненной ситуации путем бегства, способ самореализации, саморазвития, способ релаксации и т.д., но и *цель, самоцель*, заключающаяся в осознанном предпочтении индивидом иной реальности как таковой, и *средство увода* индивида, его последовательного отрыва от реальности в результате преднамеренного воздействия.

Теоретический анализ

Феномен эскапизма крайне неоднозначен, как и его трактовки. Понимаемый в целом как уход, бегство в инобытие, инореальность, иномирие эскапизм до недавнего времени рассматривался по большей части с негативным оттенком. В последнее время подходы изменились, и он «признан нормативным явлением и выведен за рамки асоциального и патологического поведения». Эскапизм рассматривается в качестве «одного из глобальных способов приведения в равновесие как различных внутренних

психических структур и систем субъекта, так и гармонизации отношений в системе «человек-мир»¹, как фактор формирования адаптационного потенциала личности. Второй обостряется в случае противоречия между объективными требованиями окружающей среды и реальными возможностями субъекта. Первый связан с невозможностью для индивида реализовать несколько ролей либо с различным пониманием требований для той или иной роли, речь идет о рассогласовании между ценностями, смыслами, стратегиями жизни². Эскапизм как адаптационный механизм отличают многоуровневость, многоаспектность и вариативность деятельностных форм: это и бегство от себя, негативных эмоций о себе при неудаче или несоответствии личности собственным завышенным о себе представлениям, и мотив к осуществлению вида деятельности во избежание другого вида деятельности, сопряженной с необходимостью разрешения накопившихся трудностей; и защитная стратегия сохранения оптимального уровня жизнедеятельности и самочувствия в ситуации стресса. В таком контексте эскапизм представляет собой «деятельность компенсаторного характера, направленную на минимизацию или устранение внутрисистемных и межсистемных рассогласований, которая реализуется путем погружения в альтернативное психологическое пространство»³. В таком контексте эскапизм есть «не только и столько бегство, сколько способ переосмысления картины мира», это «осознанная деятельность, направленная на создание новой субъективной реальности» и актуализируемая «вследствие ...противоречия в системе знаний, убеждений, верований, эмоциональных реакций». Убегая «от неразрешимых противоречий с помощью деятельности, направленной на их разрешение», индивид создает собственный мир, конструирует свой путь, особые и важные для себя смыслы. Выбор стратегии выхода из ситуации: активной (создание чего-то нового и не только для себя), пассивной (направленной на свой внутренний мир, на себя и для себя) или компенсаторной, - определяют обстоятельства⁴. И этот вывод полностью укладывается в предлагаемую концепцию эскапизма как способа воздействия, изменения, преобразования себя, своего образа мыслей и жизни. В наше время такой подход, как и воззрение на эскапизм как «деятельность, направленную на сни-

1 Савченко Т.Н., Теславская О.И. Эскапизм как фактор и стратегия психологической адаптации личности // Познание и переживание. 2022. Т. 3. № 3. С. 38-63. С. 40.

2 Савченко Т.Н., Теславская О.И. Типы внутриличностных конфликтов как детерминанты эскапизма // Прикладная юридическая психология. 2023. № 4 (65). С. 144-154. С. 147, 149.

3 Савченко Т.Н., Теславская О.И. Эскапизм как фактор и стратегия психологической адаптации личности // Познание и переживание. 2022. Т. 3. № 3. С. 38-63. С. 47, 48, 38.

4 Башарова Е.А. Эскапизм: новые подходы к исследованию // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Вып. 2 (14). С. 71-76. С. 73, 74.

жение дискомфорта, вызванного социальными или внутриличностными причинами путем избегания»⁵, являются распространенными. Не менее распространенным является взгляд на эскапизм как на протестную активность, протестное реагирование на интенсивные социокультурные изменения. Для А.Ш. Гусейнова это «специфический образ существования, обусловленный протестной активностью», который являет собой показательный симптом системного неблагополучия во взаимодействии личности и социума, личности и государства. Эскапизм как протест имеет сложную природу: это не только стремление уйти куда - в мир иллюзий в момент кризиса, но и от чего - от общепринятых стандартов, уже не разделяемых индивидом. Это вызов обществу в форме длительно подготавливаемого протеста, поступка, осознанного выбора в пользу иных ценностей, смыслов, это осознание себя в ином качестве. Поэтому эскапизм в его протестной сущности, с одной стороны, есть «демонстративный уход от проблем, которые индивид намерен решать самостоятельно, но не может в силу несогласия с другими, неприятия других, не желания сотрудничать, оказывать и принимать помощь», что может усилить конфликт отторжения вплоть до неприятия уже себя самого. С другой стороны, протестный уход может означать не столько желание избежать ситуации, сколько стремление уйти из среды, из бытийного или идейного пространства. Смена среды не может не изменить индивида: «происходит своеобразная деконструкция бытия, а затем перезагрузка как среды, так и самого субъекта...эскапизм не разрушает, а подвергает реконструкции бытийное пространство»⁶. У некоторых авторов такого рода эскапизм именуется социальным. Так, А.В. Кибальник и И.В. Федосова таковым именуют эскапизм в форме «неприятия существующей социальной системы», выражающегося «в устойчивой ориентации на выход из этой системы», крайним проявлением чего является виртуализации повседневности. Однако негативный социальный опыт ухода в виртуальную реальность «как новое жизненное пространство» заключается в том, что «личность перестает нуждаться в социальных контактах, утрачивает базовые коммуникативные умения и возможность самореализации в реальном мире». При этом главная опасность ухода в виртуальность заключается в самой сложной природе эскапизма, который может иметь разные последствия: может способствовать возникновению аддиктивного поведения, а может стать эффективным способом преодоления рутины жизни. Кроме того, не каждый способен «вовремя вернуться к привычным обязанностям и графику жизни, что приводит к социальной дезадаптации». На фоне

5 Шукишина Л.В., Когай И.А. Исследование эскапизма и рефлексии у современных студентов // Современное педагогическое образование. 2022. № 9. С. 23-26. С. 24.

6 Гусейнов А.Ш. Специфика эскапизма в контексте протестной активности личности // Человек. Общество. Управление. 2013. № 3. С. 20-33. С. 21, 20, 30,31.

этого факта «злоупотребление в попытках ухода от действительности превращает эскапизм в дезадаптивную форму существования, которая влечет нарушения в личностном и социальном развитии человека, деформацию механизмов преемственности ценностей и опыта, а также примитивизацию социально одобряемых поведенческих норм»⁷.

При всем различии и множественности взглядов общим является то, что эскапизм - это порождаемый разными причинами и преследующий разные цели уход от привычного образа жизни, сложившегося в социальной или виртуальной реальности. У такого ухода нет и не может быть одной причины, он порождается комплексным влиянием совокупности факторов, имеющих непосредственное отношение к свойствам реальности, окружающей среды и особенностям самой личности. Для изучения проблематики эскапизма с точки зрения его востребованности в наши дни наиболее продуктивным нам представляется его рассмотрение именно в контексте особых свойств реальности, среды, индивида, воздействие которых и подвигает индивида к применению стратегии эскапизма, определяя его цель.

Плодотворной почвой для эскапизма является сам мир постмодерна и всё большая виртуализация социальной реальности, возникновение гибридного пространства, где индивид свободно переходит из одной реальности в другую. Характерными чертами такой реальности являются спектализация общественного бытия, развитие образно-зрелищных технологий, театрализация общественных отношений, замещение мира реального зрелищной, созерцательной образностью; быстрая сменяемость социальных ролей и ситуаций, зыбкость, неустойчивость индивидуальных жизненных позиций, множественность социальных ролей индивидов, более схожих с играми, в которых правила и форматы быстро меняются; социальное конструирование, симулятивная организация неправдоподобных ситуаций, кажущихся объективными, – индивид вынужден быть в постоянном поиске нового самоопределения, образов, смыслов, обретать новые идентичности, адаптироваться к меняющимся правилам, однако скорость перемен превращает все это в череду непрерывных поисков и в движение с разнонаправленными векторами⁸. Эскапизм в таких условиях имеет особый двойственный характер: с одной стороны, это предпочтение легкости и яркости инобытия, но, с другой, усталость, отказ от вечной погони за новым. Ярко выраженный тренд субъективизма порождает эскапизм как

7 Кибальник А.В., Федосова И.В. Социальный эскапизм современной молодежи как крайнее проявление виртуализации современности // Казанский педагогический журнал. 2020. № 2. С. 222-229. С. 224, 227, 222-223, 224.

8 Чистякова О.В. Человек в медиатизирующемся мире постсовременности: антропологические смыслы и социальные следствия // Человек. Общество. Инклюзия. 2016. № 2-1. С. 90-98.

уход в себя, в свои мысли, чувства, гипертрофированный интерес к себе, своему внутреннему миру, заикленность на собственном мироощущении на фоне склонности к потоковому сознанию. Сильное влияние имеет деформация моральных, этических, эстетических ценностей; углубление культурной свободы, распространение массовой культуры, киберкультуры, медиатизация, атомизация единого социокультурного пространства, ведущие к множественности идентичности и субкультур; развитие потребительского подхода к жизни. И в этом случае эскапизм может стать уходом в жизнь развлечений и увлечений, тем более что медиапространство предоставляет тому массу провоцирующих возможностей. Но может в противовес этому, в качестве протестной реакции стать отторгающим такой стиль жизни мировоззрением. Таким образом, один и тот же контекст способен породить разные формы эскапизма, что подтверждает тезис о многофакторной природе причин эскапизма.

Идеальный характер для целей эскапизма имеет виртуальность, семантически трактуемая и как возможность, и как действительность: неограниченные возможности видоизменения пространственно-временных характеристик по желанию индивида, сообразно его представлениям, фантазиям, создают новый мир информационных образов, который в сознании индивида приобретает черты реального мира. Интерактивность, «эффект присутствия» позволяют каждому стать сотворцом, субъектом действия, дополнить вербально-визуальную коммуникацию проявлением чувств, действием. Это позволяет говорить о том, что виртуальная реальность – это эскапизм XXI века. Технологии позволяют свободно уходить из одной реальности в другую, придавать ей желаемые черты или синтезировать новую, преобразовать обыденность. Они успешно реализуют извечное стремление человека выйти за пределы привычного, отрешиться от повседневности, обыденности, его жажду новизны и полноты бытия, следовательно, в полной мере соответствуют предназначению эскапизма. В основе популярности виртуальной реальности в целях эскапизма множество причин: 1) стремление индивида к обретению большей свободы; 2) наличие широких возможностей для самовыражения и пребывания в «насыщенной, множественной реальности, которая поддается внутреннему изменению», являясь интерактивной средой; 3) возможность переноса социальных практик как в виртуальную реальность, так и из симуляции в реальность, взаимообогащение виртуального и реального опыта, - все это в значительной мере усиливает свойственные эскапизму «сомнение в целесообразности и необходимости использования существующих моделей взаимодействия и, как следствие, попытка критического переосмысления общепринятых норм»⁹. По мнению Е.О. Труфановой, востребованность

⁹ Лопатинская Т.Д. Эскапизм в киберпространстве как жизненная стратегия // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». 2020. № 3 (23). С. 92-97. С. 94, 95, 96.

«эскапистских» возможностей цифровых технологий кроется главным образом в их новизне для человеческого опыта, что как нельзя лучше соответствует самой природе эскапизма как поиска новизны и в широких возможностях «психологического «бегства» в вымышленный мир, ... анонимности, ухода от ответственности, конструирования альтернативных идентичностей»¹⁰. Виртуальный мир привлекателен не только сам по себе, но и на фоне все более усложняющейся социальной реальности. Индивид находится под давлением быстро меняющихся условий, необходимости постоянно адаптироваться и соответствовать растущим требованиям. В таких условиях наличие стабильно гармоничных отношений с окружающей действительностью представляется крайне сложным, что порождает тревожные состояния, неудовлетворенность собой и действительностью, поиск иных форм активности в компенсаторных целях. Вопрос о переходе в иной мир как альтернатива жизни во все усложняющемся мире с растущими требованиями и сложностями самореализации становится все более актуальным.

Виртуализации всех сфер жизнедеятельности трансформирует экономику, социум, индивида, повседневность, язык, образ жизни и мышления. Технологии не только конструируют иной мир, но и искусно имитируют объективную реальность: грань между ними становится все тоньше, понятия размываются, индивиду сложно ориентироваться в потоке реальности и образов реальности, и он сталкивается с проблемами иного рода. Во-первых, затеряться, раствориться, потеряться в иллюзорном виртуальном мире столь же легко, как сложно адаптироваться в социальной реальности. Виртуальный мир – мир возможностей, но не идеальное для существования пространство. Бегство с убежденностью в последнем не только иллюзорно, но и опасно для индивида: виртуальный мир - плод деятельности человека, он таков, каков сам человек, он полон образов, создаваемых сознанием человека, он пользуется им как инструментом, средством, возможностью в своих интересах и для достижения целей. Во-вторых, в виртуальном мире, как и в социальной реальности, такое же множество проблем, решение которых на индивидуальном уровне невозможно, что с неизбежностью провоцирует бегство, но уже из виртуальности. Таковой, в частности, является проблема перегруза и загрязнения виртуальной среды недостоверной информацией, используемой в том числе в целях инфодемии, инфопровокации, инфоатаки, травли и т.п. Синдром усталости от потоков информации, ее поверхностное восприятие или невосприятие вовсе, кризис доверия от пребывания в пространстве недостоверности актуализируют поиски истинного смысла, но

10 Труфанова Е.О. Цифровое бегство или бегство от цифровизации? // Бренное и вечное: мифология цифровой цивилизации. Материалы Международной научной конференции. Великий Новгород. 2021. С. 100-107. С. 100.

уже за пределами виртуального мира. В-третьих, процесс углубляющейся виртуализации постепенно превращает цифровые технологии в обыденную и неотъемлемую часть социальной жизни. Таким образом, и в этом следует согласиться с О.Е. Труфановой, «Интернет также становится местом, откуда человек стремится убежать. Причины бегства от цифровизации кроются не только в рутинизации Интернет-коммуникаций, но и в связи с тем, что Интернет становится причиной информационных перегрузок человеческой психики, от которых человек пытается освободиться путем избегания». Наряду с эскапистом, убегающим от реальности в виртуальный мир, появляется эскапист иного рода – «минимизирующий свое взаимодействие с онлайн-коммуникациями», бегущий из Интернета, в мир, где... мы свободны от цифровых технологий»¹¹. Следовательно, если бегство в виртуальный мир вызвано поиском новизны и свободы, то бегство из него - желанием избавиться от излишнего воздействия, от возникшей зависимости.

Причин и целей ухода в иную среду достаточно много. От банальных разочарования, обид, боли из-за непризнания, непонимания, ненужности, недооценки до протеста против социальной системы, «заведенного не тобой порядка вещей», крайняя форма которого (хикикомори) предполагает уход в своеобразный виртуальный монастырь, автономное, замкнутое существование без поддержания реальных связей с целью «приобретения своеобразного смысла в протесте против социально ориентированной системы...». Наличие на то технологической возможности способствует расширению масштабов такого ухода¹². Такая радикальная форма отчуждения возникает «как реакция при столкновении с высоким уровнем давления со стороны общества или иных людей», как «жалоба человека на современное общество» у лиц интровертов, с низким уровнем самооценки и автономности, с суицидальными склонностями, с повышенным уровнем переживания одиночества, сниженным уровнем жизнестойкости стрессоустойчивости, имеющих проблемы в межличностных отношениях, в том числе по причине травли, преследования¹³. Нельзя отрицать и того факта, что протестный социальный эскапизм может стать своего рода «реакцией ...на теневые стороны многообразной социальной реальности», на заданность социальной роли, где индивид

11 Труфанова Е.О. Цифровое бегство или бегство от цифровизации? // Бренное и вечное: мифология цифровой цивилизации. Материалы Международной научной конференции. Великий Новгород. 2021. С. 100-107. С.100, 107.

12 Баева Л.В. Эскапизм в цифровом социуме: от хикикомори до «групп смерти» // Ценности и смыслы. 2018. № 2 (54). С.39-54. С.44.

13 Нестеров А.А., Кичман Д.Н. Личностные особенности лиц, находящихся в состоянии острой социальной самоизоляции (хикикомори) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 2. С. 117-134. С. 119,120.

– «точный исполнитель известного ему алгоритма», ограничивающего пространство его свободы, для лица, склонного к критическому восприятию реальности, своего рода нигилиста. У таких людей эскапизм провоцируется «неустрашимыми социальными и культурными проблемами», ставящими их в ситуацию выбора между необходимостью не быть самим собою, приспособиться, действовать запрограммировано или ориентироваться на собственное Я¹⁴. Таким образом, социальный протестный эскапизм есть порождение ситуации несвободы, принуждения, зависимости, жесткой фиксации индивида в определенном качестве. Отсутствие возможности противостоять чрезмерности давления социальности ведет к уходу из нее в мир, доступный воздействию, желаниям, предпочтениям самого индивида. Традиционно об эскапизме говорят как о способе ухода от проблем или обыденности существования, но в данном случае речь идет об эскапизме как цели - уход представляет собой отторжение реальности и себя в этой реальности.

Стандартный набор причин для эскапизма: зависимость, ограничения, скованность правилами, нормами, обстоятельствами, отсутствие пространства для самореализации, оупляющее однообразие, травмирующая ситуация – в последнее время дополнился издержками коммерциализации всех сфер жизнедеятельности, изматывающей погони за материальными благами, порождающими не только сверхактивность, сверхзанятость, перенапряжение, но и конформизм, неразборчивость в средствах достижения цели, готовность многим поступиться ради благополучия, успешности. Явное превалирование материальной составляющей, ее повсеместное давление, чувство дискомфорта в среде неособитателей, желание от них отгородиться, противопоставив им иной мир, провоцируют внутренний эскапизм, уход в себя, признание ценности духовной, внутренней жизни. Это может найти выражение в создании собственных образов реальности, в формировании представлений об иной реальности, в связанном с этим творчестве, в традиционных поисках смысла, ценностей, основ бытия и своего предназначения. К поиску истины посредством ухода в себя индивида подталкивают господство в гибридном пространстве тотальной недостоверности, порождаемой массовостью мнений, псевдознаний, лженаучных воззрений, отходом от реализма в искусстве, и низкий уровень массовой культуры, культивирующей асоциальность, девиацию. Как реакция на эти реалии внутренний эскапизм представляет собой не цель, а способ познания избегаемой реальности через ее осмысление и поиск себя. Это «средство достижения внутреннего равновесия, не как процесс «бегства от...», а «стремления

14 Козырева Л.В. Социальная детерминация эскапизма: опыт концептуализации // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. С. 402.

к...¹⁵. Приверженность к такой стратегии эскапизма свойственна в большей мере индивидам, склонным к рефлексии, самоанализу, активной внутренней работе, самодостаточным, отстраненным, взирающим на мир как бы со стороны. Для них проблема может заключаться не столько в сложностях, отсутствии возможностей, сколько в несовпадении мотиваций, целей деятельности, в нежелании расходовать способности, силы и средства на не стоящие того цели. Уход как погружение в собственную внутреннюю жизнь они используют для гармонизации внешних и внутренних ценностных структур. Сам процесс духовных исканий, как правило, оценивается положительно: индивид задействует свои потенциальные возможности, в том числе и заложенную в нем «множественность «Я», противопоставляя реальности собственный жизненный мир»¹⁶. Но вопрос в том, к чему он приводит: либо к примирению с реальностью через обретение новых смыслов, стимулов жизнедеятельности и себя в ином качестве, либо ко все большему дистанцированию, обособлению и даже капсулированию вследствие углубления рассогласованности. Для индивида, прибегающего к стратегии эскапизма, вопрос о том, к чему приведет временное изъятие себя из реальности, имеет самый существенный характер.

Виртуализации жизни имеет своим следствием появление особого вида эскапизма, замешанного на гедонизме. Все большее распространение получает эскапизм с целью избегания трудностей, труда, обязанностей, ответственности в погоне за удовольствиями, постоянным удовлетворением растущих потребностей. Как правило, к такой стратегии прибегают лица, идущие на поводу своих желаний вне зависимости от наличия объективных и субъективных условий их удовлетворения. Неспособность умерить свои потребности, рассогласование между ними и возможностями для их реализации, нереализованное стремление соответствовать образцам и стандартам может привести к внутреннему и внешнему конфликту и спровоцировать эскапизм. Среди эскапистов такого рода могут оказаться лица с завышенным самомнением, амбициями, не нашедшие возможности их реализовать в реальности и вошедшие в конфликт с окружающей средой, в том числе по причине неприятия «незаслуженной» успешности других. Как ни парадоксально, но эскапизм в поисках «сильных ощущений и удовольствия» оказывается «характерным для достаточно благополучного в социально-экономическом

15 Теславская О.И., Кардапольцева А.А., Беловолб А.В., Савченко Т.Н. Эскапизм как предмет исследования в современной научной психологии // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 6. С. 52-64. С. 59.

16 Колесникова И.Г. Эскапизм как средство самоидентификации и идентичности личности в контексте философской антропологии // Наука. Искусство. Культура. 2016. Вып. 2 (10). С. 57-62. С. 61.

отношении общества. Человек, не нуждающийся в выживании, борьбе за свое существование или за высокую идею, пребывающий в состоянии материального благополучия и свободы, тем не менее, выбирает иную жизнь, полную экстремальных ощущений и накала страстей»¹⁷. К категории эскапистов-гедонистов, как правило, относятся лица, чрезмерно увлеченные собой, своими желаниями и потребностями, находящиеся в постоянной погоне за легкостью, полнотой бытия, удовольствиями, яркостью ощущений, постоянным удовлетворением желаний в силу неизменной тяги к их разнообразию, новизне – и абсолютно не готовые ждать, отказываться, откладывать на потом, длительно идти к цели.

Выводы

Эскапизм не может не быть реакцией, ответом тенденции развития современного мира, но, и в этом заключается главная проблема эскапизма, ответом весьма неоднозначным: это может быть жизненная стратегия в русле тенденций или механизм адаптации к ним, а может быть и протестом, жестом несогласия. Пространство современного эскапизма велико и многообразно. В него попадают по разным причинам, в нем существуют индивиды с совершенно разными характеристиками: от лиц с заниженной или завышенной самооценкой, беспомощных и непонятых в своей среде, склонных преувеличивать и драматизировать, чрезмерно эмоциональных и впечатлительных до мечтателей, нонконформистов, - его исповедуют с целью ухода от проблем, рутины, в поисках себя и новых смыслов, в погоне за впечатлениями и удовольствиями. Особые свойства и широкие возможности виртуальной среды способствовали распространению современного понимания эскапизма как способа социальной адаптации, самовыражения, самореализации, позволяющего обретать и совершенствовать социальные практики и переносить их в реальность, как средства отдохновения от социальности, расширения ее границ, обретения внутренней раскрепощенности, как основы для творческой деятельности. При всей правомерности такого взгляда нельзя не согласиться и с теми, кто утверждает, что легкость бытия в виртуальном мире может усугубить неприспособленность индивида к окружающей реальности, ее имитационный, иллюзорный характер заменить собой истинность и реальность. Обретая новые возможности, индивид впадает в новые зависимости: в зависимость от доминирования всего симулятивного, от привычки не быть собой, а изображать себя, от пассивного восприятия информации, готовых виртуальных образцов и образов. В виртуальном эскапизме главная опасность кроется в восприятии виртуальности как идеального мира, а не

17 Баева Л.В., Алексеева И.Ю. E-homo sapiens: виртуальный микрокосм и глобальная среда обитания // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2014. № 1. С. 86-97. С. 94.

как продукта человеческой деятельности, используемого в разных целях. Осознание этого факта, а также рутинизация виртуальных коммуникаций, утрата ими былой привлекательности, эффект привыкания, усталости, разочарования, могут стать причиной эскапизма другого рода – бегства от технологий. В современном эскапизме велико внешнее подталкивающее воздействие (культ успешности, креативности, удовольствий, потребностей, острых ощущений, эмоций и пр.) и склонения к асоциализации в целях манипулирования, скрытого управления, продвижения идей, ценностей, вовлечения в деятельность. Использование практик эскапизма позволяет самому индивиду и иным лицам с его помощью изменять индивида, образ его жизни и мыслей, влиять на социальность как в позитивном, так и в негативном смысле.

Библиографический список

1. Баева Л.В. Эскапизм в цифровом социуме: от хикикомори до «групп смерти» // Ценности и смыслы. 2018. № 2(54). С. 39-54.
2. Баева Л.В., Алексеева И.Ю. E-homo sapiens: виртуальный микрокосм и глобальная среда обитания // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2014. № 1. С. 86-97.
3. Башарова Е.А. Эскапизм: новые подходы к исследованию // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Вып. 2 (14). С. 71-76.
4. Гусейнов А.Ш. Специфика эскапизма в контексте протестной активности личности // Человек. Общество. Управление. 2013. № 3. С. 20-33.
5. Кибальник А.В., Федосова И.В. Социальный эскапизм современной молодежи как крайнее проявление виртуализации современности // Казанский педагогический журнал. 2020. № 2. С. 222-229.
6. Козырева Л.В. Социальная детерминация эскапизма: опыт концептуализации // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. С. 402.
7. Колесникова И.Г. Эскапизм как средство самоидентификации и идентичности личности в контексте философской антропологии // Наука. Искусство. Культура. 2016. Вып. 2 (10). С. 57-62.
8. Лопатинская Т.Д. Эскапизм в киберпространстве как жизненная стратегия // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». 2020. №3 (23). С. 92-97.
9. Нестеров А.А., Кичман Д.Н. Личностные особенности лиц, находящихся в состоянии острой социальной самоизоляции (хикикомори) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 2. С. 117-134.
10. Савченко Т.Н., Теславская О.И. Типы внутриличностных конфликтов как детерминанты эскапизма // Прикладная юридическая психология. 2023. № 4 (65). С.144-154.
11. Савченко Т.Н., Теславская О.И. Эскапизм как фактор и стратегия психологической адаптации личности // Познание и переживание. 2022. Т. 3. № 3. С. 38-63.
12. Теславская О.И., Кардапольцева А.А., Беловолб А.В., Савченко Т.Н. Эскапизм как предмет исследования в современной научной психологии // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 6. С. 52-64.
13. Труфанова Е.О. Цифровое бегство или бегство от цифровизации? // Бренное и вечное: мифология цифровой цивилизации. Материалы Международной научной конференции. Великий Новгород. 2021. С.100-107.
14. Чистякова О.В. Человек в медиатизирующемся мире постсовременности: антропологические смыслы и социальные следствия // Человек. Общество. Инклюзия. 2016. № 2-1. С. 90-98.
15. Шукшина Л.В., Когай И.А. Исследование эскапизма и рефлексии у современных студентов // Современное педагогическое образование. 2022. № 9. С. 23-26.

References

1. Baeva L. V. Escapism in a digital society: from hikikomori to “death groups” // Values and meanings. 2018. № 2 (54). P. 39-54.
2. Baeva L. V., Alekseeva I. Yu. E-homo sapiens: virtual microcosm and global habitat // Philosophical problems of information technology and cyberspace. 2014. № 1. P. 86-97.
3. Basharova E. A. Escapism: new approaches to research // Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities. 2014. Issue. 2 (14). P. 71-76.
4. Guseinov A. Sh. Specifics of escapism in the context of protest activity of an individual // Man. Society. Management. 2013. № 3. P. 20-33.
5. Kibalnik AV, Fedosova IV Social escapism of modern youth as an extreme manifestation of the virtualization of modernity // Kazan pedagogical journal. 2020. № 2. P. 222-229.
6. Kozyreva LV Social determination of escapism: an experience of conceptualization // Modern problems of science and education. 2012. № 2. P. 402.
7. Kolesnikova IG Escapism as a means of self-identification and personal identity in the context of philosophical anthropology // Science. Art. Culture. 2016. Issue. 2 (10). P. 57-62.
8. Lopatinskaya TD Escapism in cyberspace as a life strategy // Bulletin of TVSU. Series “Philosophy”. 2020. № 3 (23). P. 92-97.
9. Nesterov A. A., Kichman D. N. Personality characteristics of individuals in a state of acute social self-isolation (hikikomori) // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences. 2022. № 2. P. 117-134.
10. Savchenko T. N., Teslavskaya O. I. Types of intrapersonal conflicts as determinants of escapism // Applied legal psychology. 2023. № 4 (65). P. 144-154.
11. Savchenko T. N., Teslavskaya O. I. Escapism as a factor and strategy of psychological adaptation of the individual // Cognition and experience. 2022. Vol. 3. № 3. P. 38-63.
12. Teslavskaya O.I., Kardapol'tseva A.A., Belovolb A.V., Savchenko T.N. Escapism as a subject of research in modern scientific psychology // Psychological journal. 2017. Vol. 38. № 6. P. 52-64.
13. Trufanova E.O. Digital escape or escape from digitalization? // Mortal and eternal: mythology of digital civilization. Proceedings of the International Scientific Conference. Veliky Novgorod. 2021. P. 100-107.
14. Chistyakova O.V. Man in the mediatized world of postmodernity: anthropological meanings and social consequences // Man. Society. Inclusion. 2016. № 2–1. P. 90-98.
15. Shukshina L.V., Kogai I.A. Study of escapism and reflection in modern students // Modern pedagogical education. 2022. № 9. P. 23-26.

Даянова Д.П.

Кандидат педагогические науки, профессор, доцент. Казанский Федеральный университет, г. Казань.

О природе таланта. Через век – в современность*

Аннотация. Сегодня назрела необходимость пересмотра материалов творческого наследия талантливых драматургов, режиссеров, актеров о которых сохранились штрихи-воспоминания, детали, изустно передающиеся как некий культурный код, несущий фундаментальные основы духовно-нравственного развития современного человека. В котором должны гармонично существовать базовые компоненты сформированного мировоззрения основных ориентиров жизнедеятельности непреходящих человеческих ценностей. Именно поэтому в исследовании уделено значительное внимание личности Салыха Мухутдиновича Хуснутдинова (авторский псевдоним Салых Хусни) – одного из основателей Театра кукол в городе Казани, драматурга, заслуженного артиста ТАССР, заслуженного деятеля ТАССР, главного режиссера театра кукол «Экият», человека, поднявшего на высокий уровень технологию работы с играющей куклой.

Ключевые слова: природа таланта, мир культуры, творческое наследие, искусство играющей куклы, жанровая специфика, жизненный материал, документальная драматургия, воспоминания реальных героев, духовное развитие личности, ценностные ориентации.

Dayanova D.P.

PhD, Associate Professor. Kazan Federal University, Kazan.

About the nature of talent through the century to the present

Abstract. Today, there is a need to review the materials of the creative heritage of talented playwrights, directors, and actors about whom there are touches, memories, and details that are orally transmitted as a kind of cultural code that carries the fundamental foundations of the spiritual and moral development of modern man. In which the basic components of a well-formed worldview of the main guidelines for the life of enduring human values must harmoniously exist. That is why the study pays considerable attention to the personality of Salakh Mukhutdinovich Khusnutdinov (author's pseudonym Salakh Khusni), one of the founders of the Puppet Theater in Kazan, a playwright, Honored Artist of the TASSR, Honored Worker of the TASSR, chief director of the Ekiyat puppet Theater, a man who raised the technology of working with a playing doll to a high level.

Key words: the nature of talent, the world of culture, creative heritage, the art of a playing doll, genre specifics, life material, documentary drama, memories of real heroes, spiritual development of the individual, value orientations.

* © Даянова Д.П., 2025.

О природе таланта. Через век – в современность

В современном обществе меняется система ценностей, меняются взгляды на жизнь. Нет сомнения, что сам процесс «массового потребления» вырабатывает циничное, потребительское отношение к жизни, при котором потреблению отдается предпочтение перед духовным развитием человека. К тому же возможности духовного роста оказываются весьма сужеными в отношении саморегуляции и смещении основных ориентиров человеческих ценностей личности как-то: действия во благо окружающих и поиска нравственных абсолютов, в которых проявляется идентичность культурного кода, его экологичность и безупречность [5]. Становится очевидным, что сегодня назрела необходимость изучения художественных произведений авторов различных эпох для создания благоприятных условий образования и культуры. Безусловно, что человек становится личностью, лишь приобщаясь к миру культуры, который обеспечивает его целостность, его включенность в социум. В котором он сможет переступить определенный «культурный порог», только в результате индивидуального подхода к творческой деятельности. Богатое творческое наследие талантливых драматургов, режиссеров, актеров позволяет нам вновь окунуться в исторические воспоминания о людях, которым сегодня необходимо уделять должное внимание. Таковым является талантливый драматург, режиссер Хуснутдинов Саях Мухутдинович, который стоял у истоков Татарского государственного театра кукол «Сказка» (далее «Экият»). Татарский государственный театр кукол «Экият» известен далеко за пределами Республики Татарстан. За много лет существования театр прошел большой путь. На протяжении двадцати лет прошлого столетия лет руководителем его являлся талантливый драматург, главный режиссер, заслуженный артист ТАССР, заслуженный деятель искусств Саяхутдин Мухутдинович Хуснутдинов. Он родился в 1912 году в Камско-Устьинском районе, в бедной крестьянской семье. В 1913 году его семья переезжает в Казань, в 1928 года Саях оканчивает семилетнюю школу и начинает работу на меховом комбинате, где принимает активное участие в культурной деятельности комбината. В 1929 году комитет комсомола комбината отправляет его на курсы режиссуры в Ленинград. По окончании учебы он работает режиссером и актером Мензилинского драмтеатра, а в 1938 году его приглашают в Казанский театр кукол, главным режиссером, где он и работал с 1940-1960 гг.

Начало его активной режиссерской работы знаменуется с новым этапом в жизни Казанского кукольного театра. Лучшие спектакли того времени были созданы на безупречной литературно-драматической основе. Саях Хусни на смену перчаточным куклам вводит технику работы с тростевой куклой, которая обладала таким важным качеством как «оживление», что невозможно было в работе с «мертвым» перчаточным вариантом. Таким образом, появление в театре кукол тростевой куклы позволило «одушевить» ее, далее благодаря новой технологии, рождается

сказка как жанр, затем волшебная сказка в границах восточной сказки-легенды, потребовавшей лирических, лирико-драматических подходов к ее решению. Саях Хусни одним из первых начинает писать сценарии пьес к постановкам в театре кукол, и привлекает к творческому союзу многих драматургов того времени. За время работы в театре им были поставлены такие яркие спектакли как: «Сказка о попе и его работнике Балде», «Воюющий Петрушка», «Как немецкий генерал с поросенком воевал», «Цветы ненависти», «Камыр-батыр», «Ходжа Насретдин», «Аладдин», «Кисекбаш», «Находчивый юноша» и многие другие, которые в 1951 году удостоены были высокой оценки специалистов на конкурсе детских театров РСФСР. Искусство играющей куклы, очень сложная материя, сложна и эстетика. Однако, лишь у Театра кукол есть огромное преимущество перед живым театром. Ему доступно осуществление самой дерзкой фантазии – гиперболы, гротеск находят едва ли не единственное прибежище, именно в театре кукол. Только кукольный театр талантом актера может очеловечить, оживить неодушевленные предметы и явления природной стихии, ввести в мир искусства маленького зрителя. Спектакли, поставленные, на сцене театра кукол позволяют формировать личностные ценности, которые отражаются во внутреннем мире в виде идеалов добра, красоты, совестливости, ответственности [4].

Часто размышляя в слух, Саях произносил такие слова:

Үлгәч онытырлар дип,
Юкка йөрәк янасын.
Яна бистә урамнары,
Онытмас үз баласын [2].

*«Когда умру, забудут,
Напрасно сердце пламенем пылает.
Надеюсь, улицы Ново-татарской слободы не забудут
своего сына».*

В октябре 2012 года в стенах Казанского государственного университета культуры состоялась дипломная постановка правнучки Саяха Хусни – Гульнары Даяновой «Миг длиной в жизнь», посвященная 100-летию драматурга. В основу представленного тематического вечера – портрета, в основу которого легла профессиональная деятельность Саяхутдина Мухутдиновича Хуснутдинова, именно вечер-портрет позволил подробно рассказать о герое своего времени, показать достоинства и раскрыть его характер всеми имеющимися выразительными средствами. Сценарным ходом вмероприятии, Саях Хусни предстал перед зрителем «человеком звездой», «человеком планетой», которая совершает свой путь, миг жиз-

ненного пути, и продолжает жить после смерти в поэмах пьесах и стихах. Финальным аккордом вечера звучали слова Игоря Талькова:

«Кто-то когда-то задал маршрут,
Не объяснив секрета,
И совершает неведомый путь
Маленькая планета...» [6].

Представленный проект явился ярким образцом документальной драматургии. К вечеру-портрету собирался и монтировался большой фактический и жизненный материал, на основе которого и составлялся литературный сценарий. В нем использовались коллективный видеорассказ потомков проживающих за пределами республики в городе Москве, Риге, в Испании и др., фоторепортаж и демонстрация семейных фотографий; демонстрация документов, воплощенных в афишах премьерных постановок Салыха Хусни; любимых стихах; исполнены песни замечательных авторов, таких как: Равиля Файзуллина, Ильдара Юзеева, Сибгата Хакима, музыка Сары Садыковой – «Я любил тебя» («Мин сине яраттым»), «Выезд за границу» («Чит иллэргэ чыксан»), «Жажда» («Сусау»), и т.д. и инсценировки из постановок репертуара Салыха в современном театре кукол.

Именно жанру вечера-портрета свойственна особая теплота и сердечность, что подтверждаются в выступлении старшей дочери Венеры Салыховны Хуснутдиновой: «Я помню своего отца как доброго, отзывчивого, очень музыкального человека. Он ночами подолгу сидел за столом под абажуром и писал пьесы. Очень любил всех нас шестерых детей. Сегодня у него 12 внуков, 16 правнуков и два праправнука. Мы помним его и очень гордимся им», Воспоминания внучатой племянницы Наили Нагимовны Хусаиновой... «Салых абы является самородком из народа, он был энциклопедией народного творчества, знал народное песенное искусство, произведения Габдулы Тукая наизусть. Сегодня невозможно переоценить его талант, и его умение оказывать благоприятное воздействие на окружающих его родственников и коллег». По словам ученицы Салыха Хусни – Людмилы Александровны Дьяченко, вечер-портрет – это коллективный театрализованный рассказ о прогрессивном человеке своего времени, в этом жанре всегда ярким примером является жизнь лучших людей [2]. Поэтому вечер обрел особую конкретность, силу, убедительность. Вечер-портрет, это рассказал о судьбе Салыха Мухутдиновича Хуснутдинова. События, которые освещались в ходе вечера, благодаря своей предельной конкретности, особой теплоте и сердечности подачи материала, достигли убедительности и глубины воздействия на зрителя. Именно этот жанровый вид, во все времена позволяет в значительной мере реализовать потребность в общении с интересной личностью и не только показать образ

данного человека, но и раскрыть процесс его становления, т. е. раскрыть его многогранность [7].

В этом же 2012 году старший сын Саяха Хусни – Роберт Саяхович Хуснутдинов заканчивает работу над книгой «Курчак иле хакиме», в основу которой легли личные архивные документы Саяха Мухутдиновича Хуснутдинова и воспоминания его детей и близких.

В ноябре 2023 года, в Государственном бюджетном учреждении культуры Республики Татарстан «Республиканская юношеская библиотека» города Казани состоялась встреча с деятелями культуры Республики Татарстан и читателями пьес Саяха Хусни, посвященному его 111-летию драматурга, в которой прозвучали положительные отзывы о востребованности произведений драматурга, их актуальности и значимости сегодня, для подрастающего поколения. Фундаментальной основой его пьес являются добро, человечность, искусство поскольку, их невозможно стереть с лица земли ни злом, ни насилием. В произведениях Саяха Хусни отражается смысл дружбы, счастья, любви к малой и большой родине, победы добра над злом, которые не теряют актуальности по сей день и позволяют утверждать о необходимости прочтения этих пьес, и изучения творческого наследия неподвластного времени, и подчинённого наивысшему судье бессмертия – памяти.

Библиографический список

1. Газета «Социалистик Татарстан» 12 мая 1972 года. № 55. «Курчак театры районнарда».
2. Из воспоминаний родственников Саяха Хусни. Творческая монография «Миг диною в жизнь». – аудиовизуальная версия, автор Даянова, Д.П., 2013.
3. Журнал «Казань» (2002 год). Гл. редактор Ю. Балашов. Редакторская группа: С. Колина, Р. Кутуй. Пр. Р. Игламов «От Петрушки к Алладино».
4. Игламов Р.М. «Искусство играющих кукол»- (курчак уйнау – житди эш.) татарчага Р. Корбан тәржимәсе. – Казань, Татарское книжное издательство. 2004. 231 с.
5. Коджаспирова, Г.М., Коджаспиров, А.Ю. Педагогический словарь. // URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/pedagogical/fc/slovar-196.htm#zag-211> (Дата обращения: 21.01.2025)
6. Тальков И.В. Стихи, воспоминания. – М.: Издательство Эскмо, 2004. 384 с.
7. Четчин А.И. Основы драматургии театрализованных представлений: История и теория. Учебник для студентов ин-тов культуры. – М.: Просвещение, 1981. 192 с.

References

1. Newspaper “Socialist Tatarstan” May 12, 1972. No. 55. “Kurchak theaters of the regional district.”
2. From the memories of relatives of Salyah Husni. Creative monograph “A moment of life.” – audiovisual version, author Dayanova, D.P., 2013.
3. Magazine “Kazan” (2002). Ch. editor Yu. Balashov. Editorial team: S. Colina, R. Kutui. Ave. R. Iglamov “From Parsley to Aladdin.”
4. Iglamov R.M. “The art of playing dolls” - (kurchak uynau – zhitdi esh.) tatarchaga R. Korban terzhimese. – Kazan, Tatar book publishing house. 2004. 231 p.
5. Kodzhaspirova G.M., Kodzhaspirov A.Yu. Pedagogical dictionary. // URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/pedagogical/fc/slovar-196.htm#zag-211> (21.01.2025)
6. Talkov I.V. Poems, memories. – M.: Eskmo Publishing House, 2004. 384 p.
7. Chechetin A.I. Fundamentals of dramaturgy of theatrical performances: History and theory. Textbook for students of cultural institutes. – M.: Education, 1981. 192 p.

Гаврилюк Н.П.

Кандидат исторических наук. Директор музея «Бузеон» ООО «Полотняно-Заводская бумажная мануфактура».

Сорочан В.В.

Кандидат физико-математических наук, доцент. Инженерно-технологический институт Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского.

Трансформация методологии полевых исследований в условиях цифровой среды*

Аннотация. Цифровая трансформация оказывает глубокое влияние на методологию полевых исследований, открывая новые возможности для сбора данных их анализа и интерпретации. Внедрение цифровых технологий позволяет исследователям использовать разнообразные инструменты для проведения опросов, наблюдений и экспериментов, что изначально расширяет границы традиционных методов. Авторы подчеркивают важность сочетания традиционных научных методов с новыми цифровыми инструментами, чтобы сохранить высокую точность и надежность результатов исследований. Обсуждаются перспективы дальнейшего развития методологии полевых исследований в условиях цифровой среды и возможные вызовы, стоящие перед научным сообществом.

Ключевые слова: этнография, полевые исследования, методы, методология, цифровизация, онлайн-исследования, Интернет, нетнография.

Gavrilyuk N.P.

Candidate of Historical Sciences. Director of the «Buzeon» museum LLC «Polotnyany Zavod Paper Manufacture».

Sorochan V.V.

Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor. Engineering and Technology Institute of Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky.

Transformation of field research methodology in the digital environment

Abstract. Digital transformation has a profound impact on field research methodology, opening new opportunities for data collection, analysis and interpretation. The introduction of digital technol-

* © Гаврилюк Н.П., Сорочан В.В., 2025.

Трансформация методологии полевых исследований в условиях цифровой среды

ologies allows researchers to use a variety of tools to conduct interviews, observations and experiments, inherently pushing the boundaries of traditional methods. The authors emphasise the importance of combining traditional scientific methods with new digital tools in order to maintain high accuracy and reliability of research results. Prospects for further development of field research methodology in the digital environment and possible challenges facing the scientific community are discussed.

Key words: ethnography, field research, methods, methodology, digitalisation, online research, Internet, netnography.

Современный мир стремительно меняется под влиянием цифровизации, которая охватывает все сферы жизни включая научные исследования. Полевые исследования, традиционно опирающиеся на непосредственное взаимодействие исследователя с объектом изучения, также подвергаются значительным изменениям. Цифровые технологии предоставляют новые инструменты и методы сбора, анализа и интерпретации данных, однако они же порождают ряд методологических проблем и вызовов.

Традиционно полевая работа основывалась на личном присутствии исследователя в изучаемом сообществе или среде. Это позволяло получить глубокое понимание культурных, социальных и природных процессов через прямое наблюдение, интервьюирование, участие в повседневной жизни сообщества и другие формы взаимодействия. Такие методы позволяли минимизировать субъективность восприятия и обеспечить достоверность полученных данных. Однако традиционные методы имеют свои ограничения. Они требуют значительных временных и материальных ресурсов, а также могут быть ограничены географическими рамками. Кроме того, личные наблюдения и записи могут содержать элементы субъективизма, что может повлиять на результаты исследования.

Цифровизация привнесла в научную деятельность множество новых возможностей. Современные технологии позволяют собирать данные удалено, анализировать большие объемы информации, использовать сложные алгоритмы обработки данных и визуализировать результаты исследований.

Беспрецедентный характер форм и методов обмена и общения, которые появились в связи с демократизацией доступа к Интернету, породил множество вопросов о процедурах проведения опросов в таком контексте. С конца 1990-х годов многие задавались вопросом о методах изучения происходящего в сети социальных и культурных последствиях демократизации доступа к Интернету. В результате этот вопрос занял значительное место в размышлениях и работах в области социальных наук, связанных с использованием Интернета. Все происходило так, как будто новизна контекста, методов, используемых для коммуникации, и наблюдаемых способов использования была настолько велика, что для изучения социальных явлений, связанных с использованием электронных коммуникаций, не-

обходимо было адаптировать методы исследования, используемые социальными науками, и изобрести другие, или даже, что более радикально, создать новую дисциплину.

Оригинальность контекста обсуждаемых методологических проблем действительно создавала определенные трудности для заинтересованных в нем исследователей, настойчивость, с которой инновации в области метода иногда представляются как необходимые, особенно в области качественных подходов к полевой работе, кажется несоразмерной с тем, что может быть уникальным контекстом по отношению к другим пространствам и ситуациям, в которых исследователи гуманитарных и социальных наук проводили свои исследования ранее.

Чтобы обозначить место размышлений, которые мы здесь развиваем, мы реализовали ряд пилотных проектов по проведению полевой работы в Интернете и провели этнологические исследование электронного сообщества [1]. Несмотря на то, что к этой практике прибегают многие исследователи, в том числе специализированные институты по изучению общественного мнения, разработаны инструкции и методические рекомендации мы столкнулись с рядом проблем. Наша задача заключалась в необходимости адаптировать общепринятые принципы к объектам исследования, но это казалось само собой разумеющимся, настолько, что такой подход, на первый взгляд, не заставил нас задуматься о методе или поставить его под сомнение. Как и в конце XIX века, когда впервые посредством периодической печати собирали анкетные данные и информацию по традиционной культуре (в широком смысле этого слова) и периодически видоизменяли анкеты и дополняли вопросы уточняющими деталями, нам также пришлось, неоднократно, переписывать инструкции, менять формулировку вопросов, давать комментарии и т.д. Кроме этого, нам нужно было быть оригинальными при проведении анкетирования и опросов, дабы отличаться от многих других опросников переполняющих социальные сети. В связи с этим уместно задать вопрос: *«Отличается ли электронное пространство от других областей?»*

Читатели согласятся, что изучение того, что происходит на интернет-форумах, порталах – это не то же самое, что изучение того, что можно наблюдать, например, в городской администрации, даже если подход основан на тех же самых принципах. Исследователь, работающий в городской администрации, регулярно выезжает для наблюдения за дебатами и повседневной жизнью сотрудников различных ведомств и структурных подразделений, в то время как исследователь, интересующийся чат-форумом, делает примерно то же самое, что и его коллега, но чаще всего по ту сторону экрана. Конечно, те, кто проводит исследования интернет-форумов, могут время от времени выезжать и проводить личные интервью с участниками рабочих встреч и официальных мероприятий, где прово-

дится их исследование, точно так же, как те, кто занимается политической антропологией в городской администрации, скорее всего, будут время от времени встречаться с руководителями, и/или сотрудниками отдельных подразделений за пределами администрации, чтобы поговорить тет-а-тет за диктофоном или пообедать в кафе. Один делает заметки, другой – то же самое, но при этом записывает определенные файлы (с которых время от времени будет делать аккуратные резервные копии) или записывает номера записей на форуме в своем полевом дневнике, в то время как другой просто место и дату своих наблюдений. В некоторых отношениях различия между двумя контекстами существенны хотя бы потому, что электронное пространство допускает такие формы вездесущности, которые не всегда возможны в городской администрации. И это не считая того, что исследователи, проводящие онлайн-опросы, могут колебаться и сомневаться в природе собранных в сети данных, которые они могут считать «публичными» и теми, которые являются более частными, в то время как проведение этой границы не обязательно является проблемой для тех, кто занимается политической антропологией в муниципальном масштабе. Если вкратце представить ситуацию, то во многих отношениях и по многим причинам опрос, проведенный посредством интернет-форума, отличается от опроса, проведенного в городской администрации.

Однако, прежде чем преувеличивать эти различия и утверждать, что онлайн-исследователь использует новый метод, следует помнить, что опрос в городской администрации проводится не так, как среди популярных артистов точно так же, как опрос в психиатрической клинике имеет характеристики и ограничения, совершенно отличные от опроса, проводимого, например, в суде или в мире производителей вина, любителей традиционной кухни и ценителей народного костюма и т.п. Проведение исследования в знакомой нам культурной среде ставит проблемы иного характера, чем те, что возникают при исследовании в радикально чуждом нам контексте; исследование среди неграмотных людей требует иного подхода, чем тот, который мы бы использовали среди грамотных людей; проведение исследования в контексте, где люди считают, что могут извлечь пользу из подхода исследователя, совершенно отличается от проведения исследования, где присутствие исследователя кажется тревожным и даже угрожающим. Более того, можно утверждать, что каждый подход всегда неустранимо индивидуален, так что исследователи, проводящие разные опросы могут столкнуться с совершенно разными трудностями и контекстами и, как следствие, принять стратегии, которые имеют мало общего друг с другом.

Каждое поле всегда имело свою специфику, так же, как и встреча конкретного исследователя с конкретным полем всегда была уникальным событием. По этой причине вполне понятно, что исследователи, изучающие мир индианофилов, и те, кто работает над изучением маскулинности

в профессиональном спорте, должны писать о специфическом контексте своего поля и объяснять, в связи с его особенностями, стратегии и способы действий, принятые для проведения исследования. Однако это не означает, что будет опубликована коллективная работа или проведена конференция, посвященная, например, методам опроса, которые следует использовать в мире профессионального спорта или в мире злоупотребляющих алкоголем людей. Мы также можем спросить, что особенного в контексте электронных коммуникаций и почему вопрос о методе занимает такое важное место в научной продукции об использовании Интернета.

Вполне резонно предположить, что эта озабоченность вызвана не столько спецификой самого контекста, сколько тем, как представляли себе Интернет в момент его демократизации, превращая его в своего рода параллельную вселенную – киберпространство, – где человеческие дела были бы организованы в соответствии с логикой, совершенно отличной от той, что преобладала в том мире, который мы тогда называли «реальным».

На наш взгляд, именно эта переоценка электронного пространства, рассматриваемого как радикально отличное от других социальных пространств, в первую очередь и породила эту озабоченность методом, гораздо больше, чем специфика самого контекста расследования. Действительно, для исследователя наблюдение за онлайн-взаимодействием, анализ содержания текстов, опубликованных на экране, или общение с участниками по чату или электронной почте мало чем отличается от подхода, применяемого теми, кто анализирует содержание текстов, опубликованных на бумаге, проводит наблюдение за участниками на месте, где люди общаются друг с другом лицом к лицу, и связывается с потенциальными участниками посредством переписки или телефонного звонка. На это можно возразить, что контекст электронных пространств ставит перед полевым исследователем совершенно новые проблемы и поднимает вопросы, которые, мягко говоря, не совсем понятны.

Это, конечно, абсолютно верно, но возражение не выдерживает критики, поскольку оно справедливо для всех областей, которые только можно себе представить. Существует ли хоть одна «стандартная» область, в которой не возникали бы особые вопросы и проблемы? Полевая работа в социальных науках всегда требовала от исследователя воображения, творческого подхода и чуткости в применении набора общих принципов к контекстам, которые каждый раз уникальны и своеобразны – и, более того, иногда априори не совместимы с этими принципами.

Первым шагом, несомненно, было изменение перспективы, чтобы проявить более скромный интерес к тому, как обычная повседневная жизнь людей, живущих в оффлайне, распространяется на онлайн. Это означало отказ от представления о киберпространстве как об абстракции от других сфер социальной жизни. Короче говоря, это означало отказ от «изучения киберпространства», подобно тому, как в истории городской антрополо-

гии мы ранее перешли от антропологии города к антропологии в городе. В обоих случаях идея состоит в том, чтобы перестать считать человека полностью определяемым контекстом, а значит, прежде всего и непременно «веб-серфером» или «городским жителем», и проявить интерес к практикам, дискурсам, репрезентациям и опыту, которые, как мы ошибались бы, в основном определяются контекстом, в котором их можно наблюдать. Такой разрыв также предполагает, что использованию технологий и самим технологиям возвращается их историчность. Нам необходимо учитывать тот факт, что мы всегда имеем дело со вселенной практик, которая находится в процессе формирования, и, следовательно, с использованием, которое неизбежно изменится.

Нам кажется, что именно это овеществление электронного пространства в очередной раз лежит в основе рассуждений, которые в основном посвящены способам этнографирования виртуального, киберпространства, онлайн-сообществ и т. д.; эти рассуждения чаще всего игнорируют широкое разнообразие практик, контекстов и явлений, и сводятся к попытке составить список характеристик (и перечислить вопросы, которые ставит на карту исследователь), которые были бы специфичны для данного контекста (в единственном числе) и для исследования в нем. Мы относим к электронному контексту следующие характеристики: анонимность, сжатие пространства и времени, возможность видеть, не будучи увиденным, размывание границ между частным и публичным, сохранение миров взаимодействия, возможность исследования и тиражирования контента, присутствие невидимой аудитории и так далее. Такой взгляд предполагает, что мы можем думать об электронных коммуникациях и их использовании так, как если бы они были одномерной реальностью. Однако почти все характеристики, которые мы приписываем электронному пространству, можно отнести и к определенным оффлайновым контекстам; и наоборот, мы можем найти контрпримеры каждой из этих характеристик в огромном репертуаре социальных практик, связанных с использованием электронных коммуникаций. Например, в профессиональном использовании электронной почты или в обмене мнениями на платформе Facebook нет абсолютно никакой анонимности. Аналогично, те, кто покупает на Ебай, знают, что существуют пределы сужения пространства и что покупка, сделанная в Китае из Квебека, доставляется гораздо дольше, чем покупка, сделанная в Северной Америке. Игроки массовых многопользовательских игр, где игра ведется в реальном времени, прекрасно знают, что когда в Лос-Анджелесе вечер, то в Париже утро, что влияет на формирование гильдий игроков. И это неправда, что можно видеть, не будучи видимым, или что вы знаете, что за вами наблюдает невидимая аудитория, когда общаетесь в мессенджере или ведете беседу через веб-камеру в Skype.

Отказаться от изучения киберпространства – значит также признать,

что мы имеем дело не просто с пространством, которое можно очертить и охарактеризовать, а с технологией, которая полностью проникла в повседневную жизнь большинства жителей Запада и лежит в основе впечатляющего количества самых разнообразных практик – некоторые из которых придают форму пространствам, далеко не всегда обладающим однородными характеристиками. Именно в этом смысле Джеймс Костиган более десяти лет назад утверждал, что не знает, что такое Интернет, и сильно сомневался, что кто-то когда-нибудь узнает, так же как Дэнна Бойд, критикуя редукционизм некоторых пространственных метафор, отмечает, что все чаще Интернет становится неотъемлемой частью нашей жизни. Это и воображаемое пространство, и место, которое мы занимаем. Все происходит в Интернете, через Интернет или благодаря Интернету. В этом контексте сама идея о том, что мы можем обсуждать специфику следственного подхода в цифровом мире, киберпространстве, виртуале или Интернете, очевидно, не имеет смысла.

Помимо разнообразия контекстов и явлений, следует подчеркнуть, что дискуссии и дебаты по методологическим вопросам обычно подкрепляются разнообразием перспектив и точек зрения, которые заставляют исследователей интересоваться происходящим в Интернете – разнообразие, которое слишком часто упускается из виду и которое помогает мутить воду при рассмотрении новизны контекста или методов. Для одних вопросы метода связаны с подходами, в которых объектом исследования являются практики или явления, существующие только в сети или возникшие благодаря электронным коммуникациям, – например, форум, выступающий в качестве группы психологической поддержки, самораскрытие через блог, сообщество разработчиков свободного программного обеспечения или развитие связей между игроками в массовых многопользовательских играх. Для других методологические размышления в большей степени касаются подходов, в которых Интернет является местом, пространством или инструментом исследования, а не использованием Интернета в качестве объекта изучения. Действительно, ничто не мешает исследователям, интересующимся конструированием идентичности в Бразилии, проанализировать разговоры в электронном дискуссионном пространстве, чтобы увидеть, как рассматриваются и используются такие категории, как «черный», «афробразилец» и «выходец из Африки». В данном случае электронное пространство не является объектом изучения, это просто поле для исследования. И поскольку огромные массивы культуры и социальной жизни сегодня проецируются в сеть, отчетливо видны на дискуссионных форумах, где данные уже есть и доступны для анализа, легко понять, почему исследователи практически всех социальных наук могут, хотя бы иногда, рассматривать определенные электронные пространства как резервуары данных.

Некоторые исследователи изучают новые социальные феномены или

смысловые пространства, которые не существовали до демократизации Интернета, а другие используют новые методы сбора данных или работают с теми же методами над данными в форме, отличной от той, с которой чаще всего работали в прошлом. Но если не путать технику с методом – переход от восковых цилиндров к магнитной ленте не является изменением того же характера, что и переход от изучения ментальностей к структурному анализу, – мы согласимся, что важность изменения весьма относительна, когда речь идет о проведении того же типа анализа на основе интервью, проведенных онлайн, а не лицом к лицу, или на основе обмена мнениями, состоявшегося на форуме, а не в дискуссионной группе, организованной исследователем. Хотя нет причин подвергать сомнению тот факт, что электронные коммуникации привели к появлению новых явлений, не очевидно, что они настолько отличаются по своей природе от того, что исследователи социальных наук видели до сих пор, что их невозможно понять с помощью имеющихся у них инструментов.

Конечно, мы наблюдаем развитие и умножение явлений, которые, как кажется, стремятся разорвать пространство и в отношении которых уместно прибегнуть к многосайтовым или мобильным подходам; но в этой связи следует помнить, что идея Маркуса о многосайтовой парадигме возникла до демократизации электронных коммуникаций, как и работы, в которых Ричард Сеннетт и Кристофер Лаш описали размывание границ между частным и публичным в западных обществах. Кроме того, хотя нельзя отрицать, что наш мир меняется, нельзя считать само собой разумеющимся, что то, что характеризует наш мир, принадлежит миру электронных коммуникаций или является его результатом.

Мы можем задаться вопросом, в какой степени забота о методологических инновациях, необходимых для изучения электронных контекстов, не присуща дисциплинарным рамкам, в которых изначально развивались исследования использования Интернета.

Хотя когнитивные науки быстро проявили к ним интерес, именно с развитием работ, проводимых исследователями в области коммуникаций, методологические проблемы исследования, предметом которого является электронный контекст, вышли на первый план. Для наук о коммуникации, и особенно для исследователей в области медиаисследований, то, что составляло наибольшую оригинальность объекта исследования и делало необходимыми методологические инновации, было, прежде всего, партисипативной или демократической природой Интернета, к которому нельзя было подходить так же, как к другим медиа. Больше нельзя было рассматривать контент, производимый и распространяемый медиаиндустрией или прессой, с одной стороны, и потребление и восприятие этого контента – с другой. В этом смысле, с точки зрения изучения медиа, новизна предмета была очень реальной (тем более что мы быстро переключились

с медиа на взаимодействия), и, конечно, было необходимо переосмыслить используемые нами методы.

В то время как одни предлагают разработать новый метод исследования – «нетнографию» – и излагают его принципы, другие ставят под сомнение уместность и саму возможность применения этнографического подхода в отсутствие пространства или места, где можно было бы проводить наблюдения. Вопрос о пространственной привязке, прежде всего о совместном присутствии, очень рано оказался в центре размышлений и дебатов о природе связей между пользователями Интернета и о сущности «сообществ», формирующихся в сети Интернет. И снова именно вопрос совместного присутствия находится в центре дискуссий и дебатов о возможности проведения полевых исследований в Интернете таким образом, чтобы достичь тех же результатов, что и при опросе, проводимом на месте. Однако вопрос о соприсутствии не может быть сведен к проблеме определения того, можем ли мы видеть участников своими глазами и можем ли мы вести с ними столь же насыщенный текстовый обмен (и столь же тонко понимать их), как и при личном общении. Критика, направленная на ограничения этнографии, проводимой в отсутствие места, на самом деле направлена на несколько других фундаментальных аспектов подхода: сводится ли деятельность исследователя только к наблюдению, или она также предполагает участие наблюдателя? Способен ли исследователь поместить наблюдаемые явления в более широкий социальный контекст, в котором они происходят? Позволяет ли позиция наблюдателя воспринимать отношения власти и значения, которые находятся на периферии основного объекта наблюдения (и в частности, вне его), но тем не менее определяют его?

Хотя мы можем признать, что эти вопросы важны, мы ошибаемся, утверждая, что они зависят от совместного присутствия исследователя и участников, поскольку здесь мы имеем дело с объектом исследования. Более того, проблема заключается не в том, чтобы знать, откуда наблюдает исследователь, и, следовательно, искажены ли его наблюдения только его чувствами и субъективностью, или к ним необходимо добавить искажения, вызванные техническим посредничеством. Вопрос скорее в том, что представляет собой объект описания и, следовательно, что этнографический подход проливает свет и позволяет нам понять, независимо от того, проводится ли он онлайн и предполагает ли встречу исследователя с участниками лицом к лицу. Обобщая, отмечаем, что можно провести различие между процессом принятия в качестве объекта, например, содержания форума и процессом принятия в качестве объекта не только содержания форума, но и факта участия в нем и контекстов, в которых человек это делает, связи, которые мы устанавливаем, и способ нашего участия, нет никаких оснований полагать, что именно пространство, из которого мы проводим исследование, определяет вопросы, которые мы задаем, реальность,

которую мы стремимся постичь, и, следовательно, объект исследования.

Исследователь, проводящий исследование на заводе, может расспрашивать рабочих об их семейной истории и обстоятельствах, при которых они бросили школу, чтобы поступить на завод, точно так же как ничто не мешает исследователю, проводящему исследование на форуме, расспрашивать участников об их профессиональной или семейной жизни, если это может иметь отношение к тому, что они делают в сети. В конечном счете, вопрос скорее в том, какой подход и с какой дисциплинарной перспективой можно использовать, чтобы заинтересоваться контекстом, в котором укоренены наблюдаемые онлайн-практики.

В этом смысле, хотя мы можем согласиться с идеей, что исследователь, интересующийся социальным пространством, которое существует только в Интернете, очевидно, может наблюдать его только там, где оно существует и видно, мы можем спросить себя, с одной стороны, на какие вопросы может захотеть ответить исследователь, чтобы провести этнографию такого социального пространства, и, с другой стороны, можно ли ответить на эти вопросы, просто наблюдая за тем, что видно в этом пространстве. В зависимости от вопросов, которые мы задаем себе, от типа этнографического исследования, которое мы хотим провести, или от того, как мы оспариваем этот подход, мы можем счесть полезным или даже необходимым проявить дополнительный интерес к истории жизни тех, кто участвует в таком пространстве, Условия, в которых они интегрировались в него, место, которое это пространство занимает в их ежедневном ритме или даже в более широком смысле во всей их жизни, то, как они представляют себе, что они там делают и кого они там встречают, что они говорят об этом и т.д. Очевидно, что тот факт, что нас интересует не только социальное пространство, но прежде всего то, что позволяет понять и сделать понятным то, что там наблюдается, не зависит от того, что контакт исследователя с участниками опосредован технологиями. Найти ответы на все эти вопросы можно, даже не выходя из офиса, например, проводя обширное наблюдение за участниками и проведения исследовательских интервью через чат, телефон или видеоконференцию. В этом смысле мы можем согласиться с Хайн, когда она отмечает, что этнограф, сидящий за столом в офисе (своем собственном офисе, не более того), может исследовать социальное пространство Интернета.

Вопрос о соприсутствии можно с пользой заменить на вопрос о том, бросает ли вызов этнографическому подходу сам факт наблюдения и описания, или его не бросает прежде всего объект описания. В этом отношении возвращение к Моссу, для которого этнография была призвана дать ответ на триединый вопрос «кто эти люди, что они делают и что они об этом думают», позволило бы взглянуть на вещи по-другому и пролить свет на то, что позволяет отличать друг от друга описания, основанные на одних и тех же принципах метода, но предмет которых существенно отлича-

ется. Так, в книге «Виртуальная этнография» Хайн [5], подробно обсудив, какой может или должна быть этнография виртуального, подвергает свой метод испытанию, представляя этнографию различных жизненных ситуаций жителей со всего мира.

Подводя итоги, важно отметить, что сегодня целый ряд дисциплин призван проявлять близкий или отдаленный интерес к социальным или культурным явлениям, связанным с использованием электронных коммуникаций, и во многих из них используются, казалось бы, схожие подходы, прочтение опубликованных в последние годы работ, предметом которых являются электронные коммуникации, показывает, что дисциплинарность не исчезла, даже если она – и к лучшему – стала гораздо менее ограничительной, чем в прошлом. В таком контексте, если антропология и вносит оригинальный вклад в изучение того, что поставлено на карту в электронном контексте, то не столько благодаря специфике своего метода исследования, сколько из-за характера вопросов, которые задают себе исследователи, и рамок, в которых они ставятся. В то время как для исследователей коммуникации, многие из которых ставят под сомнение метод, в центре вопроса часто оказываются вопросы посредничества, социотехнических рамок и циркуляции контента.

В этом отношении мне кажется, что подходы, которые берут за отправную точку саму технологию, ее использование и то, как пользователи ее применяют, совершенно отличны от подходов, которые априори не имеют технологии в качестве своего объекта и в которых именно само поле, рассматриваемое априори без учета электронных коммуникаций, заставляет исследователя проявлять интерес к определенным видам использования Интернета. Так, например, поступает антрополог, который, отправившись изучать современные формы родства и усыновления среди нунавуммиутов, обнаруживает, что платформы социальных сетей широко используются ими и что именно они стали наиболее предпочтительным пространством для выражения и демонстрации связей, в которых они себя идентифицируют и узнают. Понятно, что в контексте такого рода проектов вопрос о методе не кажется особенно проблематичным, поскольку изучение того, что участники исследования делают в Интернете, является частью расширения подхода, который априори не был направлен на использование Интернета и для которого метод изначально был не более или менее проблематичным, чем для любой другой области. При таком подходе можно предположить, что исследователю в первую очередь нужно было решить вопрос не о взаимоотношениях человека и машины и не об освоении технологий, а скорее об освоении и узах привязанности, как они проявляются, переживаются и видны в электронном пространстве. В этом контексте мы можем ожидать, что исследователь будет размышлять об отношениях с технологией или самим устройством, но всегда с учетом перспективы того, что он может на-

блюдать в Интернете, и того, как те же связи проявляются и переживаются в других контекстах, поскольку именно эти связи являются отправной точкой и сердцем исследования, а не техническое устройство. Этот подход – как и подход политолога, интересующегося антиглобализационными движениями, социолога, интересующегося формированием диаспоры или неформальной экономикой, или любым другим исследованием, в котором объект исследования, скорее всего, заставит исследователя в этой области заинтересоваться происходящим в сети, отличается от работы, отправной точкой которой является само техническое устройство или электронное пространство: ее объект, скорее всего, не будет ограничен происходящим в сети. Не существует априорного разрыва между тем, что воспроизводится онлайн, и тем, что воспроизводится в других контекстах. В этом случае мы можем выдвинуть гипотезу, что исследовательская работа, предметом которой является то, что происходит в электронном контексте, может быть расположена в расширении полевого подхода, основным предметом которого является вселенная, опыт, история и практики людей, чья жизнь в основном происходит в оффлайне, и что в этом контексте исследовательский подход будет не более и не менее проблематичным, чем в любой другой области.

Библиографический список

1. Гаврилюк Н.П., Гуреев Я.В. Актуальность реализации в вузе образовательных программ и практик, направленных на профилактику межэтнических и межконфессиональных конфликтов. // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 6 (97). С. 275-277.
2. Кайтялиди О. Н., Касимова Т.В., Горбатов С.А. Нетнография – самый современный метод исследования потребительских мнений // Журнал Все о мясе. 2021. № 5. С. 9-11.
3. Радченко Д.А. Цифровая этнография: среди людей и алгоритмов // Фольклор и антропология города. 2023. № 1. С. 7-11.
4. Устюжанцева О.В. Этнография во времена пандемии: цифровое поле и цифровые инструменты. // Социальные и гуманитарные исследования сегодня: непредсказуемое прошлое, неопределенное будущее. Сборник материалов XVI Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. Том Выпуск 16. Ответственные редакторы Д.Н. Шевелев, И.А. Дунбинский. – Томск, 2021. С. 182-190.
5. Hine Christine M. Virtual Ethnography. – Sage Publications, 2001. 192 p.

References

1. Gavrilyuk N.P., Gureev Ya.V. Relevance of the implementation of educational programs and practices aimed at preventing interethnic and interfaith conflicts in the university. // The world of science, culture, education. 2022. № 6 (97). P. 275-277.
2. Kaityalidi O. N., Kasimova T.V., Gorbatov S.A. Netnography is the most modern method of studying consumer opinions // Magazine All about meat. 2021. № 5. P. 9-11.
3. Radchenko D.A. Digital ethnography: among people and algorithms // Folklore and anthropology of the city. 2023. № 1. P. 7-11.
4. Ustyuzhantseva O.V. Ethnography in Times of Pandemic: Digital Field and Digital Tools. // Social and Humanitarian Research Today: Unpredictable Past, Uncertain Future. Collection of materials from the XVI All-Russian (with international participation) scientific conference of students, master's students, postgraduates and young scientists. Volume Issue 16. Editors-in-chief D.N. Shevelev, I.A. Dunbinsky. – Tomsk, 2021. P. 182-190.
5. Hine Christine M. Virtual Ethnography. – Sage Publications, 2001. 192 p.

Констан Прива Яколи

Аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Европейский Союз сталкивается с проблемой новых требований интеграции со стороны стран-кандидатов*

Аннотация. В данной статье автором проводится исследование по выявлению проблем, связанных с проведением интеграции стран-кандидатов в Европейский союз. Актуальность темы обуславливается возрастающими международными противоречиями между давно существующими и вновь создающимися союзами стран различных континентов. Это обуславливает необходимость выявления причин расширения Евросоюза, а также определение препятствий на пути к этому. Следовательно, целью данной работы является изучение процессов решения Европейским союзом проблем, возникающих ввиду выдвижения новых требований интеграции со стороны стран, являющихся официальными кандидатами на членство в ЕС. В соответствии с целью были поставлены следующие задачи: определить и проанализировать текущее положение Европейского союза в международном сообществе; провести анализ текущего состояния деятельности стран-кандидатов на членство в Евросоюз; выявить проблемы проведения интеграции данных стран в европейское политическое пространство; определить дальнейшие тенденции развития Европейского союза. Стоит отметить, что в результате исследования было выявлено, что переломным моментом, обуславливающим продолжающееся расширение ЕС, стал 2022 год, в котором к странам-кандидатам присоединились еще четыре страны: Босния и Герцеговина, Грузия, Молдавия и Украина. В настоящее время на рассмотрении находится еще одна заявка на получение данного статуса от автономной республики Косово, ранее являвшейся частью Сербии. Несмотря на то, что все рассматриваемые страны так или иначе находятся в тесном взаимодействии друг с другом, располагаясь на территории Европы, каждая из них имеет свои особенности, в результате которых перед Евросоюзом возникают новые требования к интегративным процессам государств, планирующих войти в его состав. Так, например, ситуация с Украиной осложняется наличием конфликта между ней и Россией, а ситуация с Косово - наличием конфликта республики и Сербии. Все это обуславливает ряд определенных трудностей, в результате работы над которыми либо произойдет достижение между странами синергетического эффекта, либо это приведет к разрушению устоявшейся системы и прекращению сотрудничества вовсе.

Ключевые слова: Европейский Союз, интеграция стран, страны-кандидаты в ЕС, требования стран к интеграции, ЕС и интеграция стран, процесс интеграции, интеграция.

Konstan P.K.

Postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia.

* © Констан Прива Яколи, 2025.

Европейский Союз сталкивается с проблемой новых требований интеграции со стороны стран-кандидатов

The European Union faces new integration demands from candidate countries

Abstract. In this article, the author conducts a study to identify problems related to the integration of candidate countries into the European Union. The relevance of the topic is conditioned by the growing international contradictions between long-existing and newly created unions of countries of different continents. This necessitates the identification of the reasons for the expansion of the European Union, as well as the identification of obstacles on the way to this. Therefore, the purpose of this work is to study the processes of solving problems by the European Union arising from the introduction of new integration requirements by countries that are official candidates for EU membership. In accordance with the goal, the following tasks were set: to identify and analyze the current position of the European Union in the international community; to analyze the current state of activity of candidate countries for membership in the European Union; to identify problems of integrating these countries into the European political space; to identify further trends in the development of the European Union. It is worth noting that as a result of the study, it was revealed that the turning point leading to the continued expansion of the EU was 2022, in which four more countries joined the candidate countries: Bosnia and Herzegovina, Georgia, Moldova and Ukraine. Another application for this status from the Autonomous Republic of Kosovo, formerly part of Serbia, is currently under consideration. Despite the fact that all the countries under consideration are in close cooperation with each other in one way or another, being located on the territory of Europe, each of them has its own characteristics, as a result of which the European Union faces new requirements for the integration processes of states planning to join it. For example, the situation with Ukraine is complicated by the conflict between it and Russia, and the situation with Kosovo is complicated by the conflict between the republic and Serbia. All this causes a number of certain difficulties, as a result of which either a synergistic effect will be achieved between the countries, or this will lead to the destruction of the established system and the termination of cooperation altogether.

Key words: European Union, integration of countries, EU candidate countries, requirements of countries for integration, EU and integration of countries, integration process, integration.

В настоящее время Европейский союз является достаточно прочным содружеством многих держав, которые объединены общей политической системой и экономикой. Однако, к такому положению сообщество пришло не сразу, так как многие десятилетия страны пытались найти наиболее эффективным способ интеграции между государствами. Так и в настоящее время, страны, которым присвоен статус кандидатов в Европейский союз, начинают выдвигать новые требования интеграции, для выполнения которых союзу необходимо принимать соответствующие решения.

По состоянию на осень прошлого года, в Евросоюз входит 27 стран, еще 10 являются странами-кандидатами, и 1 государство только ожидает присвоение данного статуса (рисунок 1). Так, среди стран, получивших статус кандидата, находятся следующие:

- Албания (с 2014 года);
- Босния и Герцеговина (с 2022 года);
- Грузия (с 2022 года);

- Молдавия (с 2022 года);
- Северная Македония (с 2005 года);
- Сербия (с 2019 года);
- Турция (с 1999 года);
- Украина (с 2022 года);
- Черногория (с 2010 года).

К ожидающей статуса стране относится автономная республика Косово, которая была признана большинством стран Европейского союза и более ста государствами. Однако, данная территория не была признана Россией, Китаем, Ираном и Сербией.

По мнению главы дипломатии ЕС Ж. Борреля, государство-кандидат может стать членом Евросоюза только в том случае, если оно выполняет все необходимые условия совершения подобной операции. В то же время, глава считает, что ЕС необходимо осуществить проработку и установку новой политической цели, которая будет выступать в качестве импульса данному процессу.

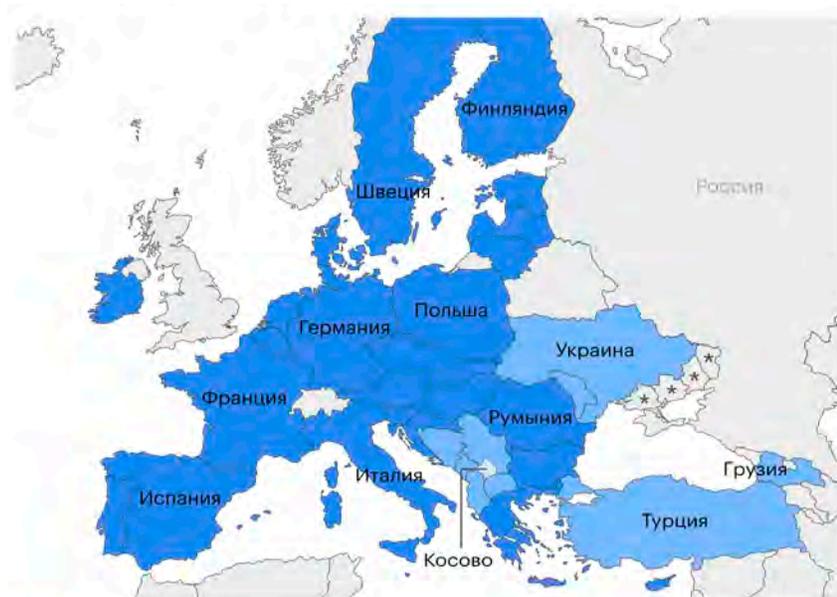
Согласно представленной выше информации, необходимо отметить, что 2022 год ознаменовал собой новое начало развития Европейского союза, задав вектор его движения на долгое время вперед. Это связывается с тем, что в данном году статус стран-кандидатов в Евросоюз получили целых четыре страны, к чему привели происходящие события в мировом сообществе.

Так, Европейский союз согласовал единую позицию по главному событию последних лет - Специальной военной операции России на Украине, что позволило сплотить разделенный и разобщенный ЕС. В то же время, присвоение статуса кандидата в Евросоюз новым странам позволило осуществить ускорение евроинтеграции, что в некоторой степени проявилось и в разрешении противоречий между Сербией и Косово.

Следовательно, 2022 год стал переломным моментом, обуславливающим начало нового интеграционного процесса, который будет продолжаться еще не один год. Целесообразно выделить основные положения, обуславливающие современное состояние европейской интеграции и обозначающие дальнейшие перспективы ее развития.

В первую очередь необходимо рассмотреть партийную систему евросоюза, представляющую собой определенную совокупность европартий, которые имеют представительство в Европарламенте. К таким партиям в настоящее время относятся:

- Европейская народная партия;
- Партия евросоциалистов;
- Альянс либеральных демократов;
- Европейские зеленые и свободный альянс;
- Европейские левые;

● Страны — члены ЕС

Австрия	Ирландия	Мальта	Финляндия
Бельгия	Испания	Нидерланды	Франция
Болгария	Италия	Польша	Хорватия
Венгрия	Кипр	Португалия	Чехия
Германия	Латвия	Румыния	Швеция
Греция	Литва	Словакия	Эстония
Дания	Люксембург	Словения	

● Кандидаты в члены ЕС

Албания	Молдавия	Сербия	Украина
Босния и Герцеговина	Северная Македония	Турция	Черногория
Гврузия			

○ Ожидает статуса кандидата

Косово**

* Регионы, подписавшие договоры о присоединении к России 30 сентября 2022 года.

** Автономная республика в составе Сербии, в 2008 году провозгласила независимость. Ее признали большинство стран ЕС и более сотни государств — членов ООН. Россия, Китай, Иран, Сербия и ряд других стран не признали Косово как отдельное государство.

Источник: Евросоюз

© РБК, 2023

Рисунок 1. Какие страны входят в Евросоюз.

- Евроконсерваторы;
- национал-популистское объединение «Идентичность и демократия».

Первая из указанных выше партий является ведущей в парламенте Евросоюза. Стоит отметить, что в свете последних событий ее направленность плавно перемещается и все более проявляется в аспекте национализма и популизма. Так, в ее предвыборных кампаниях упоминаются основные направления, которым Евросоюзу необходимо уделять повышенное внимание. Среди них:

- защита европейского образа жизни;
- борьба с нелегальной миграцией;
- государственная безопасность.

Партийной конкуренции в общем ее виде среди всех указанных партий практически не проявляется и никак не влияет на принятие решений Евросоюзом. Это происходит лишь потому, что Европейская комиссия находится вне зависимости от партий ЕС. Однако, данный вопрос является особо актуальным с позиции рассмотрения процессов интеграции, происходящих как между странами, являющимися членами союза, так и между странами-кандидатами в него. Так, уже с 2004 года, когда были осуществлены выборы в Европейский парламент, последний стал проходить различные стадии трансформации и приобретать роль в аспекте влияния на повестку дня и выбор важных вопросов, требующих решения. Именно деятельность Европейского парламента так или иначе объясняет сущность интеграционного процесса между странами ЕС и кандидатами, что проявляется в постоянном поиске компромисса между Западной, Центральной и Восточной Европой.

Следующие выборы в Европейский парламент пройдут уже в текущем году, однако уже заранее различными экспертами отмечается, что победителем вновь станет Европейская народная партия. Это обуславливается тем, что именно она рассматривается европейским сообществом в качестве основы, гарантирующей незыблемость европейского курса и интеграционных процессов. В то же время, социалисты рассматриваются как наиболее последовательный бастион против национализма и популизма, хотя направленность Европейской народной партии является аналогичной. Стоит отметить, что выход Соединенного Королевства Великобритании из Евросоюза в 2020 году сыграл немаловажную роль в осуществлении перехода ЕС в сторону принятия идей левостороннего движения, так как именно в данном государстве находилось большее количество евроскептических настроенных партий. Следовательно, в предстоящих выборах предполагается смещение идей Европарламента в сторону социал-либерализма, прогрессизма и экологической повестки дня.

На развитие интеграционных процессов в Евросоюзе также большое влияние оказывают взаимоотношения между данной организацией и

НАТО, так как традиционно они являлись предметом многих разногласий, с одной стороны проявляющихся в создании более самостоятельной европейской системы обороны и безопасности, а с другой - в следовании трансатлантической солидарности, как в военном плане, так и в политике безопасности. Однако, все тот же 2022 год принес коррективы и в данный вопрос, что в настоящее время проявляется в отсутствии сомнений осуществления сотрудничества между рассматриваемыми структурами с точки зрения безопасности и обороны европейского сообщества. Это было подтверждено встречей глав Еврокомиссии и НАТО, по результатам которой было выдвинуто намерение по укреплению взаимоотношений между ними во всех сферах жизнедеятельности, проявляющееся в стремлении к гармоничному, близкому и полномасштабному взаимодействию. Отдельный вопрос составляют отношения с НАТО государств-кандидатов в Европейский союз. Так, например, отсутствие членства Ирландии в НАТО обуславливается проводимыми миротворческими операциями на территории Боснии и Герцеговины, а также Косово. Все это обуславливает усиление взаимодействия и синергетического эффекта между странами Европейского союза и Североатлантического альянса.

2022 год стал переломным и в плане развития взаимоотношений между Евросоюзом и Соединенными Штатами Америки. Восстановление сотрудничество между ними началось еще после периода доминирования изоляционных взглядов США в 2010-х годах. Однако, именно 2022 год стал началом периода активного взаимодействия ЕС и Америки, что привело к гармонизации позиций по ключевым вопросам повестки дня в современном мире. Все это связано с принятием решения президентом США о приостановлении евроскептической волны по обе стороны Атлантики, что в настоящее время проявляется в осуществлении противостояния национализму и популизму, а также угрозам в отношении глобальной демократии, толерантности и прав человека.

Основной новостью прошлого 2022 года с точки зрения европейской интеграции стала подача заявки правительством Косово на членство в Европейском союзе. Это обуславливает наличие стремлений ЕС к наиболее быстрому урегулированию разногласий между Косово и Сербией с целью их скорейшей интеграции в состав Евросоюза. Однако, учитывая результаты парламентских выборов автономной республики, прошедших в 2020 году и обусловивших переход к национал-популистскому движению, в настоящее время наблюдаются значительные затруднения между нахождением хоть какого-то компромисса Косово с Сербией. Ввиду этого, перспективы европейской интеграции в Косово обладают определенной туманностью, чем, например, во времена правления правоцентристских партий, добившихся заключения договоров о мирном сосуществовании двух государств. Несмотря на это, факт принятия заявки на членство Ко-

сово в ЕС обуславливает то, что Евросоюз готов рассматривать власти частично признанной республики в качестве своих контрагентов.

Сербия же, в отличие от Косово, является официальным кандидатом на членство в Европейском союзе. Однако, даже данное положение не преодолевает неопределенность перспектив вступления страны в ЕС. Данная ситуация преимущественно связывается с политическими изменениями, происходящими в государстве на протяжении последнего десятилетия, в результате которых Сербия трансформировалась из многопартийной системы в доминантную, власть в которой распределена между президентом и ближайшими союзниками прогрессивной партии правопопулистского характера. Именно начиная с 2010-х годов власть в Сербии стала переходить к националистическим силам, имеющим проевропейскую направленность. Также, в настоящий момент наблюдается ситуация по прерыванию Брюссельских соглашений из-за непрекращающегося противостояния между Косово и Сербией, с одной стороны проявляющегося в стремлении косовского правительства подчинить сербские районы на севере, а с другой - в блокировании процесса вступления Косово в международные организации со стороны Сербии, способствующей отзыву решений о признании независимости автономной республики.

Строго говоря, идея создания европейского политического пространства за пределами Евросоюза, о котором было упомянуто ранее, не является новой. В то же время, несмотря на заявленные цели в отношении стран, являющихся в данный момент кандидатами в ЕС, наблюдается риск превращения такого пространства в своеобразный «зал ожидания», необходимый для осуществления их дифференцированной интеграции в Европейский союз. Так, некоторыми государствами, являющимися членами ЕС (такими как Турция и западнобалканские страны), было опубликовано мнение о том, что Европейское политическое сообщество не является альтернативой членству страны в ЕС. Для принятия Украины в состав Евросоюза также существует проблема наличия конфликта между данной страной и Россией, так как принятие государства в состав Евросоюза обусловит выполнение статьи 42-7 Договора о Европейском союзе, в которой содержится положение о взаимной обороне. Также, о расширении ЕС негативно отзываются некоторые политики и эксперты, указывающие на отсутствие реформирования и сохранения за Евросоюзом права вето в процессе принятия абсолютно всех решений. Это сделает союз еще более разобщенным, ввиду чего он будет неспособен обеспечивать собственную безопасность во времена неопределенности и нестабильности.

Таким образом, за последние годы наблюдается новый этап интеграционного процесса европейских стран, который был инициирован еще после Второй мировой войны. В 2022 году впервые сотрудничество между государствами, являющимися членами Европейского союза, и странами,

которые не входят в данное объединение, получило институциональную основу в виде Европейского политического сообщества. В результате этого многие страны получили возможность наравне с западноевропейскими коллегами обсуждать актуальные вопросы европейской повестки дня и выработать совместные политические решения. Также, произошло значительное ускорение процесса получения государствами официального статуса кандидатов на членство в Евросоюз: в 2022 году сразу четыре страны получили такой статус. Несмотря на это, а также на общие тенденции изменения партийных систем европейских стран, каждое государство демонстративно проявляет собственные траектории развития партийных систем. Следовательно, предполагается, что в будущем в Европейском союзе усилится роль Центральной и Восточной Европы, тогда как западноевропейские страны начнут утрачивать свои лидерские позиции.

Библиографический список

1. Как может расшириться Евросоюз. Карта. РБК. // URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/09/2023/64f208199a79470cda72fbd0?ysclid=lv3znv1475193484369> (Проверено: 17.04.2024).
2. Каринцев О. Будущее европейской интеграции // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2023. № 68 (84). С. 34-46.
3. Кованова М.С. Европейский союз и проблемы интеграции // Исследования молодых ученых: материалы XVI Междунар. науч. конф. (г. Казань, январь 2021 г.). Казань: Молодой ученый, 2021. С. 57-59.
4. Подводные камни новой волны расширения ЕС. Независимая газета. // URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2023-10-15/9_8852_candidates.html?ysclid=lv42o58w7b532478117 (Проверено: 17.04.2024).

References

1. How the European Union Can Expand. Map. RBC. // URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/09/2023/64f208199a79470cda72fbd0?ysclid=lv3znv1475193484369> (17.04.2024).
2. Karintsev O. The Future of European Integration // European Security: Events, Assessments, Forecasts. 2023. № 68 (84). P. 34-46.
3. Kovanova M.S. The European Union and Integration Problems // Research by Young Scientists: Proceedings of the XVI Int. scientific conf. (Kazan, January 2021). Kazan: Young Scientist, 2021. P. 57-59.
4. Pitfalls of the New Wave of EU Enlargement. Nezavisimaya Gazeta. // URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2023-10-15/9_8852_candidates.html?ysclid=lv42o58w7b532478117 (17.04.2024).

Фэн Шилинь

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена.

Как визуальная коммуникация в новостях играет ведущую роль в межкультурной коммуникации*

Аннотация. Статья посвящена исследованию значимости визуальной коммуникации в новостных медиа как ключевого фактора успешного взаимодействия между различными культурами. В условиях глобализации информационных потоков и многообразия культур визуальные элементы становятся универсальным языком, который способен преодолевать языковые барьеры и создавать общее пространство для диалога.

Исследование основывается на теоретическом анализе и эмпирических данных, собранных посредством контент-анализа ведущих мировых новостных изданий. Особое внимание уделено основным видам визуальных средств, таким как инфографика, фотографии, видеоматериалы, а также их способности передавать сложные идеи и эмоции. В статье рассматриваются примеры успешной межкультурной коммуникации, достигнутой благодаря грамотно использованной визуальной информации, и проводится сравнительный анализ эффективности визуальных средств в различных культурных контекстах.

Кроме того, исследование затрагивает вопросы этики и интерпретации визуального контента, подчеркивая необходимость учета культурных особенностей и чувствительности аудитории. Статья предлагает рекомендации по оптимизации визуального контента в новостных сообщениях с учетом культурного разнообразия, что может способствовать не только повышению уровня межкультурного понимания, но и конкурентоспособности медиа на глобальной арене.

Таким образом, представленная работа расширяет академическое понимание роли визуальной коммуникации в новостях, предлагая новые перспективы для исследователей медиасудий, культурологов и профессионалов в области коммуникации.

Ключевые слова: визуальная коммуникация, интеркультурализм, новостные медиа, культура, визуальные образы, инфографика, глобализация, культурный обмен, медийное воздействие, визуальный контент.

Feng Shilin

Herzen Russian State Pedagogical University.

How visual communication in the news plays a leading role in intercultural communication

* © Фэн Шилинь, 2025.

Как визуальная коммуникация в новостях играет ведущую роль в межкультурной коммуникации

Abstract. The article is devoted to the study of the importance of visual communication in news media as a key factor in successful interaction between different cultures. In the context of globalization of information flows and diversity of cultures, visual elements are becoming a universal language that is able to overcome language barriers and create a common space for dialogue.

The research is based on theoretical analysis and empirical data collected through content analysis of the world's leading news publications. Special attention is paid to the main types of visual media, such as infographics, photographs, video materials, as well as their ability to convey complex ideas and emotions. The article examines examples of successful intercultural communication achieved through well-used visual information, and provides a comparative analysis of the effectiveness of visual media in various cultural contexts.

In addition, the study addresses issues of ethics and interpretation of visual content, emphasizing the need to take into account the cultural characteristics and sensitivity of the audience. The article offers recommendations on optimizing visual content in news reports, taking into account cultural diversity, which can contribute not only to increasing the level of intercultural understanding, but also to the competitiveness of media in the global arena.

Thus, the presented work expands the academic understanding of the role of visual communication in news, offering new perspectives for media studio researchers, cultural scientists and communication professionals.

Key words: visual communication, interculturalism, news media, culture, visual images, infographics, globalization, cultural exchange, media impact, visual content.

Введение

В современном мире, где глобализация и цифровизация информации достигают небывалых высот, межкультурная коммуникация становится неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Средства массовой информации играют ключевую роль в формировании общественного мировосприятия, предоставляя разнообразные новостные сюжеты с различных концов планеты. В этом контексте визуальная коммуникация становится мощным инструментом, способным оперативно и эффективно донести информацию до широкой аудитории. Новостные агентства все чаще обращаются к визуальным элементам, таким как инфографика, фотографии и видео, чтобы передать сложные сообщения и тем самым ускорить процесс их восприятия. Однако до сих пор недостаточно изучено, как именно такие визуальные средства способствуют межкультурному диалогу и взаимодействию.

Целью данного исследования является изучение того, как визуальная коммуникация в новостях способствует созданию и укреплению межкультурного диалога. Мы стремимся понять, каким образом графические элементы и дизайн новостных материалов могут помочь в преодолении культурных барьеров и стереотипов, а также как они влияют на интерпретацию и понимание новостных сообщений представителями различных культур. Исследование направлено на выявление особенностей восприятия визуальных новостей в контексте культурной специфики, а

также на анализ потенциала визуального контента в укреплении межкультурного понимания.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к изучению влияния визуальной коммуникации на межкультурное взаимодействие через призму новостей. В отличие от предыдущих работ, сфокусированных на общем восприятии визуального контента, данное исследование уделяет особое внимание культурным аспектам и анализирует влияние визуальных элементов на снижение культурных барьеров. Это позволяет не только раскрыть новые теоретические аспекты визуальной коммуникации, но и предложить практические рекомендации для журналистов и медиа-менеджеров по эффективному использованию визуальных средств в новостной сфере.

Материалы и методы исследований

Для достижения поставленных целей в данной работе используются различные методы исследования. Основным материалом исследования выступают новостные сюжеты и репортажи из различных международных изданий, содержащие визуальные элементы, такие как фотографии, видео и графика. Методологический аппарат включает в себя контент-анализ, метод фокус-групп и сравнительный анализ. Контент-анализ позволяет выявить наиболее популярные визуальные стратегии в освещении новостей, фокус-группы помогают понять особенности восприятия визуального контента представителями разных культур, а сравнительный анализ способствует выделению общих и специфических культурных черт в интерпретации визуальных сообщений. Итогом данного исследования станут выводы, которые помогут более эффективно использовать визуальную коммуникацию в новостях для содействия межкультурному диалогу и снижению культурных барьеров.

Результаты и обсуждения

1. Влияние визуальных элементов на восприятие новостей в различных культурах

Влияние визуальных элементов на восприятие новостей в различных культурах является темой, заслуживающей глубокого научного анализа, учитывая растущую глобализацию и взаимодействие различных медиа-платформ. Визуальные элементы, включая фотографии, инфографику, видеоматериалы и дизайн интерфейса новостных сайтов, играют ключевую роль в привлечении внимания аудитории, структурировании информации и влиянии на интерпретацию новостного контента.

Культурные различия в восприятии визуальных элементов обусловлены историческими традициями, уровнем технологического развития и преобладающими медийными практиками. Например, в западных куль-

турах, где преобладает индивидуализм и высокое значение придается личной интерпретации информации, визуальный контент часто является интерактивным и ярким, что способствует личному вовлечению и самостоятельному анализу потребляемой информации [1, с. 42]. Напротив, в восточных культурах, где коллективизм и уважение к традициям занимают центральное место, визуальные элементы могут использоваться для усиления коллективной идентичности и обеспечения более строгого контроля над интерпретацией содержания.

Исследования показывают, что люди из разных культур могут по-разному воспринимать одни и те же визуальные элементы в новостях. Это объясняется различиями в культурных кодах — способе, которым информация кодируется и декодируется на визуальном уровне. Например, красный цвет, широко используемый в китайских новостных медиа, ассоциируется с удачей и процветанием, тогда как в некоторых западных культурах он может символизировать опасность или гнев. Подобные культурные коды влияют на то, как аудитория интерпретирует визуальные сообщения и какое значение придает отображаемым новостям.

Важный аспект, на который следует обратить внимание, — это степень доверия к визуальной информации. В обществах с высоким уровнем доверия к государственным институтам и официальным СМИ визуальные элементы могут восприниматься как достоверные и способствующие укреплению доверия к представленным новостям. Однако в странах с высоким уровнем скептицизма к медиа могут преобладать подозрения в манипулятивной природе визуального контента, что требует повышенного внимания к источникам и их репутации [7, с. 63].

Технологическая доступность также оказывает значительное влияние на восприятие визуальных новостей. В странах с высоким уровнем цифровой грамотности и доступом к современным технологиям визуальный контент может быть более сложным и мультимедийным, способствуя более глубокому и всестороннему восприятию. В то же время в регионах, где доступ к технологиям ограничен, визуальные элементы могут быть более упрощенными, но символически насыщенными, фокусируя внимание на ключевых аспектах новостей.

Нельзя игнорировать и влияние глобализации, способствующей культурной взаимопроницаемости и смешению визуальных стилей. Люди из разных культур все чаще взаимодействуют с мультимедийным контентом, который сочетает в себе разнообразные визуальные традиции и концепты [10, с. 430]. Это создаёт уникальную возможность для формирования глобальных трендов в использовании визуальных элементов и их восприятии.

Таким образом, мультикультурный подход к изучению влияния визуальных элементов на восприятие новостей позволяет глубже понять, как различные факторы, такие как культурные традиции, уровень доверия,

технологическая среда и процессы глобализации, способствуют формированию разнообразных медийных ландшафтов по всему миру. Анализ этих факторов предоставляет возможность медиакомпаниям разрабатывать более эффективные и культурно адаптированные подходы к представлению новостей, что, в свою очередь, способствует более точному и разнообразному освещению мировых событий.

2. Роль графики и дизайна в создании межкультурного диалога через новости

В современном мире, где глобализация и информационные технологии способствуют беспрецедентной интенсивности обмена культурными и социальными данными, вопрос межкультурного диалога становится как никогда актуальным. Межкультурный диалог определяется как процесс обмена идеями, ценностями, традициями и другими аспектами культуры между представителями разных культур с целью улучшения понимания и установления гармоничных отношений [6, с. 227]. Графика и дизайн новости играют важнейшую роль в этом процессе, влияя на то, как люди воспринимают и интерпретируют информацию из разных уголков мира.

Во-первых, визуальные составляющие новостей могут эффективно пересекать языковые барьеры. Даже при недостаточном знании иностранного языка, человек может понять суть новости через графику и дизайн. Инфографика, иллюстрации и фотографии представляют собой универсальные средства коммуникации, которые могут использоваться для передачи сложной информации простым и доступным способом. Изображения обладают уникальной способностью рассказывать истории, вызывая эмоции и вызывая ассоциации, которые могут стимулировать сопричастность и интерес к другой культуре.

Важным аспектом является культурная адаптация графики и дизайна. Дизайнеры и журналисты должны быть чуткими к культурным особенностям и традициям целевой аудитории [9, с. 40]. Использование цветов, символов и изображений, обладающих различным культурным значением, должно учитывать контекст и предпочтения той или иной аудитории, чтобы избежать недопонимания или, что еще хуже, оскорбления. К примеру, цвета могут иметь разную символику в разных культурах: белый может ассоциироваться с чистотой и невинностью на Западе, в то время как в некоторых восточных культурах он может символизировать траур.

Кроме того, дизайн новостей может способствовать межкультурному диалогу через кросс-культурные коллаборации и обмены в создании медийного контента. Проекты, направленные на интеграцию разных культурных элементов, могут обогатить контент и сделать его более разнообразным. Например, создание инфографики с использованием стилей и элементов искусства из культуры страны, о которой идет речь, может быть

не только информативным, но и актом уважения и признания значения этой культуры.

Цифровые платформы и социальные сети предоставляют дополнительные возможности для межкультурного взаимодействия через новости. Визуальный контент, который легко распространяется через социальные сети, может способствовать глобальному охвату и вовлечению. Вместо того чтобы быть пассивными потребителями информации, пользователи социальных сетей могут активно участвовать в обсуждениях, делиться своим пониманием и опытом, обогащая диалог новыми перспективами [4, с. 65]. В этом контексте графический и дизайн контент в новостях должен быть интуитивно понятным, актуальным и привлекательным.

Наконец, графика и дизайн в новостях могут быть инструментом для осознанного освещения сложных социальных и культурных проблем. Используя визуальные метафоры, дизайнеры могут привлекать внимание к вопросам неравенства, социальной справедливости и прав человека, инициируя дискуссии и побуждая к действиям. Визуальное повествование может вызвать более глубокое эмоциональное восприятие проблемы, предоставляя возможность увидеть ее с разных ракурсов и, возможно, способствовать более глубокому пониманию и уважению между культурами.

Таким образом, роль графики и дизайна в межкультурном диалоге через новости невозможно переоценить. Это не только инструмент передачи информации, но и мощное средство, способное разрушать культурные барьеры, поощрять понимание и содействовать созданию более связанного и гармоничного глобального сообщества.

3. Эффективность использования визуального контента для снижения культурных барьеров и стереотипов

В современном глобализованном обществе культурные барьеры и стереотипы остаются значительными препятствиями для осуществления конструктивного межкультурного взаимодействия. Одной из эффективных стратегий для уменьшения этих барьеров является использование визуального контента, который способен создавать более интуитивные и глубокие связи между различными культурами [2, с. 50]. Визуальный контент, в силу своей универсальности и непосредственного воздействия на восприятие, может выступать мощным инструментом в разрушении стереотипов и продвижении межкультурного понимания.

Прежде всего, визуальный контент потенциально доступен практически для всех благодаря своему многообразию форм и форматов – от фотографий и иллюстраций до инфографики и видео. Он способен транслировать сложные сообщения, которые тяжело передать словами, вне зависимости от языковых барьеров [5, с. 33-35]. К примеру, фотография, отображающая национальные праздники или культурные обычаи, способ-

на донести большую эмоциональную глубину и контекст, чем любой текстовый материал. Это способствует более открытому и честному взгляду на другие культуры, позволяя зрителям сопереживать и понимать лучше специфику чужих традиций и ценностей.

Кроме того, визуальный контент способствует разрушению стереотипов за счет своей способности представить разнообразие внутри культурных групп. Один из ключевых стереотипов – это тенденция воспринимать различные культуры как однородные категории. Используя фотографии и видео, демонстрирующие разнообразие внутри одной культурной группы, можно показать, что каждая культура состоит из множества уникальных личностей с различными взглядами и опытами. Это важный шаг в направлении разрушения монотонных и упрощенных представлений, которые часто приводят к культурным стереотипам.

Важную роль играет и то, как визуальный контент может быть используется в образовательных целях. В учебных заведениях мультикультурные визуальные материалы стимулируют учащихся узнавать и размышлять о других культурах в более позитивном и конструктивном ключе. Это формирует у студентов гибкость мышления и эмпатию, воспитывая уважение к разным культурам и поощряя критическое переосмысление распространенных стереотипов.

Сетевые платформы и социальные медиа усиливают воздействие визуального контента, создавая условия для массового распространения. Современные технологии позволяют мгновенно делиться изображениями и видео с широкой аудиторией, создавая потенциальные возможности для массового воздействия и просвещения. В контексте борьбы с культурными барьерами и стереотипами, кампании в социальных медиа, опирающиеся на визуальный контент, способны достигать впечатляющих результатов, вовлекая глобальную аудиторию в обсуждение и переосмысление средневековых культурных предрассудков.

Однако для того, чтобы визуальный контент успешно выполнял свою функцию, необходимо учитывать некоторые критические моменты. Важно, чтобы создаваемый контент был аутентичным и корректно отображал культурные особенности, избегая манипуляций и внедрения новых стереотипов [3, с. 43-44]. Мало того, необходимо стремиться к тому, чтобы этот контент создавался представителями самих культур, которых он касается, что гарантирует честность и глубину передаваемого сообщения.

В заключение, эффективность использования визуального контента для снижения культурных барьеров и стереотипов заключается в его универсальности, эмоциональной глубине и способности представлять разнообразие [8, с. 2073]. Благодаря своему широкому распространению в цифровую эпоху, визуальный контент обретает новую значимость как инструмент продвижения межкультурного понимания и уважения. Он спо-

собен не только разрушать устаревшие представления, но и содействовать построению более инклюзивного и гармоничного мирового сообщества.

Выводы

В заключении настоящей статьи необходимо подчеркнуть значимость визуальной коммуникации как основополагающего элемента в построении межкультурного диалога через новостные медиа. Проведенное исследование подтверждает, что визуальные элементы играют ключевую роль в восприятии новостей различными культурными сообществами, оказывая значительное влияние на формирование общественного мнения и понимание глобальных событий.

Одним из центральных выводов является признание важности графики и дизайна как инструментов, способствующих эффективному обмену информацией между культурами. Качественно подобранные визуальные компоненты в новостном контенте способны преодолевать языковые барьеры, становясь универсальным средством коммуникации, понятным различным аудиториям вне зависимости от их культурного контекста. Таким образом, графическая составляющая новостей должна рассматриваться не просто как дополнение к тексту, а как полноценный участник коммуникационного процесса, обеспечивающий более глубокое и точное восприятие информации.

Кроме того, визуальный контент обладает потенциалом для уменьшения культурных барьеров и стереотипов. Показательно, что изображения и видеоматериалы, адаптированные под специфические культурные особенности, способствуют повышению степени доверия и эмпатии между различными культурными группами. Такой подход открывает новые горизонты для журналистики, стремящейся к объективности и инклюзивности в сложном мире многообразия культур.

В перспективе развитие технологий визуальной коммуникации и их интеграция в новостные форматы создают перед медиаиндустрией новые задачи и возможности для исследований. В будущем, глубокое понимание культурных нюансов и грамотное использование визуальных инструментов могут стать решающими факторами в усилении межкультурного взаимодействия и обогащении общественного дискурса на глобальном уровне.

Статья подчеркивает необходимость уделять больше внимания разработке визуальных стратегий в новостной журналистике, подчеркивая их значимость в современном обществе, где все большее внимание уделяется вопросам глобализации и культурного многообразия.

Библиографический список

1. Благоев Ю.В. СМИ и межкультурная коммуникация // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева, 2021. С. 118-123.

2. Болотова А.Ю. Оценка инвестиционных проектов с использованием реальных опционов для рынка телекоммуникаций // журнал «ФИНАНСЫ». 2023. № 4. С. 45-51.
3. Бузин В.Н., Холмогорова Г.Т. Обучение здоровому образу жизни и средства массовой информации // Советское здравоохранение. 1991. № 12. С. 41-45.
4. Волков А.А. Филология и риторика массовой информации // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования, 2003. С. 64-67.
5. Зернецкая О.В. Новостийные медиа в политическом дискурсе // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2. / Сост. и общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск, 2010. 479 с.
6. Комова Т.А. Концепты языка и культуры в контексте СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования, 2013. С. 225-236.
7. Лазарян А.В. Методы повышения доходов от международного голосового трафика и улучшения баланса интерконнекта // Электросвязь. 2024. № 6. С. 62-68.
8. Лазарян А.В. Новые методы приоритизации инвестиций в развитие сетей сотовой связи России // Финансы и кредит. 2024. Т. 30. № 9 (849). С. 2071-2088.
9. Пименов П.А. Визуальное сообщение как доминантная коммуникация мультикультурного пространства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2003. С. 35-41.
10. Троицкая Т.С. Коммуникативно-диалогические стратегии в перспективах развития культурно-образовательного пространства региона // Эффективное развитие региональных социально-экономических систем в современных реалиях: инновации, устойчивость и безопасность. Материалы международной научно-практической конференции. Владимир, 2023. С. 427-432.

References

1. Blagov Yu.V. Mass media and intercultural communication // Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev, 2021. P. 118-123.
2. Bolotova A.Yu. Evaluation of investment projects using real options for the telecommunications market // FINANCES magazine. 2023. № 4. P. 45-51.
3. Buzin V.N., Kholmogorova G.T. Healthy lifestyle education and the mass media // Soviet healthcare. 1991. № 12. P. 41-45.
4. Volkov A.A. Philology and rhetoric of mass information // Language of the media as an object of interdisciplinary research, 2003. Pp. 64-67.
5. Zernetskaya O.V. News Media in Political Discourse // Methodology of Political Discourse Research: Current Issues of Substantive Analysis of Socio-Political Texts. Issue 2. / Comp. and general editorship by I.F. Ukhvanova-Shmygova. – Minsk, 2010. 479 p.
6. Komova T.A. Concepts of Language and Culture in the Context of the Media // Language of the Media as an Object of Interdisciplinary Research, 2013. P. 225-236.
7. Lazaryan A.V. Methods for Increasing Revenue from International Voice Traffic and Improving the Interconnect Balance // Telecommunications. 2024. № 6. P. 62-68.
8. Lazaryan A.V. New Methods of Prioritizing Investments in the Development of Russian Cellular Networks // Finance and Credit. 2024. Vol. 30. № 9 (849). P. 2071-2088.
9. Pimenov P.A. Visual message as a dominant communication of multicultural space // Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication, 2003. P. 35-41.
10. Troitskaya T.S. Communicative and dialogical strategies in the prospects for the development of the cultural and educational space of the region // Effective development of regional socio-economic systems in modern realities: innovation, sustainability and security. Proceedings of the international scientific and practical conference. Vladimir, 2023. P. 427-432.

Чжан Кай

Магистрант. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Невраева Н.Ю.

Старший преподаватель. Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург.

Кабанов А.М.

Доцент. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Уральский государственный горный университет. Негосударственное частное образовательное учреждения «Технический университета УГМК».

Пыркова Т.А.

Кандидат педагогических наук, доцент. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Яценко О.Ю.

Кандидат педагогических наук, доцент. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Влияние культурных различий между русским и китайским языками на машинный перевод*

Аннотация. Машинный перевод в последние годы значительно продвинулся благодаря нейронным сетям и искусственному интеллекту, что позволило добиться улучшения точности перевода, особенно для простых и средних текстов. Однако при переводе литературных произведений и текстов с культурными особенностями, как в случае с русским и китайским языками, всё ещё существуют существенные проблемы. Культурные различия между языками, а также влияние контекста на точность перевода остаются значительным вызовом. Особенно трудно электронному ресурсу передать специфические культурные элементы, такие как религиозные термины, исторические отсылки или социальные нюансы, что часто приводит к потере смысла или искажению текста.

Ключевые слова: машинный перевод, точность перевода, культурные различия.

Zhang Kai

Master's Student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

* © Чжан Кай, Невраева Н.Ю., Кабанов А.М., Пыркова Т.А., Яценко О.Ю., 2025.

Влияние культурных различий между русским и китайским языками на машинный перевод

Nevraeva N.Y.

Senior lecturer. Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

Kabanov A.M.

Associate Professor. Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. Ural State Mining University. Non-state private educational institution "UMMC Technical University".

Pyrkova T.A.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

Yatsenko O.Y.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.

The impact of cultural differences between Russian and Chinese on machine translation

Abstract. Machine translation has advanced significantly in recent years, thanks to neural networks and artificial intelligence, resulting in improved translation accuracy, especially for simple and medium-sized texts. However, there are still significant challenges when translating literary works and culturally specific texts, as in the case of Russian and Chinese. Cultural differences between languages as well as the influence of context on translation accuracy remain a significant challenge. Specific cultural elements such as religious terms, historical references or social nuances are particularly difficult for a machine to convey, often resulting in a loss of meaning or distortion of the text.

Key words: machine translation, translation accuracy, cultural differences.

1. Современное состояние машинного перевода

Современное состояние машинного перевода претерпело значительные изменения благодаря достижениям в области нейронных сетей и искусственного интеллекта. В последние годы популярность таких технологий, как нейронный машинный перевод (NMT), значительно возросла, и системы, такие как Google Translate и DeepL, достигли высокого уровня точности в переводе на уровне лексики и грамматики. Эти системы обучаются на огромных корпусах данных и могут успешно справляться с переводом простых и средних по сложности текстов.

Однако, несмотря на успехи, машинный перевод продолжает сталкиваться с трудностями при передаче культурных особенностей, что особенно важно при переводе литературных произведений [1]. В области перевода с русского на китайский количество существующих исследований остаётся крайне ограниченным, а их глубина и детальность недостаточны [2].

Многие термины в китайском и русском языках не имеют отношения «один к одному», а относятся к типу «один ко многим» или «многие к одному». Это называется несоответствием терминов. Несоответствие терминов делает невозможным перевод на уровне слов, требуя перевода на уровне предложений [3].

Русский язык имеет богатую морфологию и сложные синтаксические конструкции, в то время как китайский характеризуется аналитической структурой и фиксированным порядком слов. Машинный перевод зачастую не справляется с обработкой всех грамматических деталей, что приводит к ошибкам в согласовании падежей, чисел и временных форм. Кроме того, культурный контекст остаётся одной из ключевых трудностей. Нейросети могут переводить текст на основе семантики, но они не способны учитывать тонкости, связанные с социальными, историческими или культурными аспектами. Например, перевод китайских идиом или русских метафор нередко оказывается некорректным, так как алгоритмы не всегда понимают скрытые значения и символизм.

Современные исследования направлены на развитие систем, которые могут не только точно интерпретировать текст, но и учитывать культурные различия. Одним из перспективных направлений является внедрение мультимодальных моделей, способных анализировать не только текст, но и сопутствующую информацию, например изображения или аудио. В модели 'машинный перевод + постредактирование' использование технологий памяти перевода и программного обеспечения значительно повышает эффективность и согласованность перевода, а также позволяет оптимизировать его качество [4]. В будущем возможно появление технологий, которые смогут учитывать индивидуальные особенности говорящих, включая их культурный фон и языковые предпочтения.

2. Основные проявления культурных различий между русским и китайским языками

Культурные различия между русским и китайским языками значительно влияют на точность перевода. Особенно в текстах, содержащих культурно нагруженные слова, глубокое понимание двух культур является ключом к успешному переводу [5].

Во-первых, религиозные различия играют важную роль: русский язык насыщен терминологией, связанной с православием, такими как "грех", "покаяние", "святые", в то время как в китайской культуре преобладают буддийские и даосские концепты, что затрудняет перевод этих слов.

Во-вторых, социальные различия между двумя культурами также оказывают влияние на перевод. Правильное понимание культурных элементов текста важно для точности перевода, что особенно актуально при использовании машинного перевода с русского на китайский [6].

Русский язык использует формальные и неформальные формы обращения и социальные титулы, такие как “господин”, “товарищ”, которые имеют чёткие культурные и социальные коннотации, в то время как китайский язык выражает социальную иерархию и уважение через другие формы, такие как “先生” (мистер) или “老师” (учитель). Эти различия в обращениях могут привести к трудностям при машинном переводе, поскольку китайский язык не всегда точно передаёт русский социальный контекст.

Также существует разница в восприятии исторических и культурных символов: в русской литературе часто встречаются ссылки на исторические события, связанные с революцией, монархией или культурой XIX века, что может быть незнакомо китайскому читателю. Например, слово “Сибирь” для русского носит символическое значение, связанное с ссылкой и изоляцией, а для китайца это может быть просто географическое название без дополнительных смыслов. При переводе художественных текстов важным аспектом является не только точность перевода, но и передача культурных и исторических реалий [7].

Синтаксические различия также играют важную роль. В русском языке грамматика богата падежами, родами и временными формами, что создаёт сложную систему согласования. Китайский язык, напротив, не имеет таких грамматических категорий, но вместо этого полагается на строгий порядок слов и использование служебных слов для передачи временных и модальных значений. Эти особенности создают трудности при прямом переводе, особенно при сохранении стилистической точности.

Существуют также значительные различия в манере общения и стилистике. Русская речь может быть эмоциональной, прямолинейной и иногда даже резкой. Китайская же речь, особенно в официальном контексте, подчёркивает уважение к собеседнику и стремление избежать конфликта. Эти различия требуют тонкой адаптации текста при переводе, чтобы он был понятен и соответствовал нормам другой культуры.

3. Влияние культурного контекста на перевод

Культурный контекст является ключевым фактором при переводе с одного языка на другой, особенно в отношении русского и китайского, где различные культурные традиции влияют на восприятие текста [8]. Русская литература богата религиозными, историческими и социальными элементами, которые глубоко укоренены в русской культуре. Одной из ключевых трудностей является перевод идиом и устойчивых выражений. Например, русская идиома «вешать лапшу на уши» имеет культурно обусловленный образ, который не существует в китайском языке. Если её дословно перевести, смысл будет потерян. Аналогично, китайская идиома «画蛇添足» (huà shé tiān zú) — «рисовать ноги змее» — символизирует

избыточность, но без пояснения её значение может остаться непонятным русскоязычной аудитории.

Машинный перевод, ориентированный на буквальный смысл, часто игнорирует эти аспекты, что приводит к потере важного подтекста. Например, такие фразы, как “крестный путь” или “святая Русь”, несут в себе глубокие символические значения, которые сложно передать через простой перевод. Кроме того, эмоциональные и стилистические особенности, присущие русским текстам, часто оказываются нивелированными при автоматической обработке. Культурный контекст также влияет на выбор лексики и грамматики: машины нередко упрощают сложные аллюзии и метафоры, что нарушает целостность текста и лишает читателя возможности понять оригинальный смысл.

Ошибки машинного перевода часто возникают из-за игнорирования культурных особенностей. Например, перевод текстов о традиционных праздниках, таких как китайский Новый год, может привести к неправильной интерпретации символов, ритуалов или значений. Аналогично, русские тексты, связанные с православными традициями, могут быть переведены с искажением их сути. Юмор и сарказм представляют собой ещё одну область, где культурные различия играют ключевую роль. Русский юмор, который может быть основан на игре слов или культурных аллюзиях, часто оказывается непонятным для китайских читателей. То же самое относится и к китайскому юмору, который может базироваться на тонких намёках или ассоциациях, известных только носителям языка.

Машинный перевод литературы сталкивается с трудностями из-за невозможности учета культурных и эмоциональных нюансов текста [9]. Таким образом, для повышения качества перевода необходимо учитывать не только языковые, но и культурные аспекты. Это требует создания более совершенных алгоритмов, способных адаптировать текст для целевой аудитории. Одним из возможных решений является интеграция культурных баз данных в системы машинного перевода, что позволит алгоритмам учитывать специфические реалии и контекст.

Благодаря мощным технологическим алгоритмам и высокой эффективности выполнения задач машинный перевод в значительной степени удовлетворяет повседневные потребности людей. Однако, из-за сложности человеческого языка и негибкости компьютерных программ, машинный перевод также имеет множество недостатков [10].

Таким образом, культурные различия между русским и китайским языками требуют особого внимания как со стороны исследователей, так и разработчиков технологий машинного перевода. Их успешное преодоление возможно только при учёте всех лингвистических и культурных особенностей.

Библиографический список

1. Шишкин С.А. Литературные связи России и Китая: история и современность. // Журнал литературных исследований, 2018. № 29 (4). С. 25-34.
2. Лю И. Проблемы машинного перевода научных текстов с русского на китайский. // Магистерская диссертация, Университет информационных технологий и искусственного интеллекта, 2022. С. 1-89.
3. Цзя И.Л. Проблемы лексики в научно-техническом переводе с китайского на русский: творчество переводчика. // Синосс, 2022. № 19 (3). С. 12-18.
4. Ли Я.Ц. Отчет о переводе с китайского на русский в модели 'машинный перевод + постредактирование'. // Китайская научная сеть, 2021. № 15 (2). С. 23-29.
5. Фу Л.Я. Культурные различия в переводе между русским и китайским языками. // Китайская научная сеть, 2020. № 14 (4). С. 45-51.
6. Иванова И.Ю. Языковая и культурная специфика в переводе: теория и практика. // Журнал межкультурной коммуникации, 2020. № 16 (3). С. 49-58.
7. Лебедев С.В. Особенности перевода русской литературы на китайский язык. // Лингвистика и перевод. 2021. № 14 (2). С. 87-94.
8. Зайцева И.И. Влияние культурного контекста на машинный перевод. // Теория и практика перевода, 2022. № 31 (5). С. 102-110.
9. Рябова Т.Г. Перевод как процесс межкультурной коммуникации. // Вестник Московского университета. Серия 19. Филология, 2015. № 2. С. 58-63.
10. У Т.Т. Преимущества, недостатки и рекомендации по улучшению машинного перевода в практике китайско-русского перевода. // HansPub, 2020. № 11 (3). С. 14-21.

References

1. Shishkin S.A. Literary ties between Russia and China: history and modernity. // Journal of Literary Studies, 2018. № 29 (4). P. 25-34.
2. Liu Y. Problems of machine translation of scientific texts from Russian into Chinese. // Master's thesis, University of Information Technology and Artificial Intelligence, 2022. P. 1-89.
3. Jia Y.L. Problems of vocabulary in scientific and technical translation from Chinese into Russian: the translator's creativity. // Sinoss, 2022. № 19 (3). P. 12-18.
4. Li Ya.Q. Report on translation from Chinese into Russian in the 'machine translation + post-editing' model. // China Scientific Network, 2021. № 15 (2). P. 23-29.
5. Fu L.Ya. Cultural differences in translation between Russian and Chinese. // Chinese Scientific Network, 2020. № 14 (4). P. 45-51.
6. Ivanova I.Yu. Linguistic and cultural specificity in translation: theory and practice. // Journal of Intercultural Communication, 2020. № 16 (3). P. 49-58.
7. Lebedev S.V. Features of translating Russian literature into Chinese. // Linguistics and translation. 2021. № 14 (2). P. 87-94.
8. Zaitseva I.I. The influence of cultural context on machine translation. // Theory and practice of translation, 2022. № 31 (5). P. 102-110.
9. Ryabova T.G. Translation as a process of intercultural communication. // Bulletin of Moscow University. Series 19. Philology, 2015. № 2. P. 58-63.
10. U T.T. Advantages, disadvantages and recommendations for improving machine translation in the practice of Chinese-Russian translation. // HansPub, 2020. № 11 (3). P. 14-21.

Констан Прива Яколи

Аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Субрегиональные организации, стоящие перед вызовами глобализации*

Аннотация. Проблема измерения роли глобализации в пространстве международных отношений, в том числе в наднациональном масштабе остается актуальной до сих пор. Глобализация как процесс интеграции обществ и экономик повлияла на развитие сферы международных отношений. Хотя глобализация позволила разработать новые теории международных отношений, американские теории остаются главными и основными теориями, которые описывают мировые события и международные отношения в целом. Глобализация, под которой понимается продолжающаяся интеграция стран по всему миру, в настоящее время широко распространена по всему земному шару. Этот сложный процесс включает в себя взаимодействие капитализма и демократии и имеет различные преимущества и недостатки. Он способен как расширять, так и лишать прав отдельных людей и сообщества. Поэтому американские теории, такие как либерализм, реализм и конструктивизм, остаются базовыми теориями, на которые накладываются новые теории. Например, классический реализм, родом из Англии, тесно связан с теорией американского реализма. Кроме того, в XX веке широкое распространение получила теория марксизма, возникшая в Западной Европе. Таким образом несмотря на то, что благодаря глобализации теории международных отношений стали развиваться на других континентах, американские теории международных отношений остаются основополагающими.

Несмотря на кажущуюся тенденцию к дезинтеграционным процессам в мировом взаимодействии взаимозависимость стран друг от друга в глобальной перспективе не поддается сомнению. В том числе это касается аспектов, связанных с интеграцией государств в субрегиональном масштабе. Особенно эта тема актуальна в контексте разговоров об информационной безопасности государств в условиях киберугроз и значимой роли ИКТ в жизни современного общества. В работе уделено внимание таким субрегиональным организациям как ШОС и ОДКБ в контексте вызовов глобализации, следствием которой оказывается безграничное распространение информации.

Ключевые слова: субрегиональные организации, глобализация, международные отношения, политический реализм, либерализм, глобализм, конструктивизм, ШОС, ОДКБ.

Konstan P.K.

Postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia.

* © Констан Прива Яколи, 2025.

Subregional organizations facing the challenges of globalization

Аннотация. The problem of measuring the role of globalization in the space of international relations, including on a supranational scale, remains relevant to this day. Globalization as a process of integration of societies and economies has influenced the development of the sphere of international relations. Although globalization has allowed the development of new theories of international relations, American theories remain the main and basic theories that describe world events and international relations in general. Globalization, which refers to the ongoing integration of countries around the world, is now widespread around the globe. This complex process involves the interaction of capitalism and democracy and has various advantages and disadvantages. It can both empower and disenfranchise individuals and communities. Therefore, American theories such as liberalism, realism, and constructivism remain basic theories on which new theories are superimposed. For example, classical realism, originally from England, is closely related to the theory of American realism. In addition, in the 20th century, the theory of Marxism, which originated in Western Europe, became widespread. Thus, despite the fact that, thanks to globalization, theories of international relations have begun to develop on other continents, American theories of international relations remain fundamental.

Despite the apparent tendency towards disintegration processes in global interaction, the interdependence of countries from each other in the global perspective is beyond doubt. This also applies to aspects related to the integration of States on a subregional scale. This topic is especially relevant in the context of conversations about the information security of states in the context of cyber threats and the significant role of ICT in the life of modern society. The work focuses on such sub-regional organizations as the SCO and the CSTO in the context of the challenges of globalization, which results in the unlimited dissemination of information.

Key words: sub-regional organizations, globalization, international relations, political realism, liberalism, globalism, constructivism, SCO, CSTO.

Прежде всего, исторически сложилось так, что такие теории международных отношений, как реализм, либерализм и конструктивизм, стали основополагающими теориями в МО, которые берут свое начало в Соединенных Штатах. Хоффманн утверждает, что Соединенные Штаты являются страной-основой, в которой развитие теорий происходило быстрее всего¹. Автор пишет, что это было связано с тем, что США были более предрасположены к развитию демократии из-за истории страны, в которую мигрировало больше людей из Европы. Хоффманн утверждал, что из-за холодной войны, в которой участвовали Соединенные Штаты Америки и Советский Союз, мировое общество хотело увидеть что-то, что могло бы объяснить их противостояние. Именно реализм, по мнению Хоффмана, стал тем «компасом», который помог проанализировать и выявить

1 Hoffmann Stanley (1987 [1977]) 'An American social science: international relations' re-printed in his (ed.), Janus and Minerva: Essays in the Theory and Practice of International Politics (Boulder, CO: Westview Press), 3–24.

особенности этой холодной войны. После окончания Второй мировой войны реализм стал основополагающей теорией международных отношений, которая объясняла, что мир — это анархический мир, в котором существует центральная мировая держава. Более того, именно реализм объяснил биполярность мира во время холодной войны. Таким образом, Уолтц утверждал, что две сверхдержавы лучше, чем один гегемон в международной сфере, и пришел к выводу, что именно биполярность привнесла некоторый порядок в анархический мир.

Более того, другой американский ученый-реалист, Гэддис, утверждал, что холодная война была примером стабильного мира, поскольку мир поддерживался условием «взаимного уничтожения» с помощью ядерного оружия². Автор писал, что этот период был стабильным именно потому, что страны не использовали взаимное уничтожение, это было подчинение сил двух держав (США и СССР). Более того, благодаря глобализации либерализм также остается одной из фундаментальных теорий МО в мире. Во-первых, американская теория либерализма является основой демократической теории, либерального международного порядка, свободной торговли и сотрудничества, как подчеркивал Бьюкен³. Именно благодаря доминированию американского либерализма Соединенные Штаты смогли распространить в мире такие идеи, как защита прав человека. Таким образом, либерализм как американская теория МО остается доминирующей теорией, а его характерные черты усиливают глобальное влияние США в мире.

Во-вторых, теория «мягкой силы», представленная американскими учеными, благодаря глобализации распространилась на многие страны и стала основой дипломатических отношений. В настоящее время и Соединенные Штаты, и Европа оказывают значительное влияние и используют мягкую силу. Телевидение, журналы, газеты, американская поп-культура были и остаются самыми популярными во всем мире. Использование силы США привело к распространению демократии, которая в современном понимании зародилась в США. Американская культура прочно вошла в основу международных отношений, поскольку распространение ее через международные институты, программы и дебаты положительно сказалось на имидже страны. Джозеф Най, американский исследователь, который ввел термин «мягкая сила»⁴, утверждал, что мягкая сила важна для формирования международных отношений. Он утверждал, что общественное мнение формирует имидж страны наравне с ее экономической и военной

2 Gaddis J.L. (1986). The long peace: Elements of stability in the postwar international system. *International Security*, 10(4), 99-142.

3 Buchan B. (2002). Explaining war and peace: Kant and liberal IR theory. *Alternatives*, 27(4), 407-428.

4 Nye J.S. *Soft power // Foreign policy*. 1990. №. 80. С. 153-171.

мощью. Именно поэтому США активно инвестируют в образование, привлекая иностранных студентов, развивая институты в Европе и Азии, а также программы международного обмена.

В-третьих, экономическое и политическое влияние США остается важным и в наши дни, несмотря на развитие глобализации. Америка возглавила такие мировые инициативы, как создание ООН, МВФ и Всемирного банка, которые продолжают отражать влияние и интересы США. Например, на поддержку ООН США тратят десятую часть одного процента своего бюджета. Кроме того, через ООН США проводят политику демократизации стран, продвигают гуманитарные цели и развивают сферы международной безопасности. Также США продолжают вкладывать свои деньги в МВФ. Прямым участием в МВФ Соединенные Штаты Америки показывают свою заинтересованность в экономическом развитии всех стран, что свидетельствует о вовлеченности США в процесс глобализации. Соединенные Штаты являются одним из крупнейших доноров фонда. Страна стремится к тому, чтобы средств хватало на покрытие кризисных расходов всех стран-участниц. Кроме того, поддержка этого фонда способствует надзору за глобальным финансовым регулированием, поскольку оно влияет на политику США. Также лидерство США в фонде усиливает влияние страны на формирование международной экономической повестки, что делает американскую политику фундаментальной, несмотря на глобализацию.

Однако несмотря на то, что американские теории международных отношений получили широкое распространение и признание практически во всем мире, критика этих теорий продолжает развиваться, как и появление новых теорий, которые в конкретном историческом контексте могли бы дать больше объяснений тому, как функционирует мир. Например, теория марксизма повлияла на изменение гегемонии американских теорий ИК в Европе в XX веке.

Теория марксизма повлияла на ограниченное распространение американской политики, так как она предоставила альтернативу для понимания мира в критический момент истории. Ученые-марксисты писали, что капитализм эксплуатирует население, ведет к неравенству и империализму. В XX веке, во время европейского кризиса, такая теория нашла большой успех среди теоретиков. Марксисты утверждали, что западные державы, такие как США, эксплуатируют мир только ради собственной экономической выгоды. Андре Франк утверждал, что именно империализм Соединенных Штатов не дает странам развиваться, а лишь способствует усилению зависимости от США, что приводит к глобальному неравенству стран. Кроме того, марксистская теория повлияла на развитие азиатских стран. Антиколониальная теория повлияла на развитие освободительных движений в Китае. Мао Цзэдун использовал марксистские принципы в качестве

основы своей борьбы против распространения империализма и колониализма. Таким образом, они повлияли на развитие новых теорий международных отношений, независимых от США.

Также можно отметить, что глобализация повлияла на расширение международного обмена информацией в области международных отношений. Благодаря глобализации региональные исследователи смогли разработать новые теории, которые более точно отражают политику Азии. Например, в теории конфуцианства, как и в американских ИК-теориях, есть элементы о государственном устройстве и власти, которые описывают актуальность современной китайской внешней политики, как утверждает Ши⁵. В теории конфуцианства также прослеживается принцип поддержания всеобщей гармонии для сохранения международного глобального порядка, который можно увидеть в теории американского либерализма. Более того, конфуцианство легло в основу внешней политики Китая, которая гласит, что государство должно нести международную ответственность.

Несмотря на это, Ачарья и Бузан утверждают, что, в конце концов, азиатские теории международных отношений основаны на западных теориях и не являются оригинальными⁶. Автор утверждает, что азиатские теории берут свое мышление и мировоззрение, а не навязывают его существующим американским теориям, таким как реализм и либерализм. Таким образом, можно сделать вывод, что новые теории международных отношений по-прежнему являются продуктом деятельности американских политиков.

В этой связи предметно влияние теорий глобализации на проблему информационной безопасности в субрегиональном масштабе. Что касается положений ШОС касательно международной информационной безопасности, то организация перенесла свои дипломатические идеи уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела государств, равенства и взаимоуважения в выполнении международных норм (без двойных стандартов) и борьбы с сепаратизмом, экстремизмом и терроризмом в киберпространстве.

На самом деле, интересно, что в соответствии с китайским и российским видениями безопасности ШОС предлагает информационную безопасность воплощенную в Соглашении между правительствами государств-членов Соглашение ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, подписанное Китаем, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном

5 Shih C.Y., & Huang C.C. (2016). Balance of relationship and the Chinese School of IR: being simultaneously Confucian, post-Western and post-hegemonic. In *Constructing a Chinese School of International Relations* (pp. 187-201). Routledge.

6 Acharya A., Buzan B. Why is there no non-western international relations theory? Ten years on // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2017. Vol. 17. №. 3. P. 341-370.

как эквивалент того, что Западные страны называют кибербезопасностью. Соглашение в области информационной безопасности было заключено в 2009 году после последствий кибератак в Эстонии (2007) и во время конфликта в Грузии (2008). И во второй статье в нем отражены следующие угрозы:

1. разработка и применение информационного оружия и подготовка к ведению информационной войны;
2. информационный терроризм;
3. информационное преступление;
4. использование доминирующего положения в киберпространстве в ущерб интересам и безопасности других государств;
5. распространение информации, наносящей ущерб политическим системам;
6. природные и/или антропогенные угрозы безопасному и стабильному функционированию глобальной и национальной информационной инфраструктуры⁷.

Таким образом, в дополнение к идеям ШОС, заложенным в этих представлениях, критикуется модель управления киберпространством, сосредоточенная в Соединенных Штатах. Определения войны и информационного терроризма — в приложениях к документу — становятся очень близкими к китайско-российским представлениям, в то же время испытывая влияние многостороннего подхода и взаимного доверия⁸. Кроме того, существует предложение о международном участии в дебатах по кибербезопасности/информационной инфраструктуре. Это международное взаимодействие уже можно увидеть в двух моментах в рамках Организации Объединенных Наций.

Первое состоялось 12 сентября 2011 года, когда четыре члена ШОС (то есть Китай, Россия, Таджикистан и Узбекистан) представили Организации Объединенных Наций проект Международного кодекса поведения в области информационной безопасности Генеральной Ассамблеи, который был отклонен. Второй момент был в 2015 году, когда шесть членов ШОС представили Генеральной Ассамблее ООН новый проект кодекса, который также был отклонен.

Этот отказ был основан на восприятии идей чрезмерного государственного контроля над киберпространством. Тем не менее, это важно подчеркнуть, что документ также предлагал подход равных прав в рамках новых рамок международных соглашений, в области киберпространства.

Следовательно, представляя противоположный взгляд в отношении

7 Shanghai Cooperation Organization (SCO). (2009). Agreement between the governments of state members of the Shanghai Cooperation Organization on cooperation in the field of ensuring the international information security. Retrieved July 10th, 2018.

8 Там же.

международного права вопреки взглядам стран НАТО, поскольку те выступают за использование существующей развитой системы международного права с незначительными изменениями, предложенными в Таллинском руководстве, подготовленным Центром передового опыта НАТО в области кибернетического сотрудничества и обороны (CCDCOE).

Информационная безопасность актуальна для членов ШОС, поскольку она имеет практические последствия в экономике стран, особенно в энергетической и транспортной инфраструктурах, которые объединяют государства. Аналогичным образом, в свете настоящего документа можно сказать, что, несмотря на столкновение между двумя державами в Азиатском регионе, охватываемом ШОС, существует единство взглядов и схожие международные цели. Другими словами, есть модель, по крайней мере, в руководстве Организации, у которой есть структурированный подход по вопросам обеспечения кибербезопасности.

Более того, стоит подчеркнуть, что существует разница между концепцией кибербезопасности и информационной безопасности. Кроме того, взгляды стран-членов ШОС идут вразрез с преобладанием североамериканской проекции осуществления контроля над киберпространством.

Отдельного упоминания заслуживает и организация ОДКБ. Страны которой сталкиваются с рядом основных общих проблем, с которыми сталкивается государство при разработке своей стратегии информационной безопасности:

1. Границы так называемого «информационного суверенитета» не определены. Государственный суверенитет, как известно, четко определен законодательством, границами государства, международными договорами, то есть институциональными правилами поведения для стран, но в информационном пространстве такие методы разграничения не работают из-за специфики информации и ИКТ как ресурса. На данный момент в конвенциях сформулированы лишь некоторые принципы и подходы, но зачастую не все они поддерживаются или нарушаются.

2. Проблема концептуализации информационной безопасности и информационной войны. Это включает в себя вопрос терминологии, институционализации, что создает значительные трудности в применении мер на практике.

3. Сложность проведения различия между гражданскими и военными целями в области ИКТ. Сама технология не является оружием, а критически важная инфраструктура не имеет статуса военного объекта. Таким образом, на практике вредное использование ИКТ для такой инфраструктуры трудно рассматривать как военные действия.

4. Проблема атрибуции, то есть сложность определения состава, источника угрозы.

Советник Отдела противодействия вызовам и угрозам Секретариата

ОДКБ Владислав Шушин также выделил ряд проблем, с которыми организация сталкивается на пути к достижению цели создания единого информационного пространства. По его словам, ни одно государство не может обеспечить свой информационный суверенитет в абсолютной форме. В настоящее время не существует единых, согласованных на международном уровне и поддерживаемых правил поведения в информационном пространстве, а технические достижения в области защиты информации пока не позволяют полностью защитить ваши информационные ресурсы от несанкционированного доступа⁹.

Именно поэтому региональное сотрудничество играет такую важную роль. Формирование общей системы коллективной безопасности напрямую зависит от наличия доверия между государствами. Укрепление доверия является одной из основных тем повестки дня каждого заседания органов ОДКБ, на нем обсуждаются обмен данными, совместные операции, технологическая и кадровая интеграция.

В свою очередь, активный компонент означает, что существует несколько (значимых) организаций, действующих в качестве субъектов информационного пространства, в функции которых входит установление отношений между правительствами и обществом, формирование имиджа региональной группировки и защита ее интересов на мировой арене. Субъектами информационного пространства, с научной точки зрения, являются информационные ресурсы, средства информационного взаимодействия и информационная инфраструктура. Как традиционные, так и онлайн-СМИ представлены на мировом медиа-рынке. В связи с этим усиливается запрос общества на использование информационных ресурсов.

Современные технологии, внедряемые в глобальном Интернете, позволяют освещать события в режиме реального времени практически для всего населения Земли. ОДКБ нуждается в подобной информационной кампании, которая представляла бы регион на мировой арене.

Информационная безопасность является такой же сферой интересов национальной обороны, как и прямые вооруженные угрозы. Особенность этого вида безопасности заключается в том, что сделать его доступным для отдельного государства крайне проблематично, а значит, необходимо срочно обратить на него внимание на региональном уровне. ОДКБ, как организация коллективной безопасности, является наиболее подходящей платформой для мониторинга в области информационной безопасности. Создание единого информационного пространства позволит нашему региону стать альтернативным, независимым и самостоятельным субъектом в рамках глобальной информационной системы, что на данный момент

⁹ Вызовы информационной безопасности и опыт ОДКБ. 2-я Международная конференция «Инфофорум-Югра» // Международная жизнь // URL: <https://interaffairs.ru/news/show/20062> (дата обращения 15.04.2024)

имеет большое значение. Основой этого информационного пространства должен стать набор сформулированных и оригинальных ценностей, отражающих особенности региона и его исторический путь, а также набор действующих лиц (СМИ), имеющих вес на мировой арене, которые вместе с остальным международным сообществом будут выстраивать свою политическую линию и укреплять региональные позиции в информационной повестке дня¹⁰.

Таким образом, глобализация, несомненно, повлияла на сферу международных отношений и способствовала распространению и развитию теорий международных отношений, государства представленных организаций нуждаются в разработке концептуальных программ информационной безопасности, определенного соглашения на региональном уровне. Тем не менее, страны стараются проецировать собственное видение в решении вопросов информационной безопасности на интеграционные объединения более высокого порядка, такие как Организация Объединенных Наций, для предложения новых моделей международного законодательства в цифровой сфере.

Библиографический список / References

1. Вызовы информационной безопасности и опыт ОДКБ. 2-я Международная конференция «Инфофорум-Югра» // Международная жизнь // URL: <https://interaffairs.ru/news/show/20062> (Дата обращения: 15.04.2024)
2. Гончаров Д.К., Айдарова Е.М. Экономика упоминаний в информационном обществе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 7-2(46). С. 97-99.
3. Acharya A., Buzan B. Why is there no non-western international relations theory? Ten years on // International Relations of the Asia-Pacific. 2017. Vol. 17. №. 3. P. 341-370.
4. Gaddis J.L. The long peace: Elements of stability in the postwar international system. International security, 1986. № 10 (4). P. 99-142.
5. Buchan B. Explaining war and peace: Kant and liberal IR theory. Alternatives, 2002. № 27 (4). P. 407-428.
6. Hoffmann, Stanley 'An American social science: international relations' re-printed in his (ed.), Janus and Minerva: Essays in the Theory and Practice of International Politics (Boulder, CO: Westview Press). 1987 [1977]. P. 3-24.
7. Nye J.S. Soft power // Foreign policy. 1990. №. 80. P. 153-171.
8. Shih C.Y., Huang C.C. Balance of relationship and the Chinese School of IR: being simultaneously Confucian, post-Western and post-hegemonic. In Constructing a Chinese School of International Relations. 2016. P. 187-201.
9. Shanghai Cooperation Organization (SCO). Agreement between the governments of state members of the Shanghai Cooperation Organization on cooperation in the field of ensuring the international information security. Retrieved July 10th, 2018. 2009.

¹⁰ Гончаров Д.К., Айдарова Е.М. Экономика упоминаний в информационном обществе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 7-2 (46). С. 97-99.

Аннотации

Акулич Е.М.

Филимонцева Е.В.

Специфика и возможности творческих (креативных) индустрий в культуре повседневности студенческой молодежи Тюменского региона

Творческие (креативные) индустрии все больше становятся своевременным потенциалом развития гуманитарного сектора экономики. Однако в Российской Федерации, несмотря на высокий уровень образованности, развития науки и богатое историческое, культурное наследие, доля творческих (креативных) индустрий в экономике страны составляет лишь 2,23 процента.

Возможности творческих (креативных) индустрий в культуре повседневности, образованию студенческой молодежи все больше привлекают будущих специалистов проектным обучением, разнообразными культурно-творческими практиками, социальными проектами и современными технологиями, образовательными траекториями профессионального развития.

Ключевые слова: концепция развития творческих (креативных) индустрий, тенденции развития, задачи и принципы развития творческих (креативных) индустрий, творческие индустрии для городского развития, образовательного и профессионально-творческого развития, креативные индустрии образования, проектное обучение, культура повседневности студенческой молодежи, культурные продукты, социальные проекты.

Лукина А.Г.

Этнический код якутов в современном сценическом искусстве (на примере хореографического спектакля «Ситим» национального театра танца РС (Я) имени С.А. Зверева)

Актуальность темы обусловлена тем, что в ходе интенсификации глобализационных процессов культурное наследие, в том числе и танцевальная культура многих народов, стоят перед угрозой исчезновения. Особенно уязвимы традиционное культурное наследие коренных малочисленных народов Севера. В данное время прослеживается утрата традиционных черт этнической культуры, нивелируются этнические коды, трансформируются существенные элементы традиционной культуры.

Актуальность данной темы сопряжена и с тем, что до сих пор недостаточно полно разработаны концептуальные подходы к изучению проблем взаимодействия и взаимовлияния традиционной культуры и современного сценического искусства.

В статье речь идет об инновациях, внедренных в хореографическом спектакле «Ситим» Национального театра танца Республики Саха (Якутии) имени С.А. Зверева-Кыыл Уола.

В искусствоведении недостаточно изучены и разработаны вопросы инновации в языке этнического танца. Не разработаны механизмы внедрения культурных кодов, смыслов, идей в сценические формы современного театра. Включение этнических кодов в современное сценическое искусство обогатит его новыми смыслами. Проводится анализ сегментирования в структуру спектакля этнического кода, разработка концептуальных подходов к сценической интерпретации.

Ключевые слова: традиции, культура, сохранение, новации, спектакль, хореография, фольклор, танец, образ, идея, смыслы, танцевальная лексика, код, интерпретация.

Петрова С.И.

Кризис репрезентации в культуре: анализ проблемы

Кризис репрезентации в культуре - это ситуация, когда традиционные способы представления и интерпретации культурных явлений становятся недостаточными или неадекватными. Это влияет на развитие культуры в целом, ограничивая разнообразие творческих голосов и перспектив, что приводит к обеднению культурного ландшафта и снижению потенциала для инноваций и развития новых форм культурного самовыражения. В статье показывается, что кризис репрезентации в культуре является симптомом глубоких трансформаций, затрагивающих основы культурного самопознания и самовыражения социума. Это свидетельствует о том, что для преодоления кризиса репрезентации нужны системные изменения на всех

уровнях учитывающий как технологические, так и социокультурные аспекты современного общества. Это долгосрочный процесс, требующий постоянного переосмысления и адаптации стратегий в соответствии с меняющимися условиями культурной среды.

Ключевые слова: культура, кризис, кризис репрезентации, среда, общество, процесс, СМИ.

Асизули Ахемула

Культурная коммуникация в Центральной Азии: сравнительный анализ уйгурских и узбекских пословиц

Центральная Азия как ядро древнего Шелкового пути была и остается плавильным котлом мультиэтнической и мультикультурной интеграции. Путем сравнительного анализа автор статьи выявляет сходства и различия пословиц в уйгурском и узбекском языках. Несмотря на то, что уйгурский и узбекский языки принадлежат к одной языковой семье – алтайской, их пословицы различаются, что обусловлено культурным фоном, образом жизни, географическим положением, природной средой и образом мышления их носителей. Уйгурские пословицы известны своей устойчивостью, полнотой, глубиной мысли, и музыкальностью, в то время как узбекские характеризуются особым разговорным языком, простой и лаконичной структурой предложений и ритмическими особенностями. Пословицы обоих языков широко используют риторические приемы с целью усиления выразительности, такие как метафора, гиперболы и метонимия. С точки зрения конкретного выражения, выбора лексики и подчеркнутых ценностей, каждый из этих языков отражает уникальные культурные характеристики и языковые привычки. В заключении статьи автор отмечает важное место пословиц в народной литературе Центральной Азии, их значимую роль в поддержании и развитии культурного разнообразия региона и содействии культурному обмену и взаимопониманию внутри и за его пределами.

Ключевые слова: уйгурские пословицы, Центрально-Азиатский регион, узбекские пословицы, риторические приемы, народная литература.

Калинин В.В.

Военная символика как инструмент политического влияния

Статья посвящена исследованию военной символики как инструмента политического влияния в условиях современных информационных войн. Анализируются механизмы воздействия военной символики на общественное сознание и формирование политических нарративов через визуальные и аудиальные артефакты, ритуалы и знаковые системы. Рассматриваются семантические трансформации символов, их использование в избирательных кампаниях и массовых протестах, а также методы манипуляции мнением граждан под воздействием военной символики. Особое внимание уделяется культурным кодам, заложенным в визуальных образах, и анализу функций военной символики, включая мобилизационную, идентификационную и пропагандистскую.

Ключевые слова: военная символика, политическое влияние, информационные войны, визуальные коммуникации, манипуляция, коллективная идентичность, пропаганда.

Качковский С.С.

Вода, репильные божества, первая жертва и коды мироздания: космогония догонов в контексте общемирового культурного наследия

Спустя 60 лет после опубликования в издании французского Института этнологии последней крупной работы М. Гриоля и Ж. Дитерлен по культуре африканского племени догонов, труды этих ученых остаются практически единственным источником сведений о предмете. В то же время космогония догонов подробно не исследовалась в ее связи с представлениями народов-прародителей современной цивилизации: древних шумеров, египтян, китайцев, индийцев, народов Центральной Америки, хотя при ближайшем рассмотрении связь настолько прочна, что едва ли может считаться простым совпадением. Космогония догонов восходит к древнейшим пластам египетской культуры (Огдоаде), концепции умирающего и воскресающего бога (Осирис, Думузи, Аттис и др.), понимании воды как первичной субстанции, в которой зародилась жизнь, а также повсеместной истории о «репильных

предках» человечества. Особое место занимает представление о 64 принципах устройства человеческой цивилизации, имеющее признаки родства с древней китайской системой гексаграмм И-цзин и месопотамской концепцией Мэ. Обнаруженные явные параллели в космогонических концепциях, вплоть до мелких деталей, бросают вызов современным исследователям в сфере культурологии, истории, этнологии и в других областях.

Ключевые слова: догоны, космогония, рептильные божества, первичные воды, жертвоприношение, гермафродит, обрезание, номмо, апкаллу, огдоада.

Лин Тун

К вопросу о распространении и влиянии идей конструктивизма на пластическое искусство Китая

Статья посвящена современному развитию пластического искусства Китая под влиянием русского авангарда, особенно идей конструктивизма Владимира Татлина. Движение происходило в условиях непрерывающегося поиска новых форм, подразумевающих забвение всего «старого», отказ от «искусства ради искусства», демонстрируя огромное значение конструктивизма как движущей силы социальных изменений под лозунгом - «Отныне искусство должно было служить производству». Данное исследование актуально, так как данная тема в слабо представлена в культурологических исследованиях России, так как приведены результаты теоретического и аналитического исследования автора. Китайскому скульптору Чжэн Кэ были близки новаторские идеи Владимира Татлина. Исследуя творчество китайского художника, автор статьи находит некоторое сходство их жизненного пути, полное многочисленных экспериментов и проектов. Автор утверждает, что именно творческий проект «Башня Татлина» с движущейся конструкцией с телеграфом и типографией — стала мощным импульсом для создания большого количества фантастических проектов, в которых отразилось синтетическое понимание искусства скульптуры. Татлин выдвинул концепцию «архитектурной скульптуры», преодолевшей границы между архитектурой и скульптурой, что повлияло на создание нового направления в развитии искусства скульптуры во всем мире, в том числе и в творчестве китайских мастеров. В заключении статьи автор подчёркивает, что творчество и педагогическая деятельность Чжэн Кэ в свою очередь оказали сильное влияние на подготовку молодых скульпторов и дизайнеров Китая, визуальный анализ произведений которых будет представлен в следующей статье.

Ключевые слова: Россия, Китай, Владимир Евсеевич Татлин, русский авангард, конструктивизм, Чжэн Кэ, современная скульптура, дизайн.

Сафонова Е.А.

Апробация действенности командообразования средствами квест-технологий

Материал представляет собой исследование укрепления атмосферы причастности средствами квест-технологий. Автор оценивает возможности достижения положительного результата, путем формирования мотивации к сотрудничеству благодаря реализации алгоритма квеста. В работе представлены итоги апробации практического опыта. Эффективность и целесообразность исследования рассмотрена в тексте публикации. В рамках анализа, автор выделяет квест-технологии в отдельную форму творческой деятельности эпохи метамодерна.

Ключевые слова: исследование, апробация, квест, командообразование, атмосфера причастности, метамодерн.

Савостьянова Л.В.

Концепция «место памяти» Пьера Нора в деятельности современного российского музея

Представления людей о специфике музейной деятельности начали складываться уже в эпоху Ренессанса (XIII-XVI). Однако потребовалось много времени, чтобы исследователи занялись изучением проблемы сохранения культурных и природных объектов. После окончания Великой Отечественной войны проблемой номер один стало сохранение, восстановление разрушенного народного хозяйства и, следовательно, актуальной темой для музеев стал вопрос о сохранении объектов культурного и природного наследия. Просветительская и

образовательная деятельность российских, в том числе и крымских музеев, ориентированная на повышение культурного уровня населения, увеличивает шансы музейного объекта сохраниться и в полной мере использовать его возможности для музейной деятельности. Сохранение объектов культурного наследия формирует ответственное отношение к культурному наследию страны сейчас рассматривается как особо значимый элемент музейной деятельности, так как оно влияет на все сферы жизнедеятельности общества. Сохранение имеющегося наследия рассматривается как своеобразный код, через который историческая память интегрируется в текущие процессы жизнедеятельности. Утрата культурного наследия неизбежно приведет к разрывам исторической памяти. По этой причине цель настоящего исследования – поиск новых эффективных методов сохранения культурного наследия, одним из которых является адаптированная концепция Пьера Нора «место памяти».

Ключевые слова: концепция «место памяти», Fr. Lieu de memoir/eng, place of memory, P. Нора, коммеморация, культурное наследие, социальный институт.

Лянь Лю

Применение методов психологического анализа рисунков в просвещении студентов колледжей по вопросам психологического здоровья

Психологический анализ рисунков преимущественно основывается на теориях психологической проекции и функционального разделения мозговой деятельности. Техника психологического анализа рисунков отличается простотой, легка в применении и способствует преодолению защитных механизмов личности. В данной статье автор приводит примеры применения методов психологического анализа рисунков в просвещении студентов колледжей по вопросам психологического здоровья, в том числе в форме индивидуального консультирования, психологических опросов и курсов. Автор использует метод психологического анализа рисунков «дом – дерево – человек», а также методы анализа признаков рисунка: волнистых линий, связанных с эмоциональной сферой, перекрестных линий, отражающих межличностные отношения, а также анализ автопортрета. Психологический анализ рисунка может отражать внутреннее состояние и черты нарисовавшей его личности, позволяет рассматривать их с точки зрения проекции. Рисующий человек не ограничивается в выборе художественного языка и средств выразительности, что может способствовать снижению сопротивления. Рисование может стимулировать энтузиазм к участию, способствует эмоциональному выражению и высвобождению, применению индивидуального подхода в процессе обучения, повышает эффективность обучения по вопросам психологического здоровья. Применение методов психологического анализа рисунков в психологическом образовании студентов колледжей – это исследовательская инновация как по содержанию, так и по форме. Применение методов психологического анализа рисунков оказывает положительное влияние на практику просвещения по вопросам психологического здоровья. В индивидуальном консультировании можно выявить негативные эмоциональные характеристики и проанализировать личностные особенности. В психологической кризисной интервенции психологический рисуночный тест оценивает негативные эмоции и психологические состояния учащихся, выявляет характеристики негативных эмоций и факторы суицидального риска в их рисунках, а также компенсирует высокую внешнюю валидность бумажных тестов и отсутствие замаскированных ответов участников.

Ключевые слова: психология рисунка, арт-терапия, просвещение по вопросам психологического здоровья, методика «дом—дерево—человек».

Саратовский С.В.

Мифологические аспекты дороги в русских народных сказках

В статье исследуются мифологические аспекты образа дороги в русских народных сказках, анализируя его семантическую структуру и архетипические функции. Рассмотрены культурные коды и ментальные архетипы, отражающие народное мировосприятие через призму мифопоэтики. Дорога интерпретируется как символ жизненного пути и инициации героя, а также как медиатор между различными онтологическими реальностями. Основное внимание

уделено функциональному анализу архетипа «дороги» с использованием литературоведческих и культурологических методов, что позволяет выявить взаимосвязи между сказочными сюжетами и мифологическими концептами. Результаты исследования подчеркивают значимость образа дороги в формировании этнической идентичности и национального самосознания.

Ключевые слова: дорога, мифология, русские народные сказки, архетип, инициация, культурный код, мифопоэтика, народное мировосприятие.

Лян Чжэньминь

Исследование орнамента Южного Вьетнама, как элемента художественной культуры государства Наньюэ

В статье в качестве объекта исследования рассматривается орнамент – древний образец художественной культуры и декоративно-прикладного искусства южновьетнамского периода в условиях взаимовлияния множества культур восточной Азии в древности. Благодаря анализу декоративных узоров на археологических находках раскопанных культурных реликвий в гробница короля Южного Вьетнама и руинах дворцового комплекса, нам раскрывается политическая, экономическая, культурная, иерархическая система и другие факторы, а также демонстрируется уникальная художественная ценность этого периода истории Китая. В статье рассматривается семантика орнамента, как художественного кода в условиях столкновения множества культур, с целью сохранения китайского культурного наследия через его внедрение в практику современного дизайна.

Ключевые слова: Южный Вьетнам, традиционная культура, декоративный узор, декоративно-прикладное искусство, орнамент, мультикультурализм, исторический код.

Гаврилюк Н.П.

Ледиу Е.И.

Механизмы правового регулирования положения меньшинств: от парижской конференции до Лиги Наций

В статье предпринята попытка исследования механизмов правового регулирования положения национальных и этнических меньшинств в период между окончанием Первой мировой войны и созданием Лиги Наций. Анализируются ключевые этапы развития международного права в этой области, начиная с решений Парижской мирной конференции 1919 года, которая заложила основы для создания системы защиты прав меньшинств. Особое внимание уделяется мандатам Лиги Наций, а также различным договорам и соглашениям, заключенным в рамках Версальско-Вашингтонской системы. Рассматриваются успехи и неудачи этих механизмов, их влияние на положение меньшинств в межвоенный период, а также причины по которым система защиты прав меньшинств оказалась недостаточно эффективной. В заключение представлены выводы о значении этого исторического опыта для современного международного права и политики в отношении меньшинств.

Ключевые слова: Первая мировая война, Парижская конференция, Лига Наций, Версальско-Вашингтонская система, меньшинства, нация.

Нансо М.Д.

Агирбов Т.А.

Русофобский дискурс неолиберальной идеологии

В статье рассматривается русофобский тренд неолиберализма. Исследуются основные характеристики русофобии, раскрываются условия и факторы, которые ведут к возникновению русофобских настроений. Русофобия рассматривается как социальный феномен, оказывающий негативное влияние на общественное и индивидуальное бытие. Показываются различные «образы» русофобии в качестве идеологии, мировоззрения, социальной практики. Прослеживается востребованность русофобского дискурса современными социально-историческими реалиями. Анализируется феномен «культуры отмены».

Ключевые слова: неолиберализм, русофобия, этноцентризм, дискриминация, национальная исключительность, «культура отмены», идеологема.

Филошкина Д.В.

Калабекова С.В.

Влияние ксенофобии на межкультурные отношения: стратегии преодоления и интеграции

В статье рассматривается феномен ксенофобии с точки зрения его социальной сущности. Автор анализирует понятие ксенофобии и её ключевые аспекты, а также изучает факторы, способствующие возникновению этого явления. Предметом рассмотрения статьи является социальная сущность данного феномена, а объектом – ксенофобия. Рассматриваются условия возникновения ксенофобии. В исследовании изучаются разные виды ксенофобии, демонстрируется их связь и взаимное влияние друг на друга. Ксенофобия исследуется в контексте бинарности «мы-они». Анализируется влияние социальных различий, ин-групповых и аут-групповых интересов на содержание и социальную природу ксенофобии. Раскрываются риски ксенофобии, вызванные усилением процессов глобализации и стремлением этносов к сохранению локальности. Методологическую основу исследования составили диалектический, системный подходы, рассмотрение проблемы в её конкретно-историческом контексте, в единстве и всесторонности. В статье представлены новые научные идеи, а рассматриваемые проблемы актуальны, так как ксенофобия угрожает стабильности общества. Социальная природа ксенофобии связана с преувеличением социальных различий. Эгоцентризм и этноцентризм в их негативном проявлении составляют основу ксенофобии.

Ключевые слова: глобализация, ксенофобия, социальное различие, эгоцентризм, этноцентризм, ин-группа, аут-группа, идентичность, интолерантность, дискриминация.

Саляхутдинов В.Ф.

Структура и функции цифрового государства в современной России

В статье на материалах авторского исследования обосновывается, что в состав цифрового Российского государства входят такие элементы, как единый портал государственных и муниципальных услуг; единая система межведомственного электронного взаимодействия; национальная платформа распределенной обработки данных; единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме; информационная система головного удостоверяющего центра; цифровая валюта (цифровой рубль); системы искусственного интеллекта. Делается вывод, что функциями современного Российского государства являются: защита суверенитета в цифровой среде, представление в киберпространстве цифрового состояния реального государства, внедрение технологических инноваций в процесс оказания государственных услуг, упрощение организационно-управленческих процедур, построение многочисленных и разнообразных каналов интерактивной коммуникации между государственным и частным секторами.

Ключевые слова: цифровое государство, информационный суверенитет, электронное правительство, информационно-коммуникационные технологии, Россия.

Дорохова Н.А.

Особенности международной торговли услугами Российской Федерации и США

На протяжении последних десятилетий Соединенные Штаты занимают лидирующие позиции по торговле услугами в мировой экономике. Доля торговли услугами превышает долю торговли товарами в национальном ВВП Соединённых Штатов. В Российской Федерации динамичное развитие сектора услуг началось относительно недавно, но уже сейчас именно сектор услуг обладает наибольшим весом в национальном ВВП страны. В свою очередь это указывает на возросшую роль сектора услуг при определении внешнеторговой позиции страны на мировой арене и анализе возможностей для конкретной страны дальнейшего укрепления своей позиции.

В статье автором рассматриваются особенности и проводится сравнительный анализ основных показателей экспорта и импорта услуг из Российской Федерации и США за период

2005-2023 гг. на основе данных Международного Валютного Фонда (МВФ).

Ключевые слова: платежный баланс, экспорт услуг, импорт услуг, обмен услугами.

Напсо М.Б.

Агирбов Т.Р.

К вопросу о современных стратегиях эскапизма

В статье проблематика эскапизма рассматривается в контексте причин и последствий востребованности стратегий эскапистского поведения. В силу этого авторы имели целью определить факторы, обуславливающие распространение эскапизма и приверженность индивидов эскапистским стратегиям в современных условиях, а также изучить практики их использования 1) как способа выхода из травмирующей ситуации, 2) как цели перемещения социальных практик в виртуальное пространство и 3) как средства увода от реальности. Сложность и многоаспектность феномена эскапизма объясняются взаимосвязью трех составляющих: характерных особенностей современной эпохи, провоцирующих эскапистские тенденции, условий окружающей среды, толкающих индивида на разрыв с ней, и свойств самой личности, предрасположенной к предпочтению стратегии эскапизма – и наличием в нем как позитивного, так и негативного потенциала. Причины роста числа приверженцев стратегий эскапизма авторы видят в сложном взаимодействии этих факторов и наличии все расширяющихся возможностей ухода от реальности.

Ключевые слова: эскапизм, иномирие, гибридное пространство, виртуальный эскапизм, протестный эскапизм, социальный эскапизм, внутренний эскапизм, гедонистический эскапизм, хикикимори.

Даянова Д.П.

О природе таланта. Через век – в современность

Сегодня назрела необходимость пересмотра материалов творческого наследия талантливых драматургов, режиссеров, актеров о которых сохранились штрихи-воспоминания, детали, изустно передающиеся как некий культурный код, несущий фундаментальные основы духовно-нравственного развития современного человека. В котором должны гармонично существовать базовые компоненты сформированного мировоззрения основных ориентиров жизнедеятельности непреходящих человеческих ценностей. Именно поэтому в исследовании уделено значительное внимание личности Салыха Мухутдиновича Хуснутдинова (авторский псевдоним Салых Хусни) – одного из основателей Театра кукол в городе Казани, драматурга, заслуженного артиста ТАССР, заслуженного деятеля ТАССР, главного режиссера театра кукол «Экият», человека, поднявшего на высокий уровень технологию работы с играющей куклой.

Ключевые слова: природа таланта, мир культуры, творческое наследие, искусство играющей куклы, жанровая специфика, жизненный материал, документальная драматургия, воспоминания реальных героев, духовное развитие личности, ценностные ориентации.

Гаврилюк Н.П.

Сорочан В.В.

Трансформация методологии полевых исследований в условиях цифровой среды

Цифровая трансформация оказывает глубокое влияние на методологию полевых исследований, открывая новые возможности для сбора данных их анализа и интерпретации. Внедрение цифровых технологий позволяет исследователям использовать разнообразные инструменты для проведения опросов, наблюдений и экспериментов, что изначально расширяет границы традиционных методов. Авторы подчеркивают важность сочетания традиционных научных методов с новыми цифровыми инструментами, чтобы сохранить высокую точность и надежность результатов исследований. Обсуждаются перспективы дальнейшего развития методологии полевых исследований в условиях цифровой среды и возможные вызовы, стоящие перед научным сообществом.

Ключевые слова: этнография, полевые исследования, методы, методология, цифровизация, онлайн-исследования, Интернет, нетнография.

Констан Прива Яколи**Европейский Союз сталкивается с проблемой новых требований интеграции со стороны стран-кандидатов**

В данной статье автором проводится исследование по выявлению проблем, связанных с проведением интеграции стран-кандидатов в Европейский союз. Актуальность темы обуславливается возрастающими международными противоречиями между давно существующими и вновь создающимися союзами стран различных континентов. Это обуславливает необходимость выявления причин расширения Евросоюза, а также определение препятствий на пути к этому. Следовательно, целью данной работы является изучение процессов решения Европейским союзом проблем, возникающих ввиду выдвижения новых требований интеграции со стороны стран, являющихся официальными кандидатами на членство в ЕС. В соответствии с целью были поставлены следующие задачи: определить и проанализировать текущее положение Европейского союза в международном сообществе; провести анализ текущего состояния деятельности стран-кандидатов на членство в Евросоюз; выявить проблемы проведения интеграции данных стран в европейское политическое пространство; определить дальнейшие тенденции развития Европейского союза. Стоит отметить, что в результате исследования было выявлено, что переломным моментом, обуславливающим продолжающееся расширение ЕС, стал 2022 год, в котором к странам-кандидатам присоединились еще четыре страны: Босния и Герцеговина, Грузия, Молдавия и Украина. В настоящее время на рассмотрении находится еще одна заявка на получение данного статуса от автономной республики Косово, ранее являвшейся частью Сербии. Несмотря на то, что все рассматриваемые страны так или иначе находятся в тесном взаимодействии друг с другом, располагаясь на территории Европы, каждая из них имеет свои особенности, в результате которых перед Евросоюзом возникают новые требования к интегративным процессам государств, планирующих войти в его состав. Так, например, ситуация с Украиной осложняется наличием конфликта между ней и Россией, а ситуация с Косово - наличием конфликта республики и Сербии. Все это обуславливает ряд определенных трудностей, в результате работы над которыми либо произойдет достижение между странами синергетического эффекта, либо это приведет к разрушению устоявшейся системы и прекращению сотрудничества вовсе.

Ключевые слова: Европейский Союз, интеграция стран, страны-кандидаты в ЕС, требования стран к интеграции, ЕС и интеграция стран, процесс интеграции, интеграция.

Фэн Шилинь**Как визуальная коммуникация в новостях играет ведущую роль в межкультурной коммуникации**

Статья посвящена исследованию значимости визуальной коммуникации в новостных медиа как ключевого фактора успешного взаимодействия между различными культурами. В условиях глобализации информационных потоков и многообразия культур визуальные элементы становятся универсальным языком, который способен преодолевать языковые барьеры и создавать общее пространство для диалога.

Исследование основывается на теоретическом анализе и эмпирических данных, собранных посредством контент-анализа ведущих мировых новостных изданий. Особое внимание уделено основным видам визуальных средств, таким как инфографика, фотографии, видеоматериалы, а также их способности передавать сложные идеи и эмоции. В статье рассматриваются примеры успешной межкультурной коммуникации, достигнутой благодаря грамотному использованию визуальной информации, и проводится сравнительный анализ эффективности визуальных средств в различных культурных контекстах.

Кроме того, исследование затрагивает вопросы этики и интерпретации визуального контента, подчеркивая необходимость учета культурных особенностей и чувствительности аудитории. Статья предлагает рекомендации по оптимизации визуального контента в новостных сообщениях с учетом культурного разнообразия, что может способствовать не только повышению уровня межкультурного понимания, но и конкурентоспособности медиа на глобальной арене.

Таким образом, представленная работа расширяет академическое понимание роли визу-

альной коммуникации в новостях, предлагая новые перспективы для исследователей медиа-студий, культурологов и профессионалов в области коммуникации.

Ключевые слова: визуальная коммуникация, интеркультурализм, новостные медиа, культура, визуальные образы, инфографика, глобализация, культурный обмен, медийное воздействие, визуальный контент.

Чжан Кай

Невраева Н.Ю.

Кабанов А.М.

Пыrkова Т.А.

Яценко О.Ю.

Влияние культурных различий между русским и китайским языками на машинный перевод

Машинный перевод в последние годы значительно продвинулся благодаря нейронным сетям и искусственному интеллекту, что позволило добиться улучшения точности перевода, особенно для простых и средних текстов. Однако при переводе литературных произведений и текстов с культурными особенностями, как в случае с русским и китайским языками, всё ещё существуют существенные проблемы. Культурные различия между языками, а также влияние контекста на точность перевода остаются значительным вызовом. Особенно трудно электронному ресурсу передать специфические культурные элементы, такие как религиозные термины, исторические отсылки или социальные нюансы, что часто приводит к потере смысла или искажению текста.

Ключевые слова: машинный перевод, точность перевода, культурные различия.

Констан Прива Яколи

Субрегиональные организации, стоящие перед вызовами глобализации

Проблема измерения роли глобализации в пространстве международных отношений, в том числе в наднациональном масштабе остается актуальной до сих пор. Глобализация как процесс интеграции обществ и экономик повлияла на развитие сферы международных отношений. Хотя глобализация позволила разработать новые теории международных отношений, американские теории остаются главными и основными теориями, которые описывают мировые события и международные отношения в целом. Глобализация, под которой понимается продолжающаяся интеграция стран по всему миру, в настоящее время широко распространена по всему земному шару. Этот сложный процесс включает в себя взаимодействие капитализма и демократии и имеет различные преимущества и недостатки. Он способен как расширять, так и лишать прав отдельных людей и сообщества. Поэтому американские теории, такие как либерализм, реализм и конструктивизм, остаются базовыми теориями, на которые накладываются новые теории. Например, классический реализм, родом из Англии, тесно связан с теорией американского реализма. Кроме того, в XX веке широкое распространение получила теория марксизма, возникшая в Западной Европе. Таким образом несмотря на то, что благодаря глобализации теории международных отношений стали развиваться на других континентах, американские теории международных отношений остаются основополагающими.

Несмотря на кажущуюся тенденцию к дезинтеграционным процессам в мировом взаимодействии взаимозависимость стран друг от друга в глобальной перспективе не поддается сомнению. В том числе это касается аспектов, связанных с интеграцией государств в субрегиональном масштабе. Особенно эта тема актуальна в контексте разговоров об информационной безопасности государств в условиях киберугроз и значимой роли ИКТ в жизни современного общества. В работе уделено внимание таким субрегиональным организациям как ШОС и ОДКБ в контексте вызовов глобализации, следствием которой оказывается безграничное распространение информации.

Ключевые слова: субрегиональные организации, глобализация, международные отношения, политический реализм, либерализм, глобализм, конструктивизм, ШОС, ОДКБ.

Abstracts

Akulich E.M.

Filimontseva E.V.

Features of creation and development of creative (artistic) industries in education and culture of the Tyumen region

Creative industries are increasingly becoming a timely potential for the development of the humanitarian sector of the economy. However, in the Russian Federation, despite the high level of education, scientific development and rich historical and cultural heritage, the share of creative industries in the country's economy is only 2.23 percent.

The opportunities of creative industries in the culture of everyday life, the education of students is increasingly attracting future specialists with project training, a variety of cultural and creative practices, social projects and modern technologies, educational trajectories of professional development.

Key words: concept of the development of creative (creative) industries, development trends, tasks and principles of the development of creative (creative) industries; creative industries for urban development, educational and professional and creative development, creative industries of education, project training, culture of everyday life of students, cultural products, social projects.

Lukina A.G.

The ethnic code of Yakuts in modern stage art (on the example of the choreographic performance "Sitim" by the national dance theater of the republic of Sakha (Yakutia) named after S.A. Zverev)

The topic is relevant because cultural heritage, including the dance culture of many peoples, is facing the threat of extinction as globalization processes become more intense. Especially vulnerable is the traditional cultural heritage of small indigenous peoples of the North. Currently, the loss of traditional features of ethnic culture can be traced, ethnic codes are leveled, essential elements of traditional culture are transformed.

The relevance of this topic is also associated with the fact that conceptual approaches to the study of the problems of interaction and mutual influence of traditional culture and modern stage art are still not fully developed.

The article deals with the innovations introduced in the choreographic performance "Sitim" of the National Dance Theater of the Republic of Sakha (Yakutia) named after S.A. Zverev-Kyyi Uola.

The issues of innovation in the language of ethnic dance are insufficiently studied and developed in art history. The mechanisms of introducing cultural codes, meanings, ideas into the stage forms of modern theater have not been developed. The inclusion of ethnic codes in modern stage art will enrich it with new meanings. We analyze the segmentation of ethnic codes into the structure of the performance and develop conceptual approaches to stage interpretation.

Key words: traditions, culture, preservation, innovations, spectacle, choreography, folklore, dance, image, idea, notions, dance lexicon, code, interpretation.

Petrova S.I.

The crisis of representation in culture: an analysis of the problem

A crisis of representation in culture is a situation where traditional ways of representing and interpreting cultural phenomena become insufficient or inadequate. This affects the development of culture as a whole, limiting the diversity of creative voices and perspectives, which leads to an impoverishment of the cultural landscape and a decrease in the potential for innovation and the development of new forms of cultural expression. The article shows that the crisis of representation in culture is a symptom of profound transformations affecting the foundations of cultural self-knowledge and self-expression of society. This indicates that in order to overcome the crisis of representation, systemic changes are needed at all levels, taking into account both technological and socio-cultural aspects of modern society. This is a long-term process that requires constant rethinking and adaptation of strategies in accordance with the changing conditions of the cultural environment.

Key words: culture, crisis, crisis of representation, environment, society, process, mass media.

Asiguli Ahemula**Central Asian cultural communication: a comparative study of Uyghur and Uzbek proverbs**

Central Asia, as the core area of the ancient Silk Road, has always been a melting pot of multi-ethnic and multicultural integration. Through comparative analysis, this study reveals the similarities and differences between two proverbs. Research has found that although both Uyghur and Uzbek belong to the Altaic language family, the expression of proverbs varies due to cultural backgrounds, lifestyle habits, geographical locations, natural environments, and ways of thinking. Uyghur proverbs are known for their stability, completeness, thoughtfulness, and musicality, while Uzbek proverbs are characterized by their distinct colloquialism, simple and concise sentence structures, and rhythmic features. Proverbs of both languages extensively use rhetorical devices such as metaphor, exaggeration, and metonymy to enhance their expressive effect, but in terms of specific expression, vocabulary selection, and emphasized values, they each demonstrate unique cultural characteristics and language habits. The conclusion of this study emphasizes the important position of proverbs in Central Asian folk literature, as well as their irreplaceable role in maintaining and developing cultural diversity in Central Asia, promoting cultural exchange and understanding within and outside the region.

Key words: Uyghur proverbs, Central Asia region, Uzbek proverbs, Rhetorical devices, Folk literature.

Kalinin V.V.**Military symbols as a tool of political influence**

The article is devoted to the study of military symbols as a tool of political influence in the context of modern information wars. The mechanisms of the impact of military symbols on public consciousness and the formation of political narratives through visual and auditory artifacts, rituals and sign systems are analyzed. Semantic transformations of symbols, their use in election campaigns and mass protests, as well as methods of manipulating citizens' opinion under the influence of military symbols are considered. Special attention is paid to the cultural code embedded in visual images and the analysis of the functions of military symbols, including mobilization, identification and propaganda.

Key words: military symbols, political influence, information wars, visual communications, manipulation, collective identity, propaganda.

Kachkovskiy S.S.**Water, reptilian deities, the first sacrifice and the codes of the universe: Dogon cosmogony in the context of global cultural heritage**

60 years after the publication of the last major work by M. Griaule and J. Dieterlen on the culture of the African Dogon tribe in the publication of the French Institute of Ethnology, the works of these scientists remain practically the only source of information on the subject. At the same time, the Dogon cosmogony, apparently, has not been studied in detail in its connection with the ideas of the ancestor peoples of modern civilization: ancient Sumerians, Egyptians, Chinese, Indians, peoples of Central America, although upon closer examination the connection is so strong that it can hardly be considered a mere coincidence. Dogon cosmogony goes back to the most ancient layers of Egyptian culture (Ogdoad), the concept of a dying and resurrecting god (Osiris, Dumuzi, Attis, etc.), understanding of water as the primary substance in which life originated, as well as the ubiquitous story of the "reptilian ancestors" of humanity. A special place is occupied by the idea of 64 principles of the structure of human civilization, which has signs of kinship with the ancient Chinese system of hexagrams I-Ching and the Mesopotamian concept of Me. The obvious parallels discovered in cosmogonic concepts, down to small details, challenge modern researchers in the field of cultural studies, history, ethnology and other fields.

Key words: Dogon, cosmogony, reptilian deities, primary waters, sacrifice, hermaphrodite, circumcision, Nommo, Apkallu, Ogdoad.

Ling Tong**On the issue of distribution and influence of constructivism on Chinese art**

The article is devoted to the modern development of Chinese plastic art under the influence of

the Russian avant-garde, especially the ideas of constructivism by Vladimir Tatlin. The movement took place in the context of an incessant search for new forms, implying the oblivion of all “old”, the rejection of “art for art’s sake”, demonstrating the great importance of constructivism as a driving force of social change under the slogan - “From now on, art had to serve production.” This study is relevant because this topic is poorly represented in Russian cultural studies, as the results of the author’s theoretical and analytical research are presented. The Chinese sculptor Zheng Ke was close to the innovative ideas of Vladimir Tatlin. Exploring the work of the Chinese artist, the author of the article finds some similarities in their life path, full of numerous experiments and projects. The author claims that it was the creative project Tatlin Tower, featuring a moving structure with a telegraph and a printing press, that became a powerful impetus for creating a large number of fantastic projects that reflected a synthetic understanding of the art of sculpture. Tatlin put forward the concept of “architectural sculpture” that transcended the boundaries between architecture and sculpture, which influenced the creation of a new direction in the development of sculpture art around the world, including in the work of Chinese masters. In conclusion, the author emphasizes that Zheng Ke’s creative work and teaching activities, in turn, had a strong impact on the training of young sculptors and designers in China, whose visual analysis of works will be presented in the next article.

Key words: Russia, China, Vladimir Yevseyevich Tatlin, Russian avant-garde, constructivism, Zheng Ke, modern sculpture, design.

Safonova E.A.

Testing the effectiveness of team building using quest technologies

The material is a study of strengthening the atmosphere of involvement by means of quest technologies. The author evaluates the possibilities of achieving a positive result by forming motivation for cooperation due to the implementation of the quest algorithm. The work presents the results of testing practical experience. The effectiveness and feasibility of the study are considered in the text of the publication. As part of the analysis, the author identifies quest technologies as a separate form of creative activity of the metamodern era.

Key words: research, testing, quest, team building, atmosphere of involvement, metamodern.

Savostyanova L.V.

The concept of Pierre Nora’s “place of memory” in the activities of the modern Russian museums

For researchers to study the problem of preserving cultural and natural sites. After the end of the Great Patriotic War, the number one problem was the restoration of the destroyed economy and, consequently, the issue of preserving cultural and natural heritage sites became an urgent problem for museums. The educational and educational activities of Russian museums, including Crimean museums, aimed at improving the cultural development of the population, increases the chances of a museum object being preserved and making full use of its opportunities for museum activities. The preservation of cultural heritage objects forms a responsible attitude towards historical and cultural heritage. In the modern world, the problem of preserving cultural and natural heritage is of particular importance, as it affects all spheres of life.

Key words: concept of “place of memory”, Fr. Lieu de memoir/eng, place of memory, P. Nora, commemoration, cultural heritage, social institution.

Lian Liu

The application of painting psychological analysis techniques in psychological health education for college students

The psychological analysis of painting is mainly based on the theories of psychological projection and brain division of labor function. The psychological technique of painting is simple and easy to implement, which helps individuals eliminate their defenses. The paper introduces examples of the application of painting psychological analysis techniques in college students’ psychological health education, including individual counseling, psychological surveys, and psychological health education courses. Methods: This study uses the House-Tree-Person technique (HTP), a painting

psychological analysis technique applied in teaching, and uses the analysis techniques of emotional “wavy lines”, interpersonal relationship “cross lines”, and self-portrait analysis. Meaning: Painting psychological analysis can reflect the inner state and personality traits of the painter. Using painting to carry out psychological health education can analyze the psychological state and personality traits of visitors from a projection perspective. Painting is not limited by language and expression, which can reduce visitors’ resistance. The way of painting can stimulate visitors’ enthusiasm for participating in activities, and painting is conducive to emotional expression and release, enhancing the effectiveness and personalized guidance of psychological health education. The application of painting psychoanalysis in college students’ psychological health education is an exploration and innovation in both content and form. Conclusion: The application of painting psychological analysis techniques has a positive promoting effect on psychological health education practice. In individual counseling, it is possible to identify negative emotional characteristics and analyze personality traits. Through HTP, students’ psychological states can be further understood, which has a supplementary effect on psychological surveys. In psychological crisis intervention, the painting psychological test evaluates students’ negative emotions and psychological states, discovers the characteristics of negative emotions and suicide risk factors in students’ paintings, and compensates for the high surface validity of paper and pencil tests and the lack of participants’ disguised answers.

Key words: painting psychology, Art therapy, Psychological health education, HTP.

Saratovskii S.V.

Mythological aspects of the road in Russian folk tales

The article examines the mythological aspects of the image of the road in Russian folk tales, analyzing its semantic structure and archetypal functions. Cultural codes and mental archetypes reflecting the national worldview through the prism of mythopoetics are considered. The road is interpreted as a symbol of the hero’s life path and initiation, as well as as a mediator between different ontological realities. The main attention is paid to the functional analysis of the archetype of the “road” using literary and cultural methods, which allows us to identify the relationship between fairy-tale plots and mythological concepts. The results of the study emphasize the importance of the image of the road in the formation of ethnic identity and national identity.

Key words: road, mythology, Russian folk tales, archetype, initiation, cultural code, mythopoetics, folk worldview.

Liang Zhenying

A study of the ornament of South Vietnam as an element of the artistic culture of the state of Nanyue

The article considers ornament as an object of research – an ancient example of artistic culture and decorative and applied art of the South Vietnamese period in the context of the mutual influence of many cultures of East Asia in ancient times. Thanks to the analysis of decorative patterns on archaeological finds of excavated cultural relics in the tomb of the king of South Vietnam and the ruins of the palace complex, the political, economic, cultural, hierarchical system and other factors are revealed to us, as well as the unique artistic value of this period of Chinese history is demonstrated. The article examines the semantics of ornament as an artistic code in the context of a clash of multiple cultures, with the aim of preserving the Chinese cultural heritage through its introduction into the practice of modern design.

Key words: South Vietnam, traditional culture, decorative pattern, decorative and applied art, ornament, multiculturalism, historical code.

Gavrilyuk N.P.

Dediu E.I.

Mechanisms of legal regulation of the situation of minorities: from the Paris conference to the League of Nations

The article attempts to study the mechanisms of legal regulation of the situation of national and ethnic minorities in the period between the end of the First World War and the establishment of

the League of Nations. The key stages in the development of international law in this area are analysed, starting with the decisions of the Paris Peace Conference of 1919, which laid the foundations for the establishment of a system of minority rights protection. Particular attention is paid to the mandates of the League of Nations and the various treaties and agreements concluded under the Versailles-Washington system. The successes and failures of these mechanisms, their impact on the situation of minorities in the interwar period, and the reasons why the system of minority rights protection was not effective enough are examined. Finally, conclusions are drawn on the significance of this historical experience for contemporary international minority law and policy.

Key words: World War I, Paris Conference, League of Nations, Versailles-Washington system, minorities, nation.

Napso M.D.

Agirbov T.A.

Russophobic discourse of neoliberal ideology

The article considers the Russophobic trend of neoliberalism. The main characteristics of Russophobia are studied, the conditions and factors that lead to the emergence of Russophobic attitudes are revealed. Russophobia is considered as a social phenomenon that has a negative impact on social and individual existence. Various “images” of Russophobia as an ideology, worldview, and social practice are shown. The demand for Russophobic discourse in modern socio-historical realities is traced. The phenomenon of “cancellation culture” is analysed.

Key words: neoliberalism, Russophobia, ethnocentrism, discrimination, national exclusivity, “culture of cancellation”, ideologeme.

Filyushkina D.V.

Kalabekova S.V.

The impact of xenophobia on intercultural relations: coping and integration strategies

The article examines the phenomenon of xenophobia from the point of view of its social essence. The author analyzes the concept of xenophobia and its key aspects, as well as examines the factors contributing to the emergence of this phenomenon. The subject of the article is the social essence of this phenomenon, and the object is xenophobia. The conditions of the emergence of xenophobia are considered. The study examines different types of xenophobia, demonstrates their connection and mutual influence on each other. Xenophobia is explored in the context of the “us-them” binary. The influence of social differences, in-group and out-group interests on the content and social nature of xenophobia is analyzed. The risks of xenophobia caused by the intensification of globalization processes and the desire of ethnic groups to preserve locality are revealed. The methodological basis of the research is based on dialectical, systematic approaches, consideration of the problem in its specific historical context, in unity and comprehensiveness. The article presents new scientific ideas, and the issues under consideration are relevant, as xenophobia threatens the stability of society. The social nature of xenophobia is related to the exaggeration of social differences. Egocentrism and ethnocentrism in their negative manifestations form the basis of xenophobia.

Key words: globalization, xenophobia, social difference, egocentrism, ethnocentrism, in-group, out-group, identity, intolerance, discrimination.

Salyakhutdinov V.F.

The structure and functions of the digital state in modern Russia

The article, based on the materials of the author’s research, substantiates that the digital Russian state includes such elements as a single portal of state and municipal services; a unified system of interdepartmental electronic interaction; a national platform for distributed data processing; a unified system of identification and authentication in the infrastructure that ensures information and technological interaction of information systems used to provide state and municipal services in electronic form; an information system of the main certification center; digital currency (digital ruble); artificial intelligence systems. It is concluded that the functions of the modern Russian state are: protecting sovereignty in the digital environment, representing the digital state of the real state

in cyberspace, introducing technological innovations into the process of providing public services, simplifying organizational and managerial procedures, building numerous and diverse channels of interactive communication between the public and private sectors.

Key words: digital state, information sovereignty, electronic government, information and communication technologies, Russia.

Dorokhova N.A.

The characteristics of export and import of services in the Russian Federation and the USA

For the last decades, the United States has been leading in trade in services. The share of trade in services has exceeded the share of trade in goods in the GDP of the United States. In the Russian Federation the active development of the service sector has begun fairly recently, yet nowadays the service sector has accumulated the greatest share in the country's GDP. In turn, this indicates the increased role of the service sector in determining the foreign trade position of a country on the world stage and analyzing the opportunities for a particular country to further strengthen its position.

In the present article, the author examines the features and conducts a comparative analysis of the main indicators of export and import of services from the Russian Federation and the United States over the period from 2005 to 2023 based on the data from the International Monetary Fund (IMF).

Key words: balance of payments, export of services, import of services, exchange of services.

Napso M.B.

Agirbov T.R.

On the issue of modern escapism strategies

The article examines the problems of escapism in the context of the causes and consequences of the demand for strategies of escapist behavior. Because of this, the authors aimed to identify the factors contributing to the spread of escapism and individuals' commitment to escapist strategies in modern conditions, as well as to study the practices of their use 1) as a way out of a traumatic situation, 2) as a goal of moving social practices into virtual space, and 3) as a means of escape from reality. The complexity and multidimensional nature of the escapism phenomenon is explained by the interconnection of three components: the characteristic features of the modern era, provoking escapist tendencies, environmental conditions pushing the individual to break with it, and the properties of the personality itself, predisposed to prefer the strategy of escapism – and the presence of both positive and negative potential in it. The authors see the reasons for the increase in the number of adherents of escapism strategies in the complex interaction of these factors and the presence of ever-expanding opportunities to escape from reality.

Key words: escapism, otherworldliness, hybrid space, virtual escapism, protest escapism, social escapism, inner escapism, hedonistic escapism, hikikimori.

Dayanova D.P.

About the nature of talent through the century to the present

Today, there is a need to review the materials of the creative heritage of talented playwrights, directors, and actors about whom there are touches, memories, and details that are orally transmitted as a kind of cultural code that carries the fundamental foundations of the spiritual and moral development of modern man. In which the basic components of a well-formed worldview of the main guidelines for the life of enduring human values must harmoniously exist. That is why the study pays considerable attention to the personality of Salakh Mukhutdinovich Khusnutdinov (author's pseudonym Salakh Khusni), one of the founders of the Puppet Theater in Kazan, a playwright, Honored Artist of the TASSR, Honored Worker of the TASSR, chief director of the Ekiyat puppet Theater, a man who raised the technology of working with a playing doll to a high level.

Key words: the nature of talent, the world of culture, creative heritage, the art of a playing doll, genre specifics, life material, documentary drama, memories of real heroes, spiritual development of the individual, value orientations.

Gavrilyuk N.P.

Sorochan V.V.

Transformation of field research methodology in the digital environment

Digital transformation has a profound impact on field research methodology, opening new opportunities for data collection, analysis and interpretation. The introduction of digital technologies allows researchers to use a variety of tools to conduct interviews, observations and experiments, inherently pushing the boundaries of traditional methods. The authors emphasise the importance of combining traditional scientific methods with new digital tools in order to maintain high accuracy and reliability of research results. Prospects for further development of field research methodology in the digital environment and possible challenges facing the scientific community are discussed.

Key words: ethnography, field research, methods, methodology, digitalisation, online research, Internet, netnography.

Konstan P.K.

The European Union faces new integration demands from candidate countries

In this article, the author conducts a study to identify problems related to the integration of candidate countries into the European Union. The relevance of the topic is conditioned by the growing international contradictions between long-existing and newly created unions of countries of different continents. This necessitates the identification of the reasons for the expansion of the European Union, as well as the identification of obstacles on the way to this. Therefore, the purpose of this work is to study the processes of solving problems by the European Union arising from the introduction of new integration requirements by countries that are official candidates for EU membership. In accordance with the goal, the following tasks were set: to identify and analyze the current position of the European Union in the international community; to analyze the current state of activity of candidate countries for membership in the European Union; to identify problems of integrating these countries into the European political space; to identify further trends in the development of the European Union. It is worth noting that as a result of the study, it was revealed that the turning point leading to the continued expansion of the EU was 2022, in which four more countries joined the candidate countries: Bosnia and Herzegovina, Georgia, Moldova and Ukraine. Another application for this status from the Autonomous Republic of Kosovo, formerly part of Serbia, is currently under consideration. Despite the fact that all the countries under consideration are in close cooperation with each other in one way or another, being located on the territory of Europe, each of them has its own characteristics, as a result of which the European Union faces new requirements for the integration processes of states planning to join it. For example, the situation with Ukraine is complicated by the conflict between it and Russia, and the situation with Kosovo is complicated by the conflict between the republic and Serbia. All this causes a number of certain difficulties, as a result of which either a synergistic effect will be achieved between the countries, or this will lead to the destruction of the established system and the termination of cooperation altogether.

Key words: European Union, integration of countries, EU candidate countries, requirements of countries for integration, EU and integration of countries, integration process, integration.

Feng Shilin

How visual communication in the news plays a leading role in intercultural communication

The article is devoted to the study of the importance of visual communication in news media as a key factor in successful interaction between different cultures. In the context of globalization of information flows and diversity of cultures, visual elements are becoming a universal language that is able to overcome language barriers and create a common space for dialogue.

The research is based on theoretical analysis and empirical data collected through content analysis of the world's leading news publications. Special attention is paid to the main types of visual media, such as infographics, photographs, video materials, as well as their ability to convey complex ideas and emotions. The article examines examples of successful intercultural communication achieved through well-used visual information, and provides a comparative analysis of the effectiveness of visual media in various cultural contexts.

In addition, the study addresses issues of ethics and interpretation of visual content, emphasizing the need to take into account the cultural characteristics and sensitivity of the audience. The article offers recommendations on optimizing visual content in news reports, taking into account cultural diversity, which can contribute not only to increasing the level of intercultural understanding, but also to the competitiveness of media in the global arena.

Thus, the presented work expands the academic understanding of the role of visual communication in news, offering new perspectives for media studio researchers, cultural scientists and communication professionals.

Key words: visual communication, interculturalism, news media, culture, visual images, infographics, globalization, cultural exchange, media impact, visual content.

Zhang Kai

Nevraeva N.Y.

Kabanov A.M.

Pyrkova T.A.

Yatsenko O.Y.

The impact of cultural differences between Russian and Chinese on machine translation

Machine translation has advanced significantly in recent years, thanks to neural networks and artificial intelligence, resulting in improved translation accuracy, especially for simple and medium-sized texts. However, there are still significant challenges when translating literary works and culturally specific texts, as in the case of Russian and Chinese. Cultural differences between languages as well as the influence of context on translation accuracy remain a significant challenge. Specific cultural elements such as religious terms, historical references or social nuances are particularly difficult for a machine to convey, often resulting in a loss of meaning or distortion of the text.

Key words: machine translation, translation accuracy, cultural differences.

Konstan P.K.

Subregional organizations facing the challenges of globalization

The problem of measuring the role of globalization in the space of international relations, including on a supranational scale, remains relevant to this day. Globalization as a process of integration of societies and economies has influenced the development of the sphere of international relations. Although globalization has allowed the development of new theories of international relations, American theories remain the main and basic theories that describe world events and international relations in general. Globalization, which refers to the ongoing integration of countries around the world, is now widespread around the globe. This complex process involves the interaction of capitalism and democracy and has various advantages and disadvantages. It can both empower and disenfranchise individuals and communities. Therefore, American theories such as liberalism, realism, and constructivism remain basic theories on which new theories are superimposed. For example, classical realism, originally from England, is closely related to the theory of American realism. In addition, in the 20th century, the theory of Marxism, which originated in Western Europe, became widespread. Thus, despite the fact that, thanks to globalization, theories of international relations have begun to develop on other continents, American theories of international relations remain fundamental.

Despite the apparent tendency towards disintegration processes in global interaction, the interdependence of countries from each other in the global perspective is beyond doubt. This also applies to aspects related to the integration of States on a subregional scale. This topic is especially relevant in the context of conversations about the information security of states in the context of cyber threats and the significant role of ICT in the life of modern society. The work focuses on such sub-regional organizations as the SCO and the CSTO in the context of the challenges of globalization, which results in the unlimited dissemination of information.

Key words: sub-regional organizations, globalization, international relations, political realism, liberalism, globalism, constructivism, SCO, CSTO.

Авторы

Агирбов Т.А. - студент. Северо-Кавказская государственная академия.

Агирбов Т.Р. - студент. Северо-Кавказская государственная академия.

Акулич Е.М. - доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности, культурологии и социологии, декан факультета социально-культурных технологий. Тюменский государственный институт культуры, г. Тюмень.

Асигули Ахемула - Колледж языков и литературы этнических меньшинств Китая, Университет Миньцзу, г. Пекин, Китай.

Гаврилюк Н.П. - кандидат исторических наук. Директор музея «Бузеон» ООО «Полотняно-Заводская бумажная мануфактура».

Даянова Д.П. - кандидат педагогические науки, профессор, доцент. Казанский Федеральный университет, г. Казань.

Дедиу Е.И. - старший преподаватель кафедры истории Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Дорохова Н.А. - студент бакалавриата, ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Калинин В.В. - аспирант. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского, г. Саратов.

Кабанов А.М. - доцент. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Уральский государственный горный университет. Негосударственное частное образовательное учреждения «Технический университета УГМК».

Калабекова С.В. - кандидат философских наук, доцент. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Северо-Кавказской государственной академии.

Качковский С.С. - Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Предприниматель, консультант в сфере управления.

Констан Прива Яколи - аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Лин Тун - аспирант 1 курса. ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток. Гуанчжоуская академия изящных искусств, Гуанчжоу, Китай.

Лукина А.Г. - доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств Российской Федерации. Арктический государственный институт культуры и искусств, Якутск.

Лянь Лю - магистр. Хэйхэский университет, Хэйхэ, провинция Хэйлуцзян, Китай. ORCID: 0009-0001-1678-9224

Лян Чжэнминь - аспирант 1 курса. ФГБОУ ВО «Владивостокский госу-

дарственный университет», г. Владивосток.

Напсо М.Б. - доктор юридических наук, доцент, профессор. Северо-Кавказская государственная академия.

Напсо М.Д. - доктор социологических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Северо-Кавказская государственная академия.

Невраева Н.Ю. - старший преподаватель. Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург.

Петрова С.И. - кандидат культурологии, доцент кафедра педагогики и межкультурных коммуникаций НАН ЧОУ ВО «Академия ИМСИТ» (Академия маркетинга и социально-информационных технологий).

Пыркова Т.А. - кандидат педагогических наук, доцент. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Савостьянова Л.В. - аспирант. Менеджер отдела музейно-экскурсионного обслуживания Дворца «Дюльбер» в Кореизе, г. Ялта, Республика Крым. Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского.

Саляхутдинов В.Ф. - аспирант. Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа.

Саратовский С.В. - кандидат педагогических наук, аспирант. ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», г. Саратов.

Сафонова Е.А. - соискатель ученой степени кандидата наук Луганской государственной академии культуры и искусств имени Михаила Матусовского (ЛНР, Луганск), магистр театрального искусства, художественный руководитель Театра «Фортуна», заместитель директора Образовательного центра «Полёт» (Московская область).

Сорочан В.В. - кандидат физико-математических наук, доцент. Инженерно-технологический институт Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского.

Филимонцева Е.В. - преподаватель. Тюменский государственный институт культуры, г. Тюмень.

Филошкина Д.В. - доктор философских наук, доцент, профессор. Гуманитарный институт Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Северо-Кавказского федерального университета.

Фэн Шилинь - Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена.

Чжан Кай - магистрант. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Яценко О.Ю. - кандидат педагогических наук, доцент. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Authors

Agirbov T.R., Student of the North Caucasus State Academy.

Agirbov T.A., Student of the North-Caucasus state academy.

Akulich E.M., Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Social and Cultural Activities, Cultural Studies and Sociology, Dean of the Faculty of Social and Cultural Technologies. Tyumen State Institute of Culture, Tyumen.

Asiguli Ahemula, College of Chinese Minority Languages and Literature, Minzu University of China, Beijing, China.

Dayanova D.P., PhD, Associate Professor. Kazan Federal University, Kazan.

Dediu E.I., Senior Lecturer, Kaluga State University.

Dorokhova N.A., Bachelor's student, MGIMO University.

Feng Shilin, Herzen Russian State Pedagogical University.

Filimontseva E.V., Teacher. Tyumen State Institute of Culture, Tyumen.

Filyushkina D.V., Doctor of philosophy, Associate Professor, Humanitarian Institute Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education North Caucasus Federal University.

Gavrilyuk N.P., Candidate of Historical Sciences. Director of the «Buzeon» museum LLC «Polotnyany Zavod Paper Manufacture».

Kabanov A.M., Associate Professor. Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. Ural State Mining University. Non-state private educational institution "UMMC Technical University".

Kalabekova S.V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Caucasus State Academy.

Kalinin V.V., Candidate of Pedagogical Sciences, graduate student. Saratov Chernyshevsky State University (SGU), Saratov.

Kachkovskiy S.S., National Research University Higher School of Economics. Entrepreneur, management consultant.

Konstan P.K., Postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia.

Lian Liu, Lecturer. Heihe University, Heihe, Heilongjiang, China

Ling Tong, 1st year postgraduate student. Vladivostok State University, Vladivostok. Guangzhou Academy of Fine Arts, Guangzhou, China.

Liang Zhenying, 1st year postgraduate student. Vladivostok State University, Vladivostok.

Lukina A.G., Doctor of Art History, Professor of Choreography Chair, Honored man of art, Arctic State Institute of Arts and Culture, Yakutsk.

Napso M.B., Doctor of Law, Associate Professor, North Caucasus State Academy.

Napso M.D., Doctor of Sociological Sciences, Professor of department of

humanities sciences, North-Caucasus state academy.

Nevraeva N.Y., Senior lecturer. Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

Petrova S.I., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor. Academy of Marketing and Social and Information Technologies.

Pyrkova T.A., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

Safonova E.A., Applicant for the academic degree of candidate of sciences of the Lugansk State Academy of Culture and Arts named after Mikhail Matusovsky (LPR, Lugansk), master of theater arts, artistic director of the Fortuna Theater, deputy director of the Educational Center Polet (Moscow Region).

Salyakhutdinov V.F., Postgraduate Student of the Ufa State Petroleum Technological University, Ufa.

Saratovskii S.V., Candidate of Pedagogical Sciences, Graduate Student. Saratov Chernyshevsky State University (SGU), Saratov.

Savostyanova L.V., Postgraduate student. Manager of the museum and excursion services department of the Dyulber Palace in Koreiz, Yalta, Republic of Crimea. Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky.

Sorochan V.V., Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor. Engineering and Technology Institute of Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky.

Yatsenko O.Y., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.

Zhang Kai, Master's Student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.